

КИНОСЦЕНАРИИ

АЛЬМАНАХ

КИНОСЦЕНАРИИ

КИНОСЦЕНАРИИ

АЛЬМАНАХ.

- 3   Б. Павленок
          В едином потоке
- 9   *В. Денисенко*
          ЖНЕЦЫ
- 49   *А. Спешнев*
          ЧАСЫ
- 87   *С. Муратбеков,*
          В. Черных
          ВОЗВРАЩЕНИЕ СЫНА
- 119   *В. Токарева,*
          Р. Габриадзе,
          Г. Данелия
          МИМИНО
- 155   *Э. Ветемаа,*
          Х. Луйк
          ИСПЫТАНИЕ НА СОВМЕСТИМОСТЬ
- 191   *И. Письменная,*
          Р. Романов,
          И. Черных
          ВОСХОЖДЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ
- 229   *А. Родионова*
          КАРНАВАЛ
- 257   *Д. Исхаков*
          КТО КРАСИТ РЕДИСКУ?

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной выпуск альманаха «Киносценарии» подготовлен редакционной коллегией и редакцией к 60-летию юбилею Великого Октября. Читателю предоставляется возможность познакомиться с литературными сценариями художественных фильмов, снимающихся на студиях различных республик нашей страны. Среди публикуемых — произведения, написанные для кино писателями и кинодраматургами Российской Федерации, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Грузии, Эстонии. Наряду с такими известными мастерами кинодраматургии, как А. Спешнев, Г. Данелия, в альманахе выступают и дебютанты — А. Родионова и Д. Исхаков. Сценарии, вошедшие в состав данного выпуска альманаха, написаны в разных жанрах и все посвящены темам современности. Редакция будет благодарна читателям за отзывы об альманахе в целом и отдельных произведениях, напечатанных на его страницах.

Б. ПАВЛЕНОК

В ЕДИНОМ ПОТОКЕ

Редактор одного из лосанжелесских изданий интервьюировал нашу киноделегацию. Среди прочих вопросов был задан и такой: сколько зрителей ежегодно смотрят фильмы в Советском Союзе? Ему сказали: около четырех с половиной миллиардов. Черкнув что-то в блокноте, он переспросил, потом еще и еще. Не удовлетворившись устным ответом (или усомнившись в точности перевода), попросил написать на бумаге. Когда было сделано и это, снова попросил уточнить. Вместе с ним и с американскими коллегами, присутствовавшими при разговоре, мы битых десять минут занимались арифметикой, перемножали, делили, отбивали точками нули, пока наконец дотошный журналист не кивнул головой: теперь, мол, понял — четыре с половиной миллиарда. А сюда не входят телезрители? Нет, советская статистика учитывает зрителей кино только по количеству проданных билетов. Еще одна пометка в блокноте.

И все же через два дня мы прочитали, что в Советском Союзе кино смотрит ежегодно... один миллиард зрителей. Трудно сказать, почему именно такую цифру решил обнародовать наш собеседник, — то ли в силу традиционного недоверия, то ли из желания дезинформировать общественное мнение. Впрочем, последнее вряд ли — в целом тон статьи был доброжелательный. Да и какой урон национальному престижу Соединенных Штатов могла нанести публикация точной цифры? Однако, независимо от точки зрения лосанжелесского редактора, каждый день в кино театры нашей страны приходит около 13 миллионов человек — больше, чем в какой-либо другой стране мира.

Популярность кинематографа в нашей стране, мне кажется, отражает специфический характер советского народа — народа открытого, привыкшего к общению, коллективу, жадно тянущегося к знаниям и культуре. А кино в этом смысле обладает, пожалуй, наиболее широкими возможностями.

Удивительна эта молодая муза, родившаяся на стыке искусства и индустрии, вобравшая в себя литературу и музыку, пластику живого тела и многокрасочную палитру живописи, нежность поэзии и огненную страсть публицистики, умеющая уложить в полтора часа экранного времени все, начиная от тайн подсознания до загадок вселенной. И парадоксальная индустрия, производящая в конечном счете необычный товар — звук и свет, потребительская стоимость которого проявляется на белом полотне экрана в вспылках кинопроектора и звучании динамиков.

В бурном развитии советского кинематографа объективно отражается и еще одна закономерность советского общества — невиданный расцвет культуры. Высокое искусство кино может родиться только на базе до-

стижений литературы, музыки, живописи и графики — словом, всего духовного богатства народа.

Шестьдесят лет существования советского государства вместили в себя столько событий мирового значения, накопили такой удивительный социальный, политический, нравственный опыт, каким вряд ли может похвастать любой другой временной отрезок в истории цивилизации. Стремительный рост и расцвет культуры всех братских советских народов — одно из великих чудес, рожденных советской действительностью, мудростью партии, последовательно и неуклонно проводящей ленинскую национальную политику.

В первые годы существования Советской власти наша кинематография была по преимуществу российской, хотя и тогда отдельные художественные ленты появлялись на Украине, в Грузии, Армении. И трудно было в то время представить, что киноискусство (как, впрочем, и другие виды художественного творчества) может получить сколько-нибудь заметное развитие, скажем, в Узбекистане, Киргизии, Туркмении, Таджикистане. Нет, не потому, что народы, жившие в этих и других скраинных районах бывшей царской России, не имели культурных традиций — и до сего дня не меркнут звезды поэтических талантов древнего Востока, мир не перестает восхищаться мудростью Авицены и Бируни, архитектурные сооружения древних зодчих Самарканда по праву называют восьмым чудом света... Но казалось, что нужны столетия, чтобы преодолеть экономическую и культурную отсталость, в которую были ввергнуты народы феодальными правителями.

Сегодня мы не можем представить советского кинематографа без произведений, скажем, киргизских, грузинских, туркменских мастеров. Талантливые художники, интересные работы есть во всех союзных республиках, и зритель с нетерпением ждет новых лент Толомуша Океева и Болотбека Шамшиева, Али Хамраева и Эльёра Ишмухамедова, Тимофея Левчука и Леонида Быкова, Витаутаса Жалакявичуса и Реваза Чхеидзе, многих, многих других.

Плодотворной почвой для зарождения и развития многонационального советского киноискусства стала революционная действительность, источником вдохновения художников — великие идеи партии, материалом — жизнь народа, борьба за построение социализма. Становление национальных культур республики совершалось при активной помощи и поддержке русской кинематографии, на основе осмысления лучших образцов и традиций творчества ведущих мастеров Москвы и Ленинграда.

Фильмы первооткрывателей советской кинематографии Сергея Эйзенштейна, Всеволода Пудовкина, Александра Довженко и других замечательных мастеров несли миру правдивые свидетельства очевидцев революции, страстную веру в торжество мира, разума, социальной справедливости, формировали новую, социалистическую эстетику. Для советской киношколы стали характерными глубокое осмысление явлений действительности, непрерывный поиск новых тем, новых героев, постоянное обогащение стилистической и изобразительной палитры. Можно с уверенностью сказать, что ни одно значительное явление нашей жизни в ее историческом развитии не ускользнуло от внимания кинематографистов и с той

или иной степенью глубины и впечатляющей силы получило отображение на экране.

Главным требованием для советского искусства на всех этапах его развития оставались правда жизни и исторический оптимизм. И все это при удивительном разнообразии жанров, стилей, творческих индивидуальностей. «Освобождение» и «Премия», «А зори здесь тихие...» и «Табор уходит в небо», «Солярис» и «Лютый», «Афоня» и «Мелодии Верийского квартала», «Невестка» и «Это сладкое слово — свобода» — список фильмов можно продолжать бесконечно. Но даже и этот перечень говорит о многогранности советского кино, о неповторимости талантов, многогранных, как жизнь советского народа, неповторимых, как личность художника. В едином потоке советской кинематографии сталкиваются, спорят и взаимно обогащают друг друга различные творческие течения, художнические пристрастия, поиски самой заветной и важной темы, самого яркого, самобытного способа выражения. И в этом факте проявляются те великие творческие возможности, те широкие плацдармы, которые предоставляют художнику метод социалистического реализма, атмосфера общественного доверия к таланту.

В докладе о пятидесятилетии СССР Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отмечал еще одну удивительную черту советской культуры. Он говорил: «За полвека существования СССР у нас сложилась и расцвела единая по духу и по своему принципиальному содержанию советская социалистическая культура. Эта культура включает в себя наиболее ценные черты и традиции культуры и быта каждого из народов нашей Родины. В то же время любая из советских национальных культур питается не только из собственных родников, но и черпает из духовного богатства других братских народов и, со своей стороны, оказывает на них благотворное влияние, обогащает их.

В разнообразии национальных форм советской социалистической культуры все заметнее становятся общие, интернационалистские черты. Национальное все больше оплодотворяется достижениями других братских народов. Это прогрессивный процесс. Он отвечает духу социализма, интересам всех народов нашей страны. Именно так закладываются основы новой, коммунистической культуры, которая не знает национальных барьеров и в равной мере служит всем людям труда».

Все сказанное в полной мере относится и к нашей кинематографии. Ее многонациональный характер делает необычайно богатой общую палитру советского киноискусства.

Ныне «география» нашего художественного кинематографа выглядит в общих чертах так. Художественные фильмы снимаются на девятнадцати студиях. Четыре расположены на территории Российской Федерации — в Москве, Ленинграде и Свердловске, две — на Украине, в Киеве и Одессе, по одной — во всех других союзных республиках. Ежегодно выпускается на экран 140—145 полнометражных художественных фильмов, и почти половина приходится на долю кинолент республиканских киностудий.

Для становления национального кинематографа, как отмечалось выше, особенно в первые годы, жизненно важной была дружеская помощь прежде всего кинематографистов Москвы и Ленинграда. Писатели и ки-

нодраматурги этих городов были авторами многих сценариев и наставниками местных сценаристов. Неоценимую помощь в становлении молодых кинематографий оказывали и режиссеры центральных студий. Например, создание белорусской кинематографии тесно связано с именами В. Гардина, Ю. Тарича, Г. Рошала, А. Файнциммера. Одним из зачинателей белорусского киноискусства был В. Корш-Саблин, посвятивший затем всю свою жизнь кинематографу республики.

Кино как серьезное, большое искусство всегда было тесно связано с литературой. Не стоит вдаваться в бесплодный спор о том, что является главным, определяющим в фильме — режиссура или литературная основа и кто «главнее» — режиссер или сценарист. Спор этот давно разрешен жизнью: оба главнее. Не может родить успеха ремесленная, не озаренная светом таланта экранная адаптация великого произведения, как не станет подлинным явлением искусства самая блестящая режиссерская конструкция, если в основе ее нет большой литературы. История кино, и нашего, и мирового, свидетельствует: лучшие произведения киноискусства всегда опирались на самобытную и талантливую литературу.

Может быть, не такая уж продолжительная, но достаточно насыщенная история кино во многих союзных республиках — лишнее тому подтверждение. Вот, скажем, кино Киргизии. За рубежом фильмы небольшой студии в г. Фрунзе нередко величают кинематографическим чудом. И, действительно, есть чему удивляться — отсталая в недавнем прошлом окраина стала родиной своеобразного, глубокого, во многом весьма оригинального киноискусства. А у истоков его стоят не только талантливые режиссеры и актеры, но и такой большой писатель, каким является Чингиз Айтматов. Сколько возможностей открывает для режиссера, актера, художника, оператора его проза, как глубоко и неожиданно, современно и ярко освещает талант писателя и так называемые «вечные темы», и черты современной, духовно богатой жизни своего народа! Произведения Чингиза Айтматова получают экранную интерпретацию не только на родине, в Киргизии. Фильмы по его сценариям снимались, и видимо, еще будут сниматься на «Мосфильме» и на других киностудиях.

А разве не связан определенный этап в развитии белорусского кино с именем писателя Василя Быкова? И опять же — не только белорусского. Его выразительная, жесткая и полная глубокой мысли проза нашла интересную интерпретацию и в новой ленте «Восхождение» режиссера Ларисы Шепитько на «Мосфильме», и в интересной работе Р. Викторова на киностудии имени М. Горького «Обелиск».

Молдавский режиссер Э. Лотяну в фильме «Табор уходит в небо» умно и тонко исследовал раннюю романтическую прозу М. Горького, внес в нее темперамент и сочность красок культуры молдавского народа.

Так на практике реализуется тесная и плодотворная связь между культурами братских народов всей нашей страны. Бережно сохраняя чисто национальные черты произведений писателя, кино своими специфическими средствами доносит до многомиллионной массы зрителей не только суть, но и художественную неповторимость литературной первоосновы.

Список видных литераторов, плодотворно сотрудничающих с кинематографом в союзных республиках, может быть продолжен. Это Камиль

Яшен и Одельша Агишев в Узбекистане, Мирзо Турсун-заде в Таджикистане, Сулико Жгенти и Реваз Габриадзе в Грузии, Агаси Айвазян в Армении, братья Максуд и Рустам Ибрагимбековы в Азербайджане, Мати Унт, В. Безкман и Энн Ветемаа в Эстонии и многие другие.

Опыт, практика давно уже развеяли миф о какой-то второсортности сценарной литературы. О том, якобы, что киносценарий есть произведение упрощенное, искусственно сконструированное. Спору нет, именно такой суровой оценки вполне достойны ремесленные поделки всякого рода. Их, к сожалению, еще немало. Однако каждому ясно, что не поделки определяют суть того или иного вида искусства, а произведения, богатые по смыслу, идеям и средствам художественного воплощения. Впрочем, не встречаемся ли мы иногда с подобными элементарными поделками и на страницах литературных журналов, и на театральных подмостках? Но ведь никому не приходит в голову обвинять всю литературу и всю театральную драматургию в упрощенности подхода к явлениям реальности. Сценарная литература, произведения, созданные для кино, имеют, безусловно, свою эстетическо-производственную специфику, продиктованную особенностями киноэкрана. Но и только. Слабая литературная основа предопределяет и слабость фильма. И, наоборот, интересный, богатый содержанием и мыслью сценарий, как правило, дает все возможности для постановки яркого кинопроизведения.

Больше того, киносценарий, если он написан талантливой рукой, сам по себе представляет значительный интерес и по праву может занимать место рядом с традиционными литературными жанрами — поэмой, романом, повестью, рассказом, драмой.

Знаменательно, что год от года, особенно в последнее время, заметно растет интерес солидных литературных журналов к этому жанру. Так, совсем недавно «Новый мир» опубликовал литературный сценарий А. Михалкова-Кончаловского и В. Ежова «Сибиряда», а «Дружба народов» — сценарий В. Жалакявичуса «Кентавр». Нередко киносценарии как литературные произведения самостоятельной ценности публикуют и редакции литературных журналов союзных республик.

Но все-таки главным итогом сценария является фильм, дающий зримый образ действительности, представляющий единый, по-особому выразительный сплав мыслей и чувств. Процесс кинотворчества безграничен в своем развитии. Отрадно отметить, что кинематограф последних лет поднялся на новую ступень мастерства и нынешний, даже так называемый средний фильм, значительно — и в лучшую сторону — отличается от фильмов, скажем, пятидесятых годов. Однако жизнь, непрерывно возрастающий культурный, интеллектуальный уровень зрителей выдвигает перед кинематографистами новые и все более сложные задачи.

Нельзя мириться с тем, что на экранах все еще появляются серые, невыразительные ленты, населенные безликими персонажами, дающие весьма приблизительное представление о подлинной жизни, подлинных мыслях и страстях. Анализ творческих неудач показывает, что порождаются они прежде всего слабостями драматургии, заложенными в литературной основе фильма — сценарии. Случайная, мелкая тема, отсутствие четко выраженной мысли, однозначность и невыразительность образов усугуб-

ляются подчас небрежностью и невыразительностью режиссерской трактовки, элементарными кинематографическими решениями. И даже талантливым актерам — а их у нас немало — трудно подняться над скудным драматургическим материалом. Работа актера над ролью в таких произведениях, словно бег по песку — сколько ни напрягайся, все силы забирает вязкая, сыпучая масса, и ты не обгонишь ветер, а будешь брести, едва переставляя ноги.

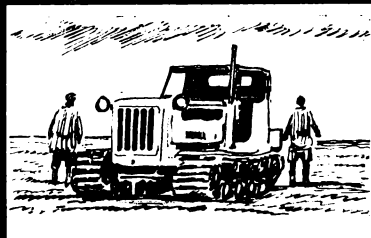
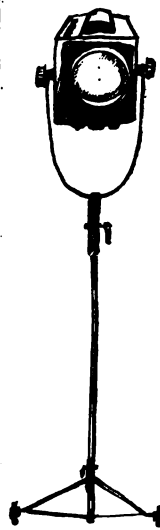
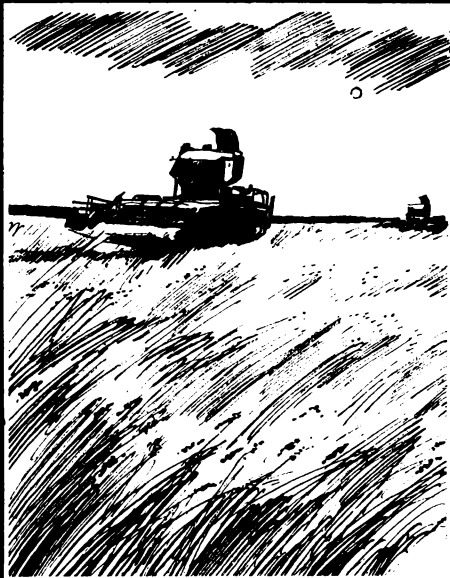
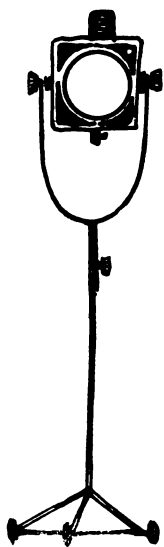
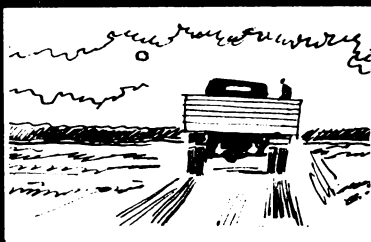
Серьезный ущерб кинотворчеству нанесло и по сей день наносит жанровое однообразие многих произведений, пренебрежение законами жанра. Изучение зрительских пристрастий показывает, что наибольшим успехом пользуются произведения, в которых четко проявлена жанровая направленность, будь то трагедия, драма, комедия, мелодрама, водевиль. И здесь все начинается со сценария...

Думается, дальнейшему развитию нашей кинематографии многое может дать более полное освоение культуры всех народов нашей страны. Сегодня вокруг кино группируется, как правило, литературный актив столиц союзных республик, Москвы, Ленинграда, т. е. тех городов, где расположены студии. Но какие большие возможности открывает перед кинематографом творческое использование культурных ценностей, скажем, автономных республик Кавказа, Поволжья, Урала, Сибири! А сколько талантливых писателей живет и трудится в больших и малых городах. И что греха таить, не столь часто их имена появляются на экране. А ведь им есть о чем сказать. Вспомним, хотя бы, как самобытно и мощно прозвучал в кино и литературе голос Василия Шукшина — парня из далекого алтайского села...

В принятом в 1972 году постановлении ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии» особо подчеркивалось, насколько важно для кино создание полнокровных, высокого идейно-художественного достоинства литературных киносценариев. В соответствии с этим постановлением в кино стал широко практиковаться принцип перспективного тематического планирования, позволяющий более четко организовать деятельность сценарного цеха, систематически проводятся все союзные и республиканские конкурсы на лучшие произведения киносценаристов, что позволило заметно расширить круг авторов.

Популяризации сценарного дела служит также издание альманаха «Киносценарии». Тем, кто интересуется кинематографом, альманах представляет возможность познакомиться не только с произведениями известных авторов, но и с дебютами молодых сценаристов. Пять выпусков альманаха уже состоялись и, судя по отзывам книголюбов, вызвали значительный интерес читателей. Нынешний, шестой выпуск целиком составлен из произведений, написанных для кино литераторами из разных республик. Не предугадывая дальнейшей экранной судьбы каждого сценария — хотя по некоторым из них фильмы уже поставлены, — полагаем, что сама по себе публикация их является свидетельством интересного творческого поиска, освещает пути развития многонационального советского киноискусства, фиксирует тот этап, к которому оно пришло в год шестидесятилетия Октября.

ВЛАДИМИР ДЕНИСЕНКО

ЖНЕЦЫ

ВЛАДИМИР ТЕРЕНТЬЕВИЧ ДЕНИСЕНКО (родился в 1930 году) окончил режиссерский факультет Театрального института в Киеве. С 1956 года работает в качестве режиссера на киностудии им. А. П. Довженко. Его дебют в кино состоялся в 1959 году, когда по своему сценарию Владимир Денисенко поставил полнометражный художественный фильм «Солдатка». По своим сценариям он также снял художественные фильмы «На Киевском направлении», «Тяжелый колос», «Озарение», «Повесть о женщине», «Чары-камыш» и по сценариям, написанным в соавторстве с другими киносценаристами,— фильмы «Сон» и «Совесть».

Фильм по литературному сценарию «Жнецы» Владимир Денисенко ставит на Киевской киностудии им. А. П. Довженко.

Светало. Над бескрайней Кулундинской степью, покрытой первым снегом, зарделась заря. На темной стороне неба одинокая мерцающая звездочка быстро приблизилась и вырисовалась в освещенный солнцем самолет.

Утомленные дальним рейсом пассажиры неудобно спали в откинутых креслах. Не спала одна Люба Билань. Нахохлилась воробышком, прильнула к окошку.

Свежая и бодрая бортпроводница прошла по салону и, профессионально улыбаясь, разбудила спящих:

— С добрым утром, товарищи! Наш самолет подлетает к Барнаулу... — Далее следовало обычное напутствие перед снижением самолета.

— Подлетаем? — Сосед повернул к Любе заспанное лицо.

Люба оглянулась — на худом личике больше выплаканные глаза.

— Я, грешным делом, как анст, на лету сплю, — сосед потер глазницы, переносицу. — В Москве закрыл глаза — дома проснулся... К отцу-матушке жалуюм или на подвиги?

— К мужу лечу. По телеграмме.

— Служит? — позевывая, спросил сосед.

— На заработках. Четвертый месяц уже...

Ждали домой и вдруг телеграмма: «Ваш муж тяжело болен, прилетайте».

Сосед посмотрел на нее пронизательно:

— По какому делу мастер муженек-то?

— Колхозник он, комбайнер. — Люба втянула голову в плечики.

— Телеграмму кто дал?

— «Председатель колхоза» — подписано... Веще уже передумала.

— Жив-здоров ваш муженек, — уверенно произнес сосед. — На золотой свадьбе по-

пляшете вместе. И помяните меня, — он внимательно посмотрел на ее лицо, покрытое темными пятнами, — сыночек будет.

Люба стыдливо одернула кофточку-самовязку. Пристегнула привязной ремень и продела под него руки — так, на всякий случай.

Самолет, содрогаясь, вошел в плотные облака. За окнами потемнело.

Над степной дорогой, что протянулась между недавно убранными полями, пыль поднялась до самого неба.

Мчалась свадьба. Открытый лимузин впереди, четыре мотоциклиста по сторонам. «Волги», «Москвичи», «Жигули», «газники». Цветы, рушники, голубоглазая светловолосая кукла на радиаторе. В открытой машине по традиции только жених и невеста. Василий в черном костюме с алым цветком в петлице, Люба в белом свадебном платье и длинной фате. Лица в пыли, только глаза поблескивают, светятся счастьем, невысказанной нежностью и усталостью.

Люба освободила ноги из светлых свадебных туфель, свернулась калачиком, положила голову Василию на руки. Он поймал развевающуюся фату, прикрыл лицо Любе. Она улыбнулась благодарно.

— Еще немного, и всё — дома, — оглянулся водитель.

Василий устало кивнул.

— Говорят, свадьба, свадьба! — рассуждал водитель, с сочувствием поглядывая на молодых. — Сколько их перевозил — и кому-кому, а жениху и невесте не завидовал. Три дня «горько» да «горько», да держи фасон — не выпей, не свались. Верно я говорю?

Василий расплылся в улыбке. Люба сомкнула веки. Заходящее солнце мелькало за стволами тополей, слепило глаза до слез.

— Едут! Едут! — неслось вдоль улицы.

Из дворов выходили соседи с полными ведрами, поливали водой дорогу перед свадебным поездом. У двора Василия, поблескивая медью, играл колхозный оркестр. В раскрытых воротах догорал сноп пшеничной соломы. А за ним до крыльца тянулся чистый белый холст.

Василий на руках нес Любу, перешагнул через огонь и, поставив на холщовую дорожку, повел к матери. За ним шли дружки со свадебным деревцем, свашки с караваями, светелки, гости, отец и мать невесты.

У крыльца новобрачных ожидали мать Василия — Ольга Платоновна Билань, бабка Лукерья, председатель колхоза Иван Иванович Таран и секретарь парткома Анна Андреевна Демянец. Мать поднесла молодым хлеб-соль:

— Встречаю вас хлебом-солью, счастьем да здоровьем, жизнью долгой! Отца и мать чтоб не забывали да людей добрых уважали!

Бабка Лукерья набрала из кузовка горсть пшеницы, осыпала молодую пару:

— Деточки мои, незабудочки! Будьте здоровы, как вода! Богатые, как земля! Рабочие, как пчела! А красивые, как весна!

Василий вернул хлеб-соль матери. Светелки пели свадебную:

Не гнівайся, свекрухо, на менс:
Не сама я прийшла до тебе,
Мене бояри й украли,
Вороні кониченьки примчали.

— От имени и по поручению, — повела весело, нараспев Анна Андреевна, — от парткома и правления дарим вам часы, но не для красоты, а чтоб Василий и Люба жили, как голубь и голуба!

Иван Иванович вручал молодым подарки. Те кланялись.

— А чтобы царил между вами мир и лад, — продолжала Демянец, — на стройматериал вот вам наряд. Стройте себе дом и счастливо живите в нем! И еще путевку в

пансионат, а вы дарите нам девочек и ребят!

Подошли с дарами родственники и гости.
— Дарю вам велосипед, чтобы не было в жизни бед!

— А мы картину, чтобы до года были родины!

— Телевизор «Юность» дарим, живите в согласье, как лебедей пара!

Дарья Игнатьевна — мать Любы, сухонькая с острыми глазками женщина, ревниво разглядывала подарки, локтем легонько подталкивала супруга. Семен Иванович, сложив узловатые в черных трещинах руки, безучастно помаргивал то ли от усталости, то ли от выпятого.

Одарив гостей тонко нарезанным караваем, старший дружка подошел к молодым. Василий и Люба обмакнули кусочки каравая в миску с медом, причастились, раскланялись во все стороны.

Свахи повели их в дом.

Дружка коровая крае,
Золотий ножик мае,
Золоту тарілочку,
Даруе родиначку.

Гости постарше стали прощаться. Откланялись родителям Демянец и Таран.

— Остались бы, — ласково попросила Ольга Платоновна.

— Обычай не велит, и день завтра трудный, — пожал руку Таран.

— Впишите меня, поеду, — шепнул ему Семен Иванович.

— Добрые дела с утра начинаются, — усмехнулся Таран, поднял на прощанье руку, пошел со двора вместе с Анной Андреевной.

Всех, кто остался, мать Василия пригласила в сад к столу.

В старой хате, разделенной на горенку да запечье, было тесно. Свахи «раздевали» молодую: снимали венок, ленту, фату. Светелки стелили свадебную постель: усыпав кровать пшеничными колосьями, накрыли ковром, в изголовье поместили гору подушек.

Слав'яно-прослав'яно,
На ліжечку постелено,

На ліжечку тисовому,
На ряденці шовковому.

Теснымый свашками Василий неприкаянно сидел в красном углу.

...С огорода к тыльной стороне хаты подкрался Николай Гунько. В руках у него ведро и железный прут. Воровато осмотрелся, прилип к стене, заглянул в окно.

Свахи сняли с Любы подвенечное платье, одели вышитую сорочку, опоясали плахтой, голову повязали платком.

Ой, Василю-Василечку,
Вже наша Люба не дівочка,
Покинула свою родиноньку,
Пішла на луг по калиноньку

Старшая свашка подошла к Василию, приложила кулачок к его груди:

— Вот так постучу — откроете. Ужин принесем. — Вынула красный цветок из петлицы его пиджака, бросила на постель. Лукаво рассмеялась, вышла вслед за светелками.

Василий то не мог оторвать глаз от пола, то отвести их от потолка. Люба, прижав ладони к щекам, робко поглядывала на мужа. Со двора доносилось озорное пение светелок:

Ой, що ми захотіли,
Те ми і зробили,
З хліба — паляницю,
З Люби — молодицю.

— Козел, — ухмыльнулся Гунько, вынул из ведерка квач и вывел на стене произнесенное слово.

Свашки и светелки несли в дом ужин: подрумяненную курицу на блюде, кувшин вина, две рюмки.

Гуляй-гуляй, родино,
Щоб житечко родило,
І пшеничка, і овес,
Ще й усій родині честь.

Гунько поднял прут, ударил по окну. Посыпалось стекло.

Вскочил Василий. Замерла Люба. На пороге застыла свашка. Василий опрометью бросился во двор. Побежал за дом. Огляделся вокруг. Никого. Только в разбитом

окне испуганное лицо Любы. Да стена исписана мазутом. Подбежали дружки, свашки. Запричитала Дарья Игнатьевна:

— Осрамили! Обесчестили ягодку мою невинную! Это ты! Ты ее опозорил! — набросилась она на Василия, тот остолбенел.

— Мама! — крикнула Люба из окна. — Людей постыдитесь!

— А чего ж окна бьют да хату дегтем мажут? — Дарья Игнатьевна зарыдала. — Выходит, знают люди. Знают!

Дружки увели ее во двор. Родственники и гости встали из-за стола. Только Семен Иванович сидел неподвижно, склонив голову.

— Гунько Николай сватался! — сокрушалась Дарья Игнатьевна, покалывая взглядом мать Василия. — Не парень — орел! С лица хоть воду пей, и дом — полная чаша! Нет, дождалась безотцовщину — ни пуха на губе, ни медяка в калите!

— Мама! Замолчите! — На крыльце стояла Люба, бледная, растерянная.

Двор притих. Дарья Игнатьевна непримиримо сверкнула глазками.

— Может, он до службы цвет потоптал? Потому и ждала?

— Что вы со мной делаете! Срам-то какой! — Люба сжала руки, лицо ее искажилось, словно от боли. — Один он у меня! На всю жизнь!

— А я что говорю? — замахала руками Дарья Игнатьевна. — Истинную правду! Голову мне отрубите — Николай не виноват. Всё он! Он!

— Не троньте его! — Люба взяла Василия за руку. — Ненавижу вас!

— Свят-свят-свят! — опешила Дарья Игнатьевна. — Семен! Пойдем отсюда! Нероуен час — хомут наденут!

Семен Иванович посмотрел на всех, будто впервые увидел. Поднялся, медленно подошел к молодым, поцеловал дочь, обнял зятя.

— Плюнь! Пусть тараторит. А на медяки трижды плюнь. Сколько ни зарабатывай, ей все мало.

— Что ты плетешь? — всплеснула руками Дарья Игнатьевна. — Люди добрые, он же на ногах не стоит!

Семен Иванович не обращал внимания на выпады супруги.

— Дернем-ка, сынок, на целину, и гуляй казаком! Комбайнеры сейчас, — он провел ребром ладони по горлу, — во как нужны! Завтра в восемь поль-ноль правление пишет добровольцев.

— Одурил, прод окаянный! — Дарья Игнатьевна повернулась ко всем. Гости разбрелись по двору, стояли группками.

— По последней на стремено, — Семен Иванович повел молодых к столу, наполнил рюмки, поднял свою. — Гостеньки дорогие, не гневайтесь, если что не так. Какая свадьба без драки? Пили мы за голубей, за лебедей. Я прошу выпить, чтоб жили они как люди.

Семен Иванович обвел взглядом гостей и вдруг, неожиданно для всех, затянул негромко хриплым баском:

Вип'єм по чарці, вип'єм ко повній,
Щоб через вінця лилося.
Щоб наша доля нас не цуралась,
Щоб краше в світі жилося.

Никто из гостей не подхватил заздравную, которой начинается и заканчивается каждая свадьба на Украине.

Василий, потупив взгляд, молчал. Люба плакала.

Василий не спал. Утренний свет проник в комнату сквозь щели закрытого подушками окна, солнечным зайчиком золотил Любе плечо, шею. Она открыла глаза, долго смотрела на мужа.

— Все думаешь, думаешь. И молчишь, как мама твоя.

Василий не отвечал. Она прижалась к его щеке, ладонью прикоснулась к подбородку, провела мизинчиком по верхней губе.

— Чего ты у меня такой робконький?

Василий неожиданно хлопнул ртом, пой-

мал ее палец. Она засмеялась, одернула руку. Улыбнулся Василий.

— Как жить будем? — спросила она тихонько.

— Как все, так и мы.

— Строиться надо, — вздохнула она. — Маме спать негде. Бабка ютится на кухне.

Василий повернулся к ней лицом, легонько поцеловал в висок. Ее глаза наполнились слезами.

— Спасибо тебе, что не спрашиваешь ни о чем.

Василий встал молча. Натянул брюки, вступил в лакированные туфли, набросил на голые плечи аккуратно сложенный с вечера свадебный пиджак, вышел из комнаты.

Во дворе уже хлопотали по хозяйству бабка с матерью. Бабка замешивала в большом корыте глину с сухим князком, мать просеивала мел через решето. Василий заметил неубранную постель в летней кухне — бабка с матерью ночевали там.

— Чего так рано? — спросила бабка.

— Пойду окунусь, — ответил Василий.

Мать с тревогой посмотрела на сына. Он снял с жерди полотенце, перебросил через плечо и, не оглядываясь, пошел за дом.

На освещенной солнцем стене черпела надпись. Из окна торчали подушки. На завалинке поблескивало битое стекло.

Василий увидел на грядке грузные следы. Сбивая коленями искристую росу на картофельной ботве, по следу дошел до края огорода. За межой след терялся. Василий постоял, подумал и пошел не к реке, а через орешник — по густой росистой траве — к высокому кирпичному дому с модной мансардой. Дом сиял — в широких окнах отражалось поднимающееся солнце. Василий подошел к изгороди, заглянул во двор.

Рослый, не под стать Василию, крепко сбитый Гунько, возился у новеньких, сверкающих хромом «Жигулей». Ощувив на себе чей-то пристальный взгляд, Гунько оглянулся:

— А-а! Привет новобранцу! — весело оскалил он белые и крепкие как у коня зу-

бы. — Лялька моя нравится? Аж руки свербят, да? Заделай, как я, два удара с комбайном на целину — и получай с конвейера в целлофанчике!

Василий разглядел в бурьяне по ту сторону изгороди брошенное ведро с остатками мазута. Гунько стрельнуло цыганским глазом, усмехнулся дружелюбно:

— Брехня прошла по селу: невеста калиной не порадовала? Так ты плюнь и разотри! Кто это в голову берет в космическое время? Калину беречь сейчас не модно. — Гунько покосился на Василия, тот не сводил с него глаз. — Чего смотришь, будто я у твоего бога теленка съел? Наше дело мужское! Ты службу служил, я гулял. Какой с парня спрос?

— Еще раз тронешь Любу — пиши завещание, — тихо сказал Василий.

— Убьешь, что ли? — рассмеялся Гунько и выпрямился во весь богатырский рост. — Не знаю, как к тебе... А ко мне сами они, как бабочки на лампочку, летят.

У Василия заходили желваки на скулах. Гунько смерил его снисходительным взглядом, состроил похотливую улыбочку, произнес доверительным тоном:

— Все они стервы были и есть. Другой шестнадцати нет, смотришь, а она уже в дамках!

Василий, не дослушав, повернулся круто, ушел прочь.

Гунько презрительно сплюнул:

— Козел!

Миновал орешник, Василий подошел к огороду, но передумал и повернул к реке. Брюки и туфли намокли в росе, облипли грязью. Он снял их и, присев на край лодки-обшиванки, принялся мыть.

Над зеленым плесом поднимались легкие космы пара. Из норок в обрыве черными стрелами вылетали стрижи.

Мать и Люба соскабливали со стены маслянистые пятна мазута. Бабка Лукерья заделывала трещины.

— Всю хату перебелить надо, — сказала она, увидев Василия. — Где так зарослся?

Василий держал в руках мокрые брюки и туфли.

— Огородами шел.

— Дорогой ведь ближе! — удивилась Люба и с тревогой посмотрела на дом Гунька, что высился за орешником.

Василий тем временем сломил пруттик с вишни, смерил оконницы, чтобы вставить новое стекло.

— Скажешь отцу, истратились на свадьбу, — сказала бабка. — Чужие люди подарил, а он и через порог не плюнул.

— Не надо нам милостыни, бабуся! — Люба взяла Василия за плечо, сказала обеспокоенно: — В магазин я схожу.

— До вечера бы управиться с побелкой, — засомневался он.

В хозмаге двое стариков и пожилая колхозница бесстрастно рассматривали выставленные напоказ товары. Григорий Тополенко, лениво облокотившись на прилавок, бесцельно поглядывал на них, устало потирал набухшие веки. Ржаво скрипнула входная дверь. Тополенко поднял голову. Перед ним стоял сын.

— Вася? Сынок! — Тополенко подскочил, протянул руки. — Здорово!

— Стекла нарежьте. По меткам, — Василий, не пожав руки, положил на прилавок вишневый пруттик.

Тополенко спохватился, отдернул руки, спрятал за спину. Старик и женщина с крестьянской деликатностью не замечали происходящего. Стесненно зыркнув на них, Тополенко поднял доску прилавка:

— Проходи, пособишь.

Тесная подсобка с массивной решеткой на окне была заставлена ящичками, кулями, чувалами, кадками, рулонами, метизными и скобяными товарами. Тополенко засуетился. Задев плечом Василия, вытащил из рогожи лист стекла, положил на конторский, заеложный красками, маслами и замазкой стол. Нашел стеклорез, повертел в руке, сказал подавленно:

— На свадьбу не с руки мне было заглядывать. Сам понимаешь... — Он наклонил-

ся, порылся в ящике стола, вынул пачку побывавших в руках пятерок и трояков. — Вот, подсобрал для тебя. Триста двадцать пять здесь. Больше не смог. Трех еще замуж выдавать. И Клавдию мою знаешь — всю жизнь два сна видит: то сберкнижку, то золотой займ.

Тополенко болезненно усмехнулся, перетасовал деньги, положил на стекло. Василий молча отодвинул деньги со стекла на стол. Тополенко взглянул на сына исподлобья, взял стеклорез и заскрипел через весь лист. Василий пожегся от скрежета.

— Поймешь когда-нибудь. Время рассудит. — Тополенко нажал на лист, стекло хрустнуло по надрезу. — Родные мы, Тополенки оба, и лицом и натурой. Только и разницы, что от фамилии моей откrestился. — Он снова проскрипел стеклорезом поперец листа, жестко посмотрел на сына. — А так во всем одинаковые: я оставил тебя малого с матерью, ты взял брошенную.

Стекло еще раз хрустнуло на сломе. Василий вздрогнул.

— Сколько вам должен?

— За что? — помолчав, спросил отец.

— За стекло.

— Рубль двадцать четыре.

Василий отсчитал сумму мелочью. Двугривенные, гривенники и пятаки звякнули, рассыпались по стеклу.

— Итого: три тысячи семнадцать рублей, сорок три копейки в кассу. — Главный бухгалтер, сняв очки, посмотрел на Василия.

Тот взял наряд, сложил вчетверо, сунул в карман. Молоденькие учетчицы-счетоводы с сочувствием поглядывали на парня.

— Столярка и вообще лес много тянет, — сказал главный. — И шифер, конечно... Но брать надо. И немедленно. Строго лимитированный материал!

Ощущая на себе пристальные взгляды дежущая, Василий стоял, будто на углях.

— Прости суду на год или на два... — подсказывал главный. — Правление ручки

вскинет, председатель подмахнет косо — и стройся!

Василий качнул головой, взял стекла под мышку и вышел.

— Такой парень совестливый, и такая напраслина на него, — вздохнула молоденькая бухгалтерша.

— Будь я на месте правления — подарил бы ему эти деньги уже за одно благородство! — сказал одна из учетчиц.

— Как-никак, миллионеры мы! — согласилась с ней соседка.

— Э-э! Разговорчики в строю! Хранители народной копейки, — главный бухгалтер постучал карандашом, мягко улыбулся.

В просторном вестибюле правления не было никого, и сказанное в бухгалтерии донеслось до Василия. Он помрачнел, насупился, пошел к выходу, но передумал, вернулся. Осторожно приоткрыл дверь в зал заседания. Там собрались все трактористы и комбайнеры колхоза. Семен Иванович с места обращался к Тарану, Демянец и главному инженеру, что сидели за столом президиума. Говорил он громко, как в поле привык.

— В постановлении сказано: посылать только опытных! Значит, таких как я да Пантелей! — Он показал на своего годка, сухого, как опёнок, мужичка.

— Прочитуйте торжественно это место, — проскрипел тот невозмутимо.

Посыпался хохот. Один вид Пантелея вызывал у односельчан улыбку.

Василий, не решаясь войти, заглядывал в приоткрытую дверь, прислушивался.

— Прочтем, а как же? Такие дела я всегда при себе держу! — Семен Иванович достал из кармана завернутую в целлофан газету и, отставив ее подальше от глаз, прочел с расстановкой: — «Для ускорения уборки разрешено на Урал, Нижнюю и Среднюю Волгу, в Казахскую ССР и Сибирь направлять для уборки опытных комбайнеров из других республик, краев и областей».

Василий наконец отважился, вошел в зал. Первым его заметил Гунько.

— Явление второе: те же и жених,— сказал он сидящему рядом Скрипке, но так, чтоб услышали все.

Все оглянулись. Василия бросило в жар. Потупив взгляд, он осторожно опустил стекла и присел с краешку в последнем ряду. Семен Иванович растерянно мял газету.

— Зятек тестя дожимать пришел,— хохотнул Гунько.— Видать, приданого маловато.

Скрипка и дружки Гунько засмеялись. Семен Иванович резко повернулся к ним:

— Чего заржали, жеребцы?! До постановления другого палкой не загнали бы на целину! Я, к примеру, средний заработок, положенный на месте, дарю колхозу! Понятно, не рубль меня тянет, а идейная мораль!

— Мораль, что Дарья вчера прописала,— проскрипел Пантелей.

— Иди ты! — огрызнулся Семен Иванович и сел.— Радёхонек, что дурёхонек!

— Тише, товарищи! — призвал всех к порядку Таран.— Мы свою страду еще не закончили, дорогие соратнички мои. Решить нам надо по-хозяйски, без ущерба для дела. От нас просят только двух добровольцев, бывалых и помоложе. Есть орлы?

Потянулась добрая половина рук.

— Ого! — рассмеялся Таран.— Многовато! Уважая демократию, послушайте и наше мнение. Слово главному инженеру.

— После уборки пшеницы успели выйти на линейку готовности,— главный инженер заглянул в бумажку,— комбайны Сивоко-ня, Гунько, Скрипки и Биланя.

— Так что выбор небольшой,— развел руками Таран.— Наш дорогой Семен Иванович Сивоко-нь — заслуженный ветеран, Василий Билань только вчера свадьбу сыграл. И остаются товарищи Гунько и Скрипка. Согласимся или проголосуем?

— Уважьте! — снова вскочил Семен Иванович.— Всё правление в святцах поминать буду!

— Ты, Семен, орла с мерином перепутал! — под дружный хохот сказал Пантелей.

— Старый конь глубоко не пашет, но борозды не портит! — отрезал Семен Иванович.

— Не унижайтесь, отец! — Из последнего ряда встал Василий.— У меня вопрос. Почему за меня решили? Я не отказывался. Могу ехать.

Возникла полная тишина. Василий, подняв голову, смотрел на председателя. Таран, после некоторого молчания, сказал напрямик:

— Только вчера светелки спели величальную. А ты из-под венца да на край света. Не с руки, вроде.

В тишине раздался едкий смешок Гунько: — У каждого мошенника свои расчеты! Никто не поддержал его, кто-то даже прищипнул.

Василий нахмурился больше да сжал кулаки до боли.

— Я механик-водитель первого класса. В армии работал на уборке в Целиноградской области. Награжден грамотой совхоза.

Все поглядывали на него, кто с сочувствием, кто смущенно.

— Прости меня, Вася,— негромко сказала Демянец,— Люба знает о твоём решении?

— Нет,— признался Василий.— И не думал об этом.

— И только сейчас решил? — спросила Демянец.

— Да,— ответил Василий и опустил голову.

— Вместо кого же ты хочешь ехать? — спросил Таран.

— Не вместо,— Василий выпрямился, посмотрел твердо на председателя,— а по праву. Должны ехать Скрипка и я.

— Жадность губит человека! — захохотал Гунько.— И молодую жену бросает на дядю!

Василий рванулся к нему.

— Э-э! Козел! — придержал его за руку один из дружков Гунько.

Василий побледнел. Задел ногой стекла. Раздался треск. Гунько бросил мстительный взгляд.

— Попомнишь еще меня! Ты мой заяц, а твой охотник.

— Вы где находитесь? — прогремел Таран. — Всех прошу сесть!

В зале наступила напряженная тишина. Василий тяжело опустился в кресло и отупело смотрел на разбитые стекла. И вдруг вскочил, подбежал к столу президиума, положил на стол какую-то бумагу:

— Вот, путевка в пансионат! Не нужна она ни мне, ни... — Он еще не привык называть Любу женой и слово это впервые при людях вымолвил стесненно: — Ни моей жене.

Побелив хату, Люба и мать Василия мылись у колодца. Бабка Лукерья красной глиной подмазывала завалинку.

Во двор вошел Василий.

— За смертью тебя хорошо посылать, — сказала бабка. — Где только нечистая носит целый божий день?!

— Где был, там уже нет, — незлобиво усмехнулся Василий. — Люба, зайди-ка в хату.

Люба, не успев вытереть лицо, схватила полотенце, пошла вслед за мужем.

Василий, войдя в горницу, достал из кармана наряд, положил на стол, разровнял:

— Вот ссуду дали. Три тысячи...

— Три тысячи? — переспросила Люба и села. — За что это?

— Не за что, а зачем. — усмехнулся Василий. — Выкупим материал. Строиться начнем. Через год отдадим.

— Где же такие деньги взять? — Люба удивленно посмотрела на мужа.

— Заработаем, — отмахнулся Василий и, помолчав, тихо произнес: — Подрядился на целнну.

Люба замерла, испуганно посмотрела на него.

— Недели через три, — Василий избегал ее взгляда.

— Слава тебе господи, — с облегчением вздохнула Люба. — А я подумала, вот-вот... Через месяц почти...

— Да. Что скажешь? — он с тревогой заглянул ей в глаза.

Люба сразу не ответила. Молча вытерла лицо, руки.

— Вася, — робко посмотрела на мужа. — Другой причины нет?

— Какой еще? — смутился Василий.

— Может, тебе трудно пережить все это?

— Не надо, — перебил он.

— Нет, — Люба упрямо замотала головой. — Я уже говорила, может, не так как-то... Тебя я как знала тогда? Ну, ухаживал, сватался, в армию пошел — так переписывались. И все.

Василий слушал, не глядя на нее. Люба вздохнула.

— Девчонка была — только десятый закончила. А когда этот красавец на машине вернулся чемпионом, все девчата с ума посходили. И меня какая-то вожжа вдруг — всем нос утру! А не любила же вот школечко.

Василий не перебивал, слушал.

— А потом, как узнала все про него, — думала в реку брошусь... Даже такое было. И вот, сама не знаю, как все прошло. Как отрезало. Будто его и совсем нет. Вот так.

Люба умолкла, теребила полотенце в руках.

— Когда ты приехал, а я на тебя накричала за учетную карточку, ты так улыбнулся — ты еще в солдатском был — и сказал так ласково: «Простите, молод, виноват, исправлюсь». И свет мне переменялся. До сих пор слышу: виноват, исправлюсь...

Василий привлек ее к себе, обнял за плечи:

— Скажешь — не поеду. Черт с ним, с домом, с заработком!

— Нет-нет, надумал — езжай. Дом надо нам строить. — Она пригладила его чуб, прикоснулась губами к виску. — Чем мы хуже других? Живут же некоторые... А я подожду тебя.

В комнату без стука вошла бабка с тазом в руках:

- Пол смою, свежее на ночь будет.
- Я сама, бабуся, — вскочила Люба.

На тракторном дворе Василий, Скрипка, Семен Иванович и механики готовили комбайны к транспортировке: крепили подвижные механизмы, монтировали габаритные огни, цепляли флажки. Семен Иванович, лежа под комбайном, наставлял Василия:

— Секрет свой не спеши продавать. Они там норму, а ты — полторы-две. Расчихаются — разъясни: у нас, мол, все так делают, потому значения не придали. К другим приглядывайся, там тоже ловкачи есть. — Семен Иванович вылез из-под комбайна, вытер ветошью руки. — Вроде все? Порядок в танковых частях? — Поманил Василия рукой. И когда тот присел, таинственно оглянулся, прошептал на ухо: — Тысяча у меня припрятана. Сотни четыре тебе тут набегит. Ну, а там с таким инструментом полтора куска должен выжать. Не выжмешь, тут вдвоем доколотим на кукурузе, на подсолнухе. Главное — фундамент до морозов. Коробку зимой выведем. К майским даст усадку, и такой дом отгрохает — куда к черту Гупьке и другим живоглотам! — Семен Иванович поднял щепку и начертил на песке контур дома. — Перевидал я их в сорок пятом и в Чехословакии, и в Австрии. Тебе нужно такой, как в Закарпатье: два этажа и балкон круговую! — Семен Иванович замолчал, посмотрел куда-то вдаль. — Будешь где — Любу не обижай. Душевная она у меня... Солнце опять на жару заходит. Что с погодой делается! Горит всё...

— Горит, — помолчав, подтвердил тихо Василий.

Женщины собирали Василия в дальнюю дорогу. Бабка Лукерья вынимала из печи румяные пышки и пироги. Мать доглаживала рубашки. Люба укладывала вещи в большой чемодан.

— Повороты пошли, и все яд на языках, — охала бабка. — И от жены бежит, и за длинным рублем погнался, и на голову порченый.

— На чужой роток не накинешь платок, — отмахнулась Люба.

— Дурная слава и дерево сушит, — ответила бабка и удивилась, увидев у Любы в руках свадебный костюм Василия. — А это зачем?

— И праздничное ему надо, — сказала Люба с достоинством. — Чего замарашкой на чужие люди являться?

— На балуй! — Бабка недовольно покачала головой. — С ихним братом вдаль от дома всякое приключается. То водка, гляди, на дороге, то бабья шалость. Вон Гупько в позапрошлом лето съездил, а потом розыск пришел — дитя там нажил.

Напоминание о Гупько смутило Любу, оно было в краску и, чтобы не выдать себя, она низко склонилась над чемоданом.

— На твоём месте всё бы сейчас попрягала и отрезала — ни шагу из дома, — вела свое бабка.

Мать отставила уют, с просьбой посмотрела на невестку:

— Молодые еще, свое наживете — был бы слад меж вами.

— Все сейчас едут в Тюмень, на БАМ, и ничего, — убежденно сказала Люба. — А ему надо робость свою одолеть.

— Робкий?! — Бабка выложила горячие пироги на подушку. — На собрании, говорят, так чесал, только кострица летела. Не знаешь еще его!

— Может, и не знаю, но душой чувствую. — Люба закрыла чемодан, защелкнула замки.

Эшелон с комбайнами на платформах стоял на стрелке, готовый к отправлению. У вагонов — матери, жены, дети, друзья и отъезжающие. Объятия, поцелуи, торопливые возгласы, слезы — всё это отдаленно напоминало прощанье времен войны.

— Машину никому не доверяй. Не отходи всю дорогу. Ничего, что на платфор-

ме, — напутствовал Василия Семен Иванович.

— Что вы, тату! — всполошилась Люба. — И простудится, и мало ли что!

— Не сахарный — ветерок не сдует, дождик не размочит, — Семен Иванович подмигнул Василию.

— И не подумай! Хорошо, Вася? — заплакала Люба.

— Чуть не забыл! — Семен Иванович вынул из кармана завернутую в целлофан газету. — Если кто бузить начнет, ты его за нос и в пункт. Здесь про все написано! А то водятся еще некоторые. Думают, колхозник — так и пыль на ушах. Спрячь аккуратно. Я так сложил, чтоб и словцо не затерлось.

Василий спрятал газету, взял Любу под руку, отошел в сторону:

— Чего ты? Вернемся скоро... Ну, через месяц...

Слезы катились по щекам, но Люба улыбалась:

— Знаю... А чувствую такое, будто на войну едете.

Василий обнял жену, поцеловал.

— По вагона-а-ам! — прокатилось вдоль состава.

Мать бросилась Василию на шею:

— Сыночек! Бывай здоровенький! Береги себя... И ешь, не то совсем отощавешь. Работа нешутейная!

Состав тронулся. Василий вскочил на ступеньку.

— Василек! — Люба побежала рядом с поездом. — Верь мне, Васенька!.. Я люблю тебя! Люблю!

Василий взмахивал кепкой над головой. Поезд набирал скорость. Провожающие отставались все дальше и дальше...

По обе стороны поезда проплывала бескрайняя донецкая степь, то покрытая полями, еще не убранными или свежеспаханными, то изрезанная карьерами, то вздыбленная терриконами и копрами.

Василий сидел у края платформы, сняв рубаху, подставив спину солнцу. Теплый ве-

тер, гонимый поездом, трепал волосы, забывал дыхание.

Перепрыгнув с платформы на платформу, подошел Скрипка.

— В вагон иди! Обедать садимся!

Василий отрешенно посмотрел на товарища. Тот присел рядом.

— В Волгограде распределение, кого куда. Понял? Попасть бы в Целиноградскую. Говорят, платят лучше. Я по пятнадцать капель сообразил, — подмигнул Скрипка. — Пойдем со старшим потолкуем.

Василий отрицательно покачал головой.

— Языка у тебя нет? Что ни спроси, то кивнет, то плечами пожмет! — Скрипка обиделся, встал. — Не положено здесь по технике безопасности. Засекут, снимут с поезда.

— С танками ездили, — сказал Василий.

— Сравнил! Война была! А сейчас мир на земле!

Скрипка, взмахнул руками, перепрыгнул с платформы на платформу.

Проводив его взглядом, Василий открыл тетрадку. На странице вывел два слова: «Люба, родная!» Задумался, посмотрел вдаль, дописал: «Может, и лучше, что я уехал. Все уляжется, успокоится. Работать умею не хуже других...»

Люба вскочила на мостик комбайна. Не останавливая машины, Семен Иванович передал дочери жетоны. Она отметила в книжечке.

— Письмо от Васи! — прокричала радостно. — Все нормально!

— Молодец, что поехал! — Отец показал назад. — Гунько синее от злости! На горюхе много не замолотит!

За громадой соломокопнителя шел другой агрегат. Убирали горох прямым комбайнированием, пыль поднималась, как дымовая завеса. Люба на ходу ловко вскарабкалась на мостик комбайна. За штурвалом сидел Гунько. Люба молча протянула ладонь. Гунько подал жетоны и задержал ее руку.

— Как оно замужем? Не сладко? — прокричал он. — Из-за тебя не поехал, ей-богу! Встретимся, поговорим!.. А?

Люба с негодованием выдернула руку.

— Моя ласточка! Прилетишь, куда денешься!

Туча пыли заволочла комбайн. Стало темно. Люба повисла на поручне и, не глядя, прыгнула вниз в клубящееся пыльное облако.

Платформа под Василем, лязгнув разомкнутой сцепкой, покатилась в тупик. Поезд, будто ящерица, отбросив хвост, уходил за семафор. На подножке последнего тамбура повис проворный сцепщик, размахивая флажком, свистел в свисток.

Вдоль эшелона шел старший поезда с группой незнакомых людей.

— Здесь остаемся, в Волгоградской, — с досадой сказал Скрипка, перескочив на платформу Василия. — Кто вверх по Волге, кто вниз.

— Тебя в Светлый Яр, Билань. В хозяйство товарища Печникова, — старший поезда показал на высокого рыжеватого человека. — Сбор через час на вокзальной площади.

— Нет. Машину не оставлю, — запротестовал Василий.

— Не подменят, ваша придет, — успокоил его Печников.

— Нет, — Василий упрямо завертел головой. — Мне работать...

— Все едут автобусом. Пока сформируют состав, — стал объяснять Печников, — сутки пройдут, а то и больше.

Василий, не дослушав, перебил:

— С ним и приеду.

— Вам одному мягкий билет заказывать? — Печников насмешливо посмотрел на упряма.

— Могу вернуться. Дома своя работа ждет, — сказал Василий.

— Расценим как трудовое дезертирство. — Печников повернулся и пошел вдоль платформы, оглядывая комбайны.

— Тугой узелок, — сказал про Василия старший поезда.

— Не развяжем — разрубим, — усмехнулся Печников. — Значит, эти десять «Нив» и есть наши, так?

— Так, в полной боевой, — ответил старший поезда.

Василий залез под жатку своего комбайна, отвинтил тонкое стальное полотно, свернул его в обруч, втиснул в большой чемодан.

Автобус катился по шоссе над высоким и обрывистым берегом Волги. С одной стороны простиралась заволжская даль, с другой — к самой дороге подступали поля тучной пшеницы.

Скрипка с Василем забились на заднее сиденье.

— Председатель мужик лукавый, — нашептывал Скрипка, показывая на Печникова, что сидел впереди. — Не поехал на «Волге», а с нами... Приюхивается.

Комбайнеры — их человек десять — смотрели в окна на уходящие за горизонт поля. Над степью повис безветренный зной.

— Сухо... Ночью, брат, надо, по росе, — сказал Карабурда, самый старый из комбайнеров.

— И днем, — сказал Печников, — пока сухой не задул.

— Как повернул! Вроде мы не дезертирство шьет, — шептал Скрипка Василию. — Шиш у такого заработаешь.

Василий слушал безразлично. Скрипка приник к его уху:

— У нас с Колей Гунько есть один секрет.

— Ставите дополнительный вентилятор и решето.

— Ты смотри! — поразился Скрипка. — Только никому! Усёк?

Василий не ответил, придвинул поближе чемодан.

...На полевом стане у крутого берега Волги комбайны, тракторы, копнителы стояли вразброс, как обычно в обеденное время.

В тени, под навесом полевой кухни, отдыхали женщины — их добрая половина в бригаде. Мужчины перекуривали на солнцепеке, поглядывали на автобус, что остановился посреди площади. Разомлевшие от жары женщины приводили себя в порядок: одевали блузы, набрасывали косынки на плечи.

Печников и приезжие комбайнеры вышли из автобуса.

— Гляди, Маша! — окликнул кого-то из девчат Павел Боровиков. — Печников жеников ведет целый выводок! Выходи-ка на оперативный простор.

— Телу простор — душе тесно! — Пышная, с лукавинкой в больших серых глазах, Мария Ковалева застегнула кофточку на полной груди. — Душа согрешила — тело в ответе!

— Опять не выбери такого, что вино ушатом пьет! — засмеялся Иван Ладыгин.

— Ученого учить — только портить! — весело ответила Мария. — Зеленого змия теперь за километр чую!

Подошел Печников с приезжими. Пот струился по их лицам. Жара невыносимая — солнце, казалось, застыло в зените.

— Прошу любить и жаловать! Подмога из Запорожья, с Кубани.

— А кто из Ростова? — живо заинтересовалась Мария.

— Почему из Ростова? — удивился Печников.

— От Ростова рукой подать до рождества Христова, — ответила Мария почти серьезно и расхохоталась звонко. — А я — Мария Ковалева!

— Ладно, Ковалева, натешись еще, успеешь, — усмехнулся Печников, смахивая пот со лба. — Тут такое дело: на правлении было предложено товарищей в интернате разместить. Но, думаю, лучше по семьям — роднее станете, и каша в гурте вкуснее. Как, товарищи гости?

— Чур — первая выбираю! — озорничала Мария и, плутовато оглядев прибывших, остановила взгляд на Василии. — Его беру, молоденького, неженатого.

— Осечка! — Скрипка взглядом ошупывал Марию. — Женат и мёда еще не распробовал!

— Жена не стена, — рассмеялась Мария, — можно подвинуть.

— Тогда меня бери, — подмигнул Скрипка. — Я покражистей.

— Нет уж! Не мил телом, не мил и делом! — нашлась Мария и, посмеиваясь, взяла Василия за руку: — Идешь со мной в упряжку?

— Не поддавайся, Вася! — Скрипка не уступал в находчивости. — На юбку глядя, много не заработаешь!

— Чем юбка штанов хуже? — отпаривала Мария. — В загонке встретимся — крепче за штурвал держись, дядя! На хвост наступлю.

Смеялись гости, смеялись хозяева.

— Групповым работаете? — посмеиваясь, спросил Карабурда.

— Да, — ответил Печников, вытирая влажные от смеха глаза. — Два комбайна, три ЗИЛа...

...По обе стороны сельской улицы тянулись одинаковые, как близнецы, новые кирпичные дома. Автобус остановился возле одного из них.

— Карабурда к Тимофеевым! — вычитал из списка Боровиков.

— Как вы дома свои различаете? — усмехнулся Карабурда, подхватывая вещи. — Запросто к соседу угодить!

— Еще проще к соседке, — мягко улыбнулся Тимофеев.

Карабурда вышел за Тимофеевым. Автобус двинулся дальше.

— Билань с вещами! — вычитал Боровиков, когда автобус еще раз остановился. — По просьбе трудящихся.

Мария встала. Василий посмотрел на нее нерешительно.

— Чего испугался? — засмеялась Мария. — С дружкой не хочешь расставаться? Оба идите — справлюсь. Одна в хоромах блаженствую.

— Дружок у меня будет. Рядом, через сад, — сказал Боровиков.

Василий покосился на Скрипку, потащил чемодан.

— Он что, немой у вас? — повернулась Мария к Скрипке.

— Роняет словцо по праздникам, — усмехнулся тот.

— Могу и в будни, если по делу. — Василий взял чемодан, узел и выпрыгнул из автобуса.

Мария поднялась на крыльцо, открыла ключом дверь.

— Входи, гость дорогой. Обувь только снимай.

Василий замялся, кивнул на стог сена у сарая:

— На сеновале бы...

— Хоть дом погляди, вещи внеси.

— Железо тут у меня.

— Что за железо?

— Всякое, — сказал он смущенно и снял, не расшнуровывая, туфли. — Разве что поглядеть.

Мария провела гостя через кухню и все три просторные комнаты, как бы предлагая на выбор любую. Всюду чистота, изящество, каждая вещь говорила о безупречной опрятности хозяйки. Дом был гордостью Марии — она остановилась в самой большой комнате и с ревнивым ожиданием посмотрела на Василия.

— Хороший дом, — сказал он с завистью. — Сами строились?

— Половину отец с матерью, половину колхоз. Остальное я. — Высокая грудь Марии заходила от смеха. Василий отвернулся. — Мебель польская, — Мария довольно улыбалась. — Брат прислал из Волгограда. В цехе лотерейку разыграли.

— Красиво, — тихо сказал Василий, — как в городе.

— Да, газ, водопровод и все остальное под крышей. — Мария достала из ящика стола запасную пару ключей, подала гостю. — Дверь запирай обязательно. Ковалев может заявиться.

— Кто?

— Муж мой бывший.

Мария вышла. Василий повертел ключи, прошел по комнате. Выглянул в окно, увидел во дворе Марию. Она с трудом оторвала от земли его здоровенный чемодан, качнула головой, опустила. Василий, как был в одних носках, выскочил во двор.

— Неужто железо? — смеялась Мария. — Зачем?

— Ну.

— Не ну, а толком — может, дом взорвать хочешь? — Мария насмешливо подбоченилась. — Нынче везде в мире бомбы подкладывают, в каждой газете пишут. Раскрывай чемодан.

— Что вы, ей-богу...

— И не «выкай», старух здесь нету. Сколько тебе?

— Двадцать три.

— Годки, — сказала Мария и оглядела парня лукавыми глазами так, что тот съежился.

— Устройство там у меня для жатки, — сказал он смущенно.

— Чего-чего? — смеясь, переспросила Мария.

— Для жатки, говорю... Чтобы солома под шнеком не забивалась.

— Молоты без остановок, так, что ли? — догадалась Мария.

— Ага... — ответил Василий. — С тестем придумали. Дома не успели опробовать.

На линейке готовности комбайны приезжих, «Нивы» и «Колосы», выстроились против комбайнов хозяев. Все экипажи, подготовив к техосмотру агрегаты, сгрудились у машины Василия. Вместе с наладчиком Михаилом Ковалевым, бывшим мужем Марии, он колдовал возле жатки. Сдул с кончика носа пот и, задрал голову, крикнул:

— Давай!

Помощник, молоденький паренек из местных, включил двигатель. Кто-то бросил на зубья жатки заготовленную солому. Жатка проглотила ее без остатка. Подборщики еще почти полкопны. И это исчезло

под шнеком. Боровиков, присев на корточ-ки, заглянул.

— Это вещь, скажу я вам! Вроде просит: давай еще!

— Спасибо, — поблагодарил Василий Ковалева за помощь.

— Спасибо скажешь через магазин, — хрипло хохотнул Ковалев.

— Комиссия идет! Весь штаб! — предупредил кто-то.

Все бросились к своим машинам. Комиссия штаба по уборке осматривала первый агрегат, сверяла записи в техпаспорте.

Василий заволновался, поднялся на мостик. Его «Нива» стояла второй в шеренге. Комиссия подошла к ней. Главный инженер колхоза Фомичев поднял руку. Василий завел двигатель: заработала жатка, молотилка. Представитель райкома Малышев заглянул в жатку:

— Это что? Заводское устройство?

Фомичев помахал рукой. Василий выключил двигатель, сыркнул. Его «Ниву» снова окружили комбайнеры. Фомичев строго приказал:

— Снять немедленно. Я предупреждал: никаких самоделок.

— Солома, говорит, так не забывается, — заступился за Василия Печников. — Не надо останавливать, руками тащить.

— Есть еще шабашнички? — Фомичев жестко посмотрел на всех. — В погоне за рублем черт-те что ни цепляют. Потом расхлебывай!

— Какие еще «шабашнички»? — возмутилась Мария. — Он, что ли? Или он? Или я? Вы всех нас оскорбляете, товарищ Фомичев!

— Не шуми, Ковалева, — сказал Печников. — погоди!

— Парень дельную вещь придумал! — не слушала его Мария. — А его обушком по макушке!

— Мертвая зона между шнеком и подборщиком, — сказал Боровиков, — недостаток всех жаток. Устранить ее — мечта комбайнера.

— Во-от! — прогудел Фомичев. — И пока никому не удалось! Двадцать восемь экспериментов провел Васильев на Алтае. Сконструировал с помощью инженеров. Эффективно, но громоздко.

— Мы только сейчас смотрели: жрет солому, как зверь! — сказал Ладыгин. — Сами поглядите.

— Давайте посмотрим, — согласился Малышев.

Ладыгин и еще двое парней бросились за соломой.

— Поймите меня правильно, — сказал Фомичев, — не от хорошей жизни «Нивы» за тридевять земель свозим. Надо проявлять особую бережливость! Маловато еще машин нового поколения.

— Да, верно, — покачал головой Печников.

Ладыгин и парни поднесли солому. Василий завел двигатель. Солома тут же исчезла под шнеком. Еще подбросили — исчезла. Малышев и Печников посмотрели на Фомичева, тот развел руками.

— Были бы расчеты, техническое обоснование... А так — поди знай! Войдет в загонку и все разнесет вдребезги.

Василий достал блокнот, провел большим пальцем по торцу.

— Здесь все записано. К вечеру могу чертеж сделать.

— Это, по крайней мере, наивно, — ухмыльнулся Фомичев.

Малышев помолчал, пылливо посмотрел на взволнованного Василия и сказал к удивлению Фомичева:

— Успеете к вечеру, приходите в партком.

Комиссия пошла дальше. Печников подмигнул Василию:

— Не подведи колхозное крестьянство.

Василий растерянно улыбнулся. Повеселили комбайнеры. Только Скрипка поглядывал на Василия обиженно.

— Мне только переписать начисто. Миллиметровка нужна да готовальня, — сказал Василий.

— Дружи со мной, как солома с огнем, — и дым будет, — засмеялась Мария.

В парткоме за полночь члены штаба по уборке и БРИЗа устало слушали Василия. Он показывал на прикрепленный к доске чертеж:

— Каждый кривошип имеет самостоятельный синхронный привод с цепью от вала подборщика.

Фомичев уставился на чертеж, спросил остро:

— Но чтобы валок пошел по той стороне, где задержалась хлебная масса, необходимо менять направление агрегата?

— Да, — согласился Василий. — Вот так надо двигаться, — он поднял ладонь и провел из стороны в сторону.

— То есть комбайн должен танцевать? — улыбнулся Фомичев.

— Да, похоже... — сказал тот.

Все ждали решающего слова Фомичева. Он раздумывал.

— По-моему, весьма убедительно, — не выдержал Малышев.

— На бумаге — да, — промычал Фомичев. — Посмотрим на деле.

— Будем внедрять? — обрадовался Печников.

Фомичев не ответил, потер переносицу.

— Скажите, Билань, как вы додумались до такой простоты?

Василий часто заморгал, пожал плечами:

— Не знаю... Как-то так... Набивается хлебная масса в «мертвой зоне». Останавливаешься, тащишь руками... А это — время.

— Ясно, — Фомичев был непроницаем. — На сколько, по-вашему, увеличивается производительность?

— Раза в полтора, — сказал неуверенно Василий.

— В два, — металлическим тоном произнес Фомичев. — Если, даст бог, все получится!

Мария восхищенно подмигнула Василию. Боровиков возбужденно мотал головой,

Скрипка тёр ладонью лицо. Печников потцовски ласково кивнул обескураженному парню.

— Протокол готов? — спросил Фомичев.

— Так точно. — Боровиков подвинул ему бумагу.

Тот написал: «Одобрить к испытанию» и размашисто подписался.

Асфальтированная улица в поселке была освещена, как в городе.

Мария и Боровиков шли впереди. Скрипка придержал Василия, заговорил вполголоса.

— Чего ж ты молчал всю дорогу? Ко-реш называется. Нехорошо.

Василий не отвечал, смотрел под ноги.

— С Колей Гунько мы, как братья, всё поровну делили, — продолжал Скрипка. — А с тобой как?

— Как было, так и будет, — устало ответил Василий.

— Надо и мне поставить твое устройство. Как считаешь?

— Ставь, мне что. Комбайнировать сложно с непривычки.

— Ты мастер, я шабашник. Так, что ли? Василий промолчал.

— Может, дашь, все-таки, расчеты?

— Бери, — Василий достал блокнот, протянул Скрипке.

— Павел Николаевич, слышь, — окликнул тот Боровикова. — Ковалев, который Ваське ставил, сможет такое заделать?

— Запросто, — ответил Павел. — В трезвости — золотые руки.

— Трезвости только не дожدهшься, — поморщилась Мария.

— Ковалева не признаёт Ковалева, — усмехнулся Боровиков.

— Хватит, напризнавалась. Со свадьбы как зарядил на три месяца. Жизнь мою под откос пустил. Было бы право, удавила.

Подшли к дому Марии. Василий молча поднял на прощанье руку и пошел к сараю. Скрипка проводил его взглядом, ухмыльнулся:

— В сарае ночует?
 — На сеновале, — поправила Мария.
 — Одной в доме спать не страшно? — Скрипка засмеялся.

— Не тем думалом дядя думал, — отрезала Мария.

— Уже и пошутить нельзя, — незлобиво сказал Скрипка. — Спокойной всем ноченьки! — и скрылся в темноте улицы.

— Куда это он? — спросила Мария Павла.

— Аллах его знает. Что так смотришь?
 — Впиши меня с Василием в одну группу, — попросила Мария.

— Хорошо, — помолчав, сказал Боровиков и, не оглядываясь, пошел к себе напрямик через сад.

Мария посмотрела на небо.

Тонкий серп молодого месяца взошел на ведро — рожками вверх. Где-то с берега доносилась старинная волжская песня «Эх, да на камушке, да на беленьком». Мужские и девичьи голоса пели слаженно, раздольно.

Мария вошла в сарай. Василий, не раздеваясь, раскинулся на сене. Сложенная постель лежала рядом. Мария включила свет. Где-то в углу, на шесте, всполошились куры. Цветастый петух, наклоняя голову, недовольно поглядывал то одним, то другим глазом.

— Ишь, устроились! — проворчала Мария под нос.

Вскочил Василий, рукой прикрылся от яркого света лампы.

Михаил Ковалев, пошатываясь и тяжело дыша, подошел ко двору Марии, заглянул через забор. Увидел в сарае свет.

Мария, согнувшись, взбивала сено, стелила постель.

— Шел бы в дом. Комаров рыбных нынче на Волге развелось!

— Не заедят. — Василий сонно поглядывал на петуха, тот на него.

— Одежкой укрывайся, свежо на зорьке. Подъем в четыре. Будить?

— Нет, спасибо.

Василий ждал, пока она уйдет.

— Не хочешь в доме, спи с курами. — Мария покосилась на него краем глаза, вздохнула глубоко и вышла.

Перейдя двор, услышала шорох, оглянулась.

У сарая в темноте притаился Михаил Ковалев.

Мария ничего не заметила. Вошла в дом. Включила свет в большой комнате, запахнула окно, затянула занавеску.

Василий, аккуратно сложив пиджак, брюки, снимал рубашку.

Скрипнула дверь. В сарай, пошатываясь, ввалился Ковалев. Стеклянными глазами уставился на Василия.

— Ты чего здесь?! Мотай, пока цел.

Василий оцепенел.

— Машка жена мне! Законная!.. Я здесь хозяйни!

Ковалев схватил петуха, кышнул на кур. Куры, кудахтая и хлопая крыльями, заметались по сараю.

Ковалев, поглаживая петуха, приговаривал:

— Все здесь мое! И Петька мой! Завтра, Петька, на рынок ходим. Первый сноп надо отметить? Надо! А ты, изобретатель, съезжай с моего двора! Развода ей все равно не дам! Будешь жизнь мою ломать, я тебя живо к ногтю! Понял?

Мария, услышав голоса, бросилась во двор.

Вбежала в сарай. И так грозно посмотрела на Ковалева, что даже Василию стало не по себе.

— Ну-ка, кругом и марш!

— Все, ухожу, — Ковалев обмяк, выпустил петуха. — Завтра уже сегодня, второй час. Понял. Ухожу. Только тихо... — Боком вышел из сарая и, спотыкаясь, поплелся со двора.

— В дом иди, — приказала Мария Василию, сворачивая постель.

Василий сконфуженно переминался с ноги на ногу.

— Или сторожем стоять возле тебя всю ночь? — Взяв в охапку постель, Мария выпрямилась, посмотрела насмешливо и гор-

до.— Что уставился? Думаешь, на язык востра, к мужикам быстра? Ступай!

Подхватив пиджак, брюки и вступив в туфли, Василий вышел из сарая. Мария засмеялась, выключила свет.

Войдя в большую комнату, Василий не знал, куда деваться.

Вошла Мария, не глядя на гостя, бросила постель на диван, раскатала, расправила.

— Приквартирован сюда — живи как человек, без выдумок. От языков все равно не уйдешь. Хоть на той стороне улицы спи — подумают одно.

Василий растерянно мялся. Мария не держала, рассмеялась:

— Ой, до утра не усну! А, чтоб тебе! — И вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Василий, наступая на шурки, прошлепал к постели, присел. За стеной слышался смех Марии. Василий лег, закрыл глаза. И с головой накрылся простыней.

Колхозники Светлого Яра и гости собирались на шоссе у пшеничной нивы. У всех праздничные значки на красных ленточках с надписью: «Праздник первого снопа». На краю загонки готовые к действию «Нивы» и «Колосы». Возле них члены экипажей. Дальше растянулась колонна уборочной техники: копнителю, подборщики, тракторные поезда, грузовики, автоцистерны, «летучки» техпомощи, походные кухни, диспетчерские, «газики», мотоциклы полевых инспекторов с рациями. У красного полотнища с надписью «Ни колоска на стерне, ни зернышка в соломе» члены уборочного штаба: Малышев, Фомичев, Печников и другие. Рядом, поблескивая орденами и медалями, старейшины колхоза. Из глубины пшеничного поля вылетел всадник со снопом пшеницы. Осадил коня перед членами штаба, отчеканил:

— Поля чистые, колос буйный, зерно налитое!

Печников принял сноп, передал старейшинам. Те, отломив по колоску, размяли их

в ладонях, провеяли зерно. Попробовали на зуб, на глаз. Самый старший, Герой Социалистического Труда и кавалер всех орденов Славы, выступил вперед:

— Зерно ядреное, пшеница сильная! В добрый час!

Приняв рапорт, Печников скомандовал в микрофон:

— По машинам! — Динамики эхом разнесли команду.

Комбайнеры, как солдаты, быстро взобрались на мостики. Степь огласилась ревом моторов. Грянул колхозный оркестр.

Комбайны друг за другом врезались в пшеницу. За ними потянулись ровные полосы скошенного хлеба. Высоко в небе, прочерчивая следы, похожие на валки пшеницы, неслись реактивные самолеты.

Запрокинул голову Василий. Мария усмехнулась про себя, смотрела ему в спину — оглянется или не оглянется? Василий оглянулся. Мария взмахнула рукой.

По шоссе мчались машины, груженные зерном, с транспарантами на бортах: «Хлеб государству только высокого качества!». Выезжали на эстакады механизированных токов. Опрокидывались кузова. Сыпалось зерно, искрясь на солнце.

Комбайны вгрызались в гушу хлебостоя. На бункерах надписи: «Кубань — Поволжье!», «Украина — Россия!», «Дон — Волга!».

У заглохшего комбайна Скрипки стояла «летучка». Подлетел открытый «газик». Из него выпрыгнул Фомичев.

— Что? Что тут еще?!

— Самоделька на подборщике полетела. Ковалев ночью сработал. Молотило в щепки, молотилку разнесло, — объяснил бригадир «летучки». — Новую жатку надо и молотильный агрегат.

— Нет у меня жаток! Нет! — взревел Фомичев и набросился на Скрипку. — Кто вам разрешил это ставить?! Кто?!

— Билань... Это вот... — проямлил Скрипка.

— Чушь! Меня вы спрашивали?! Жаль, что не военная обстановка! Под трибунал бы вас, как диверсанта!

Подкатил Печников на мотоцикле. Посмотрел, сразу все понял.

— Подмените Ладыгина! — приказал он Скрипке хриплым от пыли и крика голосом. — Он в ночь выйдет!

— Слушаюсь! — Боязливо косясь на Фомичева, Скрипка побежал.

— Гнать таких надо в три шеи! И Скрипок и Ковалевых! Либеральничаете, Иван Лукич! Боком вылезет! — Фомичев вскочил в «газик», скомандовал водителю: — К Билянню!

...Мария с помощницей руками вытаскивали солому из жатки. Подъехали Фомичев и Печников. Лицо Фомичева — серая пыльная маска, только белки сверкают.

— Билянь где?!

— Делать ему тут нечего! — Мария чуть не плакала, сгибаясь под жаткой.

— Как это нечего? — прохрипел Печников.

— Да так, — сказала помощница. — Прет без остановки, только пыль столбом! А мы на месте топчемся! Хлебостой, как лес!

— Вас спрашивают, где он сейчас? — взвизнулся Фомичев.

— Степь не большая — найдете! — рассердилась Мария.

— Вы старшая группы! — въедался Фомичев. — Должны знать!

— Не орите на меня! — выпрямилась Мария. — Я и послать умею! Ясно?

— Васька, обрыв! Васька! — испуганно вопил помощник Василия.

«Нива» круто развернулась у края оврага. Помощник кепкой вытер лицо. Василий, темный от пыли, кричал сквозь грохот.

— Порожняк давай! Бункер почти полный! Порожняк!

Помощник со всех ног бросился по проколу к дороге. Навстречу несло пыльное облако, накрыло помощника с головой.

Облако оседало. Из него вырисовывались «газик» Фомичева и мотоцикл Печникова.

— Это Билянь? — прогремел голос Фомичева.

— Билянь! — с гордостью ответил Печников.

Василий вел комбайн, будто польку танцевал, ритмично заваливая машину то на один, то на другой борт.

— Уму непостижимо! Иван Лукич, понимаете, что он выделяет! — восторженно воскликнул Фомичев.

— Танцует! — блеснул глазами Печников.

— Это высший класс комбайнирования!

— Остановим?

— Пусть идет! — Фомичев любовался движением «Нивы». — Кто бы мог подумать? Мальчишка ведь, молоко не просохло.

Комбайн Василия подходил к краю загонки. К нему мчался порожняк. В кабине с водителем сидел помощник. ЗИЛ круто развернулся и, подставив кузов под рукав бункера, двинулся рядом с комбайном. Василий перевел рычаг. Зерно посыпалось золотым дождем.

К Печникову и Фомичеву подъехала «Волга» Малышева. За ней техпомощь. Из будки выпрыгнули на стерню Боровиков и бригада мастеров-наладчиков. Глазели на «Ниву» Василия, как на диковинку. Подскочил на ИЖе полевой инспектор с красной повязкой на рукаве. Протянул Печникову бланк, доложил:

— Потери у Биляня: ноль, четыре десятых. Боя нет. Чисто.

— Фантастика! — вырвалось у Фомичева. — Намолот?

— Вторую норму добывает, — широко улыбнулся инспектор.

Малышев повернулся к Боровикову:

— Звезду на бункер и вымпел победителя дня.

— Вас понял, — по-военному ответил Боровиков.

— Чего уставились?! — заорал Фомичев, только сейчас заметив Боровикова и мастеров. — Вам что приказано?

— Делается! — вытянулся в струнку Боровиков. — К утру двенадцать машин будут оборудованы устройством Биланя.

Печников довольно усмехнулся. Малышев покачал головой.

— Ох, и сложный вы товарищ, товарищ Фомичев.

Фомичев расцвел в улыбке.

Василий вел комбайн, поглядывая на наполняющийся зерном кузов ЗИЛа. Мимо прошмыгнули Печников на мотоцикле, Фомичев на «газике», «Волга» Малышева, ИЖ, техпомощь. Василий проводил взглядом эскорт машин, повернулся к помощнику — тот стоял на ступеньке грузовика, следил за загрузкой.

— Чего они? — крикнул Василий.

Помощник, оттопырив губы, усмехнулся: мол, кто их знает.

ЗИЛ-130 остановился у самой воды под обрывистым склоном. Волга здесь широкая — противоположный берег таял в закатной дымке. Чумазы, пыльные и потные механизаторы соскочили из кузова на песок. Женщины тут же отделились, побрели по мелководью, скрылись за мыском.

Мужчины стаскивали сорочки негнущимися пальцами, обнажая загорелые, будто в коричневых перчатках, кисти рук, багровые по ворот шеи, и затылки, и бледные жилистые крестьянские тела. Шли в воду. Брели по перекату, приседали, плескали на грудь, на плечи, мылились, оттирали песком автол на загрубевших ладонях.

Василий, сбросив рубашку, сидел на берегу, курил.

— Ты что, герой, особого приглашения ждешь? — крикнул ему Боровиков. — Снимай портки! Бабы у нас народ деликатный, ушли подальше!

Сняв брюки, Василий зашел по колено в воду. Боровиков обрызгал его, засмеялся:

— Вот так! А то на Волге был и Волги не видел!

Скрипка, ополоснув мыло с лица, обратился ко всем:

— Задача, мужички! Убрал сегодня Биланя за двоих, а площадь уборки не резиновая! И выходит: он червонец, к примеру, зашиб, а ты полтинник да наишачился под завязку.

— К Ковалеву сходи, — угрюмо усмехнулся Василий. — Он за бутылку не то еще тебе установит.

Все рассмеялись. Мыло попало Скрипке в глаза. Он пригоршнями плеснул себе в лицо, сказал сердито:

— Кого ты дураком считаешь? Классность машин выше, значит и нормы выше!

— С апреля семидесятого твердые тарифные ставки действуют. Это раз, — горячо возразил Боровиков. — Потом у нас Поволжье. А на Поволжье, на Урале, в Казахстане и в Сибири расценки увеличены государством на сто процентов. Закон!

— Возле закона люди стоят, — гнул свое Скрипка. — Подойдет дело к кассе, что ты тогда запоешь.

— То же самое! — Боровиков повернулся к Василию. — Откуда вы привезли такого крохобора?

Василий покривился пренебрежительно, зашел поглубже, поплыл. Могучее течение относило его вниз. Низкое солнце червонным золотом отражалось в воде. Василий увидел за мыском фигурки женщин.

Многие и здесь нашли себе работу: простирывали блузки, косынки, а то и спецовки. Те, кто помоложе, резвились подальше от берега.

Марня, раскинув руки, отдыхала на воде.

— Маша! — окликнула ее помощница. — Напарник наш никак Волгу отважился переплыть!

Мария оглянулась, увидела плывущего Василия.

— Пригрела напарника-то — отошел! — весело сказала Тимофеевна.

— Его отогреешь! — рассмеялась Марня. — Дичится меня, страх!

— Совестливый, видать! — Тимофеевна подмигнула хитровато. — Развелась бы ты с Мишкой поскорее!

— Два раза судья откладывала. Не является, хоть убей!

— На третий без него разведут! — заварила Тимофеевна.

Мария безнадежно махнула рукой:

— Это уж осенью, после страды. — Вдруг на ее лице засияла озорная улыбка: — Девочки, хотите цирк увидеть?

И вымахивая саженками, быстро поплыла к Василию. Василий остановился. Нащупал пережат под ногами. Мария подплыла к нему вплотную. Хотела встать на дно, но ушла под воду, тут же вынырнула и, отфыркиваясь, обвила его шею руками.

— Ой, тону, — улыбнулась обворожительно и беззащитно.

Василий, Марии на удивление, не шаркался, покорно стоял. Мария плутовато взглянула на него и спросила ласково:

— Чего не бежишь от меня?

Василий почувствовал: за невинной женской хитростью скрывалось нечто большее. Серые глаза Марии смотрели ему в душу. Глубокое дыхание обжигало его. Крупные прозрачные капли сбегали с мочек ее ушей, ожерельем сверкали на высокой шее.

— Бежать некуда, — сказал он на выдохе.

Мария вдруг разняла руки, произнесла отчужденно:

— Спасибо за выручку, — и быстро поплыла к берегу.

Женщины, не дождавшись потехи, разочарованно смотрели на них.

Возвращались с реки, когда солнце садилось за горизонт. Сидели по бортам на откидных сиденьях, плотно прижавшись друг к другу. Настроение у всех приподнятое — вечерняя свежесть и полевой ветерок сняли усталость. Пели слаженно: «Эх, мороз-мороз, не морозь меня». Машина катилась через поля по грунтовке мягко, без толчков.

Василия с двух сторон теснили Боровиков и Мария. Мария не смотрела на него. Выводила высоким голосом:

Моего коня белогривого-о-о,
У меня же-ена-а да-а ревни-ива-ая!

...На полевом стане сиротливо стояла «Нива» Василия. Захмелевший Михаил Ковалев копался в жатке, ключом отвинчивал крепления, приговаривал вслух:

— Так, эту еще на две нитки отпустим, и хватит. Ты жизнь мою калечишь, я твою жестянку. Ты только др-р-р! А она фр-р-р! — Он хрипло захохотал, закашлялся. — Поминишь Мишку Ковалева! Изобретатель, ядрена корень!

Увидев приближающийся грузовик с поющими, бросил ключ в пасть жатки, трусливо вскочил, метнулся к копне, свалился в солому.

Боровиков тронул Василия за плечо, показал на одинокую «Ниву».

— Отдыхает твоя без подмены? Подучил бы папарницу.

Василий без особого энтузиазма кивнул в знак согласия.

— Нет, правда? — обрадовалась Мария. — Часик-другой! И тут же постучала по крыше кабины. Машина остановилась.

Мария села за штурвал «Нивы». Василий встал за спиной. Взревел двигатель. Огромная машина мягко покатилась. Заехала в загонку, развернулась, подошла к пшенице. Мария включила жатку. Агрегат двинулся вперед. Срезанные острыми ножами колосья исчезали под шнеком.

— Чуть вправо и влево чуть, — подсказывал Василий.

Мария быстро и точно выполняла команды. Комбайн послушно накреплялся то одним, то другим бортом.

Михаил Ковалев вылез из соломы и, вытряхивая из-за ворота колючие ости, отупело глядел на комбайн.

Жатку вдруг повело боком. Машину занесло в сторону. Мария резко перехватила баранку. Раздался скрежет. Двумя руками ухватился за штурвал Василий. Ог-

ромная машина будто ударились о что-то невидимое, подпрыгнула, вздрогнула металлическим корпусом, завалилась вперед. Резкий толчок бросил Марию на приборную доску. Василий виском ударился о стояк. Мария глухо простонала:

— Это все...— Она смотрела на него испуганно, не понимая, что произошло.— Кажется, кости целы.

Ковалев часто хлопал осоловелыми глазами: из его логова хорошо был виден вздыбленный комбайн. Погрозил кулаком, захохотал хрипло:

— Покатались, мать моя женщина?! Я тебе дам развод! До смерти будешь помнить Мишку Ковалева!

Василий беспомощно смотрел на изувеченную машину. Зубья жатки торчком воткнулись в землю. Подборщик вогнало в шасси. На мотовиле ни планки, вал выгнулся дугой. Василий поском потрогал то, что осталось от устройства. Стальная лента спружинила, закачалась, заскрипела, как пила под смычком.

Мария увидела кровь у Василия на виске, сняла косынку, вытерла. Он в полной растерянности смотрел на нее:

— Что это может быть? Кто-то подошел. Точно.— Он наклонился и поднял свинцовую гайку.

Глаза Марии наполнились слезами. Губы вздрагивали.

— Мишка отомстил,— прошептала она.— Он и убить может.

Ковалева одолевала дремота. Он зевнул и пробормотал про себя:

— Разбирайтесь без меня. Ну вас к шутам! Ни шиша не узнаете.— Сложил из пальцев кукиш и показал куда-то в пространство. Потом махнул рукой и зарылся поглубже в солому.

Ранним утром возле изувеченной «Нивы» собралась комиссия штаба по уборке. Были здесь и Василий, и Мария, и Боровиков.

Мощный трактор взял «Ниву» на буксир, потащил из загонки. На месте, где была жатка, лежал гаечный ключ.

Фомичев первым увидел его. Схватил, потряс в воздухе.

— Вот доказательство! Что я говорил? Конструкция Биланя не могла подвести — расчет предельно точен! Это умышленное злодеяние!

— Зачем же вы схватили? Там должны быть отпечатки пальцев,— сказал Ладыгин.

— Да?— Фомичев изумленно уставился на ключ.— Как-то не подумал. Не по моей части.

— Следственные органы разберутся,— отрывисто сказал Малышев.

Мария испуганно вздохнула, глянула на измученного Василия.

— Да-да! Найти преступника и судить самым свирепым образом!— накалялся Фомичев, затем резко повернулся к Печникову:— Все ваш либерализм, Иван Лукич. Я ведь предупреждал вас — выйдет боксом.

К стогу соломы, полязгивая огромными стальными вилами, приближался копнитель с тракторной тележкой. За рулем трактора сидела молоденькая девчонка.

Ковалев, как забрался в копну, так и спал беспробудно.

Копнитель подошел вплотную к копне, большущие вилы захватили ее сверху и снизу и сомкнулись, как две пятерни. Трактористка перевела рычаг. Вилы подняли копну над трактором. И девчонка вдруг увидела, как что-то темное и тяжелое мелькнуло над ее головой.

Все, кто находился у комбайна Василия, услышали душераздирающий крик.

По стерне бежала обезумевшая девчонка.

— Человека! Человека! Господи!— лепетала она бессвязно, заламывая руки в отчаянии.— Мама моя роденькая!

Сразу никто ничего не понял, потом бросились со всех ног к копнителю.

— Ковалев...— сказал кто-то.

Василий ужаснулся. Марии стало дурно. Василий придержал ее за локоть, отвел в сторону. Все, кто был, обступили копнитель.

— Дяденьки, миленькие, что будет? Что будет-то?— не попадая зуб на зуб, тряслась девчонка.— Первая страда моя.

— Уведите ее!— приказал Малышев.— Уведите же девчонку!

Двое мужчин повели ее к стану.

— Уйдем отсюда! Уйдем!— взмолилась Мария.

Василий, взяв Марию под руку, пошел с ней по стерпе в поле, все равно куда, лишь бы подальше.

Остановились у нескошенной пшеницы. Дальше идти некуда. Мария, обессилев, опустилась на землю. Василий присел рядом. Долго сидели молча.

Глаза Марии сухо поблескивали. Лицо бледное, губы обескровлены.

— Может, оно и лучше,— сказала она неожиданно.— Сама судьба нас развязала.

Сняла косынку, поправила выбившиеся волосы и снова плотно повязала голову. Вдруг упала ничком в пшеницу и зарыдала. Потрясенный Василий сидел неподвижно, смотрел куда-то вдаль.

В освещенном окне домика тракторной бригады Гунько увидел Любу. Она сидела у окна, заполняла наряды. Гунько ухмыльнулся, повел свой К-700 на бетонную площадку. В эту вечернюю пору на тракторном дворе было много механизаторов. Одни возились у своих машин, что-то подтягивали, подвинчивали. Другие мыли тракторы мощными брандспойтами. Семен Иванович и Пантелей, закатав рукава, склонились возле умывальников, оттирали черные от автола руки.

Из домика выбежала Люба с листками нарядов в руке. Направилась к высокой мачте посредине двора, на которой развевался флаг. На красной доске, у ее основания, с надписью «Сегодня флаг под-

нят в честь победителя социалистического соревнования» дописала мелом: «Гунько Н. А. 138%».

Подошел Гунько, поднял отщеп мелка и переправил восьмерку на двойку. Сказал милостиво:

— Считать надо правильно, товарищ учетчик. Люба заглянула в листки нарядов, стала проверять. Гунько повернулся к трактористам и сказал громко:

— Скрипка письмо прислал. Плохие дела, пишет. Беда с Василием.— Гунько покосился на испуганную Любу, протянул письмо Семену Ивановичу.

— Не вижу без очков,— ответил тот настороженно.

Гунько вздохнул, расправил письмо, прочитал вслух:

— «Спутался со здешней...» Тут, это вот, словцо не совсем... Да... «Стал обучать на своей «Ниве» и гробанул машину начисто».— Люба замерла. Руки судорожно разминали мелок. Все плотно обступили Николая. Он читал дальше:— «Мужа его...» Ну, этой самой, значит... «копнитель виллами проткнул. Власти разбираются». Вот таким макаром.

Люба, словно от удара, втянула голову в плечи.

— Нет, нет!— прошептала трясущимися губами, бросилась к конторе.

Потрясенный Семен Иванович тупо смотрел на Гунько.

— Ты что, Микола, сдурел?

— Из песни слов не выкинешь,— нахмурился тот.

— Из какой песни?— закричал отец.

— Сам читайте!— ошетинился Гунько.— Думаете, святого нашли? Все мы святые! До первого милиционера!

Семен Иванович бежал в контору. Люба, упав грудью на стол, рыдала. Он растерянно посмотрел на дочь, прикоснулся к ее плечу.

— Что-то не то здесь. Случись такое, сообщили бы правлению...— Люба не слушала его, плакала.— Скорее набрехал Скрипка в отместку. На деньги он жад-

ный. Мы с Васей одну штуку на жатку придумали. Видно, не признался ему.

Люба отняла руку от лица. На лбу, на щеках отпечатался мел.

— Маме ничего не говорите.

— Без меня есть кому.

Василий отошел от окошка кассы и, пересчитав деньги, направился в бухгалтерию.

В тесной, заставленной канцелярскими столами комнате сосредоточенно трудились счетоводы. Скрипка «выяснял отношения» с главным бухгалтером — полной пожилой женщиной.

— Что за прочерк? — подозрительно тыкал он в ведомость.

— Поломка, простой, — сухо ответила она и повернулась к Василию: — Слушаю вас.

— Устройство мое внедрено, — замылся он. — Билань В. Г.

— По БРИЗу ведомости нет.

— На все комбайны поставили, на три дня уборку сократили! И не заплатить человеку? — удивился Скрипка. — Ну и порядочки!

— Выясните с главным инженером, — сдержанно сказала главная, — положено — отдадут все до копейки.

— Шире кармап держи! — едко бросил Скрипка. — Что я говорил?

Главная не выдержала:

— Послушать вас — тут одни мошенники! Обсчитывают на каждом шагу! Откуда вы прнехали, Фомы неверящие?

— С Украинны! — Скрипка рассердился. — У нас деньги считают!

— У нас, у вас! Советская власть везде одна и закон один! Проверяйте, пожалуйста! — главная с возмущением посмотрела на Скрипку, на Василия. — Больше академиков зарабатывают, и все мало.

В парткомке Фомичев, Малышев, Печников оживленно беседовали с гостем — Сул-

таном Кельденовым, плотным седым казахом со звездой Героя на темном пиджаке. Увидев вошедшего Василия, Печников шепнул Кельденову:

— Он самый. — И повернулся к Василию: — Что скажешь? Проходи, садись.

Василий несмело остановился у длинного стола для заседаний.

— Устройство мое, значит... Данных нет в бухгалтерии.

— И не может быть! — засмеялся Фомичев. — Послали вверх, как полагается. К концу года, думаю, рассмотрят, утвердят.

— Строюсь я. Дом, значит... Деньги сейчас пужпы...

— Зачем строить? — Кельденов окинул Василия с головы до ног. — Готовый даю — четыре комнаты, кухня, подвал, газ, водопровод... Такой у себя не постройте!

Василий, не понимая, растерянно смотрел на Кельденова.

— Наши едут к ним помогать, — объяснил Печников. — Старая дружба.

— Комбайны, кстати, туда с вашим устройством идут, — сказал Фомичев. — Лагутин, Карабурда, Ковалева едут. Решайте.

— Нет. Мне домой надо. Жена ждет, мать...

— Жену, мать перевезем со всем скарбом, — пристально посмотрел на него Кельденов. — Хорошие подъемные. Подумайте.

— Нет, — не раздумывая, ответил Василий.

— Тогда на страду приезжайте вместе с товарищами, — предложил Кельденов. — Сколько здесь заработали?

— Восемьсот семьдесят два на руки, — ответил Василий.

— У нас не меньше двух тысяч получите, — сказал Кельденов. — Степь широкая — есть где развернуться.

— Нет, — решительно отозвался Василий.

Мария старательно отглаживала свадебный костюм Василия. Ее будто подменили — одета во все темное, печальная, замк-

путая. Когда Василий вошел в кухню, молча подала ему телеграмму.

Василий пробежал глазами текст: «Когда возвращается. Срочно ответь. Люба».

— Почтальонша не дождалась, — сказала Мария, не глядя на него. — Ответила за тебя: вылетаю завтра, люблю, целую.

— Зачем? — не дал договорить ей Василий.

— Как зачем? Летить ведь завтра.

— Может, я передумал?

— Нет. Лететь тебе надо.

— Чего это ты за меня решаешь? — Василий недовольно посмотрел на нее.

— Зря такие телеграммы не приходят, — ответила она спокойно. — Кто-то что-то наплел. И докатился слух.

— Кроме Скрипки, никого здесь из наших.

Мария брезгливо поморщилась:

— Знала бы, что один ответ... — Но не договорила. Повесила отглаженный пиджак на спинку стула. — Все. Готово.

— Кельдепов меня уговаривал в Казахстане.

— Домой езжай. — Мария прощательно посмотрела ему в глаза: — Билет взял?

— Взял, — с поткой сожаления произнес Василий.

— Вот и хорошо, — вздохнула Мария и отвернулась.

На торжественно украшенной сцене Дома культуры у микрофона стоял Печников, при полном параде и регалиях. Только теперь по орденам и медалям было видно, какую славную и трудную жизнь прожил он. Чуть сутулясь, все еще слабым голосом зачитывал имена награждаемых. Малышев вручал награды. Кельдепов за столом президиума аплодировал громче всех. Старшеклассницы в белых передничках выносили подарки. Подбегали пионеры, мальчик и девочка, дарили цветы. В зале полно, даже в проходах стояли, кто помоложе.

Мария сидела впереди Василия, не оглядываясь. Он видел только аккуратно подобранные волосы на ее затылке и похожие на слезинки сережки. Печников тем временем огласил все грамоты и дипломы, присужденные Билану за высокую выработку, изобретательность и трудовую доблесть.

Под бравурные звуки туша Василий поднялся на сцену. Малышев вручил ему кипу грамот, обнял, расцеловал. Пионеры поднесли цветы. Из-за стола встал Фомичев.

— За усовершенствование механизма подборщика жатки ЖНС-6-12 товарищ Билан награждается памятным подарком — транзисторным телевизором «Радиоэлектроника»!

Пока Фомичев говорил, Василий посмотрел в зал и встретился взглядом с Марией. Она опустила глаза. Фомичев вывел Василия из оцепенения — сузил в руки телевизор, крепко обнял, хлопнул по лопаткам. Печников вызвал Марию. Василий, спускаясь со сцены, столкнулся с ней на ступеньках — не разойтись. Лицо Марии зарделось, в глазах смятение. Василий прыгнул в партер, прошел к своему месту.

Малышев, вручив Марии вымпел победителя социалистического соревнования, расцеловал ее под веселый одобрителный гул зала.

Старшеклассница вынесла тульское ружье. Зал грохнул от хохота. Девочка смутилась, бросилась за кулисы и вышла с маленьким тульским самоваром.

— Тулка, да не та! — хохотал рядом с Василием Боровиков.

Мария поспешила со сцены и, не оглядываясь, вышла из зала. Василий ревниво проводил ее взглядом. Вызвали Скрипку. Он удостоился только грамоты правления за участие в уборке. Аплодировали ему формально — коротко и вяло. Василий, далекий от происходящего в зале, смотрел куда-то вверх. В зрачках искрами отражались огни софитов.

В колхозном саду, на крутом берегу Волги, за праздничным столом гостей полным-полно. Печников произносит здравницу:

— Никогда еще в нашем колхозе не было такого праздника! И такого урожая не было! И такой страды! Благодаря заботам партии, ее аграрной политике, колхоз наш стал крупнейшим индустриальным хозяйством! И вы, капитаны степных кораблей, наша гордость! За вас, товарищи жнецы! За высокое звание хлебороба! — Все заплодировали. Печников выдержал паузу: — Особо хочу сказать — за нашего украинского побратима Василия Биланя! За твои золотые руки, Вася!

Все, чокаясь, дружелюбно кивали Василию, тянулись к нему с рюмками. Он что-то бормотал в ответ, смущенно покачивал головой. Боровиков затянул песню. Голос у него высокий, звонкий:

Ах ты, степь широкая,
Степь раздольная!
Ах ты, Волга-матушка,
Волга вольная!

Второе колено песни подхватили все — возник могучий хор.

Выпив свою рюмку до дна, Василий встал, подошел к Кельденову. Тот, увидев его, поднялся, улыбнулся широко.

— Товарищ Кельденов, — сказал твердо Василий. — Я решил.

— Ну, спасибо! Вот уважил! — Кельденов наполнил две рюмки. — Приедешь, присмотришься, может, и возвращаться не захочется.

— Нет, только до конца командировки. Три недели в запасе.

— И на это согласен! Одно скажу: поля у нас неоглядные, есть где разгуляться рабочему человеку. Твое здоровье!

— Вот это сабантуй! — уплетая закуски, приговаривал Скрипка. — Икра черная! Осетрина! Водка экспортная! Такие блюда не в каждом ресторане подадут!

Подошел Василий. Скрипка хлопнул по свободному стулу.

— Я в Казахстан еду, — Василий остался стоять.

Скрипка уставился на него, вытер губы рукой.

— Билеты уже на руках! Дома ждут!

— Я про то самое, — Василий пристально посмотрел ему в глаза. — Приедешь — не трепись.

— Что я, баба? Понимаю — мужики мы, чего с нашим братом не бывает, — Скрипка лукаво подмигнул.

— Намеки твои подлые. Двое нас тут — так что смотри! — хмелея, пригрозил Василий.

Скрипка опасливо отшатнулся.

— Что ты, Вася! Ложь — не гвоздь, а вылезет и уколёт.

— Мне врать нечего. Строюсь я — деньги нужны. — Василий налил себе и Скрипке. — Так и скажешь Любе. Понял?

— Только так, — залебезил Скрипка, чокаясь. — За прямоту!

Василий посмотрел на него тяжело, выпил, подошел к Боровникову, присел рядышком, подтянул:

Ах, да не степной орел
В вышине кружит!..

Боровников усмехнулся. Василий наклонился к нему, спросил:

— Не перебрал я, Паша?

— Ничего, — подмигнул Боровников. — Сегодня даже полагается.

Мария не спала. Услышала, как хлопнула калитка, поднялась. Василий, проходя через калитку, пошатнулся, зацепился плечом за гвоздь, дернулся. Пиджак треснул на рукаве. Мария снова прилегла, укрылась простыней, прислушалась. Василий вошел в свою комнату, пашупал выключатель, включил свет, снял пиджак, осмотрел со всех сторон.

— Это уж точно: ложь — не гвоздь, по вылезет и уколёт.

Мария услышала приближающиеся шаги и голос за дверью:

— Мария, ты спишь? А, Мария?

Мария не ответила. Дверь тихонько приоткрылась. Мария посмотрела на парня пристально, сказала строго:

— Ну-ка, поворот кругом и шагом марш!

Василий топтался у порога, выворачивал комкал пиджак.

— Сколько ходил через калитку и не заметил гвоздя в стояке!

— Оставь, зашью,— отчужденно произнесла Мария.

Василий бросил пиджак на стул. Но, вспомнив, достал из кармана билет, развернул, посмотрел, снова сложил.

— Сдать надо завтра. Всё. С вами еду.

— И не думай, домой возвращайся.

— Странно! — Василий присел на стул.— Почему, по какому это праву ты распоряжаешься мной?

— Потому.

— Нет, скажи, почему? — повторил он с пьяной навязчивостью.

— Потому что видеть тебя не могу! — выплинула Мария.

— Понятно! Вот! — Василий показал ей билет и порвал на мелкие куски.— И всё.

— Ну и дурак,— холодно сказал Мария.— Пожалеешь завтра.

— Нет,— Василий встал, но не ушел, остановился у двери.

— Чего стоишь? — прошептала Мария, голос ее дрогнул.

Василий не отвечал, не сводил с нее взгляда. Мария ладонью прикрыла глаза.

— Иди уж,— сказала чуть слышно.— Ни тебя, ни меня меньше не станет.

Василий все так же, не отрываясь, смотрел на нее, глаза лихорадочно блестели — хмель будто слетел. Рука потянулась к выключателю. Вдруг, неожиданно для себя самого, Василий резко повернулся, вышел из комнаты, закрыл за собой дверь.

Мария отвернулась к стене. Слезы бу- синками сбежали по щекам.

Эшелон с комбайнами был готов к от- правлению. На платформах, как солдаты

во время войны, стояли и сидели комбай- неры.

Мария торопливо шла вдоль состава. Проходя мимо Василия, не взглянула на него. Он смущенно посмотрел ей вслед. Навстречу Марии бежал Кельденов, кри- чал еще издали:

— Под монастырь меня подводишь. Ко- валева! Садись немедленно!

Мария, не здороваясь, сказала хмуро:

— Захворала я, Султан Кельденович. Не поеду.

— Без пожа режешь! — взмахнул руками Кельденов.— Как же так, в последнюю се- кунду? Машина твоя погружена!

— Говорю, захворала,— упрямо повто- рила Мария.

Василию слышен их разговор. Он отвер- нулся.

— Ах, Мария, Мария,— с горьким упре- ком произнес Кельденов.— Горит у нас всё! Комбайны прямо с эшелона войдут в за- гонок.

Мария заколебалась, вздохнула печаль- но:

— Не могу я, Султан Кельденович. Ду- ша болит.

Кельденов внимательно посмотрел ей в глаза.

— Самолетом полетишь со мной?

— Самолетом? — переспросила Мария и, помолчав, кивком указала на Василия.— Только не в одной бригаде с ним.

Эшелон тронулся. Платформа с Васили- ем прокатилась мимо.

Мария не оглянулась, опустила глаза. Кельденов понял ее.

— Хорошо,— пообещал он.— На самых дальних друг от друга участках будете.

Дарья Игнатьевна, придерживая Скрип- ку за руку, стояла у ворот дома Василия и кричала на всю улицу:

— Забирай вещи и уходи от этих супо- ставов! Кому я говорю?

Бабка Лукерья, мать Василия и Люба не знали, куда деваться со стыда. Нако-

нец Люба отважилась, подошла к воротам.

— Не кричите, прошу вас! Люди же смотрят!

— Скажи ей, Скрипка, при мне! Всю правду в глаза скажи!

— Да что говорить! — Скрипка пытался вырвать руку, но не тут-то было. — Связался с вами! Пустите руку!

— Не пуцу! Говори! — Дарья Игнатьевна повисла на нем.

— Поехал Васька на целину с этой... Ну, у которой жил. Всё! Отвяжитесь ради всего святого!

— Слыхала? — Дарья Игнатьевна отпустила Скрипку.

Он, не оглядываясь, поспешил от ворот.

— Уходите отсюда! — закричала Люба. — Прошу вас!

— Не уйду! Сяду здесь камнем и не уйду! Пусть люди знают!

— За что мне такое наказание! — Люба заплакала.

Мать Василия взяла Любу за руку, повела в дом. Соседи переглядывались, пожимали плечами.

— Опозорил он тебя! Обесчестил! — кричала под воротами Дарья Игнатьевна.

— Тыфу! — сплюнула бабка Лукерья. — И носит же земля такую нечисть! Прости меня, господи!

Эшелон с комбайнами стоял в степи. По обе стороны железнодорожной колени раскинулись бескрайние поля спелой пшеницы. Возле комбайнов суетились комбайнеры, механики, железнодорожники. По проложенным трапам спускали машины на землю. Степной дорогой, что тянулась вдоль колени, мчался «газик». Остановился у эшелона. Из него вышли Кельденев и Мария.

— Твоя «Нива»? Своди! — скомандовал Кельденев.

— Султан Кельденевич, — растерялась Мария. — Я думала, на станцию едем.

— Агрегат в загонку! — властно приказал Кельденев. — Зерно осыпается! Завтра разберемся.

Шофер выставил из машины се чемодан. Мария зло посмотрела в спину уходящему Кельденеву, взяла чемодан, пошла к платформе. Поднялась на мостик своего комбайна и увидела удаляющуюся машину Василия. Снизу кричали рабочие и механики, торопили ее. Мария завела двигатель и медленно свела с платформы свою «Ниву». Механики тотчас бросились навешивать жатку. Мария остановилась на мостике. Пот ручейками струился по лицу, заливая глаза.

— Готово! — прокричал снизу один из механиков.

Мария включила двигатель, выжала сцепление. Комбайн тронулся в пшеницу.

...Цепочкой по всему проселку стояли армейские самосвалы, готовые к вывозке зерна. Солдаты-водители, в мокрых от пота гимнастерках, увидев Марию за штурвалом комбайна, приветственно махали руками, что-то выкрикивали весело. Мария ничего не слышала за грохотом, ровно вела машину.

— Васька! Васька-а! — От автомашины через пшеницу к Василию бежал сержант-сверхсрочник.

Василий остановил комбайн, спрыгнул с мостика.

— Витька?! Ты?!

— Я! Вот это встреча! Подумать только — в степи! Вот уж мир тесен! — Друзья обнялись, расцеловались. — Давно приехал?

— Сейчас только! С эшелона — в загонку! Витька, как это ты?

— А-а! — махнул рукой Витька. — Как ты? Как живешь на гражданке? Женился? На той, как бишь ее, на Любе?

— Женился, — радовался Василий встрече.

— А моя не дождалась! Замуж выскочила, вертихвостка! Так я на сверхсрочную! Куда деваться? Васька! Надо же!

К «Ниве» Василия подошел комбайн Марии.

— Чего стал?! — закричала она сердито. Василий оглянулся и глазам своим не поверил.

— Трогай давай! — кричала Мария.

— Ты же дома осталась?! — не мог прийти в себя Василий.

— Осталась — не осталась — езжай, тебе говорят!

— Не девка, а сатана в юбке, — пробормотал Василий.

— Что? — рассмеялся Витька. — Если не замужняя — познакомь!

— Будешь ехать? — сердилась Мария. — Не то протарашу к лихой матери!

— Встретимся еще, — кинул Василий Витьке.

Полез на мостик. Оглянулся. Машина Марии неумолимо подвигалась. Василий, как от наваждения, закрыл глаза и встряхнул головой.

На закате все съезжались к наскоро организованному стану.

Мария спрыгнула с комбайна, прошла, не глядя, мимо Василия, остановилась у единственного вагончика.

— Кельденова не было здесь? — спросила она громко.

Из вагончика вышел коренастый белокубый казах.

— Я за него. Ваш бригадир Аскер Амангельдиев.

— Кельденов обещал перевести меня на другой участок, — сказала Мария. — Подбросьте на центральную усадьбу.

— До центральной двести километров, — улыбнулся Аскер. — Приедешь — солнышко взойдет как раз.

— Как же мне быть? Столько мужиков, и я одна.

— Вместе переночуем. В тесноте — не в обиде.

Аскер показал на вагончик. Мария рассердилась.

— Нет уж, спасибо! Лучше в степи, в соломе.

— Холодно в степи. Ночью очень холодно!

— Я не тепличная, выдержу.

— Как хочешь. Женский персонал я не предвидел.

Мария сняла с мостика своей «Нивы» чемодан, перебросила плащ через плечо и пошла в степь.

Василий видел, как она подошла к ближайшей копне, закуталась в плащ и скрылась в соломе.

В вагончике вповалку, плотно прижавшись друг к другу, спали комбайнеры. Окошца чуть посветлели. За ними неслась мутная пелена, гудел ветер, Василий встал, открыл дверь. Ветер рванул ее из рук. Василий снаружи подпер дверь плечом, повернул щеколду. Пыль обжигала лицо, забивала дыхалку. Прикрыв нос и рот полкой телогрейки, Василий прошел вперед. Огляделся. От вчерашних стожков и следа не осталось. Разметало все до соломинки. Вернулся, подошел к комбайну Марии. Заглянул на мостик, обошел вокруг. Мария, закутанная во все, что было в ее чемодане, скрючилась под соломотрясом с подветренной стороны. Василий поднял ее на ноги. Она послушно пошла с ним. Войдя в вагончик, показал на свое место, закрыл дверь на крючок. Мария легла, ее бил озноб. Василий укутал ее одеялом, ноги обернул телогрейкой, прилег рядом, обнял за плечи.

— Теплее?

— Д-да, — не попадая зуб на зуб, ответила она. — Спа-си-бо...

Днем была такая же жара, как и накануне. Василий, обливаясь потом, ровно вел свою «Ниву». За ним, не отставая, следовала машина Марии. Вдруг Мария закричала, взмахнув рукой, показала на небо. Василий поднял голову.

Над степью кружили вертолеты. Одни, два, три, пять — целый десяток. Слово рой огромных стрекоз, они то разлетались в стороны, то собирались.

Многие комбайнеры и водители, побросав машины, бежали туда, где кружился этот странный рой.

Василий прибавил газ. Комбайн рванулся вперед. За ним покатились «Нива» Марии. Василий посмотрел вверх.

Рой вертолетов рассыпался. В глубокой синеве неба появилась сверкающая точка. Приближаясь, выростала на глазах. Вот над ней взорвались белые облачка парашютов. И ясно стали видны очертания космического корабля.

Василий прыгнул с мостика, подождал Марию, и они вместе побежали туда, где медленно и торжественно опускался корабль. Казалось, что он приземлится прямо у их ног. Но бежать к нему было еще далеко. Вертолеты, окружив корабль, селись в пшеницу.

Василий и Мария увидели, как космический корабль мягко прикоснулся к земле. Белые купола парашютов медленно угасали. Из вертолетов выскочили люди, побежали к кораблю.

Василий, все еще тяжело дыша, взглянул на Марию. Она, не отрываясь, смотрела на происходящее.

Подбежавшие к кораблю люди открыли люк, и оттуда один за другим появились двое космонавтов. Нетвердо стали на землю. Подбежавшие взяли их под руки и повели к вертолету, невдалеке от которого находились Мария и Василий. Мария была потрясена увиденным. У Василия перехватило дыхание. Возле них остановилась председательская «Волга». Из нее вышел Кельденев.

— Прозевал приземление! — с жалостью воскликнул он.

Вертолет с космонавтами стал подниматься, набирать высоту. За ним взлетели остальные, окружили со всех сторон. И странный рой понесся вдаль.

— Рядом сосед, а приземлились на нашей земле, — с гордостью сказал Кельденев. — Теперь у нас свое Космическое поле. Так его и назовем.

— И телеграмму в Звездный, — подсказал Аскер, он стоял рядом.

Мария с восхищением посмотрела на председателя:

— Султан Кельденевич, скажите честно, вы знали об этом?

— Предполагал, — Кельденев загадочно улыбнулся и повернулся к Василию. — Устройтво твое отлично работает. На все жатки поставим. Вашим «Нивам» тоже профилактика нужна.

— Вообще-то нужна, — согласился Василий.

— Тогда садись, поехали. Ты тоже, Мария.

— А я чего?

— Кто просился на другой участок?

— Ладно уж, со своими останусь.

— Садитесь! — приказал Кельденев и сел впереди.

Василий подвинулся в угол на заднем сиденье. Мария присела с краю. Машина тронулась. Кельденев засмеялся:

— Нашли общий язык?

— Люди мы, какие ни есть, — смущенно сказала Мария.

Кельденев помолчал, задумался, вздохнул.

— Важно преодолеть минутную слабость. Раз, бывает, смалодушничает, потом страдаешь всю жизнь, до самой смерти.

Председательская «Волга» въехала в поселок центральной усадьбы. По обе стороны асфальтированной улицы аккуратные домики-коттеджи под узорчатым шифером. По краям тротуаров молодые невысокие деревья. У некоторых домиков необжитый вид. «Волга» остановилась у одного из таких. Кельденев вышел из машины, подал руку Марии.

Кельденев распахнул калитку, пропустил их вперед. Поднялся на крыльцо, ключом открыл дверь и жестом пригласил обоих в дом.

Мария и Василий вошли в переднюю. Кельденев отворил двери в гостиную, в кухню, в службы. Дом был пуст, еще

пахло свежей краской и звучало эхо. Мария и Василий вслед за Кельденовым прошли по всем комнатам. Их было четыре — и все просторные, светлые, с большими окнами и отопительными батареями под ними.

Дом произвел сильное впечатление и на Василия и на Марию.

— Что скажете? — Кельденев лукаво прищурился.

Мария еще раз окинула взглядом самую большую комнату.

— Мечта-а.

Кельденев, подбросив ключи в руке, швырнул на подоконник.

— Хотя сейчас поселяйтесь. — И тут же поправился, указав глазами на Василия: — Я, конечно, его имею в виду.

— У меня дом роскошный, но с этим не сравнишь, — призналась Мария. — Была бы здесь Волга — не задумалась ни на минуту!

Василий молчал. Кельденев терпеливо ждал его ответа.

— Я без отца вырос, — сказал вдруг Василий тихо и ни на кого не глядя. — Один мужчина в хате.

Кельденев, стараясь не привлекать внимания, потер левую сторону груди под пиджаком и медленно и глубоко втянул воздух носом.

— Сердце? — с тревогой заметила Мария.

— Нет, — улыбнулся Кельденев. — Просто привычка. — Но не двинулся, еще раз медленно вдохнул и еще. — Атмосферное давление меняется. К холодам, по всей очевидности. — И, посмеиваясь, погрозил Марии пальцем: — Но тебе закоченеть в степи не позволю. Специально для тебя послал индивидуальный вагончик.

Мария была тронута. Сказала застенчиво: — Султан Кельденович! Вы просто волшебник какой-то.

Кельденев вздохнул уже свободнее, задумчиво усмехнулся, взял ключи с подоконника и закрыл окно.

Комбайнеры уселись у костра, на котором гогогал большой медный чайник. Ва-

силий подсоединял телевизор к клеммам аккумулятора. Было холодно, ветрено. И на всех были телогрейки и брезентовые плащи. Только на Аскаре ватный халат и казахская шапка. Он большим пальцем ловко песочил пиалушки и раздавал всем сидящим у костра. Вагончиков в стане было уже два. И в новом горел свет от установленного недалеко движка.

На экранчике вырисовывался крупный план Терентия Семеновича Мальцева, сквозь потрескивания послышался его голос:

— У нас еще говорят: не держи денег в узлу, держи хлеб в углу, ведь хлеб греет, не шуба. Засуха в том году какая была? А у нас уродило! Как остров в море! Я про свой район говорю.

Аскер разливал в пиалы кипящий зеленый чай, заваренный по-казахски, с бараньим жиром. Василий, непривычно обхватив пиалу, отхлебывал обжигающий чай, слушал. Карабурда, Ладыгин, Аскер и другие тоже внимательно вслушивались в слова старейшего уральского хлебороба.

— На земле людей все больше и больше, — задумчиво говорил он с экранчика. — Земля-то не растет. Сейчас каждый четвертый на планете — голодающий! В наше-то время! Говорят, космос, космос. А в космосе нужен хлеб? Нет хлеба, нет и человека. Нет и жизни на Вселенной. Вот и выходит по-вашему: хлеб на стол, и стол — престол...

Из нового вагончика вышла Мария, подошла к костру, присела:

— Приглашаю в гости.

Аскер кивнул молча, подал ей пиалу с чаем.

На экране замелькали кадры кинохроники: планета Земля, снятая с космоса, плодородные нивы всех континентов — пшеница, рис, ячмень, кукуруза; ураганы, тайфуны, наводнения, почва, как бетон, потрескавшаяся от зноя; голодные дети, племена, народы в странах Африки, Азии, Латинской Америки.

— Да-а, — покачал головой Карабурда. — Шарик хлебом накормить — задача, брат!

На стан влетел мотоцикл, подкатил к костру. С него прыгнул молодой казах в теплом халате и в круглой, как яйцо, каске.

— Добрый вечер, кочевники! Кончайте чаевать, собирайтесь. За ночь должны переехать на север области. Туда снег надвигается. КРАЗы уже гудят в степи, слышите?

В самом деле вечерняя степь оглашалась мощным ревом моторов.

— Кельденов приказал? — спросил Аскер.

— Нет, — ответил мотоциклист. — Кельденов в больнице. Сердце сильно схватило. Главный агроном дал приказ.

Все сидели какое-то время молча, потом собрали пиалушки и разошлись, кто к своим комбайнам, кто в вагончик собирать вещи.

Мария чуть не расплакалась. Задержала Василия.

— Погляди хоть, как устроилась!

Василий молча пошел за ней. Свет от движка был неровным, лампочка часто мигала. В вагончике было опрятно, уютно. Постель на полу покрыта новым одеялом. Вместо столика — чемодан. На нем зеркальце и степные цветики в алюминиевой кружке.

— Как на войне, в землянке, — наивно умилялась Мария.

Василий кивнул. Мария посмотрела на него, помолчала.

За стенами приближался, нарастал рев КРАЗов.

— Ты не осудил меня? — спросила тихо Мария.

— Нет, — ответил Василий, задумчиво качнув головой.

— Ты такой... — Мария посмотрела ему в глаза, помолчала, подыскивая нужное слово, и сказала просто: — Человечный.

Василий в белой накидке, наброшенной на плечи, с букетом поздних осенних цветов, шел по коридору больницы. Возле палаты его остановила седая казашка во врачебном халате и шапочке.

— Я жена Султана Кельденовича, — сказала она сдержанно. — Состояние его серьезное. Поэтому ничего такого. Вы меня поняли?

— Да. — Василий настороженно поднял глаза. — Что же с ним?

— Стенокардия, недостаточность, — сказала по профессиональной привычке, но тут же оговорила, — в общем, тяжелый сердечный приступ. Не волновать, и не более трех-четырёх минут.

Василий кивнул. Она открыла дверь в палату.

В палате Кельденев лежал один. Увидев Василия, расвел в улыбке:

— А-а! Вася! Рад тебя видеть. Садись. Рассказывай, как, что.

— Ничего, — натужно улыбулся Василий. — Молотим.

— Сколько даешь за смену? — Кельденев тепло, по-отцовски, оглядел его. — Заработаешь на стройматериал?

— С гаком, — смутился Василий. — Полторы и две нормы бывает.

— Устройство твоё — отличная вещь.

— Да-а. Никто не жалуется. Вообще-то, пустяк.

— Не скромничай! — засмеялся Кельденев. — Уничжиженне паче гордости. Мария как поживает? Не рвется в другую бригаду?

— Нет, — Василий опустил глаза.

Жена Кельденева взяла у него цветы, поставила в банку с водой.

— Будь с ней поделикатнее, — Кельденев внимательно посмотрел на Василия и, подбирая слова, сказал задумчиво. — Отношение у нее к тебе, можно сказать, особое. Домой когда?

— Послезавтра, думаю, — ответил Василий неопределенно. — Завтра последний клин уберем.

— Попрошаться, значит, пришел?

Василий взглянул на Кельденева. Глаза у него были мудрые и печальные. Василий опустил голову, выдавил из себя:

— Проведать. Перед отъездом. Поблагодарить за все.

— Украина-Украина, золотая Украина.— Кельденов вздохнул, посмотрел в окно.— Звезду я за Киев получил. Десну форсировали в ноябре сорок третьего. Все щели законопатили на танках и по дну. Впервые танки под водой прошли. Свалились фрицу как снег на голову. Ночью атака на Кисз — фары зажгли, сирены включили и через лес! Фрицы, как зайцы, в лучах подскакивали. Слушай, мать,— повернулся он к жене, показывая на пузатый фарфоровый чайник.— Горяченького принеси, этот совсем остыл.

Жена с тревогой посмотрела на него, но взяла чайник и вышла.

Кельденов поманил Василия поближе и прошептал:

— Ты мне с Украины калину передай. Ростки. Как раз поздней осенью хорошо принимаются. Самолетом можно. Любую бортироводницу попросишь — доставит.

Вошла жена, поставила чайник, с подозрением взглянула на Василия.

— Спасибо, мать.— Ничем не выдав себя, Кельденов усмехнулся.— Домом соблазнил тебя, Вася, прости! Сам где только ни побывал, куда судьба ни заносила,— а все домой тянуло: в степь, в степь! — Кельденов долго смотрел в окно, потом устало закрыл глаза.

Наступила тишина. Странная и непонятная.

— Султан,— прошептала жена.— Султан...

Кельденов не отвечал. Лицо было неподвижным.

...Кладбище было новое, как и поселок в степи. На могилах ни одного креста. Шумели на ветру молоденькие, недавно посаженные тополи. Над свежим холмиком гора венков с траурными лентами, на которых многократно повторялись имя, отчество и фамилия Кельденова. У основания — плотный сноп пшеницы, туго опоясанный алым шелком с надписью: «Воину и сеятелю».

С кладбища расходились молча. Дорога к поселку тянулась открытой степью. Жена Кельденова, сопровождаемая родными и близкими, ушла вперед. Комбайнеры, местные и приезжие, шли небольшими группками. Василий и Мария уходили с кладбища последними.

День был солнечный, но ветреный и холодный. Мария зябко ежилась, втягивала шею в поднятый воротник плаща. Василий остановился, еще раз посмотрел на кладбище. Сильный порыв ветра обжег глаза до слез и помчался крутым вихрем по степи. Над лабиринтом памятников появилась голова Аскера. Он неторопливо вышел за ворота кладбища, подошел к Василию и Марии.

— Он калину просил,— сказал Василий.— Побеги передам самолетом. Сумеешь посадить?

— Могу.— Аскер помолчал в раздумье.— Спокойно умер?

— Да,— ответил Василий.— Закрыл глаза, и все.

— Карточку возьми. Помнить будешь.— Аскер достал из кармана фотографию Кельденова и подал Василию.— Хороший человек был. Умный и добрый.

Невдалеке от степного стана несколько комбайнов заканчивали последнюю загрузку. Василий выгружал последний бункер. Зерно, искрясь на сентябрьском низком солнце, ручьем текло в кузов БелАЗа. К Василию на мостик поднялась Мария. Из рукава бункера высыпались в кузов последние зернышки.

— Все! Шабаш! — торжествующе прокричал водитель БелАЗа.

Василий выключил двигатель. Машина уехала. Последняя машина с зерном. И стало тихо. Очень тихо. Василий и Мария, расслабленные и просветленные, в промасленных комбинезонах стояли на мостике, вслушивались и всматривались в степь.

Все убрано, все чисто. Сколько видел глаз — стерня и стерня. Из глубокого неба

доносился, как отдаленный гром, гул реактивных самолетов. Самолетов в небе не было видно, только сами собой рисовались белые и ровные, как покосы, следы.

— Я даже не думала, что так можно жить,— сказала Мария.

— Как? — повернулся к ней Василий.

Ее лицо в лучах закатного солнца было прекрасным.

— Так полно, осмысленно,— сказала она задумчиво и проникновенно.— И не представляла, что можно любить так просто, без всего такого...— Она помолчала, посмотрела вдаль, грустно улыбнулась:— Выйду замуж, деток рожу, а любить буду одного. До конца дней.

Больше она ничего не сказала. Постояла еще немного, прыгнула с мостика и, не оглядываясь, пошла к своей «Ниве».

— Огонь! Большой огонь! — кричал Аскер.

Огонь развести было не трудно. Кто-то из комбайнеров обмакнул паклю в солярку, поднес спичку, бросил в центр круга — и костер готов. И сразу же полетели туда коробки, бумага, промасленные концы.

— Все нужно сжечь! — возбужденно командовал Аскер.— Степь должна чистой остаться! Очищаемся и едем!

Он сорвал с себя прохудившуюся куртку и швырнул в огонь. Возбуждение передавалось всем. Комбайнеры стаскивали с себя непригодную ни к стирке, ни к ремонту одежду. Просоленные потом и забитые пылью рубахи, промасленные брюки, стоптанные ботинки, дырявые рукавицы — все летело в огонь. Василий даже майку швырнул, приплясывал в одних трусах. В стороне, за комбайном, переоделся в чистое Карабурда. Пересмотрел старенькое — слюжил аккумулятор.

Из вагончика выбежала Мария, одетая в новое платье и туфли, и с размаху кинула в огонь свернутую в узел спеловку. Пламя взвилось высоко в темнеющее небо.

Ладыгин поставил на костер несгибаю-

щийся комбинезон: брючины топорщились, куртка коробом. Все хохотали, притопывали, пританцовывали. Никто не заметил, как подъехал и остановился автобус. Из него вышли трое: секретарь парткома колхоза и двое приезжих. Незнакомых изумила необычная пляска. Секретарь парткома отозвал Аскера в сторону, спросил обрадованно:

— Закончили?

— Сами видите! — усмехнулся Аскер.— Чистимся и едем!

— Молодцы! Честно говоря — не рассчитывали. Думали, ну, в крайнем случае, завтра пошашаите! Постройте всех.

— Кто это? — Аскер кивнул на приезжих.

— Кулундинцы,— коротко ответил секретарь.

— Понятно,— Аскер повернулся ко всем и скомандовал:

— Привести себя в порядок и на линейку!

Переодетый во все чистое Василий стоял рядом с Марией, руками приглаживал волосы. За ними выстроились остальные.

— Мы предполагали, завтра добьете все.— Секретарь довольно усмехнулся, оглядел всех.— А вы сегодня! Герои, ничего не скажешь. Это, что называется, ложка к обеду.

Все насторожились. Мария смекнула, в чем дело, спросила едко:

— Есть еще работенка? Доходная и не пыльная?

Секретарь помедлил — вид у всех был усталый, измученный.

— Да,— признался он с огорчением.

И все загудели в один голос:

— Нет уж! Увольте. Месяц бани не видели! Все! Домой!

— Спокойствие! — секретарь поднял руку.— Все объясню! Это вот соседи наши из Кулунды,— он показал на приезжих: — председатель колхоза товарищ Гречаный и бригадир комбайнеров Зотов Иван.

Те чувствовали себя неловко, подавленно.

— Снег у них выпал, а хлеб на корню...— удрученно сказал секретарь и повернулся к Гречаному: — Сколько гектаров?

— Полторы тысячи с немногим,— ответил тот озабоченно.

— Ого! — вырвалось у Карабурды, остальные молчали.

— Мы и не обещали всех вас бросить,— сказал секретарь,— сами не управились. Но если человек по пять с бригады, у кого, конечно, силы еще имеются — было бы аккуратно.— Он еще раз посмотрел на осунувшиеся лица комбайнеров: — Есть добровольцы?

Тягостное молчание длилось недолго, вперед вышел Карабурда.

— Чуяла душа — не сжег робу,— сказал он, подходя к приезжим.

— Робу выдадим теплую,— сказал Зотов,— телогрейки, штаны ватные, ушанки, сапоги, значит...

— Когда отправляться? — спросил, колеблясь, Ладыгин.

— Сейчас с нами,— ответил Гречаный.— Вылет в семь утра.

— Комбайны нам еще перегонять,— развел руками Ладыгин.

— Завтра перегоним. Дела тут на копейку,— сказал секретарь.

Ладыгин вздохнул и пошел к Карабурде. Вышли из строя еще двое комбайнеров-казачков. Двинулся вперед Василий. Но Мария крепко схватила его за руку.

— Не надо тебе,— прошептала чуть слышно.

— Чего? — удивился он.

— Не знаю. Не надо, послушай меня.

Василий отнял руку, пошел к добровольцам.

— Пятеро,— посмотрел на них секретарь.— Это по-братски! Молодцы! С вещами в автобус, товарищи. Поспать еще нужно. Время!

Пятеро добровольцев пошли за вещами. Мария отошла к своему вагончику, вытерла слезы. Из мужского вагончика вышел Василий с чемоданом и с запакованным в коробку телевизором. Встретился взгля-

дом с Марией. Она отвернулась, украдкой смахнула слезу. Василий постоял, что-то неожиданно пришло ему в голову. Поставил вещи, пошел к Аскеру. Тот возился возле своего мотоцикла.

— Слушай, Аскер,— наклонился к нему Василий,— утром подбросишь меня к самолету?

Аскер посмотрел на него понимающе, кивнул:

— Хорошо. Комбайны все равно стеречь кому-то надо.

Василий, подхватив вещи, подошел к Марии.

— Можно тебя?

Войдя в вагончик, Мария прикрыла дверь. Василий поднял коробку с телевизором, помолчал, сказал, не глядя:

— Это тебе. На память.

Мария не ответила, смотрела на него неотрывно.

— Останусь я... до утра,— сказал Василий, избегая ее взгляда.

— Нет,— не своди с него глаз, прошептала Мария.

— Дурак я,— поник Василий.

— Нет, ты умница,— ласково сказала Мария,— только в Кулунду ехать не надо. Это еще месяц. Дома мама, бабушка, жена...

Василий нерешительно посмотрел на нее и сказал тихо:

— Я полюбил тебя.

— Знаю,— прошептала Мария, привлекла к себе, поцеловала: — Все хорошо. Именно так хорошо. Иди, ждут тебя.

Василий не хотел уходить, обнимал ее, целовал. Мария отстранилась, улынулась сквозь слезы:

— Иди! Не то спровадить могу! Ты же знаешь меня?

— Прощай,— Василий проглотил подступивший к горлу ком.

— Прощай...— сказала она и закрыла глаза.

Василий вышел. Мария дала волю слезам, прислонилась к стене.

Люба расписалась на корешке квитанции. Почтальонша отдала ей денежный перевод и заказное письмо, захлопнула папку.

— Счастливо оставаться! — Вскочила на велосипед и покатила по улице.

Люба с удивлением еще раз перечитала обратный адрес, машинально достала из кармана халата кусочек мела, откусила, пожевала. Повернулась и пошла от ворот к дому.

Бабка Лукерья хлопотала у печки, ставила противни с порезанными на кусочки яблоками. Яблоков в комнате было полно. За столом мать парезала их тонкими ломтиками.

Вошла Люба и еще на пороге сказала радостно:

— Письмо от Васи и перевод на две тысячи триста рублей!

— Это уже деньги! — от печки отозвалась бабка.

— Читай, что там, если не секрет, — мать отложила нож в сторону.

Люба, подвинув верейку с яблоками, присела на лавку.

— Только обратный адрес почему-то Алтайский край.

— Куда это его еще загнало! — бабка чуть ли не с головой влезла в печку. — Зима на носу! Что это он вздумал? Читай, Любка, я слышу.

— «Дорогие мама, бабуся и Люба! — прочитала она вслух. — Посылаю вам еще две тысячи триста рублей. Внесите за материал. Теперь полностью будем в расчете. Не сердитесь на меня. Я добровольно поехал в Кулунду. Это такой район, вернее, степь в Алтайском крае. Тут ненастье, неожиданно выпал снег, и хлеб гибнет. Лето здесь короткое, и часто убирают пшеницу по морозам. А пшеница здесь особенная, твердая, в ней много белка. Не могу без боли смотреть, когда гибнет хлеб. Никому я этого не говорю, да и вам только в письме. Многие я повидал за это время, многое пережил и передумал. Очень трудно создавать всякую жизнь, а хорошую еще труднее. Вернусь уже скоро. К лету свдем дом,

осенью вселимся и заживем вместе, как все люди.»

Люба шмыгнула носом, откусила кусочек мела, хрустнула зубами.

— Что ты грызешь? — повернулась к ней бабка.

— Так, мел. Захотелось чего-то.

— Мальчик будет, — вздохнула бабка.

Люба смутилась, спрятала мел в карман.

— Мел грызешь, значит мальчик, — повторила бабка Лукерья.

По заснеженной ниве сиротливо двигались два комбайна. Обмерзшие ледком и припорошенные снегом, колосья склонились над мотовилом, срезанные ножами, исчезали за шнеками. На бункерах комбайнов эмблемы с маркой завода «СКД-5», «Сибиряк», «Красноярский комбайновый завод, 1974 г.»

За стурвалом первого «Сибиряка» — Иван Зотов. В ватнике, в шапке-ушанке. Рядом на крючке покачивалось охотничье ружье.

На другом комбайне — Василий. Он также тепло одет. Но ему холодно. Он вздрагивает, поеживается, поглядывает на хуторок под лесом.

Зотов вдруг торопливо схватил ружье, прицелился и выстрелил. Большущий заяц-русак подскочил высоко и свалился в снег. Зотов остановил машину, бросился к добыче. Притормозил своего «Сибиряка» Василий, прыгнул с мостика. К нему бежал Зотов. Поднимая за уши зайца, кричал:

— Теперь понял, зачем ружье таскаю с собой? Чего зубами стучишь?

— Холодно что-то, — прохрипел Василий.

— Климат наш с непривычки! — Зотов вскарабкался на мостик и, цепляя зайца на крюк рядом с ружьем, прокричал: — Да-дадим клинышек, отогреешься у Лукинишши!

Варвара Зотова, крупная с энергичным лицом женщина на сносях, стоя у ворот

своего дома, остановила проезжающий самосвал.

— Иван мой где?

— У хуторка последнее добывает! — ответил водитель.

— Сей же час пулей домой!

— Что так горит? — рассмеялся водитель.

— Горит! — передразнила Варвара. — От ворот до избы не дойду, разрожусь на пороге! Срок подошел, скажи ему, окаянному!

— Давайте в больницу подброшу! — сказал водитель.

— Ну да! Больницы мне еще не хватало! Вон шестеро сорвиголов! — Варвара показала на шестерых мальчишек, с любопытством приникших к забору. — Отвернись — деревню сожгут! Ивана сюда пулей!

Самосвал подлетел к «Сибиряку» Зотова, подставил кузов под загрузку. Водитель высунулся из кабины:

— Варька твоя рожает! Пулею домой велела! Жетон возьми! — Он протянул оторопевшему Зотову жетон за принятое зерно. Тот снял с крючочка свой. Обменялись. — В больницу не хочет! — сказал водитель. — Садись, поехали!

— Да в больницу она ни за что, — застутился Зотов. — Всех дома родила! Батюшки ты мои! Клин же добывать надо! Снег точно повалит ночью! — Он схватил ружье, забыл о зайце, прыгнул с мостика, подбежал к машине Василия. — Половина моя рожает! Я туда и назад! До ночи добьем! А-а?..

— Хорошо, — прохрипел Василий.

— Ружьишко возьми.

— Не охотник я!

— Волки, бывает, ходят стаями.

— Не надо!

— Смотри! Поехал я! — Зотов влез в кабину самосвала, который тем временем загружался зерном.

Водитель с Василием обменялись жетонами. Самосвал развернулся, умчался в заснеженную степь.

Зотов вбежал в дом и остолбенел. Варвара, согнувшись, стояла у стола, посреди комнаты. Дети испуганно смотрели на мать.

— Чего рот разинул? — простионала она. — Детей уведи из избы... Да воду на плиту поставь. Путешественник.

Зотов вбежал в кухню, схватил ведро с водой, поставил на плиту, долго шарил по карманам, по закуткам — искал спички. Наконец нашел, отвернул вентиль на газовом баллоне, зажег горелку. Выскочил во двор, отворил ворота настежь. Дети обступили отца со всех сторон. В глубине улицы показался «Рафик» скорой помощи. Зотов замахал рукой. «Рафик» с ходу въехал в ворота. Женщина-врач и две сестры бросились в дом.

Варвара лежала на кровати. Стонала, закусив угол подушки.

— Носилки! — приказала врач еще на пороге.

— Кто вас просит? — простионала Варвара. — Не первый — седьмой ведь! Пулей выскочит!

Зотов, словно конь на привязи, взад-вперед ходил по двору.

Над Варварой склонились врач и сестры.

— Принимайте! — промывчала Варвара, стискивая зубы. — Принимайте, говорю! Вода на плите!

Подошли соседки. Из дома донесся крик Варвары.

— Детей бы отослал подальше, — шепнула Зотову соседка.

Он суетливо достал из кармана деньги, сунул старшему:

— В клуб ходите... в кино.

— Рано еще, папка, — смущенно ответил старший.

— Эх, мужики-мужики, народ окаянный! — вздохнула соседка. — Одному бы хоть раз довелось, знали бы нам цену!

В доме раздался душераздирающий стон матери, затем пронзительный крик младенца.

Зотов опустил голову. Дети испуганно смотрели на отца.

Из дома выбежала медсестра в марлевой повязке. Зотов с мольбой в глазах повернулся к ней.

— Дочка! — усмехнулась в маску сестра.

— Дочка, — повторил Иван, и на лице появилось изумление. Он повернулся к своим сорванцам и сказал растроганно: — Сестренка у вас, слышите, трактористы?

К комбайну Василия подкатил ГАЗ-51, подставил под загрузку кузов. В кабине двое. Один мрачный, с близко посаженными глазками — водитель, второй одутловатый, синюшный, нетрезвый.

Не обратив на них внимания, Василий нажал на рычаг. Зерно из бункера струей ударило в кузов. Грузовик медленно двинулся рядом с комбайном. Василий оглянулся, посмотрел, как идет зерно. Двое в кабине настороженно переглянулись. На «газон» как раз хватило одного бункера. Василий снял с крючка жетон, протянул водителю. Но тот даже не выглянул из кабины, нажал на газ. Грузовик выскользнул из-под комбайна и, набирая скорость, покатил к хуторку. Василий от удивления рот разинул. Но, осознав, что произошло, спрыгнул с комбайна, побежал по следу:

— Стой! Стой! Сто-о-ой!

«Газон» промчался вдоль хуторка и скрылся в лесу.

Василий подбежал к одному из домов. Во дворе трудился хозяин — Кондрат Платонович, выносил из овина навоз, складывал в стожок.

— Кондрат Платонович! — окликнул его Василий. — Кто это проехал сейчас на «газоне»?

— Что-то не приметил. Или в овине был в тот момент.

— Водитель с маленькими глазками, а другой мордатый!

— Подслеповатый? Вроде Саня Черненко, водитель из лесхоза. А мордатый? Кто ж мордатый? Может, Леха Калмыков? Из тюрьмы недавно вышел. А что?

— Машину зерна угнали.

— Зерно, говоришь? Они! Без разговору. На водку сменяют.

— Как их найти?

— Да никак! Лес большой. Ищи-свищи! В милицию заяви завтра. Милиция и найдет. Давние знакомцы. — Старик воткнул вилы, вытер испарину на лбу. — Пошли в дом, перекусим. Лукиннишна давно ждет. Иван домой уехал?

— Да. Жена рожать должна.

— Дело такое, житейское.

— Что же ты не ешь? — беспокоилась Лукиннишна.

— Не идет что-то, — устало ответил Василий.

— Кваску березового попей. Крепкий, с той весны еще. Да ты захворал, никак! — Лукиннишна посмотрела на его воспаленные глаза, приложила руку ко лбу: — Жар есть! И не малый.

— С ветра это, — отмахнулся Василий.

— Нет, — убежденно возразила Лукиннишна. — Это уж я знаю. Вон на погосте четверо деток моих. Забрал господь в малом возрасте. Ложись. Тулупчиком укрою и травку сварю.

— Вот неладная, опять сыпет, — взглянул на окошко старик. — За ночь все колосья обломит.

Василий встал из-за стола, одел телогрейку, шапку.

— Не ходи, сынок, — предупредила Лукиннишна серьезно. — Воспаление, не ровен час, захватить можно.

— Я ненадолго.

Василий вышел на двор. С неба сыпалась мягкая пушистая падь. Василий посмотрел вверх. Снежинки падали на лицо и тут же таяли.

Под навесом у сарая лежал свернутый в тюк брезент от комбайна. Василий вскинул его на спину и зашагал со двора.

...Подойдя к своему «Сибиряку», Василий сбросил тюк со спины, отдышался. Оглянулся вокруг. Никого. Тишина. Нагнулся,

раскатал большой брезент вдоль, развернул поперек.

Взобрался на мостик, завел двигатель, повел комбайн в загонку. Снег не переставал идти. Стебли пшеницы пригнулись под тяжестью машины.

По степи к комбайну приближался «газон». Увидев его, Василий повел комбайн к разостланному брезенту. На нем была большая куча зерна.

Василий нажал на рычаг. Зерно посыпалось на брезент.

Подлетел «газон». Из кабины выскочили водитель и мордатый.

— Э-э! Мальчик, не шали! — крикнул мордатый. — Мы же тебя сейчас убивать будем!

Водитель обеими руками зажал руков бункера.

— Выключи, падло! Куда оно годится со льдом? — кричал он. — Только свиньям да на водку! Миром не отдашь — угробим!

Василий напал первым. Схватив заводную ручку, с мостика прыгнул на водителя. Оба покатались по зерну. Водитель завопил. Мордатый выхватил нож, бросился к дерущимся. Улучил момент и ударил Василия под лопатку. Василий дернулся, ничком упал в зерно. Водитель вскочил на ноги, подбежал к машине, влез в кабину и резко рванул машину с места.

Василий застонал, приподнялся и спиной прижался к колесу...

Темнело. К дому Кондрата Платоновича подъехал самосвал. Из него выскочил Зотов, поздоровался со стариком.

— Добрый день! Вася у вас?

— Работает! — Кондрат Платонович показал в степь. — С полчаса как умолк!

...Самосвал подъехал к комбайну Василия. Зотов и водитель увидели зерно на брезенте, рассмеялись:

— Во, мудрец! Собери пойдя. Василий!

Выскочили из машины и обмерли. Окровавленный Василий полусидел-полулежал, прижавшись спиной к колесу. К лицу, к рукам, к одежде прилипли зерна пшеницы. Он тихо застонал и тяжело поднял веки. Первое, что он увидел — была одинокая мерцающая звездочка на темной стороне неба. Она быстро приближалась и вырисовывалась в самолет.

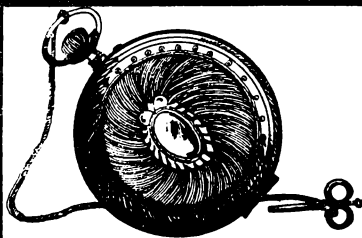
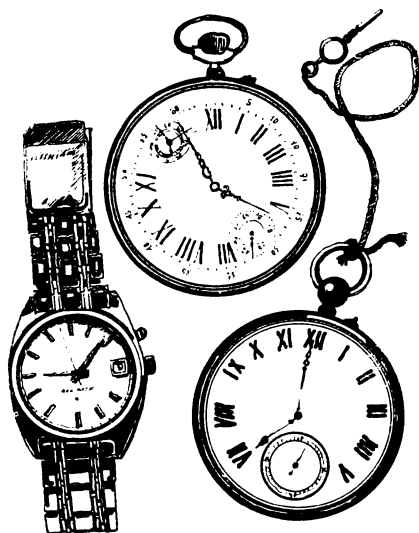
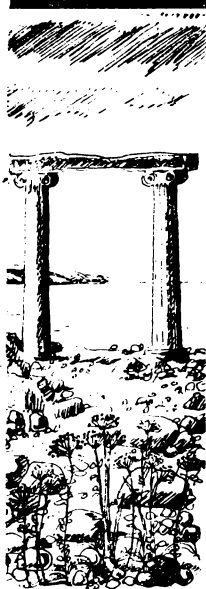
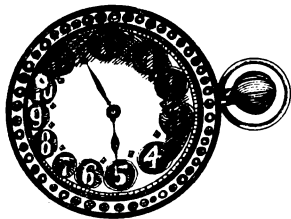
— Вася, живой? — словно издалека слышался Василию голос Зотова.

Он перевел взгляд и увидел склонившегося Зотова и водителя самосвала.

— Да разве такие ребята умирают? — сказал Зотов.

Василий слабо улыбнулся и что-то прошептал одними губами.

АЛЕКСЕЙ СПЕШНЕВ

ЧАСЫ

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СПЕШНЕВ (родился в 1911 году) драматург и кинорежиссер. Член Союза писателей СССР. Лауреат Государственной премии. Автор и соавтор многих сценариев художественных фильмов, в том числе: «Друзья встречаются вновь», «Пятый океан», «Обыкновенная история», «Миклухо-Маклай», «Пржевальский», «Алишер Навои», «Тахир и Зухра» и др. По своим сценариям А. Спешнев как режиссер поставил фильмы «Москва-Генуя», «Тысяча окон», «Черное солнце», «Хроника ночи», отмеченные премиями и дипломами на конкурсах и фестивалях. Фильм по сценарию А. Спешнева «Поезд памяти» получил «Гран-при» на кинофестивале в Хельсинки. Автор пьес «Подарок Нептуна», «Мадлен Годар», «Сверстники», «День остановить нельзя» и др. В настоящее время А. Спешнев ставит на киностудии им. Горького фильм «Плата за истину» по своему сценарию, опубликованному в альманахе «Киносценарии» 1975 года.

ШУМ ЛИСТЬЕВ СРЕДИ УНОСЯЩЕГОСЯ ВРЕМЕНИ

ВОСПОМИНАНИЕ ПЕРВОЕ

Они лежали обнявшись под железнодорожной насыпью в высокой траве. Потом она поднялась, перешагнула сильными загорелыми ногами через магнитофон и вошла в сумрак листвы. Он смотрел на нее снизу, задрав белокурую бороду.

Вынув из футляра шумомер, женщина следила за его стрелкой. Листва волновалась, колеблемая ветром.

— Десять децибел,— сказала женщина.— Шум листьев — десять децибел.

— Иди сюда,— сказал мужчина.

— Я знаю, знаю, это больше не повторится. Этот миг. Этот свет.

— Я все записал на магнитку.

— И шум листьев?

— И шум листьев.— Он привстал на локте и крикнул:— Поезд! — И включил магнитофон.— Татарцева, Татарцева, работать!

Татарцева легла в траву рядом с Пыляевым, подняла вверх руку с шумомером, и над их головами загрохотали железные колеса.

— Восемьдесят децибел... Девяносто восемь децибел!..

Пыляев обнял ее. Гремели вагоны.

Потом Татарцева опять стояла под деревом.

— А шум листьев — десять децибел,— повторила она.

— Я все записал: поезд, два оркестра... и шум листьев. Я люблю тебя, Ника.

Все здесь опирается на реальность, но не ищите ее прямых прототипов — ни в людях, ни в коллективе людей. (Прим. автора)

— И я люблю тебя. Но этот день никогда не повторится, Пыляев.

— Знаешь, Ника, я все-таки решил взять отпуск и написать наконец книгу о времени и о часах.

Он все еще лежал в звенящей траве, и они переговаривались через этот звон и зной, и она опустила на землю под деревом и, закрыв глаза, спросила:

— А счастье, Пыляев? Что это?

— Не знаю,— отозвался он,— совместимость, вероятно. Какая-то высшая совместимость. Тела и души. Желаний, возможностей.— Он скосил глаза. Татарцева прислонилась к стволу, казалась розово-зеленой, удивительно молодой. Пыляев продолжал:— Что ищет человек? Совместимости. С природой, людьми, работой, с женщиной, как с природой и душой. Ты моя удача, Ника, открытие.

— Это ты моя сумасшедшая удача,— донесся издали голос женщины.— И от этого мне страшно.

— Я знаю, о чем ты сейчас думаешь,— сказал Пыляев.— Даже магнитка, на которую я записал шум листьев, превратится в конце концов в ничто, в прах... Или еще до этого кто-нибудь пленку размагнитит.

Она опрокинулась на него, словно с неба, обхватила руками.

— Дурак! Самый умный, самый прекрасный на свете дурак! Угадываешь все мои мысли,— она его яростно целовала,— но не догадываешься, что я счастлива, счастлива, счастлива!

...Солнце ударило в стеклянный шар аквариума. В нем среди камней и водорослей плавали наручные часы-амфибии. Плоские, как маленькая камбала, они чуть покачива-

лись в зеленоватой воде. Мимо шныряли красные рыбешки.

Луч скользнул по застекленным витринам, за которыми поблескивали часы и хронометры — настольные, наручные, карманные, будильники, часы двадцатых годов, тридцатых, сороковых, семидесятых. По углам хрипели стенные часы и ходики.

Тяжелые автоматы, обливаясь горячим маслом, били микроскопические детали часов.

Многokrратно увеличенные, эти детали вращались серыми тенями под линзами микроскопов и на экранах проекторов, окруженных сатиновыми черными занавесочками, словно крошечные исповедальни.

Оживали механизмы часов. Часы вращались в барабанах. На ползущих лентах самописцы чертили кардиограммы их хода.

И над всеми приборами и сборочными столами, и в сатиновых исповедальнях белели высокие марлевые тюрбаны работниц и контролеров.

Среди этих тюрбанов появлялась, временами Татарцева, внимательно всматривалась в усталые лица девушек, следила за движением рук, положением корпуса.

Молоденькая сборщица скинула туфли, пошевелила затекшими пальцами и положила под стол ног на рифленую картонную коробку.

— А если бы мы сделали подставки для ног, — наклонилась к девушке Татарцева, — для всех сборщиц...

— Хорошо бы, Вероника Андреевна. Сидишь неподвижно...

— Все тело немеет, — закивала Татарцева. — Помню, помню...

Татарцева заметила, как одна из сборщиц закрыла глаза и откинула назад голову.

Послышалась музыка — комсорг цеха Катя включила магнитофон. Девушки словно очнулись. Веселая мелодия всем пришлось кстати, кроме Федоскиной, женщины с раздраженным тяжелым лицом. Она фыркнула и отзернула.

— Раньше нам по трансляции давали музыку, — сказала Катя Татарцевой, — а теперь сами видите...

— А считаешь, музыка нужна? — спросила Татарцева, улыбнувшись.

— Обязательно. Да вы же сами знаете, Вероника Андреевна.

— Обожди. Все будет.

— Что с тобой? — остановилась Татарцева позади сборщицы, плотно сомкнувшей веки.

— Глаза режет, — смущенно заморгала девушка. — Свет ослепительный целый день. Хоть и называется дневной, а все-таки искусственный. И все кругом белое — халаты, повязки на головах, стены — одно белое, одно белое.

Записывая что-то в блокноте, Татарцева говорила теперь с парнем. Он был рыхлый, с влажным лицом. Белый колпак на голове делал его похожим на повара.

— Вот я говорю девушкам, — следила Татарцева за жирноватыми, но ловкими руками парня. — труд у вас все же монотонный. Как бы хорошо менять операции, овладеть всеми. Вот вы, например...

— Мы овладеваем, — усмехнулся парень, — нам так интересней.

— Да, ребята стремятся, — сказала Катя, — а девушки — нет.

— Уверена? — обернулась к ней Татарцева.

Катя сверкнула ослепительными негритяскими зубами, но ответила серьезно:

— Подняли расценки. И норму подняли. Раньше, скажем, работу делали десять сборщиц — теперь пять-шесть справляются. Зарабатывают больше и вроде все довольны. А если заболит кто? Каждая ведь знает только одну операцию. Решили организовать «техническую помощь». А девушки идти в нее не хотят, потому что в «помощи» надо знать все операции.

— Вас интересует, почему уклоняются? — ухмыльнулся парень в колпаке. — Потому что женщина вообще консервативней мужчины — ей бы ничего не менялось, ей гнездо вить.

Татарцева вспыхнула.

— Я, конечно, извиняюсь,— вытер колпаком вспотевший лоб парень.

...В сумерках шелест листьев, грохот поезда, шум улицы, раскаты грома и залпы рок-оркестра доносились из ярко освещенных окон заводской лаборатории профпригодности, которая помещалась на первом этаже, рядом с вычислительным центром. Приборы в лаборатории были накрыты чехлами, методистки ушли и работали сейчас только механики: монтировали под наблюдением Татарцевой агрегат для определения ориентации, контактности и эмоциональных реакций. Татарцева проверяла динамики, гоняла магнитку.

— Раскаты грома сто двенадцать децибел, а рок-оркестр сто двадцать три децибела,— смеялась Татарцева,— всего на несколько децибел ниже артиллерийской пальбы!..

Окна лаборатории выходили в сад. Там, среди деревьев, стоял немолодой широколицый Коммунар Сергеевич, начальник третьего сборочного, и с каким-то странным любопытством и душевным напряжением глядел на Татарцеву. Мимо прошла в темноте комсорг Катя, и Коммунар Сергеевич вздрогнул, точно его застали на месте преступления.

Залпы рок-оркестра смолкли. Вероятно, оборвалась магнитка. Татарцева села на подоконник и в наступившей вечерней тишине сладко, устало потянулась.

— Это и есть новый прибор, который всех теперь разметит: кто повышено возбуждаемый, кто способный, а кто просто шлак? — услышала Татарцева голос Коммунара Сергеевича.— Кому ж машина в первую очередь начнет выставлять отметки — нам, среднему составу, или начальству?

— Добрый вечер,— отозвалась Татарцева.— Побавиваешься, Коммунар Сергеевич?

— Я тебя побавиваюсь,— усмехнулся начальник цеха, и широкое лицо его опять стало странно напряженным.

...Утром в голубоватом люминисцентном свете Вероника Татарцева шла вдоль сбо-

рочных столов, листая на ходу какие-то бумаги. Наладчики и сборщицы провожали ее чуть завистливыми восхищенными взглядами. На Татарцевой был новенький короткий рабочий халат цвета свежей травы. И сама она была в это утро свежей и легкой. Стройные сильные загорелые ноги свободно несли ее красивое соразмерное тело. Стянутые зеленой лентой слегка подпрыгивали на затылке медно-рыжие волосы. Татарцева чуть улыбалась, оживленная, видимо, приятными ожиданиями и заботами.

В дверях остановился Фетисов, хмуро следил за ней.

Женщина прошла мимо и, очувтившись в длинном белом, ослепительно освещенном коридоре, ускорила шаг, побежала, пританцовывая, и вдруг остановилась, по-детски неуклюже раскинула руки, закрыла глаза. И пошла, словно в полном безмолвии и одиночестве, медленно, медленно.

— Какие ноги! Какие ноги!..— слышались позади голоса.— А к чему они члену парткома?

Татарцева вспыхнула, обернулась, но уже никого не было, кроме Фетисова, который стоял вдалеке.

Татарцева свернула к лифту. Фетисов прислонился к перилам лестницы. Спортивная рубашка со шнуровкой на груди, большие очки в тяжелой оправе и коротко подстриженные бобриком седеющие волосы. Татарцева отнюдь не была уверена, что именно он только что восхитился ее ногами.

Открылись двери лифта. Из него выпорхнули девушки в белых халатах и марлевых тюрбанах. Татарцева вошла в кабину. Следом за ней — Фетисов.

Лифт шел вниз. Между Фетисовым и Татарцевой стояли трое глухонемых парней, рабочих, и оживленно «беседовали» между собой с помощью знаков. Лица их раскраснелись, покрылись испариной. Они о чем-то спорили. Через их головы Фетисов помахал рукой, чтобы привлечь внимание Татарцевой, и когда та обернулась, попытался выразить жестами и мимикой, подражая глухонемым, свой интерес к ней.

Татарцева отвернулась. Фетисов заметил, что глухонемые перестали объясняться и внимательно смотрят на него. В этот момент лифт остановился, и все трое вышли. Старший из них зло и беззвучно пошвелел губами и несколько раз выбросил руку в сторону Фетисова. Затем двери закрылись, и Фетисов и Татарцева остались в лифте одни.

— Третий,— бросила женщина.

Фетисов кивнул и нажал кнопку. Он наблюдал за выражением лица Татарцевой. Оно уже не было оживленным и радостным. Оно было печальным, почти угрюмым.

— Осуждаете,— спросил Фетисов,— бестактность и душевную дикость?

Женщина не ответила.

— Эти ребята здесь работают?

— Да.

— Каждому надо где-то работать.

Женщина молчала.

— Как поживает мой друг Пыляев? — неожиданно произнес Фетисов.

Лифт остановился на третьем этаже, и они вышли.

— Ваш друг? — спросила Татарцева, удивленно обернувшись.

— А вы меня не помните? — поинтересовался Фетисов, шагая позади Татарцевой.

— Нет,— бросила Татарцева.

— Какое лицо! Какое лицо! — восхитился Фетисов.

— Какие ноги! — в тон ему тихо воскликнула Татарцева, и глаза ее весело и сердито сверкнули.— Какие ноги, да?

Расхохотавшись, она скрылась за поворотом коридора.

Когда Татарцева появилась в стеклянном отсеке Коммунара Сергеевича, он разговаривал по селекторной связи. В соседних сотах работали счетоводы и бухгалтеры, по преимуществу девушки. Проворно нажимая кнопки вычислительных приборов, они, по-сменываясь, наблюдали за начальником цеха. Разгоряченный и пунцовый от злости, он кричал в микрофон:

— Не могу я ее видеть, эту Татарцеву. Конец квартала, я должен план давать,

а она нервы рвет. Заменяй ей белые халаты на зеленые — белый цвет, видишь ли, резок, утомляет. Сделай всем сборщицам подставки под ноги да по мерке, уберись избыточный шум в цехе. Явится и меряет своим прибором децибелы. Да ты погоди, погоди. Кто же против НОТа, научной организации труда? Но сперва дай нормальную организацию. Замучила. Придумала какую-то пятиминутку начальника цеха, чтобы я, к примеру, каждое утро перед началом работы обращался к массам, подымал настроение. Предупреждаю, если она опять явится, я ее пошло знаешь куда? Честное партийное слово.

— Я уже здесь,— раздался за его спиной голос Татарцевой.

— Здесь она! — побагровев, воскликнул начальник цеха.— Позже позвоню.

— Прибыла к вам в качестве манекенщицы,— как ни в чем ни бывало заявила Татарцева.

Мило улыбаясь, она прошла вокруг стола начальника, демонстрируя свой короткий рабочий халатик цвета свежей травы.

— Нравится?

Начальник весь скривился, тяжело задышал, но чтобы выразить свой восторг, слов не нашел.

— Такие будут у всех. Договорились?

— Татарцева, сколько тебе лет?

— Тридцать пять.

— Молодец!.. Мне вот сорок четыре, а я уже стариком себя чувствую.

— Коммунар Сергеевич... Извини, всякий раз произношу твое имя-отчество со страхом, вернее, с робостью... Коммунар! И Сергеевич!.. Не имя — эпоха.

— А что? Правильно. Эпоха. Может быть, по-твоему, наивная, но...

Загудел зуммер. Коммунар Сергеевич крикнул в микрофон:

— Не подписал еще! Не подписал! Бумага полежит — умней станет.— Невесело как-то поглядев на Татарцеву, он продолжал: — Мои папа и мама не спрашивали, в чем смысл жизни. Дай план, выполни пятилетку. Вот и весь смысл. Великая цель.

— А тебе трудно пять минут поговорить с людьми,— упрекнула Татарцева.— Сказать, как поработали накануне, какие задачи на сегодня. Поздравить, скажем, Карпову с днем рождения. Ивановой пожелать счастливой жизни, если она накануне расписалась. Работницы приходят, не обыв от домашних забот, может быть, обид, помнят толкотню и грубость в автобусе, метро. А надо их настроить на хороший труд.

— А что я им могу сказать,— снова взорвался Коммунар Сергеевич,— если сам прихожу злой как черт?

Татарцева вынула из кармана шумомер, поглядела на стрелку.

— Много, много децибел. Ты, извини, руководитель. И твоя злость дорого обходится.

— Руководитель! Но не диктор. И не артист.

Загудел опять зуммер. Коммунар Сергеевич крикнул:

— Позже позвони. Что? Трачу в настоящий момент огромные усилия на поддержание нормальной температуры.— Он повернулся к Татарцевой и спросил: — А где твоя функциональная музыка? Почему молчит трансляция? Девчата каждый день спрашивают.

Татарцева села.

— Институт гигиены труда сделал нам новую программу — полгода ни одна мелодия не повторится. Это важно. Один характер музыки для начала дня, другой — для вработывания, третий — для периодов усталости, спада, ослабления внимания... Правильно подобранная музыка дает до двадцати процентов повышения производительности.

— Так давай! Где же твоя музыка?

— Все одновременно,— твердо сказала Татарцева,— новая одежда, пятиминутка начальников цехов, функциональная музыка.

Коммунар Сергеевич вскочил с кресла, но тотчас снова повалился обратно и тяжело задыхался.

— Куда ты меня хотел послать, я догадываюсь,— усмехнулась Татарцева.— А тебя я послала бы в Японию. Там, говорят,

есть школа улыбок. Учат людей приветливо улыбаться. Повышает уровень отношений. И производительность.

Коммунар Сергеевич поглядел на Татарцеву загнанными глазами. Но вдруг до него дошел смысл ее слов, и он улыбнулся по-детски доверчиво. Лицо его стало добрым. Но только на краткий миг. Коммунар Сергеевич снова побагровел, и лоб его покрылся испариной.

Татарцева опять извлекла из кармана прибор для измерения шума и молча стала ждать гневных выкриков. Коммунар усмехнулся:

— Не думай, Татарцева, все понимаю. И новый век. И НТР. И необходимость учитывать психологию, человеческий фактор. Но откуда взять силы, скажи. Силы и нервы. Годами через меня ток пропускают: дай план, дай перевыполнение. Все жилы, мозги под током. Откуда взять время для нового понимания жизни? Для новых, как вы теперь выражаетесь, адаптаций?

Татарцева поглядела на Коммунара с сочувствием. К стеклянным перегородкам прилипли лица девушек из цеховой бухгалтерии. Коммунар Сергеевич махнул рукой, и они исчезли.

Коммунар Сергеевич тяжело поднялся, напряженно-внимательным взглядом смерил Татарцеву и достал из ящика стола металлический жетончик.

— Давай спустимся в камеру хранения, отдам тебе твои антикварные часы.

В камере хранения Коммунар Сергеевич подал жетончик и ему сняли с полки картонную коробку. Коммунар вынул из нее фарфоровые часы с символическим изображением Хроноса и его детей.

— Наладили ребята твою игрушку.

— Большое спасибо.

— На Институт гигиены труда имеешь влияние? — разглядывал часы Коммунар Сергеевич.— Не красней. Это всем известно. И я тебе не судья. Об одном прошу: уговори ты своего теоретика поменьше нас консультировать. Скажи своему Пыляеву, что с научной организацией труда надо нам

повременить... до конца квартала.— Коммунар опять доверчиво улыбнулся.— Если нельзя обождать до конца века... Это кто же здесь изображен?

— Хронос, пожирающий своих детей,— объяснила Татарцева,— то есть время...

— Ты гляди! — простодушно воскликнул Коммунар.— Время!.. Нас? — И опять как-то напряженно оглядел Татарцеву.

...Как всегда после смены, у проходной и на улице толпились молодые парни, поджидая своих жен и подружек. Держа перед собой фарфоровые часы, Татарцева ловко лавировала в толпе.

Улица оглушила ее светом, асфальтовым жаром и суетой. Выставив вперед нижнюю губу, Татарцева дула на лицо, откидывая прилипшие волосы. У остановки такси она стала в длинную очередь.

— Направленне? — раздался позади голос Фетисова.

Татарцева не обернулась, но, помедлив, все же ответила:

— На дачу.

— Навестить моего друга Пыляева?

— Нет,— солгала женщина.

— Совпадение. Я тоже решил его навестить.

Татарцева промолчала. Подъехали несколько свободных такси, но очередь все еще была бесконечной. Держать на весу тяжелые часы становилось все трудней. Татарцева поглядела через плечо. Фетисов исчез. Позади стояли длинноволосый лохматый парень с маленьким ребенком на руках и розовощекая старушка в длинном темном платье. Старушка облизывала вафельный стаканчик с растекающимся мороженым.

Скрипнув тормозами, подкатил к стоянке красный «Москвич». Из него выпрыгнул Фетисов. Наклонившись к шоферу, сунул ему пятерку.

— Подбросишь к тридцатому километру.

Шофер равнодушно кивнул. Фетисов открыл заднюю дверь, сказал Татарцевой:

— Садитесь. Нам по пути.

Татарцева метнула свирепый взгляд, но тотчас ей самой стало смешно:

— Спасибо.

...Машина нырнула под мост окружной железной дороги, по которому на платформах везли новенькие разноцветные автомобили.

Скоро Фетисов и Татарцева мчались уже по шоссе. Женщина держала на весу фарфоровые часы. Край ее короткого платья обнажил ноги много выше колен. Чувствуя на себе взгляд Фетисова, она поерзала на сиденье, но это ничего не изменило, и она смутилась окончательно.

Оставаясь сдержанным и отчужденным, Фетисов одернул ей платье. Татарцева задохнулась от злости, но ничего не сказала.

Некоторое время они молчали. Потом Фетисов заметил:

— Раньше молодежь одевалась под взрослых, а теперь взрослые одеваются под молодежь.— Он сбоку посмотрел на женщину и встретил ее насмешливый взгляд.— Взрослые заискивают? Почему вы, например, носите такие короткие юбки?

— А почему вы стрижетесь под бобрик?

— Спротивляюсь моде,—без улыбки произнес Фетисов.— Род высокомерия. Хочу, чтобы вам сразу было ясно — моя бессмертная душа неповторима.

Странная у него была манера: серьезные мысли он высказывал, ухмыляясь, а явно забавные и смешные — с непроницаемым холодным лицом.

— Может быть, я все-таки подержу часы? — сказал Фетисов.— А то у вас скорс отвалится руки.

— Нет,— сказала Татарцева.

Он наклонился и стал рассматривать фарфорового Хроноса, пожирающего своих детей.

— Не страшит? — поглядел он на Татарцеву.

— А вас?

— Я так и думал,— кивнул Фетисов.— На кой черт нужны вам эти часы? Подарите Пыляеву?

— Нет,— опять солгала женщина.

— А ведь вы совсем не умеете врать.

Ее бесил этот тон, раздражала его проницательность. Снова они молчали. На повороте их сильно качнуло, и Фетисов неожиданно обнял женщину за плечи и положил руку на ее колено. Она резко повернулась к нему.

— Остановите машину,—приказала Татарцева.

Шофер в зеркальце ухмыльнулся, свернул на просеку в лес.

— Сейчас же остановите! — Женщина оттолкнула Фетисова, и в этот момент антикварные часы в ее затекших руках стали бить с музыкальным отыгрышем после каждого удара. Наклонив голову, Фетисов слушал, не снимая руки с колена Татарцевой.

— А вы тип! — сказала она спокойно. Затем, увидев в окне обогнавшую их милицейскую «Волгу», прибавила: — Я закричу.

Лес кончился. Шофер счел за благо затормозить.

Татарцева выбралась из машины. Часы в её руках пробили последний удар. «Москвич» исчез. Вокруг были поля.

— Подержите,—Татарцева протянула Фетисову часы и размяла пальцы. Потом размахнулась и звонко ударила его ладонью по лицу — один раз и второй. Фетисов кивнул.

— Все правильно.— Он представился: — Фетисов Александр Александрович. Шут гороховый.

Татарцева взяла из его рук часы и пошла обратно к лесу. Она шагала быстро, не оглядываясь, но вскоре почувствовала, что Фетисов тащится за нею следом. Он обогнал Татарцеву, побежал и встал вдалеке на середине просеки на колени.

— Не бросайте меня! — крикнул он.

Она прошла мимо и показала ему язык.

— Я люблю тебя! — заявил Фетисов.

Женщина шагала все быстрее, не оборачиваясь. А Фетисов шел следом, говорил:

— Человек — существо физиологически реальное, а психологически фантастическое. Кто это сказал? Не важно... фантазмагорической!.. Я люблю вас, Вероника-ника-ника!..

Она свернула к дачному поселку. Он шел за ней, не отставая.

— Давайте я понесу часы, Ника. Тяжело ведь тащить Хроноса, пожирающего своих детей, сознайтесь.

— Не смейте меня называть Никой.

— Потому что так вас называет мой друг?

Она резко остановилась, и его лицо оказалось совсем близко.

— Что все это означает, Александр Александрович, весь этот театр масок?

— Маска — значит роль,— сказал Фетисов,— роль по-латыни — персона, а персона — личность. Вы личность, Вероника-ника-ника?..

— Действительно, шут гороховый,— отстранила Фетисова женщина.

Пройдя шагов двадцать, она остановилась, поставила антикварные часы на пенек и пожаловалась:

— Руки затекли окончательно. Больше не могу.

Фетисов молча поднял часы и понес их.

Миновав железнодорожный переезд, они пошли по засыпанной шлаком дороге вдоль дач.

— Не делайте вид, что вы сердитесь, Вероника-ника-ника. Весьма вероятно, что я вызываю у вас настороженность, даже брезгливость, но не гнев, не гнев. Вас выдают глаза. У вас есть чувство юмора, и перед ним вы бессильны. Вы смешливая особа, Ника.

— Вы наблюдательны, шут,— в тон ему ответила женщина.— Где вы работаете?

— На часовом заводе, где и вы. Но в старом корпусе. Поэтому, вероятно, не знакомы.

— Кем работаете?

— Рафаэлем и Леонардо да Винчи по совместительству... Однако подробности хотел бы сохранить в тайне до завтрашнего утра.

— Мы пришли.— Татарцева прислонилась к калитке, за которой среди яблонь виднелась в глубине участка рубленая дача с мезонином.

Фетисов подал Татарцевой часы.

— А я прогуляюсь. Пообедаю на станции, как одинокий авиаторист.— Он отступил в тень дерева и помахал рукой.— Шут оставляет вас наедине с моим другом. Появлюсь у Пыляева к вечеру. Шут корректен.

Переступив порог дома, Татарцева споткнулась о железное ведро и с грохотом влетела в комнату с задернутыми шторами.

— Ой, простите, Ефросинья Никитишна, это я.

— Ника! — обрадовалась сторожиха.

Лежа в постели и приставив к глазам перламутровый театральный бинокль, интеллигентная сторожиха смотрела телевизор в обществе восьмилетнего внука, который как волчок вертелся под одеялом. Показывали «Очевидное — невероятное».

— Здравствуй, радость моя! — не отрываясь от экрана, приветливо воскликнула Ефросинья Никитишна.— Уж извини нас, приболели мы с внуком. В доме бедлам ужаснейший. А твой бородатый уехал.

— Куда? — удивилась Татарцева.

— А кто его знает. Сказал, чтобы ты включила магнитофон. Он тебе наговорил там... целую речь...

— О господи!

Татарцева быстро прошла в кабинет. Здесь среди разбросанных книг, рукописей и фотографий стояли по углам песочные и водяные часы, а на стенах висели часы-картины, с циферблатами, вделанными в живописные изображения часовен, замков и башен, часы-распятыя, часы-театрик с двигающимися по кругу фигурками не то святым, не то лицедеям.

Татарцева водрузила своего фарфорового Хроноса на этажерку, накрыла газетой, сбросила туфли и босиком побрела в ванную, отбрасывая ступнями рассыпанные по полу яблоки. По пути включила магнитофон, стоящий на ночном столике у тахты.

Послышался механически искаженный голос Пыляева:

— В римских судах и сенате пользовались клипсидрами — водяными часами. Оратору «давали воду» или «лишали воды». Отсюда

относительно некоторых речей: «Вода!» Ника, не «лишай меня воды», дослушай до конца. Неожиданно подвернулась попутная машина в Прибалтику, а мне давно необходимо порыскать в рижских музеях и библиотеках. И в Вильнюс заскочить. Звонил тебе несколько раз, но безрезультатно...

Татарцева вошла в ванную, разделась и стала под душ. Среди неубранных комнат слышался плеск воды, звучал магнитофонный голос Пыляева:

— Я знаю, эта книга меня доканает. Ведь не первая. А пишу, как первую. Нет, как последнюю — в ужасном напряжении и умственном хаосе. А затаившийся отпуск подходит к концу. Если бы мы могли не расставаться!.. Кстати, моей бывшей жене Зинаиде Витальевне, написал. Ответ получил от ее нового спутника жизни. Пишет, что Зина на развод согласна, что скоро приедет в Москву и подаст соответствующие бумаги.

Татарцева на цыпочках вернулась в комнату и, накрывшись простыней, вытянулась на тахте. Голос Пыляева продолжал возле ее изголовья:

— Помнишь, как-то ты меня спросила: что такое время? А я тебе стал рассказывать об огненных часах, о свече с черными и белыми делениями, которыми меряли в средние века время.

Татарцева лежала в густеющих сумерках под простыней и улыбалась, не вытирая слез.

— Пространство трехмерно, — говорил голос Пыляева.— А время? Одномерно? Несомненно одно: время — это движение материи, одна из форм ее существования...

Фарфоровые часы под газетой принялись бить с мелодичным отыгрышем. Следом за ними застучали, задвигались и заиграли все механизмы и хронометры, населяющие кабинет.

Постепенно они затихли. И голос смолк. Татарцева выключила кнопку воспроизведения, нажала кнопку записи и стала говорить, словно рядом был Пыляев:

— Пыляев, милый, я все понимаю и не

сержусь. Но из твоих рассказов я запомнила слова святого Августина: «В тебе, душа моя, измеряю я время». Ты догадываешься, о чем я сейчас думаю? Сегодня ровно год, как мы стали близкими. Я привезла тебе подарок: Хроноса, пожирающего своих детей. Он стоит на этажерке под газетой...

Ефросинья Никитишна, вооруженная биноклем, и ее непоседливый внук продолжали смотреть «Очевидное — невероятное». Ведущий содержательно беседовал с каким-то милым умным профессором о невозможности увидеть окружающий мир глазами другого человека.

В дверях появилась Татарцева, уже в платье, причесанная, с плащом на руке.

— А кто такой Фетисов? — спросила она Ефросинью Никитишну. — Он довел меня сюда на машине. И вел себя очень странно... Хотел зайти, но, видимо, раздумал.

— И лучше.

— Почему?

— Длинная история, — махнула биноклем старушка. — Они с твоим бородатым вместе учились на факультете медицинской психологии...

Татарцева посмотрела на часы.

— Ой, надо бежать! Еще успею, может быть, на электричку...

...Татарцева быстро шла к станции. Впереди на переезде мигал красный фонарь. Приближался поезд.

— Я вас ждал, — послышался за спиной женщины голос Фетисова. — Спасибо, что не остались до утра. Впрочем, я бы все равно вас дождался.

— Цель? — спросила она, резко обернувшись.

— Вероника Андреевна, я обязан перед вами извиниться. Простите меня... за мое бездарное нападение в машине и все пошлости, которые я вам наговорил. — Он шел теперь рядом с ней, был серьезен. — Можете простить?

— Нет. Просто постараюсь об этом не думать.

— Это вам не удастся. — Голос его был печальным, жестким. — Я решил отнять вас у Пыляева.

Татарцева расхохоталась.

— Вы что, дорогой товарищ?! Совсем?..

— Счел своей обязанностью предупредить вас.

Она остановилась на переезде.

— И давно вам пришла в голову эта поразительная мысль?

— Когда узнал о ваших отношениях с Пыляевым.

Поезд разъединил их. Татарцева бежала к платформе. Фетисов ждал у шлагбаума. Гремели вагоны, мелькали вспышки окон.

Фетисов нагнал женщину у билетной кассы. Она посмотрела на него сурово.

— Александр Александрович, перестаньте валять дурака.

— Хотите, чтобы я проводил вас до Москвы? — спросил он.

— Разумеется, нет. — Татарцева прыгнула на подножку вагона, и поезд тронулся, и безлюдная дачная платформа стала медленно уноситься во тьму.

В мотающемся из стороны в сторону, ослепительно освещенном, пустом вагоне электрички Татарцева ехала одна. Она хотела.

В дверях появился Фетисов. Он прошел через вагон, даже не поглядев на Татарцеву, и скрылся в грохочущем тамбуре.

...Лохматый, нелепый и шумный беспородный пес по имени Веревка опрокинул с этажерки на пол клетки с попугаями и канарейкой, выпачкался в варенье и теперь, словно безумный, радостно метался по квартире. Между попугаями и канарейкой шел оживленный обмен ночными впечатлениями.

Забыв в суматохе закрыть входную дверь, Татарцева принялась наводить порядок — водворила на место птиц и с трудом загнала Веревку в ванную.

Вскоре там послышался плеск воды и жалобное повизгивание.

На площадке перед незапертой дверью остановилась высокая женщина в нейлоновой куртке и спортивных брюках. У нее бы-

ло обветренное решительное лицо, а шея туго забинтована до самого подбородка. В глазах женщины, водянисто-серых и глубоко запавших, застыло выражение холодного отчаяния.

Женщина позвонила. Один раз, второй. Но никто не открыл. И она вошла. Вошла в чужой мир, в котором не спали птицы и из ванной доносился захлебывающийся лай пса.

Миновав полутемный коридор, женщина открыла дверь, из которой хлынули свет, пар и визг. Татарцева отмывала под краном Веревку. Пес бешено отряхивался, разбрасывая вокруг хлопья пены.

Татарцева обернулась и увидела женщину.

Ее сильный с ямочкой подбородок был поднят чуть вверх, уголки большого красивого рта скорбно опущены.

— Я не прошу у вас прощения,— сказала женщина негромко,— мой приход вам неприятен при всех условиях. Я прямо с поезда. Сейчас двенадцать часов ночи. И девать мне некуда.

Татарцева ничего не могла понять, терла кулаками глаза — в них попало мыло.

Женщина смерила ее оценивающим пристальным взглядом.

— Вы красивы.

Татарцева поспешно запахнула халат. А Веревка, по-своему оценив наступившую тишину, взвизгнул, выпрыгнул из ванны и стал носиться по квартире, переполненный мышечным восторгом и счастьем.

— Я Зинаида Витальевна Пыляева,— женщина повернулась всем корпусом.

— Поняла,— закрыла кран Татарцева.— Проходите.

Остановившись посреди комнаты, Зинаида Витальевна спросила:

— У вас ключ от нашей... от его квартиры?

Татарцева поймала пса, приволокла его в комнату и, бросив на тахту, стала вытирать простыней.

— У вас ключ? — повторила Зинаида Витальевна.— Можете говорить со мною пря-

мо. Я знаю, в каких вы отношениях с Пыляевым.

Татарцева достала из ящика тумбочки ключ и молча подала его Зинаиде Витальевне.

— Я посижу минуту, можно? — глухо произнесла она.

— Хотите есть? — спросила Татарцева.— Может быть, чаю?

— Нет.

Веревка воровато сполз с тахты, кинулся к двери и опять, шарахаясь об стены, принялся бегать. Татарцева набросила на него простыню, поволокла обратно.

Сидя посреди комнаты, Зинаида Витальевна рыдала. Из груди ее вырывались стоны, а слез не было.

Татарцева села напротив, спросила:

— Ну что с вами?

— Оставьте меня в покое! — задыхаясь, выкрикнула Зинаида Витальевна.— Пусть они будут прокляты, эти горы... это безумие! — Она сжимала одной рукой затылок, а другой пыталась оттянуть пропитанную гипсом марлю.— Выше, выше, и быть первыми, непременно первыми!.. — шептала она.— Безумие, безумие!.. Пыляев не стремился быть первым. В нем не было честолюбия...

— Вы так думаете? — сказала Татарцева.

— Я его не любила.— Теперь Зинаида Витальевна говорила спокойней.— Я встретила другого человека... Он умел побеждать себя. Я восхищалась им. Но мы жили какой-то нереальной, условной жизнью среди снега и постоянного риска. Брели вершины или ждали восхождения. Он был астрофизиком, но всему предпочитал горы.— Она делала отчаянные усилия, чтобы снова не разрыдаться.— И горы убили его. Обвалился ледяной карниз.— Несколько секунд она молчала. Затем произнесла почти буднично: — Труп искали на вертолетах пять дней... И не нашли... — Она неприязненно посмотрела на Татарцеву.— Вас интересует, конечно, развод, а вовсе не его гибель. Получит Пыляев развод. Дайте только... очнуться.— Она поднялась.— Состоится развод.

Вережка лежал в углу с высунутым языком, жарко дышал. Попуган угомонился. Татарцева накрыла клетку. Только кенар продолжал прыгать и дергаться и вертеть своей маленькой лимонной головкой. Молчание становилось тягостным. Татарцева сказала:

— В обществе попугасов кенар разучился петь. Свой язык забыл, а язык попугасов не освоил.

— Моя история,— сказала Зинаида Витальевна, стоя в дверях.— От московской жизни отвыкла, новая потеряла смысл. Быть тренером? После его смерти? А другой профессии нет. Прощайте.

— Вы забыли ключи,— крикнула ей вслед Татарцева.

— Я даже забыла, где бывшая... наша квартира.

Татарцева надела плащ.

— Нет, нет, не надо. Найду.— Она протянула руку.— Только не пожимайте крепко — отдает в затылок. И скажите Пыляеву, что я приехала и нуждаюсь в работе. Любуй.

— Пыляев в командировке,— сказала Татарцева.

— А Фетисов? — помолчав, спросила Зинаида Витальевна.— Вы его знаете?

— Очень мало. Я сама постараюсь вам помочь.

— Не будьте доброй.— бросила Зинаида Витальевна.— Жизнь покарает.

И она захлопнула за собой дверь.

ЖЕНЩИНА СРЕДИ УНОСЯЩЕГОСЯ ВРЕМЕНИ

ВОСПОМИНАНИЕ ВТОРОЕ

В выбеленных солнцем развалинах пошвыстывал горячий ветер. Вокруг не было ни автомобилей, ни высоковольтных мачт. Все казалось бесцветным — небо и море, и холмы.

И ни души.

Только эти двое — бородатый мужчина и женщина в выгоревших рубашках навы-

пуск, странно напоминающих древние пелумы,— стояли возле полуразрушенных колонн Херсонеса, греческого поселения на берегу Черного моря.

— Раньше это море называли Евксинским,— сказал Пыляев,— здесь жили люди, приплывшие из Греции.— Пыляев огляделся.— На этой площади, вероятно, стоял гномен.

— Что это такое? — спросила Татарцева.

— Каменный столб, отбрасывающий тень. По длине тени узнавали время, меряли ступнями. Я приду к тебе, говорили, в семь ступней после полудня.

Татарцева меряла тень от колонны. Ее босые ноги мягко ступали в песок среди старых камней.

— Неужели здесь был город, была жизнь?.. Семь ступней...

Женщина остановилась. Пыляев обнял ее. Сожженные их лица, и волосы, и ноги, и руки слились, и ветер осыпал их белесым песком, и они стояли, неотделимые от камней и холмов — от прошлого.

— Я пришла к тебе в семь ступней после полудня,— тихо смеясь, сказала женщина.

Оба они были длинноногие и сильные. Въевшийся в поры кожи песок делал их лица пыльно-глиняными, неразличимыми.

— С тех пор, как ты стал рассказывать мне свою книгу о часах и времени,— продолжала Татарцева,— я представляю себя на месте тех женщин, которые когда-то жили...

— Гречанка разрушила гномен.— Пыляев смотрел на Татарцеву.

Она стояла в тени колонны, безвольно опустив руки вдоль бедер.

— Чтобы не знать, сколько времени осталось ее счастью? — спросила Татарцева среди пыльного мелового ветра.— С тех пор, как ты появился, Пыляев, я все время думаю об уносящемся времени... думаю про каждого человека... что время его жизни ускользает...

Меловой ветер все выбелил. И все исчезло.

...И снова луч солнца пробил стеклянный шар аквариума, где в зеленоватой воде среди рыб и водорослей плавали часы. Бежала секундная стрелка. Снизу, из цехов, доносился гул машин.

Многократно увеличенные детали часов ворочались серыми тенями под линзами микроскопов и на экранах проекторов. В черных исповедальнях белели марлевые тюрбаны контролеров. Ползли белые ленты. Самописцы чертили на них кардиограммы точного хода часов.

Татарцева вошла в художественно-конструкторский отдел, расположенный в старом корпусе.

— Вот я вас и обнаружила, товарищ Рафаэль.

Не выказав особого удивления, Фетисов неторопливо поднялся, отодвинул рабочий стол, на котором был укреплен планшет с эскизом и стояли баночки с красками.

— Ни минуты не сомневался, что вы явитесь,— усмехнулся Фетисов, держа в одной руке кисточку, а в другой маленькую эмалированную палитру с подушечками акварели.

— Да? — миролюбиво отозвалась Татарцева.— Полагаете, сгорю от стыда?

— Уверен. Как же так, НОТ до сих пор не поинтересовался художественным цехом! — Он понизил голос: — Сгорели не от стыда, от любопытства.

— Вы правы.

— Азарт прародительницы Евы?

Татарцева мило улыбнулась. Но Фетисова это не обмануло, и он счел за благо подчеркнуть, что они не одни.

— Знакомьтесь, товарищи,— сказал он громко.— Татарцева Вероника Андреевна, член парткома и заведующая лабораторией НОТа.

Над планшетами и чертежными досками показались головы двух дизайнеров и шести конструкторов.

— Здравствуйте,— сказали они.

— Рассказывайте,— обратилась женщина к Фетисову.

Он положил на стол палитру и спросил: — Какие у вас на руке часы? Нашего завода?

— Конечно.

Он прошел между укрепленными почти вертикально чертежными досками, словно среди театральных ширм, и появился перед Татарцевой.

— Вот их проект ваших часов,— Фетисов указал кисточкой на стену, где висел увеличенный эскиз корпуса и циферблата.— Моя Джоконда.

— Интересно,— одобрила Татарцева.

— А это эскизы будущих моделей.— Он оглянулся, чтобы проверить, не подглядывают ли сотрудники.

Но за ширмами все было спокойно — никто не подглядывал.

— Я слушаю, слушаю,— бросила женщина,— рассказывайте, Александр Александрович.

— Поскольку лаборатория научной организации труда нас игнорирует,— сказал Фетисов,— мы сами кое-что предприняли. Видите, справа сидят дизайнеры, слева конструкторы...

Татарцева исчезла за ширмами.

— Усадили их рядком, под одной крышей, чтобы соединить, так сказать, фантасию с требованиями технического расчета.— Фетисов и Татарцева, разделенные ширмами, то появлялись, то исчезали.— Дизайнер делает эскиз, конструктор тут же может подать совет, привязать его к возможностям производства.

Сотрудники высовывались из-за досок, разглядывали женщину.

— Наши часы, как вам известно,— доносился голос Фетисова,— идут в семьдесят стран, а то и больше. Естественно, учитываем вкусы покупателей, улавливаем капризы моды и технического прогресса.

Фетисов и Татарцева вышли из-за ширм с разных сторон, и женщина спросила:

— Чем же вы недовольны?

— Собой,— метнул кисточку на свой стол Фетисов.

— Предполагала.— Женщина покачала головой.— Идемте обедать. Столовую, наверное, уже открыли.

Когда они вышли из отдела, Татарцева сказала:

— Я пришла, потому что вчера почувствовала, что вы несчастны, глубоко не удовлетворены жизнью. Хотите выслушать мою версию?

— Стоит ли? — Фетисов сел на подоконник.— А впрочем, любопытно.

— Тогда один вопрос. Вы действительно закончили факультет медицинской психологии?

— Допустим.

— Защитили диплом?

— Нет.

— Почему?

— Мне не хотелось бы... об этом... Идемте, Вероника-ника-ника.

Они спускались по лестнице. Татарцева остановила толстую женщину с сожженными пергидролью мелко завитыми волосами. Вид у женщины был озабоченный и решительный.

— Привет, кадры! — Татарцева и толстуха поцеловались.— Постой, постой. Отдыхай минуточку,— сказала Татарцева.— Имеешь возможность трудоустроить... одну мою знакомую с физкультурным образованием, без производственной профессии?

— Подумаю. В сборочный пойдет?

— Ей нужна работа. Любая.

Толстуха вынула из сумочки блокнот.

— Фамилия?

— Пыляева.

Толстуха удивленно поглядела на Татарцеву.

— Сестра Пыляева из Института гигиены труда?

— Жена.

— Бывшая? — Она обняла Татарцеву, заглянула в глаза.— Ой, Вероника, Вероника!.. Глупость делаешь, а?.. Ну, дело твое. Побежала.

Фетисов спросил Татарцеву:

— Вернулась Зина Пыляева?

— А вот об этом уж мне не хотелось бы говорить.

Они вышли на заводской двор. Из старого корпуса в новый и обратно в бензиновом угаре перебежали наладчики и мастера в черных спецовках, девушки в белых халатах. Татарцева и Фетисов лавировали между тяжелыми самосвалами с бетоном.

— Вот что с вами произошло, мне кажется.— Татарцева шла чуть впереди Фетисова.— Бросили все ради искусства. Интерес к искусству приняли за талант. Что обманулись... поняли поздно. Сменили несколько профессий и, наконец...— Она вскинула запястье с наручными часами,— создала свой шедевр. Похоже?

— А вы жестоки,— медленно произнес Фетисов.— И довольно бесцеремонны.

Женщина сказала:

— Если вам неприятен разговор, можем прекратить.

— Нет, почему же,— задержался Фетисов, давая возможность развернуться грузовику с арматурой.

В глубине двора строился третий по счету корпус — бетонная коробка была уже почти закончена.

— Свою работу вы, вероятно, делаете хорошо,— обернулась Татарцева.— Но не любите ее.

— Я ошибся,— нагнал Фетисов женщину.— Вы отнюдь не Ева. И ваше счастье, что на дворе двадцатый век — сожгли бы на костре. Вы ведьма? — вежливо осведомился он.

— По-моему, мы решили поговорить серьезно,— рассердилась Татарцева.— Нет?

— Микеланджело Буонаротти убил пастурщика, чтобы верней изобразить страдания распятого Христа. А я убил себя. И ничего не изобразил. Вы это хотели сказать?

— Нет! — крикнула Татарцева в бетонной пыли, грохоте и гари.— Я знаю одно: вы для меня человек-проблема.

— Так сказать, тематический больной? — нырнул Фетисов вслед за Татарцевой в проход между самосвалами.

Они вошли в здание.

— Докатился! — Фетисов распахнул дверь в столовую.

— Ну куда?! Куда лезете?! — раздался из кафельно-стеклянной глубины голос буфетчицы Ленки. — Не видите, закрыта еще столовая? И буфет закрыт.

— Мы подождем, — сказала Татарцева сдержанно, но твердо. — Между прочим, столовая должна работать с двенадцати.

— Разве мы люди?! — взорвалась Ленка за стойкой. — Разве для нас существует отдых? Начальство, оно целый день имеет перерыв: хочет — работает, не хочет — беседует или боржом пьет.

— Да тише ты! — крикнула Ленке официантка в парике. — Это товарищ Татарцева. Иди лучше к нам завтракать.

— А ну вас! — отмахнулась от официанток, расположившихся у окна, Ленка. — Да замолчите вы все!

Ссорившиеся на кухне поварахи и судомойки немного поутихли, но вскоре опять начали галдеть. Фетисов заглянул на кухню через раздаточное окно. Прошелся вдоль стойки, с интересом рассматривая Ленку.

Ленка вышивала. Руки ее легко и умело продергивали гарусную нитку. Девушка вскинула на Фетисова свои чуть выпученные огромные светлосиние глаза, выставила вперед грудь и прошипела:

— Ну, чего уставились?

Фетисов растянул губы в улыбке. Ленка отвернулась, продолжая продергивать нитку. Вокруг нее была грязь, валялись в растекшемся майонезе груды тарелок с остатками еды, в помидоре торчал окурочок. Но свирепую прекрасную Ленку это не интересовало.

Фетисов вернулся к Татарцевой, сел за столик напротив нее.

— По-моему, ваш вариант, — сказала Татарцева, изучая меню. — Не любит свою работу, а потому раздражена и презирает весь мир.

— А вы посмотрите, как вышивает, — кивнул в сторону юной скандалистки Фетисов. — Удивительные руки.

Татарцева подошла к стойке, положила на поднос тридцать конесек.

— Я возьму с фильтром, ладно? — потянулась за сигаретами.

Но Ленка сама швырнула ей пачку.

Татарцеву обняла миловидная, очень молодая беременная женщина.

— Оля! — воскликнула Татарцева.

— Покидаю вас, Вероника Андреевна, забежала проститься. — Глаза Оли за толстыми стеклами очков в золоченой оправе близоруко щурились, щеки все время краснели. — Ухожу в декретный... Все так странно... И слово какое-то... И все не верю: неужели это относится ко мне? И я скоро буду...

— Мамой, мамой, — засмеялась Татарцева и прижала к себе доброе умное личико Оли, — а не производственным психологом.

— Апельсинов нет? — робко спросила буфетчицу Оля.

— Перерыв, — не поднимая головы, бросила Ленка. — А ваши апельсины еще на деревьях, в Африке.

— Ну счастливо, — крепко поцеловала Олю Татарцева, и та пошла к двери, переваливаясь, как уточка.

Словно ничего не произошло, Татарцева спросила Ленку:

— Можно мне поглядеть ваше вышивание?

Ленка растерялась. На лице ее засветилось нечто робкое, затаенное. Она пожалала плечами.

— Поглядите, если интересно.

Послышалась сирена. Официантка отворила двери. Столовая стала наполняться белыми халатами и черными спецовками. У буфета выстраивалась очередь. На столах появились борщи и бульоны.

— Вероника Андреевна! — позвал Фетисов. — Стынет.

Женщина возвратилась, и Фетисов ей сказал:

— Улавливаю ваш вывод.

Татарцева, обжигаясь, ела борщ.

— Каждый человек талантлив... хоть в чем-то, — сказал Фетисов, бросая в тарел-

ку щепотки соли и перца.— Но не всем, Вероника Андреевна, дано проявить свои способности, понять, что они есть, найти соответствующее им применение в жизни.

Татарцева отодвинула тарелку, впервые слушала Фетисова с интересом.

— А общество наше пока не настолько богато, чтобы каждому дать возможность найти себя... Передайте, пожалуйста, хлеб,— попросил Фетисов.— Менять учебные заведения, профессии...

— Но все равно,— придвинулась ближе к Фетисову женщина,— нельзя устранимся от проблемы. Да мы ею и занимаемся в сущности. Ну хотя бы в лаборатории профпригодности. Но очень узко, конечно, очень ограниченно. Человек, не нашедший своего призвания, не удовлетворенный работой... а стало быть, и жизнью, в той или иной степени всегда агрессивен, враждебен... Я говорю сейчас не о вас... Да, да, хулиганство, алкоголизм, алчное приобретательство, многие преступления... все, все злое в человеке от несовместимости, от того, что лучшее в нем не замечено окружающими или им самим, что способности его не нашли применения. И для человека, и для общества это, конечно, драматично...

— Отвлеченно рассуждаешь,— вмешался в разговор Коммунар Сергеевич, давно уже присевший к их столу.— Человек на своем месте — это правильно, понимаю. На своем месте в интересах производства. А ты, Татарцева, о чем толкуешь?

Фетисов усмехнулся.

— Вероника Андреевна говорит, что человек, не совместимый с людьми и своими занятиями, острый чувствует ужас ускользающего времени.

— Понятно,— скривился Коммунар Сергеевич, задыхал и вдруг подмигнул: — Хронос?

— Именно,— наклонил голову Фетисов.

— Говорила с Пыляевым? — мешая ложкой горячий борщ, насмешливо поинтересовался Коммунар Сергеевич.— Как он? Стоит на своем? Или поколебала в общих интересах?

— НОТ настаивает,— ответила Татарцева, принимаясь за рагу,— начать одновременно, подтянуть все звенья.

— Это ты, матушка, настаиваешь. И твой теоретик.— Коммунар Сергеевич побагровел.— А вы поинтересовались мнением сборщиц, инженеров? Я знаю их лучше вас и...

— Да брось ты, Коммунар Сергеевич, ломать дурочку! — бросила Татарцева.— Я пятнадцать лет на этом заводе и два года простояла на сборке. И между прочим, начальники других цехов не возражают, даже поддерживают. Да вон они, за твоей спиной сидят. Спроси.

Коммунар обернулся, увидел своих коллег, но спрашивать не стал, а лишь как-то укоризненно, сокрушенно поглядел на Татарцеву.

— Ну что же, ну что же!..

...В лаборатории профпригодности лишенная возраста методистка с маленькой злой головкой динозавра объясняла лохматому длинноволосому парню задачу теста. Это был тот самый долговязый малый, который вместе с Татарцевой ожидал такси с грудным ребенком на руках.

— В центре каждого квадратика поставьте карандашом точку.— У методистки был тихий властный голос хирургической сестры.— Контрольное время семьдесят — во семьдесят секунд. А на этой таблице наметите центр каждого круга и разделите круги на семь равных частей. Проверяю глазомер и быстроту ориентации.

— Сделаем! — бодрился взмокший парень.— Нам ведь что? Мы из ПТУ... Подучиться малость конкретному делу. А через год все равно в армию.

— Болтаете! — включила секундомер методистка.

В белизну лаборатории вплыла Ленка с видом Марин Стюарт, готовой принять казнь на эшафоте. Забыв о разделении круга, на нее уставился лохматый парень. Она хмыкнула и надменно отвернулась.

Включая приборы, вторая методистка весело сказала:

— Ну, Ленка, помучила ты нас в буфете, теперь мы тебя будем мучить.— Методистка мыла руки.— С чего в цех надумала?

— Татарцева Вероника Андреевна советует,— Ленка пошевелила длинными пальцами, покрутила кистями.— Говорит, пальцы у меня... особенные... И терпение есть на тонкую работу... Что мне делать?

— Садись,— добродушно скомандовала методистка и сморщила веснушчатый нос.— Сейчас выясним все твои таланты. Ладно, ладно, расслабься. Ничего с тобой не сделаю. Что надо установить? Быстроту зрительного различения, тактильную чувствительность...

— Чего, чего? — завела вверх свои синие глаза Ленка.

— Осязание,— развязно пояснил лохматый парень и сам ужаснулся своей дерзости — на него смотрел динозавр.— Ну чего можешь на ощупь.

— Болтаете! — Динозавр стояла у окна, листовая толстую книгу.

Веснушчатая методистка, посмеиваясь, продолжала объяснять:

— Возбудимость, торможение, реакции сердца. Садись, Лена, ближе. Вот так. Это зрительный анализатор,— указала методистка на ящик с отверстием.— Смотри в глазок. Видишь там на экране подковку?

— Ну? — с азартом отозвалась Ленка.

— Подковка будет менять положение. А ты должна мне быстро говорить, где ее разрыв, куда повернут — вверх, вниз, вправо, влево.

Ленка помотала головой и прикинула к круглому глазку.

— Подковка!.. Может, на счастье? Вся жизнь переменится? Окажусь способная? А?..

— Начали,— нажала затвор глазка методистка.

В комнате ожидания над дверью, ведущей в лабораторию, матово светилось табло: «Тишина. Не входить».

Изящная, со вкусом одетая глухонемая девушка быстро и беззвучно «говорила» со своей матерью, пожилой женщиной с вино-

ватым несчастным лицом. Рядом ожидала своей очереди Зинаида Витальевна. Она сидела прямо и неподвижно, стараясь не глядеть на жестикулирующую девушку. Вошла Татарцева, спросила:

— Вы следующая?

— За этой девушкой,— ответила тихо Зинаида Витальевна.— Спасибо вам.

— Ну и отлично,— кивнула ободряюще Татарцева.

— Как ни странно, я волнуюсь,— созналась Зинаида Витальевна.

— Я тоже,— сказала Татарцева.— И это уже совсем нелепо. Я же знаю, что ничего ужасного вам не предстоит.

Из дверей лаборатории вывалился длинноволосый малый, поблагодарил глухонемую девушку и ее мать:

— Спасибо вам, женщины, что за моей Танькой приглядели.

Только теперь Татарцева заметила коляску с ребенком, которая стояла у стены.

Парень вынул дочку из коляски, поправил матрасик. Танька была завернута в нарядный стеганный конверт.

— Нас мамочка наша, дрянь, бросила, да? — ткнулся парень носом в личико Таньки, и кудри его накрыли девочку.— А мы с папкой вдвоем да с бабушкой будем жить, верно? Папка не опозорился — теперь работать будет.

В дверях показалась Ленка и веснушчатая методистка.

— Во! — подняла кверху большой палец методистка.— Все у нас, товарищ Татарцева, на высшем уровне: и зрение, и тактильность, и координация — все!

Ленка от счастья всхлипывала, ворчала:

— Да пойдите вы все от меня!..— Но относилось это к длинноволосому папаше, который двумя руками жал ей ладошку.

— Двое следующих,— появилась в дверях динозавр с книгой.

Тонкая изящная девушка, сопровождаемая матерью, и Зинаида Витальевна направились к входу в лабораторию.

— А вы зачем? — спросила методистка.— Вы кто?

— Я? Переводить буду,— ответила старая женщина.— Моя дочь глухонемая.

Изящная девушка улыбнулась. Динозавр посмотрела на нее ласково, погладила по волосам.

Зинаида Витальевна молча ждала, была подавлена. Жестикующие руки девушки и ее матери мелькали у нее перед глазами.

В комнату ожидания вошел Фетисов. Ленка играла с дочкой длинноволосого парня. Оба они были возбуждены, веселы и довольны.

— Вы мне звонили? — спросил Татарцеву Фетисов.

— Тс-сс! — Татарцева показала на табло с надписью: «Тишина!» — Звонила. Там Зинаида Пыляева.

— Ситуацию понял. Могу поглядеть?

Татарцева провела его в комнату, где механики отлаживали новый агрегат, отдернула занавес.

— Отсюда, пожалуйста.

Через квадрат толстого стекла была видна лаборатория, лица испытуемых и методисток, приборы, световые сигналы.

Повернувшись к Фетисову, Татарцева сказала:

— Идите к нам работать, Александр Александрович. По-моему, вас интересуют люди, скрытые мотивы их поведения. Вам надо еще раз сменить профессию. А мне нужен специалист по производственной психологии. Была у нас девушка на этой должности, но ушла в декретный отпуск.

— Какой же я специалист? — усмехнулся Фетисов.

— Ответа можете сейчас не давать. Подумайте. Присмотритесь к нашей работе. Полистайте перспективный план, архив.

— Я уже подумал. А Пыляев?

— Что?..

— Понимаете ли... Мы оба когда-то стали жертвой социалистической зависти...

— Ваши отношения меня не касаются. А человек он не злопамятный.

— А если я злопамятный?

— Подумайте и об этом.

Они обменялись отрывочными фразами, следя за тем, что происходило в лаборатории.

За толстым стеклом шло немое кино, полное скрытого напряжения. Узловатые руки матери «переводили» указания методисток. Девушка радостно, понятильо кивала. Было видно, что она прекрасно справляется со всеми заданиями. А Зинаида Витальевна нервничала, никак не умела взять себя в руки, плохо различала сигналы. На стеклянном матовом экране перед ней вспыхивали то слева, то справа, то в центре красные, зеленые и желтые квадратики. Надо было мгновенно нажимать на кнопки тождественных цветов, но Зинаида Витальевна путалась, не успевала.

Она не видела, что Татарцева и Фетисов внимательно следят за нею через стекло.

Веснушчатая методистка что-то сказала Зинаиде Витальевне и пересаживала ее.

Рядом опять были узловатые руки старой женщины, они дергались, жестикующие. Зинаида Витальевна чувствовала, что ей нечем дышать, шею давила пропитанная гипсом марля.

Методистка закрепила на запястьях Зинаиды Витальевны датчики.

— Датчики пульса, сердечного ритма — пишется кардиограмма,— пояснила Фетисову Татарцева.— Когда загораются красная или белая лампочки, надо нажимать ключ... Вон он, вроде телеграфного... А когда зеленая — пропускать, не нажимать... Почему она так нервничает?

Зинаида Витальевна за стеклом задыхалась, нажимала ключ при зеленой вспышке, ошибалась, пропускала красную, белую, все подряд.

А девушка уже сидела у окна, и методистка с лицом динозавра объясняла ей тесты. Вернее, мать объясняла, гримасничая несчастным лицом и мельтеша ужасающе выразительными руками.

Зинаида Витальевна отвернулась от прибора всем корпусом и в этот момент увидела за толстым стеклом напряженные лица Фетисова и Татарцевой.

Она сорвала с рук датчики и быстро пошла к двери.

Татарцева кинулась в комнату ожидания.
— Зинаида Витальевна!..

Но женщина не остановилась, выбежала на лестницу.

— Первые у нее ни к черту,— грустно сказала веснушчатая методистка, появившись в дверях лаборатории.— На сборке работать не сможет.

...За окнами лаборатории профпригодности были видны синеватые вспышки сварки — монтировали новый агрегат. В темноте сада по детской площадке носился Веревка. Татарцева качалась на железных качелях.

Рядом на скамейку опустилась Зинаида Витальевна.

— Вы можете быть удовлетворены,— сказала она.— Никуда не погушь.

Качели скрипели. Из башни жилого корпуса доносилась музыка.

— Но я не просила вас о помощи. И не хочу вашего сочувствия.

Татарцева притормозила ногами качели.

— Запомните,— продолжала Зинаида Витальевна,— как женщина я ничего не значу для Пыляева. Но женятся вовсе не для того, чтобы любить друг друга.

Мимо прошли, обнявшись, парень и девушка, и Татарцевой показалось, что это Ленка и долговязый папаша маленькой Тачечки.

— А для чего? — спросила Татарцева.

— Чтобы вместе стариться,— помолчав, ответила Зинаида Витальевна.

В темноте они не видели друг друга. Было слышно, как дышал и хрустел ветками пёс.

— А вы не боитесь одиночества? — спросила вдруг Зинаида Витальевна.

Качели опять скрипели — Татарцева раскачивалась.

— Вас удивляет моя непоследовательность? Удивляет, что вообще вернулась в Москву и живу в его квартире? Но я человек... и, вероятно, не очень стойкий. Я боюсь одиночества. Пыляев это поймет, я надеюсь. Все-таки мы прожили больше

десяти лет... Развода я не дам, Вероника Андреевна.

— Хотите ясности? — спрыгнула с качелей Татарцева.— Как вы, вероятно, догадываетесь, я много раз могла, что называется, устроить свою жизнь, выйти замуж. Но не сделала этого — не хотела компромисса. Кстати, мне кажется, женятся, чтобы любить друг друга — именно для этого, в основном... — Она взяла пса за цепочку, словно не его, а себя смиряя.— Я люблю Пыляева, Зина. Он мне во всех смыслах необходим. И я ему. Детей у вас нет. И год назад вы его бросили. А для развода теперь достаточно желания одной стороны. Поэтому тоже откровенно: не откажусь от него!

И тут обе они заметили, что кто-то сел на скамью и молча их слушает. Зинаида Витальевна повернулась всем корпусом и увидела незнакомую ей женщину с тяжелым лицом.

Федоскина глядела на Зину с брезгливым сочувствием.

Зина резко встала и, не протрившись с Татарцевой, пошла в темноту и уже оттуда, из-за деревьев, повторила:

— Развода не дам.

Федоскина усмехнулась, кинула грубо:

— Чужого-то мужа тоже забрать не просто, а?

И вдруг обняла большой рукой Татарцеву и печально сказала:

— И где наши двадцать лет, Вероника?! — Теперь они сидели, прижавшись друг к другу, и Федоскина продолжала: — У тебя хоть детей нет — и то облегчение.

— Это не облегчение,— вздохнула Татарцева.— Это одиночество... в обществе собаки.

— Ну, ну,— утешала ее Федоскина,— такую, как ты, судьба не обойдет — у тебя и красота, и образование, и еще молодая... Лет на пяток моложе меня... А в цех пришли вместе, помнишь? Только у меня уже дети были...

Некоторое время помолчали, затем Федоскина спросила:

— Ты его, что ли, любишь... этого... чужого мужика?..

Татарцева крепче прижалась к Федоскиной, но ничего не ответила. Федоскина отстранилась, лицо ее стало злым.

— Стреляла бы я таких баб, как ты, Вероника.

Из-за деревьев на них глядела Зинаида Витальевна.

МУЖЧИНА СРЕДИ УНОСЯЩЕГОСЯ ВРЕМЕНИ ВОСПОМИНАНИЕ ТРЕТЬЕ

После страшного ливня маленький прибалтийский городок почти обезлюдел.

По главной улице кто-то плыл в надувной лодке.

В узких переулочках через желто-синие потоки были перекинуты зыбкие доски.

— И надо же мне было надеть туфли с этими фантастическими каблуками! — пыталась удержать на доске равновесие Татарцева. — Пыляев, я сейчас свалюсь!..

Закатав штаны и подоткнув юбки, брели по воде через площадь одинокие горожане. Высокая женщина несла на плечах спокойную белоголовую девочку лет четырех. Татарцева улыбнулась ей. Девочка прижалась к голове матери и бледные губы ее робко раздвинулись в ответной улыбке.

— Хочу ребеночка, — совершенно неожиданно для Пыляева заявила Татарцева и чуть не свалилась в воду. — Ой, моя туфля! Моя туфля!..

Пыляев быстро сбросил мокасины и брюки, сунул их Татарцевой, а сам прыгнул в поток и с трудом поймал туфлю.

Женщина, стоя на одной ноге, никак не могла надеть ее.

— Хочу ребеночка, — повторила она, глядя вслед белоголовой девочке и, закачавшись и отчаянно замахавав руками, вскрикнула: — Пыляев, падаю!..

Пыляев подставил спину, и женщина обхватила руками его шею, а он ее ноги.

Затем, легонько подбросив, он понес Татарцеву по воде через маленькую площадь.

Они поровнялись с девочкой, и та тихо засмеялась, покачиваясь на плечах у матери, и сказала что-то по-латышски, и несколько раз обернулась.

Среди воды стояла статуя в каменной треуголке и камзоле, с каменной тростью. Пыляев прислонился боком к узкой спине статуи, чтобы немного отдышаться.

— Смотри, смотри! — воскликнул Пыляев и показал на башню старой ратуши.

На стрелках башенных часов сидели вороны и пугали своей тяжестью время.

Пыляев нес Татарцеву среди затонувших автомобилей.

— А знаешь, кто сделал самые маленькие в мире часы? — отдуваясь, рассказывал он. — Французский драматург Бомарше...

— Ах, браво, Фигаро, браво, брависсимо!.. — спела где-то над его затылком Татарцева.

— Он самый, — подтвердил Пыляев, — автор «Севильского» и «Женитьбы Фигаро». Он соорудил эти часики для королевы Марии-Антуанетты. Она сняла их перед казнью.

Пыляев крепче прихватил ноги женщины и снова чуть подбросил ее на плечах.

— Ну как?

— Прекрасно!

— Удивительный характер, — шагал в воде Пыляев. — Драчун, тайный памфлетист, писатель и почему-то... крошечные часики... придворный ювелир!..

— А разве мужчина, который несет меня на закорках... не редкий характер? Любит только свою книгу, а ребеночка не хочет.

— Вероника, сброшу, — пригрозил Пыляев.

— Как груз ответственности?

— Вероника, лижешь мед с бритвы. Мне тяжело.

— А мне, думаешь, легко? Ничего, ничего, тащи!

— Ты это серьезно... насчет ответственности?

— Почти.

Пыляев остановился перед огромным грузовиком и посадил женщину на пол кузова — задний борт его был откинут. Затем и сам забрался внутрь кузова с брезентовым верхом и привалился к задней стенке кабины рядом с женщиной. Он тяжело дышал. Женщина тихо плакала.

— Что с тобой?

— Пыляев, — прошептала она, — я тоже люблю твою книгу и чувствую, она как-то связана с нашей жизнью, со мной. Ты хочешь что-то объяснить... объяснить мне его, да?

Он кивнул, но было видно, что мысли его далеко.

— Что время не уносится напрасно? — спросила она. — Что все еще наладится и у нас есть будущее?

— Да, да.

— Я боюсь. Я слишком счастлива. А ты?

Он смотрел на нее потрясенный, что-то огромное и неясное еще до конца ему самому совершалось сейчас в его душе. Он закрыл лицо руками и произнес тихим срывающимся голосом:

— Я понял!.. Только сию минуту... Понял главную мысль, суть моей книги... понятия времени... У меня даже дрожат руки...

Лицо ее померкло. Она слабо поцеловала его в щеку.

— Тебе мало меня одной, Пыляев, я знаю. — Он ее обнял. Она сказала: — Ты тоже думаешь об уносящемся времени. Но как мужчина. Тебя мучит идея, что мужчина должен оставить след в жизни, написать книгу о времени и о часах, например, да?

Они лежали, обнявшись, в кузове грузовика среди затопленной ливнем средневековой площади и оба плакали.

...Зинаида Витальевна видела, как в ярко освещенном окне лаборатории профпригодности появилась Татарцева и стала вместе с механиками гонять магнитку текстов. Механический голос задавал вопросы:

— Чувствуете ли вы себя разбитым в конце рабочего дня?

— Сколько девяток в сотне?

— Ощущаете ли себя неловко в тесном вагоне?

— Сколько девяток в сотне?

Этот вопрос все время повторялся. Повторялся и другой тест:

— Часто ли вы осуждаете самого себя?..

— Здравствуй, Зина, — Фетисов возник внезапно. — Призрак студенческой юности приветствует тебя!

Они поздоровались.

— Да, — сказала Зинаида Витальевна, глядя на Фетисова, — время не пощадило нас обоих. Кстати... ты не знаешь, когда вернется из командировки Пыляев?

— Понятия не имею. — Фетисов опустил на качели, стал раскачиваться. — Теперь мы с ним видимся редко.

— Перестань мелькать, ради бога! — попросила Зинаида Витальевна. — У меня такое впечатление... все только и делают, что раскачиваются на качелях. — Кивнув на распахнутое окно лаборатории, она спросила: — Ты давно знаешь эту женщину?

Фетисов пожал плечами.

— Вечность... А впрочем, дня два.

— У меня к тебе просьба. Пыляевская квартира мне ненавистна. Могу я несколько дней пожить у тебя... на правах старого товарища? Твоя жена, надеюсь, возражать не будет?

— Я не женат. Но это невозможно.

Зинаида Витальевна опять поглядела на распахнутое окно, спросила, повернувшись к Фетисову всем корпусом:

— Неужели из-за Татарцевой?

— Да, — подтвердил Фетисов, — хотя мой ответ, вероятно, Веронику Андреевну удивил бы.

— А Пыляев? — спросила Зинаида Витальевна. — Он действительно ее любит?

— Эту женщину люблю я, Зина. Пыляев меня не интересует. Когда-то он, да и ты тоже... вы все сделали, чтобы я почувствовал себя неудачником, затесавшимся в компанию счастливицков.

Она поднялась, а он стал раскачиваться.

— Ты переменялся.

— Надеюсь.

— Когда-нибудь ты поймешь... как был несправедлив... Но не смей с ней говорить обо мне. Я запрещаю.

Она ушла. Он поглядел ей вслед и двинулся к распахнутому окну, из которого доносился писк магнитки, повторяющиеся вопросы:

— Сколько девяток в сотне?

— Часто ли вы осуждаете самого себя?

— Вероника Андреевна! — окликнул Фетисов.

Татарцева высунулась из окна, поглядела во тьму сада.

— Это вы? Какие новости?

Он помахал папкой, которую держал в руке, сказал:

— Новости есть, но семилетней давности. Первая: просматривая по вашему совету архив, обнаружил, что в HOTe работал когда-то Коммунар Сергеевич.

— Знаю.

— Вторая: нашел несколько его докладных с предложениями, которые вы сейчас пытаетесь провести в жизнь, а он препятствует. Тут и функциональная музыка и вопросы общения руководителя с коллективом, но самое интересное — подбор бригад по психологической совместимости. Он пишет здесь, что это идея Пыляева, но дает интересную справку о приборах, которые применяются у подводников для определения психологической совместимости. В команде подводников это вопрос жизни и смерти. Пример весьма доказательный.

— Любопытно.— Она перегнулась вниз, пошарила в темноте рукой.— Давайте сюда. Фетисов схватил руку женщины, прижал к щеке, но тотчас отпустил и положил на ладонь Татарцевой папку.

— Должен предупредить, Вероника-никанника, работаю я у вас пока на общественных началах.

...Натыкаясь в темноте на деревья, в плаще, накинутом прямо на пижаму, бежал через сад Коммунар Сергеевич. Не отставала от него женщина с тяжелым лицом — Федоскина.

— Дверь открыта, а зайти в цех охрана боится,— задыхалась Федоскина,— там же золотых часов на несколько десятков тысяч.

— А блокировка? — спрашивал Коммунар Сергеевич.— Почему не сработала?

— А кто ее знает!

— Кто уходил последним?

— Как полагается, дежурный мастер... И я.

— Кто закрывал?

— Дежурный меня попросил.

— А ключи?

— Он забрал. Я у вахтеров задержалась — чай пили. А тут паника поднялась. Вам стали звонить.

Коммунар Сергеевич и Федоскина показали ночные пропуска, вместе с охраной взбежали на третий этаж.

Возле приотворенных дверей цеха дежурили двое вооруженных. Один из них сказал:

— Подумали, нельзя входить, замараем, так сказать, картину происшествия.

Коммунар потянул на себя дверь, вошел в цех, огляделся и побежал к сейфам, снимая на ходу ключи, включая не сразу загорающийся голубоватый люминесцентный свет.

Потом он лихорадочно один за другим открывал сейфы и заглядывал внутрь — все золотые часы были на месте.

Федоскина сидела на белом табурете посреди пустого цеха, и тяжелые щеки ее дрожали. Прошел мимо успокоившийся, обмякший как-то сразу Коммунар Сергеевич, бросил негромко:

— Ну ладно, ладно... Спасибо. Ладно тебе...

В саду Коммунар Сергеевич упал на лавку и заплакал от пережитого страха. Он всхлипывал как ребенок, успокаиваясь и снова разгорячаясь слезами.

...Утром Татарцева обнаружила его спящим на скамье посреди детской площадки. Уже шли на работу люди.

Татарцева села рядом с Коммунаром и сказала:

— С добрым утром.

Коммунар поежился от росистой прохлады и ошалелыми глазами посмотрел на Татарцеву.

— Что-нибудь случилось? Коммунар Сергеевич, что с вами?..

Он запахнул плащ, смущаясь, поджал ноги в пижамных штанах. Потом подышал на озябшие руки и опять поглядел на женщину.

— Ах, Татарцева, Татарцева!.. Хочешь всем добра, а в тебе зло... в самой твоей сущности...— Он нашел в кармане пижамы смятую папиросу «Беломор», чиркнул зажигалкой и, отвернувшись, закурил.— Иди, Татарцева. Тебе на работу. Иди.

— Хотела спросить тебя, Коммунар Сергеевич,— сказала Татарцева,— почему борешься против своих же предложений?

Он увидел в ее руке папку, тяжело задышал, все понял.

— А погляди на меня, может, поймешь.— Его бил озноб. Он повторял: — Ни днем, ни ночью, ни днем, ни ночью!..

Татарцева вынула из папки пожелтевшие листки, спросила:

— Помнишь свои предложения по НОТУ?

— Так договоримся,— помолчав и несколько раз подряд затянувшись, сказал Коммунар Сергеевич,— что общал — сделаю... А листки мне отдай.

Она колебалась.

— Отдай,— повторил он,— это мое условие, если хочешь.

Глаза их встретились. Женщина засмеялась.

— Азарт тебя сжигает, Вероника Андреевна. Кому и что хочешь доказать? Что баба всему начало, всему голова?

— Может быть, может быть,— сказала она жестковато и без улыбки.— Бумажек этих тебе не отдам... пока. А все, о чем условились,— музыка, одежда, пятиминутка — выполнишь...— И опять засмеялась.— А то еще надуешь бедную женщину.

...На всех этажах завода звучала музыка. Татарцеву встречали улыбками, жали руку.

Начальники цехов готовились к пятиминутке. Держа в руках микрофоны, в последний раз торопливо просматривали заметки.

Сборщицы, и контролеры, и наладчики в новых светлозеленых халатах занимали рабочие места. Их снимали любительскими камерами парни в куртках из мягкого кожзаменителя.

Только одна Татарцева была озабочена и печальна. Это заметил и Коммунар Сергеевич, когда она вошла в его цех.

— Вроде своего добилась,— сказал он.— Чего ж такая невеселая, а?

— Да нет, все в порядке,— прислонилась Татарцева к стеклянной стене.

— Ты от меня только не отходи,— волнуясь, пощелкал пальцем по решетке микрофона Коммунар Сергеевич.

Музыка стихла. Коммунар оглядел цех, расщепленный зелеными пятнами, откашлялся и зычно произнес:

— Здравствуйте, дорогие товарищи, с добрым трудовым утром!..

Послышался хохот. К Татарцевой подошел Фетисов.

— Что случилось? Почему всеобщее веселье?

— Первый раз за многие годы начальник поздоровался. Вот и смеются,— бросила на ходу красавица Катя, сверкнув негритянскими зубами.

Она заняла место за рабочим столом рядом с Ленкой и лохматым парнем. Она их наставница.

А смех все не утихал. Коммунар Сергеевич не мог уловить, что происходит.

— О дисциплине поговорим после,— сказал он в микрофон.— И о том, как вчера поработали, и какие задачи — тоже потом.— Он заглянул в листок с тезисами.— А сейчас поздравим наших новеньких с законным браком — они вчера расписались.

— Пусть поцелуются,— крикнула Катя.— Лена, Валера, ну!

Ленка и лохматый ее супруг встали и поцеловались. Возле них крутились с камерами парни в куртках.

— Пожелаем молодым долгих дней счастья.— гудел голос Коммунара Сергеевича,— и трудовых успехов в нашем коллективе.

Цех поаплодировал. Коммунар Сергеевич продолжал:

— Главное — взаимопонимание, так, что ли? Взаимное уважение. Я бы сказал даже, любовь. Я вас уважаю. Вы меня. Я вас должен понять. Меня-то вы любите, я знаю. А вот как мне вас полюбить,— опять ожесточился Коммунар Сергеевич,— если вчера сверх плана мы имели чуть, а нарушений дисциплины — ой-ей-ей!

Сборщицы больше не веселились и вроде уже не слушали Коммунара Сергеевича — они работали.

— Да, не оратор,— бросил Фетисов и протянул Татарцевой связку ключей.— На проходной для вас Зина Пыляева оставила. Просила передать.

Татарцева с недоумением, даже страхом поглядела на ключи.

— Где же она будет жить?..

— Кто? — не понял Фетисов.

— Зинаида Витальевна.— Татарцева все еще не брала ключей, которыми позвякивал Фетисов.— Она уехала?

Фетисов пожал плечами. Мимо прошел сутулясь Коммунар Сергеевич и тяжело опустился за стеклом на вертящийся стул. Он был мрачен.

Опять звучала музыка, но другая, потише,— «для вработывания».

Татарцева спрятала ключи в карман и села на цинковую скамью. Позади, за стеклянной стеной, был виден Коммунар Сергеевич.

— Что с вами, Вероника Андреевна? — придвинулся к женщине Фетисов.— На вас лица нет. А вы должны бы сегодня радоваться. У вас премьера.

— Что? — переспросила Татарцева.

— Первое представление. Играет музыка, пусть даже функциональная. Все в нежно-зеленых халатах. Коммунар Сергеевич завоевывает любовь масс. Генни из любительской студии снимают кино./

— Не спала всю ночь.— Татарцева закрыла глаза.— Наверное, заболелаю.

На мгновение музыка стала оглушительно громкой. И вдруг наступила тишина. В тишине стучали часы.

Рука женщины сунула ключ в замочную скважину. Но дверь не открылась. Ключ в руке дрожал. Женщина рванула его. Вставила другой. Потом третий.

И словно во сне, дверь тихо отворилась. В проеме белело лицо Зинаиды Витальевны. Лицо это с мучительным напряженным смотрело не на Татарцеву, а на матовый экранчик, на котором вспыхивали красные, зеленые и желтые квадратики.

— Вы слышите меня? — спросил Фетисов.— Вероника Андреевна!..

Татарцева очнулась, открыла глаза.

Подошли парни из любительской студии.

— Садитесь, ребята,— Татарцева повернулась к Фетисову, лицо ее горело.— Помогите им. Чтобы фильм был полезен и НОТу, и кинолюбителям...

Где-то внизу тяжелые автоматы, обливаясь маслом, били микроскопические детали, а здесь, в голубовато-зеленой, люминесцентной яркости сборочного цеха склонились над рабочими столами марлевые тюрбаны, поблескивали линзы луп и микроскопов, ловко двигались умелые пальцы с аккуратно подстриженными ногтями. Дежурная манкиюрша сидела у окна с разложенными щипчиками, ножницами, пилками и салфетками. Руки сборщиц с крошечными пищетами, сливаясь с музыкой, мелькали все быстрее — удивительные руки Ленки, опытные, большие руки Федоскиной.

Федоскина была чем-то раздражена.

— Это брак, Федоскина,— сказал ей контролер, отбрасывая черную ситцевую занавеску исповедальни.

— А я говорю, качество,— зло бросила Федоскина.

— Вы смотрите в лупу,— спокойно заметил контролер,— а я в микроскоп.

— Надо по технологии — в лупу. Допуск точности разрешается.

— Тебе одно,— обернулась к Федоскиной Катя,— дать план.

— А я восемнадцать лет даю тут план, и не в конце месяца — каждую смену.— И вдруг Федоскина закричала: — Ты что же это делаешь, Катерина?! Почему твои женатики под руку мне суют эту дрянь?!

— Кто это дрянь? — толком не разобравшись, возмутилась Ленка.— Вы, Федоскина, незамужняя, потому и ненавидите всех.

— Лена, убери коробочку,— не повышая голоса, сказала Катя,— и не смей, пожалуйста, в цехе громко разговаривать.

— И не подумаю убирать! — выпучила на Федоскину свои прекрасные синие очи Ленка.

Подруги Федоскиной перестали работать, окружили Ленку.

— В чем дело? В чем дело, женщины? — стал между ними Валера.

Федоскина посмотрела на Ленку и Валеру без ненависти, но с презрением и сильной ладонью скинула коробочку со стола. Почти не различимые глазом анкерные вилки рассыпались по пластиковому полу.

— Да ты что, Федоскина? — ахнула Катя.— В своем уме?! Это же анкерные вилки! На трехмесячный план вперед! Ты что, вовсе бешеная?

Татарцева вынула из футляра свой шумомер, поглядела на указатель.

— Слишком много децибел,— сказала она через дверь Коммунару Сергеевичу,— опять слишком много.— Она засмеялась, сморщившись от боли, и шепнула Фетисову: — Заблеваю.

Пробежала мимо Катя и положила на стол Коммунара Сергеевича пустую коробочку, по размеру не больше спичечной.

— Весь план квартала у Федоскиной под ногами.— Морковный румянец Кати стал пунцовым.— Как теперь соберешь вилки? Их без лупы и не увидишь на пластике!

— Неужели и с этим надо ко мне идти? А самой подумать? — Он достал из нижнего ящика стола два магнита и подал их Кате.— Поставь с магнитами молодоженов, соберут.

— А Федоскина что? Будет продолжать всех мучить? — Катя искренне была возмущена.— До каких пор цех будет терпеть ее хамство?!

— Перевоспитывай,— вяло посоветовал Коммунар Сергеевич.— А уволить Федоскину не смею да и не стану. Она вестит процентов плана ежедневно дает. И стоит на решающей операции «пуск». Она лидер.

— В особенности,— заявила Катя,— когда надо всех взбаламутить или затеять какую-нибудь склоку.

— Отрицательный лидер,— бросил через дверь Фетисов,— если пользоваться современной социологической терминологией.— Он поглядел на Татарцеву и сказал: — А вам надо домой, Вероника Андреевна, у вас жар.

Федоскина и ее товарки стояли за стеклянной стеной и, посмеиваясь, смотрели на Катю и Коммунара Сергеевича. Резинки прижимали к их лбам лупы в черной оправе, они поблескивали как третий глаз.

— Прошу всех занять рабочие места,— сказал Коммунар Сергеевич в микрофон,— и шума много, шум!..

— Вся бригада из каких-то совершенно несовместимых людей состоит, ну просто ужас! — услышала Татарцева голос Кати.

Чей-то голос тихо твердил:

— Совершенно несовместимых людей... Несовместимых... Несовместимых...

И все повторялось. Руки Федоскиной снова и снова сбрасывали со стола коробочку, и микроскопические детали пылью рассыпались по полу.

Потом все сборщицы в новеньких халатах под музыку делали производственную гимнастику, как полагается, во время десятиминутного перерыва, но двигались как-то странно замедленно и насмешливо или враждебно переглядывались. Наглая Федоскина тоже делала гимнастику, всем своим надменным видом выражая презрение к Кате и ее женатикам. А Ленка и Валера ползали по полу с магнитами необъяснимо плавно, подбирая металлическую пыль деталей. Все происходило, как во сне. Магни-

ты увидичились и не притягивали уже, а отталкивали от себя железные ключи, связки ключей. И голос продолжал твердить:

— Несовместимых... Несовместимых...

Опять дрожала рука, не могла попасть ключом в замочную скважину. И дверь опять бесшумно отворилась, и за нею белело лицо Зинанды Витальевны.

...Комната Татарцевой тихо наполнялась воньей птиц, дыханием пса, вещами, выплывающими из утреннего сумрака.

— Как я оказалась дома?..— спросила женщина.

— Вас привезла «скорая помощь»,— сказал Фетисов.— И мы вас уложили в кровать.

Она посмотрела на Фетисова с неприязнью и потянулась к телефону.

— Не ваяйте дурака,— бросил он.— У вас был спазм. Кстати, я уложил вас с помощью дико болтливой соседки: вы скопрометированы. К сожалению, бросить вас одну не мог: весьма старомодная человечность. Мне уйти?

— Да.

Но у Татарцевой не хватило сил придвинуть аппарат и снять трубку.

— Какой набрать номер?

— Поликлиники...

— Врач уже был. Вам сделали укол какой-то дряни, и вы спали.

Она спрятала голые руки под одеяло.

— Вид у меня ужасный?

— Довольно убогий.— Он подал ей таблетку и стакан с водой.— Проглотите. Надо опять заснуть.— Он ее приподнял и взбил подушки.

— Вы снова меня поставили в нелепое, двусмысленное положение,— сказала она резко.— Дайте зеркало.

— Какой у вас вид, мне совершенно безразлично.— Он сел в кресло у ее изголовья.— Засыпайте. И думайте, что это создает для меня соблазнительные возможности: смогу смотреть на вас без риска встретить взгляд кобры.

— Загадочная вы личность, Александр Александрович,— с трудом улыбнулась женщина.

— Мы несовместимы абсолютно,— сказал он.

— Абсолютно,— подтвердила она.— И дело тут не только в Пыляеве. Пожалуйста, насыпьте попугаям семечек.

Залаял Веревка, стал ластиться к Фетисову.

— Собака просит за вас прощения.— Фетисов обернулся.— Что?

— Вы меня устыдили,— сказала женщина.— Принесите, пожалуйста, халат.

— И розовую рубашку, которая висит в ванне?

— Я не хочу!— крикнула она ему вслед.— Александр Александрович! Александр Александрович! Вы же выпустили попугаев!..

Он выбежал из ванны, кинул Татарцевой халат, а рубашкой стал загонять попугаев в клетки.

В этот момент позвонили. Пес кинулся в переднюю.

Фетисов отворил дверь и увидел делегацию с цветами и фруктами. Катя, Ленка, веснушчатая методистка и две сотрудницы НОТа с недоумением уставились на Фетисова.

— Попугаи на лестницу улетят!— крикнула из комнаты Татарцева.

Фетисов отогнал птиц от двери и, оставив узкую щель, сказал:

— Врач был. Температура тридцать девять и пять. Подскочило давление. Дары можете оставить,— просунув в щель руку, он забрал букет, яблоки и апельсины.

— Справляетесь?— лаконично осведомилась Ленка, глядя на розовую рубашку в руках Фетисова.

— Простите,— сказал он,— должен закрыть дверь, а то они действительно вылетят. Спасибо.

Зашелкнув замок, он вернулся в комнату и принялся опять загонять птиц. Пес был в восторге, носился по квартире, валялся Фетисову в ноги.

Татарцева во сне улыбалась, точно видела, как Фетисов, размахивая рубашкой, гоняется за попугаями. Лицо ее было влажно, щеки пылали.

Наконец попугай были водворены на место и Фетисов опустился в кресло.

Женщина спала, тяжело дыша.

— Вероника-ника-ника! — покачал головой Фетисов. — Бедное мое антивещество!.. — Он усмехнулся, пожал плечами. — Несовместимы!.. Но почему же ты для меня больной ребенок, — прошептал он, — и самая прекрасная на земле женщина, и все, все, чего никогда у меня не было в жизни? Только когда ты заболела и стала беспомощной, я это понял. И почувствовал вдруг нелепую, ужасную ответственность за твою жизнь, — он шептал уже бессвязно. — Твое дыхание, прерывающийся стук твоего сердца... Я никогда не отниму тебя у Пыляева. Потому что хотел отнять из зависти, для самоутверждения. А кончилось тем, что человек полюбил кобру, антимир.

— Я слышу, — внезапно произнесла женщина. — Я все понимаю. Простите меня, Александр Александрович. Но что я могу сделать?

— Ничего, — прошептал он. — Я забыл насыпать попугаям семечек.

Он подошел к клетке и некоторое время молча смотрел на птиц.

— А вы, дураки? Вы-то совместимы! — горестно вздохнул он.

Женщина видела его большую печальную спину.

— Что у вас в жизни произошло с Пыляевым? — негромко спросила она.

— Все то же — несовместимость. Я мнителен, труден — для себя и для других. Он — добрейшее, умное, невыносимое совершенство. Однако учился я в университете лучше его. Но Пыляеву все в жизни удавалось, мне — ничего. Я его возненавидел. Знаете, для чего он пишет ученые книги? Чтобы доказать мне свою независимость, свое превосходство.

— Нет, нет, — шептала она, забываясь вдруг в дремоте.

...Из квартиры Татарцевой были видны окна лаборатории профпригодности, где механики все еще отлаживали новый прибор, гоняли на разных скоростях магнитку с тестами, устанавливали необходимые паузы между вопросами. Когда пленку перематывали, она повизгивала, и попугаи в клетке сердились. Татарцева в халате и туфлях на босу ногу сидела в кресле и что-то писала в толстой клеенчатой тетради. На полу лежали папки с бумагами и книги и стояла склянка с микстурой.

Раздался звонок. Женщина запахнула халат, поправила волосы и пошла отворять дверь.

— Александр Александрович? — крикнула она еще из передней.

Но это был не Фетисов. На пороге стоял Коммунар Сергеевич. Его широкое доброе лицо было хмуро, глаза поблескивали.

— Как здоровье? — спросил он и чуть качнулся. — Извини, я малость выпил. Вот... пришел проведать.

— Здоровье лучше. Входи.

Коммунар полозрительно легким, кошачьим шагом прошел на цыпочках в комнату, огляделся и упал на стул. Веревка положила ему на колени лапы и, слегка рыча, стал обнюхивать пиджак Коммунара. Запрыгали в клетке и закричали попугаи. Коммунар молча уставился на Татарцеву.

Женщина быстро писала, поглядывая на гостя. За время болезни она сильно осунулась, однако казалась от этого еще привлекательней и моложе своих лет. Возле ее ног Коммунар увидел раскрытую архивную папку с пожелтевшими листками своих давних предложений.

— Да, — сказал Коммунар Сергеевич, — опасная ты женщина, Вероника... Найдется у тебя что-нибудь такое... Водочка?.. Но можно и вино...

— А надо? — спросила Татарцева. — У тебя же больное сердце, Коммунар Сергеевич.

— Потому и надо... Ты скажи, где, я сам возьму.

— В холодильнике.

Он вернулся из кухни все тем же кошачьим шагом, неся на блюдечке фужер и один помидор. Вербка залаял на Коммунара, и тот опять повалился на стул.

Татарцева почувствовала, что он смотрит на папку, прижатую ее босой ногой.

— Ты отдай мои бумажечки,— попросил Коммунар и отпил из фужера.— Я перед тобой больше не в долгу — все исполнил... Отдай.

Женщина нагнулась, вынула из папки листки и протянула их Коммунару. А он не поднялся и не взял их.

— Никому не показывала?

— Нет. Но старые твои докладные окончательно убедили меня, что пора действовать.— Она перелистнула тетрадь.— Вот... пишу о принципе подбора бригад по психологической совместимости.

— А в тебе зло.— Он глядел на нее грустными, налитыми кровью пьяными глазами.— Для всех... заманчивая женщина... Однако я знал свое место.

Она была смущена, но старалась не показать этого.

— Ну что ж ты не берешь свои бумажки? Стыдишься?

— Может быть, и стыжусь — Он закрыл глаза и тяжело задышал.— Только ты на меня не рассчитывай. Я тебе с перестройкой бригад не союзник. А если нажмешь, начну кусаться... Кусаться начну, понятно?

При слове «кусаться» Вербка с лаем прижал Коммунара к спинке стула.

— Вербка! На место! — крикнула Татарцева. Когда Вербка недовольно уполз под стул, женщина спросила: — Но почему? Почему?

Коммунар, потупившись, молчал. Из окон лаборатории доносились сигналы, и опять механический голос повторял вопросы:

— Часто ли вы осуждаете самого себя?

— Что вы предпочитаете — руководить или подчиняться?

— Как вы относитесь к высоте? Нравится ли вам большая скорость?

— Нет, не нравится! — выкрикнул Коммунар. — Не нравится! — Он допил остатки

спиртного и поставил фужер на пол. Руки его дрожали.— Что-то в мире меняется. Вот утром чувствую. Возможно, конечно, просто нервы сдают.— Он пристально поглядывал на Татарцеву, которая все еще держала в руке пожелтевшие листки.— А ты ничего не замечаешь?.. — Она не ответила, и он торопливо продолжал: — Людей сильно прибавляется, наверное... Не в домах уже — в стеклянных сотах живем. Как это пишут? Техносфера вытесняет биосферу... А мозги под током: осваивай новую технологию, торопись, не оглядывайся, а то электроника тебе поставит тесты, и все узнают, что ты не на своем месте.

Из окон лаборатории доносились бесконечно повторяющиеся вопросы:

— Ощущаете ли вы себя неловко в тесном вагоне?

— Что вы испытываете в толпе — страх или подъем?

— Я не хочу, — переходя вдруг на шепот, заявил Коммунар, — не хочу, чтобы твоя машина ставила мне отметки, оценивала меня! Мою контактность, возбудимость, уровень инициативы! Не хочу, чтобы лезли мне в душу, устраивали экзамены, раздевали для публичного обозрения. Никто этого не хочет, кроме... красивых баб, извини меня, конечно... что я выпил.

— Возьми свои бумажки, — повторила Татарцева и помахала листками.

Но Коммунар опять не взял. Он точно боялся встать и подойти к женщине.

— Для чего лезем из кожи? Зачем вечно надрываемся? — хмелея все больше, говорил Коммунар. — Куда торопимся? Кому нужно, чтобы поезд гнал двести километров в час? Или сверхзвуковая скорость? Прочел я в газете — мальчика маленького спросили, кто твой лучший друг, а он ответил: телевизор. Тебя ничего не пугает, Татарцева? Не чувствуешь, что все, вроде, становится чужим? — Он зажмурился, махнул рукой. — Нет, тебя это не пугает, ты женщина современная и, наверное, любишь бокс и вообще олимпийские игры. Нравится тебе, чтобы все куда-нибудь мчались

сломя голову, а ночью по улицам слонялись и пугали прохожих болваны с длинными женскими волосами, вооруженные ножичками. Или бородатые... вроде твоего Пыляева.

Коммунар умолк и прислушался — дребезжал звонок. Когда Татарцева прошла мимо, чтобы открыть дверь, Коммунар Сергеевич вырвал из ее рук листки и сказал:

— Это, конечно, все шлак, нетрезвая болтовня, однако повторяю: если что — буду кусаться... Устал от ваших адаптаций.

В передней шелкнул замок, открыли и опять захлопнули дверь. Кто-то стоял позади Коммунара, но у него не было сил обернуться. Он говорил, уже ни к кому не обращаясь:

— Сон ужасный вчера мне приснился... будто отдернул утром штору, а за окном не солнце, а громадный, в полнеба, красный шар... думаю, Марс, должно быть...

Возник Фетисов. Он смотрел на Татарцеву, освещенную полуденным солнцем, на ее высокую шею, медно-рыжие волосы, изваянные светом. Женщина ожидала радости, радостного сообщения, потому что, войдя в переднюю, Фетисов сказал: «Как ни странно, мне звонил сейчас Пыляев и просил кое-что передать».

— Так что просил передать мне Пыляев? — спросила наконец женщина.

— Он не мог вам дозвониться. Вероятно, у вас не работает телефон.

Фетисов видел: женщина ожидает только радости. У него возникла непреодолимая потребность убить эту радость.

— Зина Пыляева погибла.

Татарцева стояла, по-прежнему пронизанная солнцем. Птицы в клетке спали. Было тихо.

— Она вернулась на Памир, — продолжал Фетисов, — стала опять работать инструктором... или тренером... не знаю, как это называется... И разбилась. Пыляев узнал об этом случайно из хронике в газете «Спорт». Сказал мне, что должен ехать туда, что

это его долг. Вероятно, есть подозрения... Может быть, самоубийство? Сказал, на завод больше не вернется. И вообще вряд ли вернется скоро. И что вы должны его понять.

— Довели! — тяжело поднялся со стула Коммунар Сергеевич и, пошатываясь, пошел к выходу. В дверях обернулся и повторил: — Довели, видать, человека... адаптация.

СТАРУШКИ СРЕДИ УНОСЯЩЕГОСЯ ВРЕМЕНИ ВОСПОМИНАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

— Это Ника, — сказал Пыляев, — моя Ника. А это Ольга Петровна и Вера Николаевна, хранительницы времени. Так их все называют. Они хранили время, а время хранит их.

Ольга Петровна потрепала Пыляева по щеке. Старушки стояли среди цветов и ласково глядели на Татарцеву.

Ольга Петровна была совсем белая, в белом платье. Теплый ветер шевелил ее легкие беззащитные волосы. А красные ободки вокруг умных глаз делали Ольгу Петровну похожей на мышку.

Вторая старушка казалась моложе. Еще не седая и оживленная, с морщинистым, смеющимся, озорным лицом, она все время не попадала подмигивала.

Показывая на кирпичную башню, Татарцева спросила:

— Там, наверху, помещался телескоп, а внутри часы, да?

— Там, там, — закивала старушка. — Телескоп подарил городу купец, в прошлом веке, — она отперла дверь башни, и все вошли внутрь в ее сумрак, и старушка повернула выключатель, — когда мы с Ольгой Петровной были еще барышнями.

— Вы сестры? — После солнечного света Татарцева шурилась.

— Подруги, — подмигнула Вера Николаевна, — хотя тогда, в самом конце девят-

надцатого века, ненавидели друг друга, завидовали, ревновали, ужасно мучились. Из-за мужчины. Присяжного поверенного из Тифлиса. Потом он нас обеих обманул и укатил в Грузию.

Лестница была каменная, очень крутая, с неровными ступенями. Пыляев и Татарцева вели старушек вниз, держа под локти.

В подвале Вера Николаевна зажгла пыльную желтую лампочку, и Татарцева увидела замкнутый круг бетонных стен и небольшую нишу в глубине.

— Вот в этой нише стояли эталонные часы,— сказала Вера Николаевна.— Одни на всю Россию...

— В сорок первом Службу солнца и времени эвакуировали,— пояснила Ольга Петровна,— а нас оставили, чтобы давать точное время для радицентра и Ставки Верховного Главнокомандования.

Пыляев и Татарцева стояли обнявшись.

— И мы, ученые старые дамы,— лицо Веры Николаевны морщилось от беззвучного смеха и подмигивало,— с молодых лет полные взаимных подозрений и всяческих предвзятий, остались вдвоем в промерзшем деревянном домике тут же во дворе. А зима ужасная, сугробы в рост человека, а между старыми дамами глухая вражда.

— Ну ты уж слишком сгущаешь краски, Веруся,— улыбнулась старенькая белая мышка Ольга Петровна.— Однако верно: такие сугробы, что из домика в башню другой раз ночью и не проберешься.— Глядя в темноту ниши, она прислушивалась, точно там все еще стояли эталонные часы.— Цель у Гитлера была любопытная: разбить все Службы солнца и времени, вывести из строя эталонные часы, спутать в стране время, лишит точного времени армию — и выиграть войну.

— А мы тут в снегу спрятались,— Веруся опять подмигнула,— нас и не заметил Гитлер.

...Старушки тихо покачивались в плетеных качалках у раскрытого окна, за ко-

торым сквозь зелень деревьев была видна кирпичная башня.

Татарцева тихо бродила по крошечной квартирке. Стены ее, словно сыпью, были покрыты старыми выцветшими фотографиями. Под фотографиями стояли рядом две узких девичьих кровати, аккуратно направленных белыми пикейными одеялами.

— Нам полагался дворник,— рассказывала тихим голосом Ольга Петровна,— а его взяли в армию. Вот тут нас и выручил мальчик Пыляев. Да, да, он у нас и карточку продуктовую получал вместо дворника.

— Ты?! — удивленная, прижалась к Пыляеву Татарцева. Она сидела теперь рядом с ним на диване. Он кивнул и поцеловал женщину в щеку.

— Родители пропали без вести,— продолжала старенькая белая мышка,— мальчик Пыляев пришел и стал нашим защитником на долгие годы, настоящим мужчиной в доме.

— С его помощью мы пробрались через сугробы к башне,— подхватила вторая старушка,— соединили проводом вот этот старый морской хронометр с эталонными часами в подвале.— Старушка взяла со стола у окна хронометр и поставила его на пол.— И стали хронометр устраивать на ночь вот здесь, между нашими кроватями, возле тапочек Ольги Петровны. А телефон стоял на тумбочке. Ночью звонят из Ставки, а у нас все под боком, не надо через весь двор по холоду бежать... И мы сообщаем точное время...

Старушка замолчала. Личико ее безмолвно двигалось.

— И самолеты летят бомбить врага,— тихо произнесла Ольга Петровна.— Помнишь, Веруся, в три часа ночи нам обычно звонили из Ставки?..

Старушки покачивались в качалках, освещенные мягким вечерним солнцем. Будто из прошлого, доносились сигналы точного времени — четыре длинных и один короткий.

— И вы одни... вот с этим мальчиком,— прощентала Татарцева, припав лицом к плечу Пыляева,— всю войну?..

Старушки в качалках кивали.

— И победили вражду, и простили друг друга?..

— Не простили,— сказала мышка,— а поняли друг друга.— Она улыбнулась.— И научили, мне кажется, мальчика... понимать других людей. Вам стало грустно, что мы такие старенькие и такие хвастушки?

Татарцева покачала головой. Она больше жизни любила сейчас Пыляева. Это был удивительный миг ее существования, их общности.

— Разные обстоятельства, Ника, могут случиться в жизни,— ласково глядя на Татарцеву, произнесла Ольга Петровна.— Знайте, мальчик Пыляев поймет вас. И вы должны постараться его понять в трудную минуту, поверить в безусловную честность его души.

Покачиваясь в качалках и тихо улыбаясь, старушки медленно отодвигались в мерцающую глубину летнего вечера, становились все меньше, все меньше...

...— Ого-го-го-го! — крикнул кто-то во тьму лифтовой шахты, и эхо повторило: — О-о-го-го-о-о!..

Среди пустых еще цехов нового, только что законченного корпуса стояли в контейнерах станки. Строительный мусор был уже вывезен. Жизнь строителей здесь закончилась, заводская жизнь — не началась. В гулкой, тускло подсвеченной дежурными лампами безлюдности рабочих помещений, стеклянных переходов, и галерей, и лестниц стучали шаги, слышалось дыхание людей, голоса:

— Будут здесь в двадцать первом веке собирать часы, а?— говорил секретарь парткома Медуницын.— Сколько до двадцать первого-то?

— Менее четверти столетия,— отозвался инструктор горкома Глеб Иванович.— Куда клонишь, Медуницын? Говори прямо, на что сговариваешь?

— Ох, робеем мы перед будущим! — засмеялся Медуницын, озираясь среди беспорядочно разбросанных в пустоте огромных контейнеров.— Однако ничего мистического, Глеб Иванович. Просто решили поговорить о некоторых насущных вопросах под новой крышей в обстановке, так сказать, будущего.

— И прекрасно,— одобрил Глеб Иванович.— Однако предупреждаю, сообщение Татарцевой и вообще ее поведение буду оценивать пристрастно, со всем вниманием.

— Куда идти?.. Куда?.. — спрашивал в полутемном бесконечном коридоре Коммунар Сергеевич.

— В двадцать первый век приглашают! — ответил ему с лестницы звонкий голос молодого начальника цеха.— Ого-го-го-го!.. Кино будет!

— Говорят, роскошный кинозал тут отгрохали,— вытянув вперед руки, ища опоры, тяжело передвигалась толстуха из отдела кадров.— Ой, дайте мне за вас подержаться, девочки.— Она ухватила за чье-то плечо.— Это ты, Катерина?

— Я, я.

— За мной, за мной! — прошел мимо Медуницын.— Партком будет в кинозале.— Он увидел Коммунара Сергеевича и посветил ему фонариком.— Как настроение?

— Самое боевое,— заявил Коммунар.— Только неловко, боюсь, получится. Если Татарцева позволит себе лишнее... Придется биться с женщиной, с дамой в некотором роде.

Они остановились перед входом в кинозал. В незначительном отдалении прислушивались к их беседе несколько приглашенных и два члена парткома, видимо, единомышленники Коммунара Сергеевича. Он говорил:

— Неприятно, конечно, повторять сплетни, но не далее как сегодня слышал: «У вас НОТ с Институтом гигиены труда дружат — в одной постели спят». А тут еще возле нашей лампы появился Фетисов... в качестве психолога. А какой он психолог? Он же из художественно-конструкторского

отдела, как теперь называют, дизайнер. А жена Пыляева Зинаида руки на себя наложила. И люди об этом скажут, не один я... если Татарцева потеряет чувство меры.

Медуницын и Глеб Иванович переглянулись.

— Думаю, никому не следует терять чувство меры, — холодно заметил Глеб Иванович.

Они вошли в небольшой, только что отделанный кинозал с синими мягкими креслами и зажмурились, ослепленные яркостью света.

На длинном столе, рядом с микшерским пультом, стояли лампы с подвижными металлическими абажурами, матово поблескивали маленькие счетные машины, расцветочные подушечками клавиш. Фетисов вручал начальникам цехов плоские пластмассовые ящики, напоминающие урны для голосования. Они были опечатаны сургучом.

— Ну, влипли мы, друзья! — засмеялся молодой начальник цеха.

— Несомненно, — подтвердил Фетисов. — Можете вскрыть печати дома. А если хотите, присаживайтесь к столу и действуйте. В вашем распоряжении вся мелкая оргтехника. Анкеты заполнялись анонимно по самой простой схеме: плюс — минус, в отдельных случаях по пятибалльной. Их никто не видел и не увидит. Просмотрите, подсчитайте полученные вами отметки и порвите. При желании можете сжечь, но, разумеется, не здесь.

Фетисов вручил ящик Коммунару Сергеевичу. Тот подозрительно осмотрел его и, подмигнув добродушно, спросил:

— Сплетни?

— На современном статистическом уровне, — невозмутимо заметил Фетисов. — Снимок вашей личности. Составите довольно ясное представление, что о вас думают сборщицы и другие работники цеха.

— И какие же вопросы в анкетах? — багровея, заинтересовался Коммунар.

— Справедлив ли ваш начальник? Чаще поощряет или наказывает? Каков уровень

его компетентности — технической, политической, бытовой? Знает ли о ваших личных проблемах? Как относится к рационализаторским предложениям? К критике? Может ли служить для вас личным примером? И так далее в этом духе. — Фетисов насмешливо посмотрел на смущенных начальников цехов, на Коммунара Сергеевича, разглядывающего сургучную печать на своем ящике.

— Я говорю, ребята, влипли! — оскалил сильные зубы молодой начальник.

— Нет, почему же, — возразил пожилой, — интересно... Но я заберу эту урну домой, с вашего разрешения.

— А для чего вся эта петрушка? — отрывая печать, спросил Коммунар Сергеевич. — Ведь у вас агрегат есть. Или еще не готов?

— Исключительно для вашей ориентации, — пояснил Фетисов. — Вы смотрите, если позволено так выразиться, в персональное зеркало. И делаете для себя выводы... если хватит храбрости.

— Твоя затея, Вероника Андреевна? — высыпал из ящика анкеты на стол Коммунар Сергеевич.

— Моя, — спокойно ответила через зал Татарцева.

— Вот женщина! — чмокнула Татарцеву в щеку толстуха и, поудобней усевшись, принялась есть бутерброды из целлофанового пакета. — Ах, все равно пропадать!.. Утошайтесь, товарищи.

— Все собрались, по-моему? — оглядел зал Медуницын. — Начнем? — Он поднялся. — В повестке сегодня один вопрос: пятилетка эффективности и задачи научной организации труда на нашем заводе. Нет возражений против такой повестки? Нет. — Он скользнул взглядом по рядам, задержался на госте из горкома, затем обратился к Фетисову: — Прошу вас остаться. — И внимательно поглядел на Татарцеву, и бросил весело: — Слово имеет Татарцева Вероника Андреевна. Давай, Вероника.

Она стояла к экрану, увидела в глубине зала настороженное лицо Фетисова. Из-за

спины Фетисова выглядывала багровая лысеющая голова Коммунара Сергеевича.

— Товарищи! — начала Татарцева и сразу стала искать в сумочке сигареты. — Разрешите мне курить.

— Куря,— махнул рукой Медуницын.

— Партия призывает нас к смелому поиску резервов. — Она щелкнула зажигалкой и жадно затянулась. — Не буду сегодня касаться модернизации оборудования и вообще техники. Поговорим о людях, об их психологии. — Она скрестила на груди руки. — В результате одновременного введения новых программ функциональной музыки, новой рабочей одежды, на чем все время настаивал Пыляев...

— О Пыляеве забудь, — бросил чуть раздраженно Медуницын. — Ты докладываешь.

— ...новой рабочей одежды, — повторила Татарцева, — более рационального расположения бригад за сборочными столами, производительность труда повысилась на четыре — одиннадцать процентов... то есть неоднородно. Почему?

Коммунар Сергеевич оторвался от анкет, задышал, крикнул:

— Ну?!

— Подумаем, — спокойно ответила Татарцева, — действительно, почему процент выработки и качество изделий у Коммунара Сергеевича ниже, чем в других цехах?

В зале зашептались. Гость из горкома сделал пометку металлическим карандашиком в аккуратной маленькой записной книжке К нему наклонился и что-то тихо сказал Медуницын.

— Одна из главных причин, как мне кажется, — заявила Татарцева, — в психологическом микроклимате цеха.

— В чем, в чем? — удивился Коммунар.

— Пожалуйста, без реплик, — весело спросил Медуницын и азартно потер руки.

— Повторяю, — торопливо затянулась Татарцева, — в психологическом микроклимате, в постоянных конфликтах, в эмоциональной несовместимости людей.

Коммунар Сергеевич яростно что-то написал на обратной стороне одной из анкет.

— Интересно! — заметил, ни к кому не обращаясь, пожилой начальник цеха с мятым ироничным лицом.

— Угошайтесь, — наклонилась к нему толстуха, раскрывая целлофановый пакет с бутербродами. — Вот женщина, вот дезка! — с восторгом кивнула она на Татарцеву.

Татарцева говорила горячо, убежденно:

— Мы как-то не обращаем внимания на наши взаимоотношения, на их эмоциональное невежество. Грубость считаем нормой. Развязность прощаем. Мягкость, улыбку, человечность не ценим. — Она обхватила длинными сильными пальцами плечи. — Каждый знает, как страшна психологическая несовместимость. Несовместимость вкусов, привычек, темпераментов, биологических ритмов, несовместимость духовная. Как часто мы при этом мнительны и недоброжелательны только потому, что остерегаемся встречной вражды.

Фетисов стоял у стены, опустив голову. Морщины на лбу его кривились, кривился рот.

— Мучительна несовместимость способностей человека и его реального труда, не менее печальна несовместимость руководителя и коллектива, особенно опасна несовместимость в рабочих бригадах, когда, к примеру, все сборщицы постоянно до крайности напряжены, раздражают друг друга. В такой обстановке действительно каждый человек, в особенности женщина, как существо, извиняюсь, эмоционально более тонкое и сложное, чувствует боль ускользающего времени жизни.

Единомышленники Коммунара Сергеевича перешептывались.

Молодой начальник цеха, просматривая анкеты, улыбался, качал головой. Рядом подсчитывал на электронной машине свои баллы, плюсы и минусы Коммунар Сергеевич. Лицо его все более мрачнело.

Члены парткома слушали Татарцеву с большим вниманием.

— У всех есть обязанности перед обществом. Но и общество, по-моему, имеет долг

по отношению к каждому человеку — создать ему такие условия труда, чтобы работал он с душой и получал от работы, если не счастье, то хотя бы удовлетворение. А возможно ли оно, когда окружают тебя неприятные люди? Надо думать о комплектовании сборочных бригад по принципу психологической совместимости.

— Жюль Верн! — крикнул кто-то из заднего ряда.

— Не Жюль Верн, — резко ответила Татарцева, — а дополнительный резерв качества и эффективности. Еще Ленин подчеркивал, что одна из самых главных целей, если не самая главная, — это разворачивание способностей, возможностей человека — давайте и об этом не забывать. А на съезде партии прямо говорилось об огромном значении здорового социально-психологического климата в коллективах. У меня пока все. Прошу теперь посмотреть наш фильм.

— Несерьезно! — подал опять реплику человек из заднего ряда. — Сперва объясните нам...

— Может быть, посмотрим фильм, товарищи? — решительно произнес Медуницын.

Еще до конца перепалки Фетисов сел за пульт и нажал кнопку «начали», и свет погас, и на экране появилось название картины: «Как вы относитесь к нашим предложениям, своему соседу и самому себе».

— А у нас что, партийный комитет или заседание жюри смотрят любительских фильмов? — опять послышался голос.

Засмеялся Татарцева стремительно поднялась, чтобы ответить, но Медуницын потянул ее за руку и усадил на место.

В глубине экрана возникли двое парней с кинокамерами. Они подкрадывались, подражая плавно-замедленным движениям мимов, потом нацелились объективами прямо в зал и пропали.

— Конечно, растерялся малость современный человек, это верно, — сказал он, — захлебывается, как пишут газеты, в потоке информации. Знать надо все больше. Знания стареют каждые десять лет. Учиться и

переучиваться? Правильно, у нас вся страна на лекциях. А семья? А возраст?

— Ну?! — гаркнул Коммунар Сергеевич, не отрываясь от анкет.

— Вот тут и важно, в какой атмосфере работает человек, — сказала в цеху Катя, поглядывая на Федоскину, — в какой компании. Человек более всего чувствителен к несправедливости.

Заводской психолог Оля катит нарядную клетчатую коляску со своим ребеночком. Глаза Оли за стеклами очков в золоченой оправе подслеповато щурятся.

— Дам цифру, — говорит Оля. — Рабочих в нашей стране, если считать совхозных, шестьдесят два процента. Рабочий класс составляет большинство населения. Двадцать процентов, примерно, заняты высококвалифицированным трудом, пятьдесят — шестьдесят процентов — трудом средней квалификации, остальные — подсобным, тяжелой работой, едва ли способной дать радость. И этот подсобный труд долго еще будет необходим.

— Улавливаете? — снова появилось на экране мятое ироническое лицо пожилого начальника цеха. — А ведь среди тех, кто занят примитивной подсобной работой, есть люди со средним образованием. В чем они найдут удовлетворение?

На экране появился Медуницын. В зале раздался аплодисменты. Точно услышав их, секретарь парткома поднял перед камерой руку и сказал:

— Сложный вопрос. Думаю: образование обогащает жизнь при любых обстоятельствах. Думаю также: судьба — это характер, как говорили древние. Думаю, наконец: продуктивность — это в конечном счете облегчение труда всех рабочих... через механизацию.

Опять возникает Оля.

— Дам цифру, — говорит она, подслеповато щурясь. — Из вновь поступивших на наш завод семь процентов в течение года уходят, а лаборатория профпригодности определяет способности девушек почти со стопроцентной точностью.

— Все довольно просто,— говорит в лаборатории профпригодности веснушчатая методистка,— мы должны ставить новеньким один штамп— что прошел испытания, второй только в случае, если прошел успешно. А на завод берут без разбора— и с двумя и с одним, рабочей силы не хватает. Чему ж удивляться? Уходят. Конечно, уходят. Или остаются и тяготеют своей работой.

На лицах людей в зале отражаются противоречивые чувства. Но нет лиц равнодушных. Удрученно озирается по сторонам Коммунар Сергеевич, листая анкеты. Медуницын довольно поглядывает на Глеба Ивановича, делающего пометки в аккуратной книжечке. Толстуха из «кадров» забыла о бутербродах, впилась в экран умными глазами.

— Я прямо скажу,— заявляет с экрана надменная Федоскина,— работу свою не люблю. Не такой жизни я для себя ожидала. А вкальваю как сумасшедшая— только для заработка, у меня трое детей...

— Дам цифру,— говорит Оля, покачивая коляску с ребеночком.— Психологи ГДР утверждают, что уже в восьмом классе четырнадцать процентов школьников знают, что будут работать не в той области, к которой тяготеет их интеллект, их сердце. К десятому классу количество разочарованных достигает уже двадцати пяти процентов...

Люди возбужденно переглядываются. Нет человека, которого не касались бы так или иначе все эти проблемы.

Один Коммунар Сергеевич всецело и горестно погрузился в подсчет анкетных оценок. Видимо, совсем иначе представлял он себе мнение окружающих о своей особе.

Татарцева исподволь наблюдает за ним, следит за выражением лиц членов парткома и приглашенных.

— Я тоже честно скажу,— появляется на экране синеглазая Ленка. Она обстригает ножницами роскошные кудри своего юного, поникшего головой супруга:— Новой своей работой очень даже довольна.

У меня и характер стал лучше,— Ленка бросает пряди волос в бумажный пакет.— Хватит, хватит, Валерочка, поморочил девчонок прической. Теперь ты семейный человек. И в армию скоро.— Она улыбнулась в камеру:— Валерочка у меня прелесть, покорный. Одна Федоскина доводит меня. Ну, и ее подружки, конечно. В лес бы от них убежала.

За стойкой, вокруг которой толпятся рабочие, стоит Антонина, новая буфетчица, совсем еще девочка.

— И мне работа по душе,— говорит она.— Я очень хозяйство люблю... чтобы все было красиво, чисто... людям красота нужна...

— Это правильно, правильно,— кивает головой старый лесничий, обмакивая кисть в ведерко с масляной краской и помечая деревья цифрами.— Человек хочет равновесия, а природа вся воюет. Дуб, к примеру, и орех— враги. Хвойные угнетают деревья лиственные. Корни осины враждебны дубу. Посейте одновременно семена фиалки и ржи— уцелеют одни фиалки. А вот розы и лилии, наоборот, взаимно улучшают существование друг друга.

Еще звучит голос лесничего, а бригада сборщиц в цехе вдруг застыла, превратилась в фотографии— Ленки, Валеры, Федоскиной, ее подруг и других девушек. И словно кто-то смешал фотографии, перетасовал и снова разложил, но совсем по-новому, и лица на фотографиях стали добрыми, улыбающимися.

Вместо надписи «конец» появились на экране слова: «А теперь думайте, товарищи», и медленно загорелся свет.

Часть зала аплодировала, другая часть пожимала плечами. Толстуха из кадров громко сказала:

— Молодец Татарцева! Все мячи заранее отбила.

— Кто хочет высказаться?— поднялся Медуницын.

Зал притих, люди переглядывались.

Коммунар Сергеевич сидел над ворохом анкет и, заслонившись рукой от людей, плакал.

— Так кто первый? — повторил вопрос Медуницын. — Есть желающие подать пример?

— Надо подумать, — сказала толстуха и опять поцеловала Татарцева.

— Перерыв, — объявил Медуницын.

...Луна за стеклянными стенами нового корпуса казалась оловянной, бесконечно одинокой. Фетисов видел, как ходили в пустоте между башнями контейнеров Татарцева и Медуницын.

— Ну что я могу тебе сказать, Вероника? — Медуницын был оживлен, голос его звучал звонко. — Молодец! Есть о чем подумать. Есть. Предложения интересные. Но... могут быть прямолинейно поняты. Будь к этому готова. Не хватает предложениям некоторой реалистичности, что ли.

— Точно! — насмешливо и довольно резко подтвердила Татарцева. — Это мы умеем, Гриша. Одобрить, поддержать и... приземлить! И так прижать проблему к земле, чтобы не захотелось больше ее поднимать.

— Ну зря, — сказал Медуницын. — Я — за. И доказал это участием в вашем любительском шедевре. Однако должна понимать, что такие вопросы с ходу не решаются. В каждом человеке в той или иной степени сидит Коммунар Сергеевич. И за это не упрекнешь. Боязнь перемен свойственна людям. И главное: комплектовать бригады по психологической совместимости нельзя везде и всюду и без необходимых оговорок.

— Точно, точно! — горячилась Татарцева.

— А нехватка рабочей силы? А план? — продолжал, улыбаясь, Медуницын. — Остановить сборку? Кто на это пойдет? И должна понимать, что очень часто работают люди вместе весьма несовместимые. И даже в ситуациях конфликтных. А дело делают. Потому что добросовестны, имеют чувство долга и ответственности. Однако я твоё предложение поддерживаю. И ты

это знаешь. Надо пробовать. Где? Да здесь, здесь. В новом корпусе. Поставить цель и соответственно подбирать сборщиц. И комплектовать не вместо бригад комтруда, а совмещая и дополняя. Глеб Иванович дает добро. Но... Сколько лет я тебя знаю, Вероника? — неожиданно спросил секретарь парткома. — Лет пятнадцать? Пожалуй, побольше, а?

Татарцева молчала. Медуницын сказал:

— Я ведь тоже в тебя был влюблен, не избежал общей участи. В особенности ты была хороша, когда в институте, на вечернем училась...

Татарцева пристально на него посмотрела, спросила:

— Что ты задумал, Гриша?

— Интуиция? — улыбнулся Медуницын. — Молодец.

С лестницы доносились голоса.

— Нельзя, — сказал секретарь, — нельзя, чтобы такую женщину, как ты, паккали сплетнями. И еще этот Фетисов вокруг тебя ходит.

— Никогда, слышишь?! — сразу все поняла Татарцева. — Я люблю Пыляева и не позволю вмешиваться в наши отношения... Как бы он ни поступил. В конце концов мы поженимся, и это всему положит конец.

— Не уверен. Его жена... бывшая жена погибла, ты это знаешь. В глазах людей в этом виновата ты... вы оба...

— В этом виноват я, — возник перед ними Фетисов. — Простите... Счел возможным вмешаться в разговор, потому что слишком многим обязан Веронике Андреевне и желаю ей добра. — Фетисов усмехнулся. — Помните, Вероника-ника-ника, вы согласились, что я ваш тематический больной. Так вот, я оказался больным неизлечимым. — Он сел на ящик и продолжал: — Я все наврал. Опасения и предчувствия выдал за реальность. Я сочинил смерть Зины.

— А вы понимаете, что за подобным поступком следует? — произнес довольно спокойно Медуницын.

— Вполне понимаю,— ответил Фетисов.— Понимал и в ту минуту, когда лгал.

— Тогда какого же черта? — крикнул Медуницын.

— Зачем? — едва слышно спросила Татарцева. — Ведь я поняла, что вы солгали. И проверила, разумеется,— и насчет Зины, и насчет Пыляева.

— Мучительно захотелось причинить вам боль,— сказал Фетисов,— поколебать вашу веру в совершенного Пыляева, в разумность и справедливость жизни... заставить вас страдать... Все нелепо, понимаю. Но я вам говорил: человек существо физиологически реальное, а психологически фантастическое, фантазмагорическое. Шут гороховый это подтверждает... своим примером.

Мимо прошел, сгорбившись, Коммунар Сергеевич, стал медленно спускаться по лестнице. Из кармана его пиджака сыпались на ступени смятые анкеты.

Сквозняк выдул их в окна.

Кружил вместе с окурками на асфальте.

Коммунар Сергеевич переходил улицу.

Завизжали тормоза. Раздался крик.

...Когда Татарцева подбежала, носилки, на которых лежал Коммунар, задвигались уже в глубь машины. Отстранив санитаров, женщина прыгнула внутрь. Обернулся врач, севший на переднее сиденье.

— Жена?

— Товарищ по работе.

— А вы?

Это относилось к Фетисову, занявшему место рядом с Татарцевой.

— Товарищ по несчастью.

Машина с воем неслась по улицам. На крыше ее крутились синие вспышки.

Коммунар открыл глаза и увидел над собой измученное лицо Татарцевой.

— А как же партком? — задал он нелепый вопрос. — Перерыв, наверное, уже кончился?..

— Молчи!..

— Подлец я... подлец...

— Не надо... Молчи!..

— Пусть поговорит,— бросил врач.— Шоковое состояние прошло. А травм серьезных нет.

— Подлец... — опять прошептал Коммунар.— Думал, цех за меня и все, как я... А люди хотят перемен к лучшему. И перемен не боятся... Никто меня не любит, оказывается... А я-то думал, я-то думал!..

— Возвращайся работать в НОТ, Коммунар Сергеевич,— через силу улыбнулась Татарцева,— как поправишься...

Лицо Коммунара преобразилось, стало по-детски добрым.

— Ты... ты мне это предлагаешь.. серьезно?..

— Вполне серьезно.

— А мне... что скажете? — с горькой усмешкой спросил Фетисов.— Если вы собираете команду подльцов, я мог бы подойти, мне кажется.

— Какие вы подльцы! — грустно покачала головой Татарцева.

— Несовместимые,— кивнул Фетисов и рассмеялся.

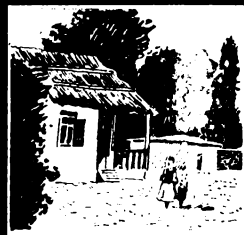
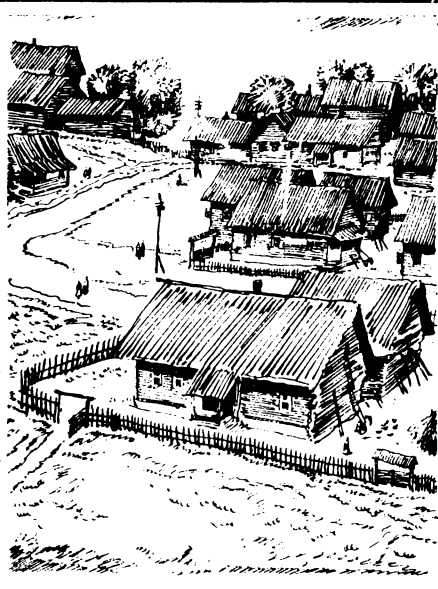
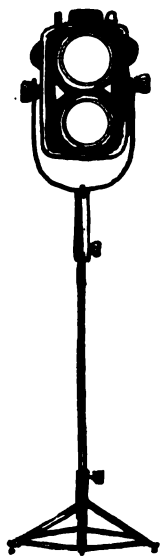
— И до смерти перепугавшиеся уносящегося времени жизни.— Татарцева выглянула в окно, за которым с воем неслись дома, машины, огни.

ЧЕТВЕРТОЕ ВОСПОМИНАНИЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

Покачиваясь в качалках и тихо улыбаясь Нике и Пыляеву, старушки — хранительницы времени — опять отодвигались в мерцающую глубину летнего вечера и становились все меньше и меньше, и только звучал голос белой мышки:

— Всем нам, наверно, не хватает воображения, и в этом беда. Слышим стук только своих часов, своего сердца. А надо этому противостоять... Страх перед уносящимся временем жизни проходит, если помнишь сигналы большого времени... нашего общего...

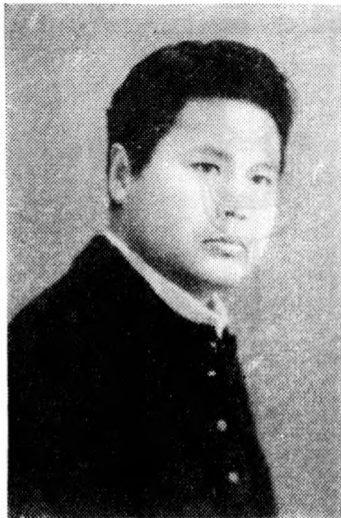
С. МУРАТБЕКОВ, В. ЧЕРНЫХ

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЫНА

САИН МУРАТБЕКОВИЧ МУРАТБЕКОВ (родился в 1936 году) окончил факультет журналистики Казахского Государственного университета и работал в республиканской прессе. Член Союза писателей СССР. В 1971 году окончил Высшие литературные курсы в Москве. С. Муратбеков автор ряда прозаических произведений. По его рассказам на киностудии «Казахфильм» снято несколько художественных короткометражных фильмов.

ВАЛЕНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ ЧЕРНЫХ (родился в 1935 году) окончил сценарный факультет ВГИКа, а в 1968 году — курсы режиссеров телевидения. В. Черных автор пьес «Дело Боброва» и «День приезда». Его перу принадлежат литературные сценарии фильмов «Человек на своем месте», «С весельем и отвагой», «Собственное мнение», а также сценарии фильмов, написанные им совместно с другими кинодраматургами, — «Здесь проходит граница», «Любовь земная» и др.

Фильм по сценарию Саина Муратбекова и Валентина Черных «Возвращение сына» ставит режиссер Шарип Бейсэмбаев на киностудии «Казахфильм».

Междугородный автобус, забрызганный грязью проселочных дорог, въехал на главную площадь районного городка и притормозил у промтоварного магазина.

Пассажиры толпой вывалились из автобуса и толпой ввалились в магазин. Деревенские отличались от городских женщины плюшевыми жакетами и «болоньями», хотя было уже довольно тепло, мужчины были в сапогах, городские же сапог не носили, в городке уже подсохло.

Покупатели растекались по магазину, двухэтажному стандартному строению.

В «Культоварах» на проигрывателе крутилась новая пластинка. Ансамбль «Лос-Аломас» исполнял зажигательные танцы. И девушки-продавицы покачивались под эти экзотические ритмы. Покачивались и в «Хозтоварах», и в «Галантерее», и в «Трикотаже», и в «Скобяных». Когда пластинка заканчивалась, одна из продавщиц подходила, ставила на начало, и снова зажигательные ритмы заполняли магазин.

Евдокия и Ефросинья — пожилые женщины — подошли к прилавку с мужскими рубашками.

— Нейлоновые есть? — спросила Евдокия.

— Есть, — ответила продавщица.

— Давай, — сказала Евдокия.

— Какой размер? — спросила продавщица.

— А какие есть? — спросила Евдокия.

— Все есть. Но только отечественные.

— А что, отечественные хуже? — спросила Евдокия.

Продавщица смерила ее взглядом, усмехнулась и даже не посчитала нужным отвечать.

— Давай отечественную.

— Какой размер?

Женщины переглянулись.

— Митрий твой щуплый был, — сказала Ефросинья.

— Значит, так, — решила Евдокия. Она осмотрела мужчин, которые расхаживали по магазину, — почти все они были рослыми молодыми парнями. — Нам для подарка, посоветуй, милая.

— Для подарка нейлон сейчас не моден. Берут в основном для работы, — ответила продавщица.

— Так он же работает, — сказала Евдокия.

— Ну, какого он роста, комплекции? — Продавщица начала раздражаться.

Женщины снова переглянулись. В это время к прилавку подошел щупленький мужчина.

— Вот такой, — показала на него Евдокия.

— Максимум тридцать девятый, — определила продавщица и положила пакет с рубашкой. — Платите в кассу...

...Сделав покупки, женщины решили перекусить. Тут же в универмаге был кафе-терий — несколько высоких столов с мраморным покрытием. Взяли по стакану кофе с молоком и по булочке и пристроились у одного из столов.

— Все-таки полетишь? — спросила Ефросинья.

— Полечу, — сказала Евдокия и озабоченно спросила: — Неужто не модно? У меня постоялец был из райфо, культурный мужчина. Придет, мыльцем потрет воротник, и снова чистая, как стирания, ни сушить, ни гладить...

— А что, он вправду тебе денег прислал? — спросила Ефросинья. — Или ты для разговоров?

— Сто рублей. На почте все знают.

— И надолго ты? — спросила Ефросинья.

— Погляжу. Ты за курями присматривай. А если какая задержка выйдет, я тебе тут же отпишу.

— Ой, счастливая ты, — сказала Ефросинья.

— И вправду счастливая, — согласилась Евдокия. Подумала о чем-то сокровенном, известном только им, двум матерям, и сказала: — Может, объявится и Васька твой? Мой-то нашелся...

Евдокия уже в московском аэропорту. Вместе со всеми поднялась по трапу, показала стюардессе билет, и та указала ей место.

Ее место оказалось в середине, на крайних уже сидели мужчины: у иллюминатора — сухопарый, очень моложавый, в модном ярком костюме, у прохода — грузный, уже начинающий лысеть. Назовем их для краткости Толстый и Тонкий.

Тонкому явно не нравилось поведение Евдокии. Она вытягивала шею, стараясь заглянуть в иллюминатор и ничего не пропустить, — в это время самолет уже начали тащить на взлетную полосу. Тонкий несколько раз выразительно взглянул на Евдокию, — она налегла ему на плечо, — но Евдокия не поняла, чем недоволен ее сосед, а Тонкий понял, что с этой пассажиркой ему придется трудно, поэтому предложил сам:

— Не хотите ли пересесть на мое место? — И встал.

— Спасибо, что услужил, — Евдокия тоже встала.

И тут раздался металлический голос стюардессы из репродуктора:

— Прошу не вставать. Пристегните ремни.

Евдокия тут же села на свое прежнее место.

— Садитесь, пожалуйста. — Тонкий по-прежнему указывал на свое место.

— Так ведь нельзя же...

— Можно, — сказал Тонкий.

— Прошу сесть и пристегнуть ремни, — снова напомнил металлический голос из репродуктора.

Тонкий продолжал стоять в проходе, и Евдокия рискнула. Она быстро перебралась в кресло у иллюминатора и застыла, как будто все время сидела на этом месте. Тонкий тоже сел и пристегнул ремни.

— И не боишься? — спросила его Евдокия.

— Кого? — спросил Тонкий.

— Ну, их... — Евдокия кивнула в сторону репродуктора.

— Не боюсь.

— С ними лучше не связываться, — сказала Евдокия. — Один раз нас везли с девятой фермы на бортовой, не оборудованной для ездки с людьми. Шофер говорит: сидите и не рыпайтесь. А одна взяла и встала. Так он всех ссадил. Ну, их тоже понять можно. Раз — и дырку в правах. А раз к нам в колхоз... я ведь из колхоза, — пояснила Евдокия.

— Я догадался, — сказал Тонкий, не отрываясь от журнала.

— А ты откуль? — поинтересовалась Евдокия.

— Я из НИИтяжмаша.

— С высшим образованием, небось? — спросила Евдокия.

— Да, — сказал Тонкий. — Доктор наук.

— Ну, тебе белый халат должен пойти, — сказала Евдокия. — А лет тебе сколько?

— А почему это вас интересует? — Тонкий отложил журнал.

— Ну, если тебе нельзя про года говорить, то не надо, конечно, — Евдокия даже смутилась.

— Мне пятьдесят лет, — сказал Тонкий.

— Да ну?! — поразилась Евдокия. — Как же ты так сохранился? Не работал, что ли?

— Работал. — Тонкий теперь уже демонстративно уткнулся в журнал.

— Годки твои на фронте воевали...

— Я тоже воевал.— сказал Тонкий.

— А тебе сколько же? — поинтересовалась Евдокия у Толстого.

— Двадцать восемь, — ответил Толстый.

— Вот так да, — озаботилась Евдокия.— А здоровый такой... А сыну моему Леониду тридцать пять.

— А он какой? — спросил Толстый.

— Не знаю, — сказала Евдокия.— Я сына своего ни разу взрослым не видала...

Самолет плыл над облаками. Пассажиры обедали. Толстый аккуратно и ловко отрезал от курицы мелкие кусочки, а у Евдокии не получалось: то ли нож был тупой, то ли резать было неудобно на подносе.

Евдокия посмотрела на Тонкого. Тот, отложив нож и вилку, спокойно разрывал курицу руками, и Евдокия последовала его примеру.

После обеда мужчины закурили, предварительно спросив разрешения у Евдокии. Евдокия разрешила.

— А как же так получилось, что вы сына потеряли? — спросил Тонкий; он уже примирился с Евдокией.

— Да вот так и получилось, — сказала Евдокия.— Когда немец стал подходить, председателю колхоза такой приказ вышел: если хоть одна голова скотины останется, он своей головой ответит. Мы и погнались до станции, а у нас не взяли, погнались дальше. Я своего Леньку сеструхе оставила. А тут немец попер, а сеструха моя партейная была, передовичка, она свою девку прихватила и моего парня и в эвакуацию. И как в воду сгнула. Говорили, их эшелон разбомбили...

— А раньше не искали? — поинтересовался Тонкий.

— Искала, — сказала Евдокия.— Нешла. Ну а теперь мазуриков меньше стало, у милиции время освободилось, другим находили, я опять обратилась... И нашли. Фотокарточками обменялись.— Евдокия достала фотографию и показала Тонкому. На фотографии был шуплый подросток с тонкой шеей, было ему от силы лет двенад-

цать.— Только он мне детскую фотокарточку прислал, а теперь он мужик в годах. Ой, не узнаю! — Евдокия вдруг заморгала, сляясь сдержатъ слезы.— Рубашку ему купила в подарок, а если он такой как ты? — Евдокия повернулась к Толстому:— Не налезет ведь...

— Таких, как я, мало,— успокоил ее Толстый.

— Да, ситуация сложная,— сказал Тонкий.

Самолет приземлился в Алма-Атинском аэропорту.

Подкатили трап, и пассажиры начали выходить.

Евдокия шла в толпе пассажиров. За оградой аэровокзала она видела встречающих. Они улыбались, размахивая цветами, она тоже улыбнулась и на всякий случай махнула рукой. Девушка в синей аэрофлотской форме открыла железную калитку, отделяющую поле от вокзала. К их толстому соседу бросилась худенькая маленькая женщина. Вокруг обнимались люди. К ее тонкому соседу подошли двое встречающих. К ней никто не подходил.

— Простите, — сказал Тонкий своим встречающим.— Я должен решить одну проблему... — Он подошел к Евдокии и сказал успокаивающе: — Мы их найдем.— Но все-таки не удержался и добавил: — Конечно, могли бы организовать и поточнее...

И тут из репродуктора раздался голос.

— Филиппова Евдокия Филипповна, ваш сын ждет вас у главного входа в аэровокзал. Повторяю...

— Вроде это про меня, — сказала Евдокия и забеспокоилась.— Где этот вход-то?

— Я вас провожу, — сказал Тонкий.

Они пошли к зданию аэровокзала. Она торопилась, но вдруг остановилась.

— Я сейчас, — попросила она.— Пусть сердце уймется.— Она некоторое время еще медлила, потом шагнула к главному входу.

У ступеней стояли люди с цветами. Она их окинула взглядом всех сразу, их было

много — и казахов, и русских. Евдокия выделила взглядом молодого невысокого русого мужчину, который улыбался ей, и пошла к нему, но ей навстречу рывком кинулся другой, высокий и широкоплечий.

Она взглянула на него, их глаза встретились, и она в его глазах узнала свон. у нее когда-то были точно такие же синие, только теперь они выцвели от времени.

Они обнялись... Корреспонденты начали щелкать затворами фотоаппаратов.

Плакали женщины, плакала Евдокия. Ее сосед по самолету отступил в сторону, заморгал глазами, но очень быстро справился с собой и пошел не оглядываясь к входу в аэровокзал, где его ожидали встречающие.

Подходили мужчины. Сын представлял:

— Старший брат.

— Айташ.— С нею поздоровался громадный казах лет сорока пяти.

Она растерялась. Ей называли имена, которые она не могла запомнить, а еще она думала о чемодане, который надо было получить, и она об этом сказала сыну.

Сын взял у нее бирку, отдал молодому парню, сказал ему что-то по-казахски, и он тут же отошел.

— А принесет он чемодан-то? — спросила она у сына. — Я его в личность не узнаю.

— Принесет, — заверил ее Айташ, и она успокоилась, стараясь держаться поближе к этому властному и большому мужчине, которого все слушались. По-видимому, он был крупным начальником, у него для этого были все данные: и рост, и живот, и шляпа.

Айташ распорядился, и все пошли через здание аэровокзала. Их ждали две «Волги», «Жигули», «Москвич».

Евдокию усадили в первую «Волгу», с нею сели ее сын, старший брат, хотел было сесть еще один человек, но увидел, что Айташ занимает слишком много места, перешел к другой машине.

Кавалькада машин выехала с привокзальной площади и вырвалась на проспект.

Евдокия сидела на переднем сиденье. Мужчины говорили по-казахски, и она недоуменно смотрела на своего сына и ничего не понимала.

— Извините, — сказал сын, поймав ее взгляд. — Мы говорим, рейс задержался, мы приедем позже, чем предполагали, мать будет беспокоиться...

— А как она... мать-то? — на этом слове Евдокия споткнулась и взглянула на сына, понял ли он это, а может, обиделся.

— Она ждет вас, — просто ответил сын.

Миновали последний светофор на окраинах Алма-Аты, шофер увеличил скорость, и машина понеслась по шоссе.

— Далеко ль ехать-то? — спросила мать.

— Недалеко, — сказал сын. — Четыреста километров.

— От нас до Москвы ближе, — сказала мать.

— Дома будем через пять часов, — сказал сын.

Тем временем в ауле шли приготовления к встрече гостя. Перетаскивали из малых домов в большой дом матери столы и стулья. Три самовара, стоящие в ряд, по несколько раз уже закипали и остывали, их опять доливали водой, опять разжигали. Чуть в стороне, под летним навесом, молодые женщины — снохи Калиши во главе с Салимой, женой Леонида, и соседки — в большом котле варили бесбармак, в другом — жарили баурсаки. Дети — их было очень много в просторном дворе Калиши — были особенно возбуждены предстоящим событием.

Из дома вышла Калиша, грузная, крепкая, уверенная в себе старуха.

— Не видно еще? — спросила она у старшего внука Сагина, сына Айташа, стоящего дозором на крыше дома.

— Нет, не видно, бабушка.

И Калиша вдруг заморгала глазами, едва сдерживая слезы.

— Эй, Калиша, сватья, где ты, а ну выходи сюда! — крикнул старик Есберген, отец

Салимы. Он важно сидел на коне, неподступный, суровый.

Калиша вытерла слезы, вышла на улицу.

— Есберген, что стряслось с тобой в такой радостный день? Почему ты не слезаешь с коня? Сейчас гостья придет издалека, как-никак новая родня объявилась нам обним.

— Если тебе хочется, радуйся сама, а мне ни к чему радоваться, — не согласился Есберген. — Скажи, где это видано, чтобы у человека были сразу две сватьи, а?

— Я сватала, я и была сватьей.

— То-то. А теперь вот объявляется вторая сватья. Учти, я никуда не отпущу свою дочь, никуда!

Подошла Салима, начала успокаивать отца:

— Отец, что с тобой? Откуда ты взял, что мы уедем?

— Помни мое слово, никуда я тебя не отпущу. И ты тоже помни, Калиша! — грозно предупредил Есберген и тронул коня...

Перед въездом в аул шофер сбросил скорость. Дом сына оказался большим, такие у нее на родине назывались многоквартирными, в таких домах были общежития для механизаторов или поселялись все учителя местной школы.

Их ждали. Старая Калиша уже стояла у ворот, рядом с нею стояла Салима и дети.

Мать вышла из машины. Не очень уверенно она двинулась вперед, протянула было руки для знакомства, но Калиша обняла ее и заплакала, и мать заплакала тоже. Так и стояли две старые женщины, русская и казашка, плакали и успокаивали друг друга, одна по-казахски, другая по-русски.

Успокоились матери, взглянули друг другу в глаза. И сказала Калиша:

— Похожа ты на сына... Ленька человек хороший. Редкий, — добавила Калиша.

Что-то сорвалось в груди у Евдокии, и не могла она найти слов.

— Спасибо, спасибо... за все спасибо...

— Салима, — представил сын свою жену. — А это дети: Павел, Василий, Айгуль, Бибигуль, Нургуль.

Детей было пятеро: двое мальчиков и три девочки. Она попыталась их рассмотреть и запомнить, но растерялась, потому что тут же появились и другие дети, и она не могла понять, русские эти или казахи — у девочек были светлые волосы, но темные и заметно раскосые глаза, один мальчик был очень русский, другой — очень казах.

К матери подходили мужчины.

— Это братья, — представлял сын.

Мужчины называли имена, мать шептала, пытаясь запомнить, и тут же забывала.

Потом сын показал матери дом. В доме было четыре комнаты.

— Дом-то собственный или государственный? — поинтересовалась мать.

— Государственный, — ответил сын.

— Ты что, большой начальник? — спросила мать.

— Да никакой я не начальник, — рассмеялся сын. — Ветврач. А дома у нас у всех такие. Меньше и нельзя. Дети у каждого.

— У нас уже помногу не рожают, — сожалючи сказала мать...

...Меж тем шли последние приготовления к праздничному обеду.

В самой большой комнате составили столы, вносили стулья. Распоряжалась Калиша.

Во дворе варился бесбармак. Мать было предложила свою помощь, но ее невестка Салима настойчиво отвела ее обратно в комнаты и усадила в кресло.

— Вы гостья, мама. Отдыхайте.

И Евдокия сидела в кресле, наблюдая за всей суетой в ее честь.

Входили гости, здоровались с нею. Сын знакомил с нею тех, кто не участвовал во встрече на вокзале.

И снова назывались казахские имена, Евдокия повторяла их, но никак не могла запомнить.

Она отвела сына в сторону и попросила:

— Я опять забыла, как братьев-то зовут твоих?

— Старший Айташ, этого Байтас, этого Кокеш, этот Токеш.

Евдокия вздохнула,

— А дочерей?

— Айгуль, Бибигуль, Нургуль.

Евдокия зашептала вновь.

Самая старшая, Нургуль, ей улыбнулась, потом вырвала из тетрадки листок и переписала крупно имена сестер и отдала матери.

Наконец все расселись за столом. Обе матери сидели рядом. Встал старший Айташ и сказал:

— Я предлагаю этот тост за мать нашего брата Леонида и теперь за нашу мать Евдокию Филипповну. Здоровья ей и многих лет жизни.

Евдокия всхлипнула и низко, по-русски, в пояс, поклонилась всем вставшим из-за стола в ее честь.

И началось застолье. Матери сидели в центре стола. Сын смотрел на матерей. Он помнил Калишу молодой в красной кофты, такой, какой он ее увидел впервые. Сидела молодая Калиша и улыбалась, а рядом с нею сидела грустная старая Евдокия. Он не мог представить Евдокию молодой. За столом было много и русских. И говорили по-русски и по-казахски. Мать смотрела на сына, который говорил по-казахски, и никак не могла к этому привыкнуть. И особенно поражала ее молодая беловолосая пышногрудая женщина, совсем вроде бы своя — такая в ее деревне каждая вторая, — так эта без запинки тараторила по-казахски со своей соседкой.

И тут мать заметила, что Калиша недовольно нахмурилась.

— Чего случилось? — спросила мать.

— Нехорошо, — сказала Калиша. — Кокеш много пьет.

Теперь и мать обратила внимание, что один из братьев говорит слишком громко и размахивает руками.

— Нехорошо, — еще раз огорченно проговорила Калиша.

— Да он ничего мужик, — не согласилась мать. — Приветливый. Я его сразу отметила.

— Он хороший, добрый, — сказала Калиша. — Но не умеет отказаться от этого, недавно права шоферские отобрали, сейчас на тракторе. Жены нет, детей нет.

А Кокеш пытался запеть: «Бежал бродяга с Сахалина...» Но его не поддержали.

— А старший Айташ у тебя небось начальник какой? — мать попробовала переключить разговор.

— Бригадир тракторной бригады, — сказала Калиша и добавила: — Хороший бригадир. Байтас чабан. Хороший чабан. Токеш — архитектор. Не знаю какой. Мало еще домов строил. Леонид — ветврач. Хороший врач, осенью директором совхоза будем ставить.

— А начальство уже согласно? — осторожно поинтересовалась мать.

— Будем говорить с начальством, — авторитетно заявила Калиша. — Сама буду говорить с секретарем райкома.

— А может, неудобно за своего-то просить? — засомневалась мать.

— Почему неудобно? — возразила Калиша. — Я не одна так думаю, все так думают. Директор у нас старый, надо менять. Ленка будет хорошим директором.

...За столом уже пели хором. Мать потихоньку выбралась, и тут ее ухватил внук Павел, скуластый, раскосый и черный.

— Пошли, — потребовал он и повел в детскую, где уже спал его брат, белесый и конопатый.

— Ты знаешь, что я люблю? — спросил внук в упор.

Мать задумалась, потом догадалась:

— Шоколадные конфеты.

— Шоколадные конфеты есть вредно, — отрезал внук. — Я сказки люблю. Рассказывай.

Внук лег и приготовился слушать.

— Какую же тебе сказку рассказать? — задумалась мать. Ничего ей не приходило

на память, да и не рассказывала она никогда сказок.

— Значит, так, — начала она. — Жили-были три брата. Два умных, а третий Иванушка-дурачок.

— А что такое дурачок? — спросил внук.

— Ну это немножко больной, так люди считали.

— Если больной, надо вызвать доктора, — заявил внук. — Не хочу про больного мальчика, давай другую сказку, про космос...

Но потом заглянула в комнату Салима.

— Идите, я сама с ним быстро управлюсь, — улыбнулась Салима матери. — Леня за вами послал.

Мать, прежде чем выйти снова к гостям, заглянула к внучкам. Старшая спала отдельно, младшие вместе. Они разметались во сне. Мать укрыла их. И внучки были разные, черненькая и беленькая. Мать погладила по головке беленькую: та ей все-таки была ближе, но потом погладила и черненькую и задумалась.

В комнату зашел сын. Он сел рядом с матерью, улыбнулся ей, и вдруг мать уткнулась ему в грудь и заплакала. Сын обнял ее.

— Успокойся. Успокойся, мама, — с некоторым все-таки трудом он произнес это слово, и от этого слова мать зарыдала еще сильнее, и сын тоже не сдержался, заморгал и начал искать платок, чтобы вытереть проступившие слезы.

На следующее утро Салима разбудила мать.

— Как же я проспала? — смутилась Евдокия. — Дома я всегда со светом вставала.

— А сейчас у вас еще ночь. Четыре часа разница во времени, — улыбнулась, пояснила Салима.

Невестка оказалась проворной. Она быстро усадила детей, накормила их, помогла младшим одеться.

— Вы отдыхайте пока, — сказала она матери. — У меня в школе после двух уроков перерыв будет, и я забегу к вам.

— Да ты не сомневайся, — сказала мать. — Я присмотрю за ребятами.

— Зачем вам беспокоиться, — возразила Салима. — Они побудут у апа, у старшей бабушки. Они привыкли у нее.

— Ну и я тогда к ней схожу, — решила мать.

И они направились к дому Калиши. Внуки Евдокии ворвались во двор Калиши и перемешались с другими детьми. Здесь их было уже больше десяти. Мать даже растерялась.

— Мой детский сад, — перекрывая гул детских голосов, пояснила Калиша. — Здесь не все. Трое детей Токеша в Алмате живут.

— По сколько же у них детей? — удивилась мать.

— У Айташа семь сыновей, две дочери, у Байтаса пять дочерей, два сына, у Ленки, сама знаешь.

— Да у нас в колхозном детском саду меньше, — мать никак не могла успокоиться.

— Здравствуйте, Евдокия Филипповна, — к матери подошел сын Айташа, Сагин.

— Здравствуй, Сагинбек, — мать начала запоминать имена своих новых родственников.

Сагин вынес несколько географических атласов.

— Покажите, где вы живете, — попросил он.

— Да моя деревня ни на какой карте не обозначена, — сказала мать.

— Такого быть не может, — не согласился Сагин и раскрыл атлас автомобильных дорог. — Вот Опочка, вот Невель...

— Здесь рядом тогда ищи. Синяя Никола наша деревня называется.

— А почему Синяя? — спросил Сагин.

— Есть у нас такие церковные праздники: летний Никола, зимний Никола, а наша деревня на реке стоит. Синяя река называется. Вот и деревня Синяя Никола.

— Сагин, в школу пора, — позвала Салима.

— Мы еще найдем Синюю Николу, — пообещал Сагин, бросаясь в дом за портфелем.

Весеннее солнце пригревало уже довольно сильно. Калиша и Евдокия сидели на крыльце, а внизу, во дворе, копошились дети. Во дворе был установлен грибок, скамейка, конь-качалка, насыпан песок — почти полностью оборудованная детская площадка.

— А как же ты одна пятерых мальцов подняла? — спрашивала Евдокия. — Трудно, небось, было?

— Трудно, — согласилась Калиша. — Тогда всем трудно было.

— Но твой мужик с войны вернулся, — сказала Евдокия. — По годам-то Токеш и Кокеш после войны родились.

— Еще пять лет после войны муж был. Болел, в госпитале лежал, умер, рана тяжелая была! А твой на фронте погиб?

— Если бы на фронте! — вздохнула Евдокия. — Тогда б я была вдовой участника войны. Его же на лесозаготовках придавило. Слышь, а как ты Леньку-то взяла?

— Тогда многие наши брали. Двадцать семь детей в аул взяли.

— А теперь-то родители нашлись? — спрашивала Евдокия.

— Не все еще нашлись, — вздохнула Калиша. — Ленька тоже тебя искал. Но это потом. А так он маленький совсем был, два годика, фамилии не знал совсем своей.

— А характер у него какой был? — спрашивала Евдокия.

— Хороший, болел много только, еще драться любил.

— Ну и побеждал?

— Не всегда. Братья помогали.

— Апа, апа! — Во двор зашла молодая казашка и чуть не плача что-то быстро начала рассказывать Калише.

Та молча выслушала и поднялась с крыльца.

— Случилось что? — спросила Евдокия.

— Кокеш пьяный. Надо в отару корма везти. Трактор стоит. Пошли!

Калиша шагала широко, Евдокия едва за нею попевала.

Кокеш увидел Калишу, тут же встал и начал натягивать сапоги. Не очень уверенно он направился к двери. Подойдя к трактору, он с ходу попытался забраться в кабину, но у него ничего не получилось. Тогда он отошел на несколько шагов и снова бросился вперед. За поручни он уцепился, но ноги его не слушались.

Калиша молча взяла его за плечо и отвела от трактора.

Кокеш стоял, понурился голову.

— К Леньке поедешь? — спросила Калиша Евдокию. — Садись!

Калиша помогла забраться Евдокии в кабину.

— Может, не надо, — засомневалась Евдокия, взглянув на Кокеша.

Но трактор уже взревел, Калиша забралась в кабину, выжала сцепление, и трактор покатил по улице аула.

— А ты остановить сможешь? — Евдокия испугалась уже всерьез.

— Не бойся, — сказала Калиша — я трактористка с тридцать шестого года. Паше Ангелиной письмом писала, на соревнование вызывала. Всю войну на тракторе работала. Ордена есть.

За аулом Калиша прибавила скорость.

— А помнишь, как раньше пели... — улыбнулась она Евдокии и вдруг запела:

Мы с железным копцем

Все поля обойдем,

Соберем, и посеем, и вспашем.

И Евдокия вспомнила тридцатые, когда она тоже была молодой и счастливой, не удержалась и подхватила:

Наша поступь тверда,

И врагу никогда

Не гулять по республикам нашим.

Несся трактор «Беларусь» по кочковатой степной дороге, а в кабине пели старые женщины, на долю которых выпало много тяжелого, даже слишком много...

Трактор подрулил к чабанскому домику и остановился. Присутствующие удивленным гулом встретили выбравшихся из кабины двух женщин.

Евдокия осмотрелась. В степи, на холме, стоял каркасный чабанский дом и длинная полуоткрытая кошара. Внизу паслись сотни овец.

Молодые парни-сакманщики на тележках подвозили к загонам новорожденных ягнят. В отаре шел окот.

Леонид в белом халате купировал хвосты новорожденным ягнятам. Он улыбнулся и помахал Евдокии и Калише скальпелем и снова принялся за работу.

Подошел Байтас, о чем-то спросил Калишу. Калиша односложно ответила. Байтас вздохнул и снова направился к отаре. Он был явно чем-то озабочен.

У отары высокий парень с длинными до плеч волосами подносил к овцам новорожденного ягненка. Ягненок тянулся к сосцам, но овца сильным ударом отшвыривала его, и парень нес ягненка к следующей овце.

— Как же так?! — укоризненно говорил Байтас парню. Парень пожимал плечами.

— Так у нас никогда не будет пятьдесят миллионов овец в республике.

— Ну, мне так много и не надо, — ответил парень.

Байтас даже растерялся от такой наглости.

— Что случилось-то? — спросила Евдокия у Калиши.

— Этот паршивец не запомнил, от какой матки ягненок, — сердито пояснила Калиша.

— Что ж будет-то? — спросила Евдокия.

— Умрет ягненок, если не найдут матку, чужая не подпустит.

— Где же ее найдешь-то? — забеспокоилась Евдокия. — И за неделю не отыщешь.

— Байтас найдет, — сказала уверенно Калиша.

Парень, сделав еще одну попытку найти овцематку, опустил ягненка на землю и сел сам. Обессиленный уже ягненок лег на землю и закрыл глаза.

Тогда ягненка взял Байтас. Он шел через отару, вглядываясь в овец. И среди сотен он все-таки выделил одну. Поднес к ней ягненка. И овца не тронулась с места. Ягненок жадно приник к наполненному вымени.

...Сакманщики, студенты-практиканты зооветеринарного техникума, сидели на земле и слушали Леонида. Он говорил по-казахски. Говорил спокойно, даже медленно, но студенты опускали головы.

— Что он говорит? — спросила Евдокия у Калиши.

— Стыдит. Нельзя так работать. А это он советует переменить профессию. Хорошо говорит. Хорошим будет директором.

Во взгляде Калиши была гордость и нежность. Она могла гордиться, она его воспитала, и у Евдокии вдруг защемило сердце.

Леонид подошел к ним, сбросил халат и, обняв Евдокию за плечи, повел к дому Байтаса.

— Сейчас будем обедать. Как тебе наше хозяйство? — спросил он у Евдокии.

— Богатое хозяйство, — сказала Евдокия. — А у нас коровы. Мы тоже животноводство поднимаем.

Пока жена Байтаса собирала еду, Калиша повела Евдокию в соседнюю комнату.

— Иди сюда, я что-то тебе покажу, — хитро смеялась она. — Я тебе раскрою один секрет. Это у них лабораторией считается.

— А что они здесь делают?

Калиша взяла с полки большой альбом и стала листать. На каждом листе был приклеен пушок шерсти.

— Четвертый год занимаются. Хотят вывести породу овец с тонкой, как шелк, шерстью. Только пока не получается...

Евдокия вдруг схватилась за грудь, побледнела и начала медленно оседать у стены.

— Что с тобой? — испугалась Калиша.

— Ничего, пройдет.

Калиша осторожно повела ее на диван, и Евдокия прилегла. Леонид с Байтасом бы-

ли тут же, рядом. Леонид подошел, взял руку матери, пощупал пульс.

— Где аптечка? — крикнул он Байтасу.

Байтас бросился за чемоданчиком. Он выбрасывал ненужные лекарства.

— Есть ли у тебя хотя бы валерианка?

— Нет, — покачал головой Байтас. — От сердца ничего нет. Сердца у всех здоровые.

Сын приложил ухо к груди матери.

— Я в аул. Надо врача срочно...

— У меня такое бывало. Потом отойдет, — мать пыталась успокоить сына. Но он уже бросился из дома. А через несколько секунд все услышали, как взревел мотор газика.

Сын и Салима терпеливо ждали в приемной. Наконец вышел врач.

— Стенокардия. У нее большое сердце. Очень большое. Ее нельзя волновать, — строго сказал он сыну. — Сами понимаете. Годы. Разреженность — вредно все это для нее. В таком возрасте нельзя так резко менять климат.

— Но она может привыкнуть? — спросил сын.

— В старости ни к чему новому лучше не привыкать. В больнице ей придется побыть недели две. А потом уж решайте сами...

Сын вошел в палату.

Мать уснула. Волосы растрепались и закрыли ей лицо. И вдруг сын вспомнил.

...На снопах пшеницы лежала молодая женщина, волосы и стебли пшеницы закрывали ее лицо. Все вокруг было золотисто-желтым: и солнце, и пшеница, и волосы женщины.

Мать открыла глаза и поправила седые пряди волос.

— Придется полежать, — сказал он матери. — Мы будем приезжать каждый день.

— Не надо приезжать, — воспротивилась мать. — Я в больнице люблю быть. В больнице помереть не дадут. Вот когда дома

меня прихватывало, тогда страшно было, некому воды подать.

— Такого больше не будет, — сказал сын. — Я буду рядом, и Салима, и внуки твои.

— Спасибо, — сказала мать. — За что же счастье мне такое!

Евдокия с сыном и Сагинбеком, сыном Айташа, сошла с поезда в маленьком районном городке. Теперь до ее дома оставалось уже немного.

Попав в знакомые и привычные обстоятельства, она уже и вела себя соответственно.

На площади стоял автобус, и в него садились пассажиры.

Евдокия, подхватив чемодан, бросилась к автобусной остановке. И очень удивилась, что сын и Сагинбек не торопятся.

— Скорее, скорее, — торопила она их. — Места займут, всю дорогу будем стоять.

— Дядя Леня, давай на такси поедem, — сказал Сагин. — Вон такси есть.

— А ты знаешь, что до деревни двадцать верст? — спросила его Евдокия.

— Два рубля.

— А ты хоть рубль сам заработал? — поинтересовалась Евдокия.

— Сто семьдесят два рубля в прошлом году на уборочной, — сказал Сагин и добавил: — А в этом году еще больше заработаю.

— Так, значит, — сказала Евдокия, лихорадочно подыскивая аргументы, но и сын, и Сагинбек, подхватив чемодан, уже шли к стоянке такси.

В такси она села первой, рядом с шофером, энергично хлопнула дверцей и коротко распорядилась:

— В Синюю Ни́колу.

...Такси неслось по сельской дороге.

Сагинбек глазел по сторонам. Ему все было интересно и непривычно. Лес, река, которая тянулась вдоль дороги, небольшие деревни из нескольких домов.

Вдруг шофер свернул с дороги.

— Это куда? — забеспокоилась Евдокия. — Прямо надо.

— В Криюлино мост ремонтируют, — сказал таксист. — Придется в объезд, через Дуловку.

— Так это же семь верст крюка. Останавливай. Выходим.

Шофер затормозил.

— Поехали, — сказал сын.

— Поехали или выходим? — спросил шофер.

— Поехали, — сказал Сагин.

— Нет, выходим, — сопротивлялась Евдокия. — Куда такой крюк давать? Здесь автобус обождем.

— Какой крюк? — удивился Сагин. — Семь километров. Очень красиво здесь у вас. Посмотрим и Дуловку, правда, дядя Ленья?

— Это красота, знаешь, каких денег будет стоить? — спросила Евдокия.

— За красоту никаких денег не жалко, — сказал Сагин. — В кино когда ходим, за билет платим, а здесь еще красивее.

— И то правда, — улынулся сын.

И такси снова шло среди полей, засеянных рожью, через пролески, через деревни...

— Как красиво! — восхищался Сагин. — Как в кино.

Евдокия без интереса поглядывала по сторонам, ее больше интересовал счетчик такси, который неумолимо выбивал копейки на своем табло. Евдокия тяжело вздохнула и отвернулась. На счетчике было уже два рубля сорок пять копеек.

...Такси вошло в деревню. Сын смотрел и ничего не узнавал.

— Ничего не помню, — сказал он. — Ничего...

— А и ничего не было тогда такого, — сказала Евдокия. — Заново все построено. Народ богато живет сейчас...

И вправду, стояли вдоль деревенской улицы добротные, обшитые тесом дома под шиферными или жестяными крышами, с телевизионными антеннами.

— Выйдем здесь, — сказала Евдокия. — Пусть народ посмотрит, кого я привезла.

Они вышли у правления колхоза.

Евдокия затянула платок и гордо пошла вперед, а за нею с чемоданами шли сын и Сагинбек.

Навстречу попадались люди, они с интересом осматривали Сагинбека и сына, и сын с интересом осматривал их.

Проехал на тракторе светловолосый, с широким лицом парень, он не был похож на сына, но что-то в них было общее — и в росте, и в светлых глазах.

Даже старуха, которая раскланялась с ними и, приложив ладонь к глазам, долго смотрела им вслед, была похожа на сына светлостью взгляда.

С ними поздоровались девочки, возвращавшиеся с граблями, — в них уже угадывалась стать российских женщин. Сагинбек не удержался и оглянулся, и девочки тоже оглянулись и, заметив, что на них обратили внимание, ненатурально засмеялись и что-то быстро начали обсуждать, уж больно Сагинбек отличался от здешних молодых парней.

— Мне кажется, у тебя все здесь похоже, — сказал он Леониду.

Евдокия всегда и все слышала, даже если она шла далеко впереди или далеко сзади, такой уж у нее был характер, — все знать, все слышать, чтобы ничего не пропустить.

— Конечно, похожи, — сказала она. — Полдеревни родня. Старуха, которую встретили, тетка твоя по отцу, его двоюродная сестра.

— А девочки тоже родня? — поинтересовался Сагин.

— А как же? — сказала Евдокия. — Тонька, которая с косами, троюродная племянница.

— А сколько ей лет? — спросил Сагин.

— Сейчас скажу. — Евдокия тут же просчитала: — Значит, она родилась через год после Кирилловой Маньки, когда Филя вернулся из армии, под самый Спас, яблоч тогда много уродилось, а у меня тогда под-свинок сдох. Значит, ей шестнадцать.

— Мне тоже шестнадцать, — сказал Сагин.

— Тебе еще в армию идти, — сказала Евдокия. — А вот и наш дом.

И Сагин направился к добротному кирпичному дому с яркими синими ставнями на окнах.

— Не этот, — сказала Евдокия.

Рядом с домом стояла старенькая почерневшая изба, с двумя окнами на улицу, с палисадником, забранным разномастным штакетником. Изба присела на один угол, это было особенно заметно рядом с геометрически четкими линиями ее кирпичного соседа. Сын остановился перед домом.

— Да, — сказал он, — хоромы у тебя, мать.

— У кого мужик в доме, уже после войны по два раза перестроились, а мне и так хорошо, сынок, — бодро ответила она, отпирая замок на двери, но радости в ее словах не было.

Они вошли в дом, состоящий из одной комнаты, третью часть которой занимала печь. В комнате кровать, стол, две лавки, большой сундук и два стула.

— Я в музее такие лавки видел, — сказал Сагин.

— Это еще от деда, — сказала Евдокия. — Гарнитуря мне ни к чему... Сейчас я поесть приготовлю. — Евдокия засуетилась. — Сейчас печку растоплю. — Она выскочила во двор, вернулась с охапкой дров.

...Потом они сидели за столом. Евдокия наложила в тарелки кашу, бросила по куску масла. Была еще квашеная капуста, соленые грибки и как деликатес для гостей она открыла «ставриду в томате».

Сагин поковырял кашу и спросил:

— Бабушка, а мяса у тебя нет, что ли?

— Какое же тебе мясо летом? — сказала Евдокия. — Вот осенью забью борова, будет тебе мясо. Ну, если хошь, я тебе сейчас солонишки принесу.

— Это свиинна? — спросил Сагин.

— Свиинна, — сказала Евдокия. — Ну, и постенное мясо на ней тоже есть.

— Тогда можно, — сказал Сагин. — Только вы той бабушке не говорите, а то она не любит.

— Придется в район завтра ехать, — сказала Евдокия. — Я уже и забыла, что мужики без мяса не живут. Сама-то я то каши, то вермишельки.

— Завтра, мать, съездим, — сказал сын. — Наберем еды.

— А знаешь что, — решила Евдокия, — давай сейчас куренку голову снесем и зажарим.

— Да у тебя их всего-то три, — сказал сын. — Сиди. Теперь все будет по-другому.

Потом они шли по деревне.

— А чего это мы ходим туда-сюда? — спросил Сагин.

— Пусть посмотрят, кого я привезла, — гордо сказала мать. — Да и Леонид, может, припомнит родные места.

Но сын ничего не узнавал. Они вышли к берегу реки.

— Здесь, кажется, был такой крутой страшный спуск. И большие ступеньки с перилами, — не очень уверенно сказал он.

— Так вот же эти ступени, — сказала мать.

И вправду, рядом были ступени, вернее ступеньки, и перила были, и спуск был, но все это маленькое и совсем не страшное и не крутое.

Они присели на краю спуска. Сын смотрел на лениво катившую речку, наполовину заросшую осокой и кувшинками. Невдалеке лежала горка потрескавшихся камней.

И сын вдруг увидел на этом месте баню, из бани выскакивали распаренные малиновые женщины и бежали к реке. А река была большая и полноводная. В воде стояла женщина с золотистыми волосами и звала его. Он вошел в воду. Она подхватила его. Рядом была вода, и он прижался к груди женщины.

— Здесь была баня, — сказал сын.

— Была, — ответила мать. — Еще в войну сгорела.

Мать выбирала продукты в сельском магазине.

Сын в ожидании ее курил на крыльце.

Продавщица Вероника, женщина лет тридцати пяти, полная и очень привлекательная, в халате, из которого выпирали обильные груди, отвешивая макароны, поглядывала в сторону сына.

— Тетя Дунь,— все-таки не выдержала и спросила она,— сын-то твой женат?

— Женат, женат,— сказала Евдокия.— Не зыркай, у него пятеро детей.

— А дети не помеха,— возразила Вероника.— Закон один, хоть двое, хоть десять,— алименты все равно тридцать три процента. А я бы двоих взяла: мальчика и девочку. А трюх той жене оставила бы, а? Тетя Дунь, может, сговоримся? — поспеивалась Вероника.

— И не вздумай ему голову крутить,— возмутилась Евдокия.

— А вдруг у нас с ним любовь будет?

Сын вошел в магазин.

— Пошли, пошли,— заторопила его Евдокия.

— Заходите,— пропела Вероника, улыбаясь Леониду.

— Зайдем,— тот тоже улыбнулся.

— Ты с нею поосторожней,— предупредила его Евдокия, когда они вышли.— У нее сейчас главная цель — замуж выйти.

— Что же, цель благородная,— улыбнулся сын.

— Ты ее все ж избегай,— мать никак не могла успокоиться.— Бабе под сорок, года рискованные уже, тут пан или пропал, она на любой скандал пойдет.

— Ну, мне это не угрожает,— добродушно заметил он.

— Не скажи,— возразила мать.

Вечером сын и Сагин начали маяться. Делать было нечего.

— Бабушка, а как ты без телевизора живешь? — не удержался Сагин.

— Да так и живу,— ответила мать.— К соседям хожу. За компанию даже интереснее смотреть.

Сагин походил по избе и спросил:

— А может, на танцы сходить?

— Сходи, конечно,— согласилась Евдокия.— Только на Тоньку особо не заглядывайся. За ней Мишка Тихомиров ухлестывает. Здоровый бугай. Он уже одного уха жера отлупил.

— Что такое,— возмутился Сагинбек.— Я же в Европу приехал. У нас в Азин и то таких отсталых обычаев уже нет. Куда же у вас Советская власть смотрит?

— А причем тут власть-то? — не согласилась Евдокия.— Власть смотрит, чтоб хлеб, мясо давали. А кто кому по шее наkostenяет,— это у нас без власти делается.

— Ну уж нет,— сказал Сагинбек.— С этим тоже надо бороться. А то никакого прогресса не будет.

И Сагин начал собираться на танцы. А мать прошла в избу, достала из закутка шкатулку, дрожащими руками открыла ее, достала пузырек и начала капать на сахар. И уже разжевывая сахар, почти без сил опустилась на пол.

— Бабушка! — крикнул Сагин.

— Я сейчас, сейчас,— мать медленно поднялась.— Я сейчас.

Она не хотела, чтобы ее увидели такой беспомощной.

Мать и сын сидели на крыльце. Сын курил, она притулилась рядом, время от времени поглядывая на своего взрослого сына, и своего вроде и не совсем своего.

И вдруг она засуетилась. К калитке походил пожилой мужчина.

Мужчина вошел во двор, стянул кепку.

— Здравствуйте, хозяева,— приветствовал он.

— Здравствуйте, Иван Петрович, здравствуйте! — Евдокия вскочила, распахнула дверь в избу: — Проходите, чайку, может, откушаете.

— Спасибо,— сказал Иван Петрович. Он сел на ступеньки крыльца рядом с сыном, протянул ему руку и представился: — Филиппов Иван Петрович, председатель колхоза.

— Мейрамов Леонид Мейрамович,— представился сын.

— Так,— сказал Филиппов,— фамилию тебе, значит, не сохранили.

— Жизнь мне сохранили,— ответил сын.

— Верно отвечаешь,— похвалил Филиппов,— но все же нехорошо... что в правление не зашел, не представился, все же в родные края вернулся. Видишь, я хромаю, на протезе к тебе должен был прийти. Заходи, потолкуем.

— А о чем толковать-то? — спросил сын.

— Как это? — удивился Филиппов.— Хоть дальние мы с тобой, но родственники. А потому я здесь руководитель, а руководству надо представляться.

— А я не к руководству приехал,— ответил сын.— Я к матери приехал. А живется ей здесь не так уж и сладко. Вон изба скоро завалится. Так что не пойду к руководству представляться. Сам разберусь.

— Так, значит,— сказал Филиппов.

— Именно так,— подтвердил сын.

А в клубе меж тем начались танцы. По сохранившемуся деревенскому обычаю парни группировались у одной стены, девушки — у другой.

Сагинбек стоял отдельно от всех у двери. Его с интересом осматривали, особенно девушки, уж больно отличался он от местных белобрых, русых и кряжистых деревенских парней.

Откуда-то появился портативный магнитофон. Его быстро подключили к динамикам, вставили кассету, и клуб заполнился бешеным ритмом «Казачка».

И все сразу перемешалось. На круг вышли все. Сагин рядом с Антониной.

— А мы ведь с вами родственники,— улыбаясь, сообщил Сагин Антонине.

— А все люди на земле родственники,— ответила ему Антонина.— Вы сын Леонида?

— Я его племянник,— ответил Сагин.

— А мы думали, он с сыном приехал... У него же есть дети?

— Три дочери и два сына.

— Ой, как интересно! — восхитилась Антонина.— У меня тоже будет сын и дочка,— сказала Антонина и смутилась.— Это когда я выйду замуж.

То, что Сагин танцевал с Антониной, не осталось незамеченным.

Михаилу Тихомирову, большому, даже грузному парню, было пока шестнадцать, но уже сейчас угадывалось, что через несколько лет он станет очень крупным мужчиной.

— Миш! — К Тихомирову подошел его приятель Виктор, тоже Тихомиров,— в деревне было только две фамилии: Филипповы и Тихомировы.— Миш, сейчас его отлучим или после танцев?

— Ну что ты такое говоришь? — ответил Михаил.— Он наш гость. Мы ведь не какие-нибудь агрессоры. Надо его предупредить вначале мирно. Ты это и сделаешь сейчас.

— Слушаюсь, шеф.— И Виктор направился к Сагину.

Михаил наблюдал за переговорами. Вначале говорил Виктор, потом Сагин, потом Виктор. Тут снова зазвучала музыка, и Сагин направился приглашать Антонину, а парламентар вернулся с докладом.

— А он говорит, что это нехорошо — драться. Что это пережиток. А с пережитками надо бороться. Он идейно-правильный какой-то.

— Ладно,— сказал Михаил.— Отлучим.

— Так что? — спросил Виктор.— Сейчас вызывать его или после танцев?

— После танцев,— сказал Михаил.

— И Тоньке не мешало бы наkostenять, чтобы хвостом не вертела.

— Я с ней сам разберусь,— сказал Михаил.

Сын и Иван Петрович сидели на крыльце. Мимо дома прошла принаряженная Вероника, она улыбнулась мужчинам, но им сейчас было не до нее.

— Прежде, чем обличать, знать надо.— Филиппов погасил папиросу и тут же закурил новую.

— Совсем необязательно,— ответил сын.—

Совсем необязательно быть курицей, чтобы определить вкус яичницы.

— Слова можно разные придумать,— Филиппов даже дернулся от возмущения.— Если бы ты знал, что здесь было и что стало. Много лет даром люди работали, пока хозяйство подняли. Теперь богато живут, у кого в доме мужики есть. Ну, а вдовы... не до всех еще руки дошли. Миллионы этих самых вдов по России. Миллионы...

— Сами же говорите, что богато жить начали,— возразил сын.— Можно и о вдовах подумать. Не пообедем, если поможем.

— Тоже верно,— согласился председатель.— Ладно, это правильно, что ты мать защищаешь. Дом надо, конечно, подремонтировать. Лесу я выпишу. С плотниками хуже — нет их у меня. Сам поищешь.

Сын кивнул.

— А пока, может, и сам вернешься в родные места? Я слышал, ветврач ты. У нас тоже животноводство есть. Дом построим. Работники нам нужны. А жена по какой специальности?

— Учительница. Казахский язык преподает.

— Ну, казахского у нас нет. Нам англичанка нужна, больше года у нас англичанки не задерживаются. Слышь, пошлем ее на переподготовку, переучится. Какая разница, какой язык преподавать. Подумай, а?

— Подумаю,— сказал сын.

— Да...— сказал Филиппов.— Ветврач для колхоза очень бы сгодился. Ладно, заходи в правление. Выпишу лесу...— И Филиппов начал спускаться с крыльца.

— Может, зайдете, чаю попьете,— предложил сын.

— А! — Филиппов махнул рукой и захромал к калитке.— Разбередил ты мне старые раны. Лучше ко мне заходи, не чужой ты мне...

И тут, едва не сбив с ног председателя, в калитку влетела Антонина.

— Скорее, скорее, там Сагина бьют. Спасать надо.

Сын прыгнул с крыльца и бросился на улицу. Антонина и сын бежали рядом.

— Много их там? — спросил сын.

— Ой, много. Все Тихомировы...

...Тихомировых было не меньше десятка. Они стояли плотно, с палками, намотанными на руки солдатскими ремнями, доставшимися им от отцов и старших братьев. Но напротив них стояла точно такая же плотная группа Филипповых. Пока еще велись разговоры.

— А чего вы его защищаете? — спрашивал Михаил Тихомиров.

— А потому что он теперь наш,— ответил ему другой Михаил, только Филиппов, парень такой же плотный, как Тихомиров.

— Какой же он ваш? — Тихомиров стянул углы своих глаз, и они стали раскосыми, как у Сагина.

— Ну и что,— возразил ему Филиппов.— Он же племянник Леонида, а значит, теперь в нашей родне. И вообще гость наш.

— Ладно,— сказал Тихомиров.— Тогда будем все драться.

— Давай все,— согласился Филиппов.

Весть о готовящейся драке дошла до деревни, и уже бежали мужчины. Посыпались подзатыльники.

— А ну, марш по домам! Нашлись вояки!

Но тут выступил Сагин.

— Это очень плохой пережиток, на одного несколько человек. У нас таких пережитков уже нет. У нас настоящие джигиты выходят один на один. Я вызываю Михаила, один на один...

— Ладно тебе,— сказал один из взрослых.— Подрастешь, тогда померишься силой. Посмотри на Мишку, какая это дубина. С ним уже взрослые мужчины не справляются.

Сын молча слушал, стоя в толпе.

— Давай, расходитесь,— потребовали взрослые.

— Я считаю справедливым, когда один на один,— сказал сын.— К тому же зло должно быть наказано.

— Ладно, чего там,— загалдели мужчины.— А ты тоже зачем мальчика подставляешь, его же согнуть ничего не стоит,

— Ставлю ящик пива, если Сагин проигрывает,— сказал сын.

— Я тоже ставлю,— вышел и отец Тихомирова.— Если мой на земле окажется.

Это уже было интересно. Мужчины организовали круг. Но тут выступила Антонина. Она едва не плакала.

— Как вам не стыдно! — крикнула она.— Я не позволю.— И встала рядом с Сагином.

— Не встревай,— прикрикнул ее отец.

Сагин меж тем сбросил пиджак, отпустил галстук и вышел на круг.

Михаил потуже затянул ремень и, ссутулив плечи, пошел к Сагину.

Сагин внимательно наблюдал за ним. Михаил уже развел руки, чтобы применить свою железную хватку, которую редко кто выдерживал. Но Сагин вывернулся, рванул на себя Михаила, и тот упал. Правда, он тут же поднялся, но мужчины требовали у отца Михаила:

— Ставь пиво, был Михаил на земле!

Но Михаил продолжал наступать, а через несколько секунд снова был на земле. Он поднялся и сказал:

— А чего он приемы применяет? Это нечестно.

— Это не приемы,— возразил ему Сагин.— Все так у нас борются.— Теперь он сам пошел на Михаила.

Но тут мужчины прекратили соревнование, а отец Михаила вынул деньги.

— Бек выиграл,— решили мужчины.— Пусть проводит Тоньку.

— Как проводит! — теперь уже возмутился отец Антонины.— А ну, марш домой! — потребовал он у дочери.

На следующее утро сын и сосед Евдокин — Михалыч, пожилой, степенный мужчина, осматривали избу Евдокии.

Михалыч выстукивал стены сруба и прислушивался. У покосившегося угла разошлись венцы.

— Так,— сказал Михалыч и замолчал для

большой значительности. Сын и Евдокия ждали его приговора.

— Нет смысла,— сказал Михалыч.— Дешевле новый дом построить.

— Зачем мне новый? — не согласилась Евдокия.

— Как зачем? — изрек Михалыч.— Теперь ты не одна. Внуки у тебя. Надо строить новый. Вот так-то, Леонид,— заключил Михалыч.— Дешевле будет, тем более председатель лесу обещал.

— Ну что же,— сказал сын.— Будем строить новый.

— Да ты что! — всполошилась мать.— Новый дом сейчас не меньше двух тысяч встанет, где таких денег взять-то?

— Дом, Евдокия,— это главное,— весомо сказал Михалыч.— Дом и жена человеку на всю жизнь одни даются.

— С женами сейчас по-другому,— вставил Сагин, слушавший разговор.— Количество разводов все возрастает.

Михалыч смерил Сагина взглядом и не посчитал нужным отвечать. А Евдокия дернула Сагина за рукав.

Сагин, несмотря на жару, в темном костюме и при галстукке, прохаживался мимо дома Антонины. Он проходил вперед, до магазина, потом возвращался, делая вид, что он просто прогуливается.

Мать Антонины, средних лет женщина, наблюдала за ним из-за задернутой занавески. У другого окна примостилась ее бабка, старуха уже совсем древняя.

— Иди скажи, что нет ее,— посоветовала бабка.— Чего парень мучается.

— Пусть мучается,— сказала мать Антонины.— Когда мужик помучается, он женщину больше ценить будет.

— Тю,— фыркнула бабка.— Ты вот Федьку помучила, он на Катьке и женился.

— Ну и что,— возразила мать Антонины.— Я же все равно замуж вышла.

— Тоже мне вышла,— недовольно проворчала бабка.— Считаю, до тридцати годков в девках просидела... Не мешай Антони-

не,— категорически заявила бабка.— Нравится ей этот чернявый, пусть замуж за него выходит.

— Ты что, совсем спятила! — теперь уж возмутилась мать Антонины.— Ей же всего шестнадцать.

— А я в шестнадцать замуж вышла, и ничего все получилось,— возразила бабка.

— Так это и было при царе-горохе. А сейчас закон. С восемнадцати лет можно только.

— Какой закон,— ворчала бабка.— Если девка замуж хочет, никакой закон мешать не должен. Мне Фроська рассказывала, что он вчера из-за Антонины с Мишкой Тихомировым дрался.

— Было такое,— теперь уже с гордостью подтвердила мать Антонины.

— Значит, мужик,— сказала бабка.— Такой в доме хозяином будет. Может, и тебе, когда потребуется, по шее накостыляет, а то много власти в доме взяла...

Сын и председатель колхоза Филиппов сидели в правлении.

— Правильно,— заключил Филиппов.— Новый, так новый. О материале не заботься, обеспечим. Дети твои в новый дом приезжать будут, может, кому и понравится в наших краях. А там, глядишь, и останутся у нас.

Сын улыбнулся.

— Ты чего? — насторожился Филиппов.

— Иван Петрович,— сказал сын.— Я принимаю вашу заботу о кадрах, только все меняется. Если судить по темпам, с которыми сейчас механизмуется сельское хозяйство, скоро не так уж много людей надо будет в деревне. Я думаю, что скоро вообще такое понятие, как крестьянин, исчезнет.

— А что, по-твоему, останется? — спросил Филиппов.

— Все изменится. Даже крестьянская психология.

— Во,— сказал Филиппов.— Все пусть меняется. А вот психологию трогать совсем не надо. Мне рабочая психология не нуж-

на,— заявил Филиппов.— Рабочий, он как? Не понравилось на одном заводе, заявление,— и через неделю он уже на другом. А нам надо, чтобы человек на земле сидел. Земля почти как человек, ее всю жизнь изучать будешь, все равно понять трудно. Так что психологию трогать не надо.

В кабинет вошла молодая бухгалтерша, протянула Филиппову документы для подписи. Филиппов начал подписывать. Бухгалтерша с интересом рассматривала сына. И заметив, что сын обратил на нее внимание, улынулась ему.

— А ты ему не улыбайся,— Филиппов тут же поднял голову от бумаг.— У него пятеро детей. Мне только какого-нибудь аморального дела не хватает. И так в райком через день вызывают...

На ферме шла дойка. Сагин в своем парадном костюме прогуливался рядом. Заведующий фермой — пожилой мужчина — помянул Сагина. Сагин подошел.

— Слышь,— сказал заведующий.— Не отвлекай девок от работы. Они же коров не выдоют как следует.

— Вы Тоню можете позвать? — спросил Сагин.

— Вот закончат, позову. А ты посиди в тенечке пока, а то голову напечет.

— Я привык к солнцу,— сказал Сагин, но все-таки сел у стены, в тени.

— Влюбился, что ли? — поинтересовался завфермой.

— Влюбился,— признался Сагин.

— Хорошее это дело,— сказал завфермой.— У меня только раз такое было.

— Теперь она ваша жена? — спросил Сагин.

— Если бы жена,— сказал с сожалением завфермой.— Я в молодости не шибко решительный был. Все присматривался. А ее взяв и просватал другой. В любви, как в штыковой атаке, медлить нельзя... Антонина! — вдруг крикнул завфермой.— Иди, тебя ждут... Да иди ты скорее, всю жизнь тебя ждать не будут!

В районном строительном управлении толпились председатели колхозов, прорабы, командиры студенческих строительных отрядов.

Начальник управления, мужчина пенсионного возраста, в рубашке навыпуск сидел перед селектором. Вспыхивали лампочки. Невидимые собеседники пытались получить от начальника управления самосвалы, гравий, грейдеры.

Сын терпеливо ждал. Наконец настала и его очередь.

Начальник повернулся к нему:

— Ничем помочь не могу. Не хватает людей. Строим много, рожаем мало.

— А если поговорить с ребятами? — спросил сын, кивнув в сторону молодого парня в форме студенческого отряда, который на арифмометре проверял какие-то расчеты.

— Бесплезно, — сказал начальник. — Они левых работ не берут. Да и контроль у них... комиссар, совет... Бесплезно. Попробуй поговорить с шабашниками. Бригада стариков есть такая. Бригадир — дядя Степа Степанов — из потомственных плотников. Правда, запрашивает дорого. Ну, поторгуйся. Извини.

На селекторе замигала лампочка. Начальник переключил тумблер и сказал:

— Помню, помню, два бульдозера и кран уже вышли...

А мать снова прихватило. Хватаясь за стену, она добрела до окна, распахнула его, потом прилегла. Но лежать было не с руки, и она, держась за сердце и передыхая время от времени, начала мыть чугуны и чистить картошку. Она не могла допустить, чтобы к возвращению сына не был готов обед.

Магнитофон был присоединен к автомобильному аккумулятору. Разносились бодрая ритмичная музыка. Согласно заданному ритму, работали молодые парни в джинсах и широкополых шляпах с загнутыми на техасский манер полями.

А сын в это время разговаривал с бригадиром.

— Я вас понял. — Бригадир, кандидат наук Кузовлев, посмотрел на часы. — К сожалению, мы едва успеем закончить к сроку только этот объект. Подводить заказчика мы не можем, иначе нас не пригласят на будущий год.

— Может быть, вечерами, после работы? — спросил сын.

— Нет, — сказал бригадир. — Темпоритм рассчитан так, что после работы люди должны отдыхать, иначе это скажется на производительности буквально на следующий день. Очень сожалею, но я вынужден вам отказать.

В это время в магнитофоне кончилась кассета. Строители тут же прекратили работу. Но бригадир сразу же поставил новую кассету. Некоторое время звучала медленная протяжная мелодия, потом грохнул удар гонга. Строители взяли мастерки в руки. Темп музыки начал увеличиваться и быстрее заработали каменщики.

Сын посмотрел на их работу и пошел к ожидавшему такси.

Бригада дяди Степы сплошь состояла из пенсионеров. В длинных фартуках и бязевых рубашках, они отесывали бревна для нового скотного двора.

Бригадир, еще крепкий мужик лет шестидесяти с небольшим, выслушав историю сына, посочувствовал ему:

— Трогательная история у тебя. Очень трогательная. Через сколько лет мать найти. Надо тебе помочь. Поможем. Срубим домину, плотники есть. За тыщу, а? — И дядя Степан испытующе взглянул на сына.

— Хорошо, — сказал сын. — Через три дня весь материал завезут. Сколько задатку надо?

— Да какой задаток, — обиделся дядя Степан. — Расплата по окончании. Задатка не надо. А вот если бы четыре рубля одолжил, а?

Сын полез за бумажником.

— Не так, — предупредил дядя Степан. — Вишь, мои старички поглядывают. Не любят

они этого. Им по здоровью уже нельзя, ну и мне порадоваться не позволяют. Возьми в ладошку и когда прощаться будешь, незаметно мне и передашь.

Сын так и сделал. Они хлопнули с бригадиром по рукам, и рубли оказались у дяди Степана.

— Мужики,— бодро крикнул дядя Степан.— Я к председателю сбегая, кой-чего обсудим...— И направился в сторону магазина.— Вы тут без меня не балуйтесь,— добавил он, совсем уже повеселев.

Девушки с фермы шли на речку. Сагин шел вместе с ними, рядом с Антониной.

— Сагин, а то оставайся у нас, колхоз дом построит,— предлагали девушки.

— Подумаем,— улыбнулся Сагин.

— А чего уж думать. Любовь, так любовь. Ты же ведь влюбился в Антонину?

— Влюбился,— признался Сагин.

Девочки захихикали. Им было и смешно, и приятно.

Впереди заблестел изгиб реки. Девочки не выдержали и бросились вперед. Они на ходу сбрасывали платья и кидались с обрыва в воду.

Сагин присел на берегу.

— Давай к нам,— кричали девчонки из воды.

— Да он боится с высоты,— предположила одна из плавающих.

Этого Сагин выдержать не мог. Он снял брюки, пиджак, рубашку, разбежался, как это делали мальчишки, которых здесь было много, и прыгнул.

Упал он неуклюже, взметнув фонтан брызг, вынырнул, потом нырнул снова, его голова показалась над водой, он едва успел вздохнуть и снова скрылся под воду.

— Да он же плавать не умеет,— испуганно крикнула одна из девочек. И девчонки почему-то поплыли от Сагина к берегу, призывая на помощь, хотя помощи было ждать неоткуда, на реке были только семи-восьмилетние мальчишки.

— Держись,— крикнула Антонина.— Дер-

жись, миленький.— Она плыла к Сагину, колотя по воде и руками и ногами.

Все-таки первыми к Сагину подплыли мальчишки. Они тащили его с трудом. Сагин пытался помочь, но только мешал им. Мальчишки сами начали выбиваться из сил, но тут подоспела Антонина, и втроем они вытащили Сагина на песок.

Девочки бросились к ним.

— Ему надо искусственное дыхание,— требовала одна.

— Да зачем искусственное,— разубеждали ее.— Он же дышит.

— Все равно надо искусственное.

Сагин кашлял, дышал с трудом и вдруг улыбнулся.

— Хорошо в речке...

Тут Антонина разрыдалась. Теперь уже окружили ее.

— Ну, чего ты ревешь?

— А вдруг он бы утонул,— ужаснулась Антонина и заревела еще сильнее.

Евдокия поливала огород. Сын ведрами носил воду. Мимо дома в новом, модном теперь платье до пят проплыла Вероника.

— Добрый вечер,— пропела она и оставилась у забора.

— Иди, иди,— шикнула на нее мать и, увидев, что сын направляется к ним, тут же предприняла обходный маневр.— У яблонь надо полить,— сказала она сыну, но когда сын принес воду к яблоням, сказала:

— Передохни...

Сын с удивлением взглянул на нее, но увидев, что Вероника все еще стоит у забора, все понял.

— Разве это работа,— улыбнулся сын.— Так себе — разминка.

— Тяжелая это работа для бабы, сынок,— не согласилась мать.— Пока польешь огород, ни встать, ни лечь. Без мужика в деревне тяжело жить. Это в городе он и не нужен. Печь топить не надо, ни дров заготавливать, ни сена. Вот в городе и разводятся легко, а в деревне сто раз подумает баба, в деревне самого завалиющего мужика живым весом примут. А где ж Са-

гин? Боюсь я за него. Не дай бог, что случится.

Сын посмотрел на часы.

— Пора бы ему,— согласился он.

— Сынок,— мать поколебалась, но все-таки сказала,— может, не надо с новым домом затевать, а? Подлатаем старую избу. Сколько мне жить-то осталось. Если ты не отказываешься,— мать говорила с трудом, на глазах навернулись слезы,— я все ж лучше у тебя буду жить. Ну, пусть я меньше проживу, сколько уж мне осталось-то, зато среди внуков.

— Зачем ты это говоришь? — нахмурился сын.— Этот вопрос решен раз и навсегда. Как только ты захочешь, ты переедешь ко мне. Но у тебя должен быть и свой дом, хороший дом, я просто обязан построить своей матери дом.

— Ничем ты мне не обязан,— печально сказала мать.— Зачем тебе такую обузу брать? А где денег-то столько взять, а? У меня есть на книжке пять сотен, но их не много хватит.

— Ничего,— сказал сын.— Братья могут.

— У них самих семьи да дети. А если не дадут? Ты ж все же не родной им. Родным и то сейчас не особенно деньги одалживают.

— Такого быть не может,— сказал сын.— Я сегодня звонить буду.

Он хотел что-то добавить, но увидел, что мать не слушает его и медленно оседает на землю.

— Сердце? — Сын поудобнее положил мать и взял ее за пульс. Потом он осторожно поднял ее на руки и перенес в дом.

— Я сейчас.— И сын бросился к калитке.

Мать уснула, а сын и молодая женщина-врач сидели за столом. Врач выписывала рецепты.

— В прошлом году меня к ней раз пять вызывали, дважды в больнице лежала.

— Насколько это серьезно? — спросил сын.

— Это же сердце,— вздохнула врач.— И двадцать лет может быть, а может...— И врач не договорила.

Сагин и Антонина вышли к реке.

— Здесь мелко,— сказала Антонина.— Отвернись,— попросила она.

Сагин отвернулся, Антонина сбросила платье, вошла в воду. Когда вода дошла до пояса, она присела и окунулась.

— Заходи,— сказала она Сагину.

Сагин вошел в речку и удивился:

— Вода совсем горячая.

— Нагрелась за день,— пояснила Антонина.— Смотри. Руками вот так, под себя, ногами отталкивайся.— Антонина показала, как надо плыть.

Сагин попробовал, но его потянуло ко дну.

Тогда Антонина подвела под него руки: наверное, когда-то в детстве ее так учили плавать мать или отец.

— Да не бойся,— сказала она.— Я тебя удержу, человек в воде легкий.

Сагин послушался ее и поплыл по-девчачьи, подгребая под себя и колотя по воде ногами. Он даже не заметил, когда Антонина опустила руки, а когда почувствовал это, радостно закричал:

— Плыну, я плыву! Теперь на тот берег. Я переплыву реку.

— Не надо сразу,— степенно сказала Антонина.

— Я не сразу,— сказал Сагин.

Он развернулся и поплыл к противоположному берегу. Он колотил ногами, поднимал фонтаны брызг, смеялся, что-то кричал, рядом с ним плыла Антонина и тоже смеялась и кричала. Они вылезли на берег усталые, задыхающиеся и повалились в траву.

Наступали сумерки. Лес подступал к самой деревне. И сразу за рекой был лес.

Сын сидел на крыльце в одиночестве. Сидел, как привык сидеть с детства, поджав под себя ноги. Рядом стоял транзистор Сагина. Леонид покрутил регулятор настрой-

ки. Мир слушал оперу, джаз, украинские песни. И вдруг он поймал казахскую музыку. И обрадовался, начал настраивать.

Начинало темнеть, шумели деревья во дворе. А сын вспоминал степь. Яркую, залитую солнцем. Он ехал по степи верхом. А рядом стремя в стремя ехала его жена. Она улыбнулась ему, и он улыбнулся ей.

Евдокия сидела за столом, подперев голову ладонью, и смотрела, как ест Сагин. А Сагин ел хорошо и много. Картошку, лук, редиску, хлеб, подцеплял ложкой куски разогретой тушенки.

В комнату вошел сын и заговорил с Сагином по-казахски. Тот слушал и вдруг захопал в ладоши. Сын тоже улыбнулся.

Евдокия отошла к окну и начала перебирать какие-то тряпочки и тесемочки, делая вид, что разговор сына и Сагина ее совсем не интересует.

— Извини, мать,— сказал сын, заметив это,— сразу не переключился. Только что разговаривал с Казахстаном. Значит, так. Деньги высылают завтра. И еще Айташ будет в Москве на ВДНХ и обещал заглянуть к нам, посмотреть, что и как.

— Чего же не завернуть,— сказала Евдокия.— Утром рано из Москвы выедет на поезде, а к вечеру у нас будет. Хорошо, если придет,— вздохнула Евдокия.— Он мужик дельный. Мне как-то спокойнее даже стало...

На следующее утро к избе Евдокии подошел лесовоз. Бревна свалили у плетня. Потом подошла машина с досками.

— Принимай, бабка, и распишись!— Водитель, молодой парнишка, протянул Евдокии наряд.

Евдокия нацепила очки и начала разбирать написанное.

— Все в целости,— заверил ее шофер.

— А я откуда знаю,— ответила Евдокия.— Сколько здесь штук?— спросила она подозрительно.

— Не знаю,— беспечно ответил шофер.— Здесь не в штуках, а кубометрах.

— Все в порядке, мать.— Сын расписался и протянул шоферу три рубля.

— Зачем дал?— накинулась Евдокия.— Он зарплату получает, и мы за перевоз в кассу уплатили.

— Не пообедем, мать.— Сын был настроен весело.— Я поехал за бригадой. К вечеру вернусь, а с утра начнем.— Сын протянул матери деньги.— Закупи еды побольше, плотников надо кормить получше.

— Не в этом дело.— Мать отмахнулась и начала считать доски, она ошибалась, начинала снова.— А может, он несколько лесин у своего дома сбросил,— высказала она предположение и снова начала сосредоточенно считать, шевеля губами.

— Со мной не хочешь проехать?— спросил сын у Сагина.

— У меня срочное дело есть,— сказал Сагин.

— Ну, если срочное, тогда оставайся,— улыбнулся сын.

Как и в прошлый раз, старички на стройке скотного двора работали не спеша, но коробку сруба успели подвести под самую крышу.

Сын разговаривал с седобородым, в кейлоновой сетчатой шляпе, стариком.

— Я же договорился с бригадиром,— доказывал сын.— Сегодня вы должны были приехать.

— Ничего не знаю,— сказал старик.

— А где бригадир?— спросил сын.

— Нет больше,— ответил старик.

— Нет здесь, но где-то он все-таки есть?— не отступал сын.

— В кутузке!— рассердился старик.— Хоть старый, а поганец он. Подрался он в магазине, милиция его забрала на десять суток. Иди, не мешай работать, мы ничего не знаем и знать не хотим...

Бригадир прибывал новый штакетник у забора районного отдела милиции. Само здание белили, во дворе складывали припасенные для зимы дрова.

За «мелкими» хулиганами наблюдал молодой милиционер.

— Степанов,— позвал он.— К тебе на свидание.

Бригадир отложил молоток и увидел Леонида.

— Такие вот дела,— развел руками бригадир.

— Сколько вам еще осталось? — спросил Леонид.

— Двое суток отсидел. Восемь осталось.

— Ну что же. Тогда отложим до вашего возвращения.

— Ничего не выйдет,— сказал бригадир.— Старички озлились на меня. Не пойдут. Да и не бригадир я уже. Пока я здесь, они там переворот сделали. Так что извини, милый.

— Но мы же договаривались,— недоумевая, сказал Леонид.— Я надеялся. Как же мне теперь быть?

— Я слово свое сдержу,— сказал бригадир.— Выйду из каталажки, подсоблю обязательно. А на старичков не рассчитывай. Вот так-то.

Потом сын ходил по базару. Он заговаривал с торговками, с весовщиками, с колхозными шоферами. Его выслушивали и разводили руками. Эти люди ничем ему помочь не могли. В районе много строили, и свободных строителей не было.

А к избе Евдокии подвозили кирпичи, стекло для будущих окон, доски для будущего потолка и пола. Евдокия суетилась, пыталась пересчитать, проверяла, целые ли стекла, аккуратно складывала кирпичи. Ей помогал Сагин.

Антонина собиралась. Она примерила одну кофточку, поколебалась и надела платье, взбила волосы, потом расчесала на пробор, распустив волосы по плечам.

Ее мать наблюдала за сборами.

— И что же будет? — спросила она.

— Любовь будет,— ответила Антонина.

— Что ты, паршивка, в любви понимаешь! — возмутилась мать.

— Если я не понимаю, объясни мне,— сказала Антонина.— И вправду, мама,

я уже почти взрослая, а ты мне про любовь так ничего и не рассказывала. Вот как я себя должна вести?

— Строго,— сказала мать.

— А как строго? — спросила Антонина.— И не разговаривать даже?

— Разговаривать можно. Но чтобы рукам воли не давать.

— А почему? — спросила Антонина.

— Как почему? — возмутилась мать.— Потому что...— И замолчала, не зная, как аргументировать.— Не положено, девушка соблюдать себя должна.

— Я соблюдаю,— сказала Антонина.

— А как же вы будете, когда он уедет? — спросила мать.

— Переписываться будем.

— А если он там другую найдет? — спросила мать.

— Переживать буду,— сказала Антонина.— Он мне очень нравится.

— Слышь,— сказала мать.— А может, он в ПТУ у нас в райцентре поступит? И профессию получит, и все же рядом, проследить можно за ним.

— Он хочет в институт поступать,— сказала Антонина.

— Во-во,— сказала мать.— И найдет там образованную, а ты тупая, больше чем на тройку и в школе вытянуть не можешь, куда тебе в институт.

— А девушки со средним образованием тоже очень ценятся,— возразила Антонина.— Весь прошлогодний выпуск замуж по выходил. Ну, я пошла...

— Смотри,— предупредила мать.

— Куда? — спросила Антонина.

— Да ты что, совсем малахольная? — опять возмутилась мать.

— Не совсем, не совсем,— ответила уже на ходу Антонина.

А сын, мать и Сагин сидели во дворе среди завезенных материалов. Сидели молча.

Сагин был одет в темный костюм, при ярком галстуке, с платочком в кармане. Он украдкой посмотрел на часы.

— Иди,— сказал ему сын.— Завтра с утра ты мне понадобишься.

— С утра пожалуйста. С утра у них практика на ферме.

— Вообще-то она девка хорошая,— сказала мать.— Работящая. Только на учебу не шибко сильна. Из троек не вылезает.

— Ну и что,— сказал Сагин.— Что я буду ее аттестат гостям показывать? Она мне очень нравится. Это самое главное. Я пошел...

— Хороший парень растет,— вздохнув, сказала мать, когда Сагин ушел.

— Хороший,— согласился сын.— Я все-таки схожу к Ивану Петровичу. Должен же быть выход из этой дурацкой ситуации.

Танцы были только два раза в неделю, поэтому молодежь просто так собиралась у клуба. На крыльце стоял завклубом и продавал билеты в кино. Зрителей почти не было. Прошли две старушки и три школьницы, у которых из-за их еще малых лет не было поклонников.

Парни и девушки сидели на длинной скамье, стояли, прислонясь к забору. На пятнадцать человек было не меньше семи транзисторов, которые пели, передавали последние известия и даже говорили на иностранных языках.

— Может, и мы пойдем? — предложил Сагин Антонине.

— Да это кино уже три раза по телевизору показывали,— возразила Антонина.— Скучная картина, все про план говорят, ни песен, ни музыки, и все старые и женатые.

И тут они увидели Михаила Тихомирова. Рядом с ним шла другая девушка. Она гордо посмотрела на Антонину и взяла Михаила под руку.

— Дождалась,— сказала Антонина.— А он это из самолюбия, есть, мол, и другие. Ну и пусть. Пойдем, погуляем,— предложила Антонина. Они встали, и Антонина тоже взяла Сагина под руку.

— Начинаем,— предупредил завклубом.

— Начинайте, начинайте,— сказал один из парней.

Завклубом заглянул в зал. В зале были две старушки и три школьницы.

Завклубом махнул рукой киномеханику. Свет погас, и на экране возник большой цех, где работало не меньше сотни станков и кое-где были видны люди...

Сын вошел в приемную председателя колхоза. Дверь кабинета была открыта. Сын услышал голоса и присел на стул у стены.

Говорила женщина. Говорила напористо, зло:

— Что же получается, Иван Петрович? Мы с Семеном всю жизнь горбили...

— Вот именно, с Семеном,— вставил председатель.

— А я не виноватая, что при мужике. Я и сама медали за работу имею. Я когда еще у тебя лесу на новую баню просила!

— Выпишем тебе лесу,— сказал председатель.— Осенью. А у Евдокии — сама понимаешь...

— А я не хочу понимать. А чего Евдокия? И не вдова участника войны. Ее мужика на лесопилке придавило. Несправедливо получается.

— А если она не вдова участника,— спросил председатель,— она вдовой перестала быть? Или она не работала всю жизнь?

— Все работали,— возразила женщина.

— Но она-то живет пока хуже всех. И сколько ей осталось-то жить? За прошлый год два раза в больнице лежала. Может, у нее последняя радость в жизни: сына нашла.

— А это еще неизвестно, сын он ей или не сын,— возразила женщина.

— Сын! — вдруг выкрикнул председатель.— Если строит для матери дом,— сын!

Сын встал и вошел в кабинет председателя. Женщина хотела, по-видимому, что-то сказать, но, увидев Леонида, прикрыла рот ладонью.

— Здравствуйте, Иван Петрович, здравствуйте, Александра Васильевна,— поздоровался он.

— Здравствуй, Леонид Митрич,— женщина поднялась.

— На следующем правлении решим твой вопрос,— сказал председатель.

— Да мне не к спеху, Иван Петрович. Не горит у меня,— женщина пошла к выходу.

— Слышь,— сказал председатель,— ты уже подумал за эти дни? Ну как, переедешь к нам в родные края?..

— Я там все животноводство совхоза тащу,— сказал сын.

— Мы тоже животноводство поднимаем.

— Привык я там,— сказал сын.— Там друзья, работа, братья, мой дом там... А жить надо у себя дома...

— Так вот, говоришь, дом там у тебя, братья, все правильно. А знаешь, что люди говорят: ну какая она ему мать? Так ведь и любую старуху можно назвать матерью... Вот сейчас многих находят, некоторые, как и ты, больше чем по тридцать лет не виделись, встречаются, а ведь чужие люди они. Ну что у них общего? Ни беды, ни счастья. Ты мне скажи откровенно. Я сам хочу поинять. Чувствуешь, что родная она тебе?

— Я не знаю, как и объяснить.— Сын помолчал.— Я ведь ничего не помню. Что-то смутное только. Я все помню только в Казахстане. Свою приемную мать, братьев. Я, наверное, сейчас, больше казах, чем русский. Я ведь даже думаю по-казахски чаще, чем по-русски... И все-таки... Я ведь не оттуда... Когда я это начал понимать, я вдруг забеспокоился. Кто же я? Мне это очень хотелось знать. Откуда? Кто мой отец, мать, дед?.. Вначале это было просто любопытство, потом тоска... Мы должны знать, кто мы. Ведь человек живет не только тем, что есть, но и тем, что было... Родная ли она мне? Родная. Я на нее похож, и это приятно... И мне хорошо от того, что у меня много родственников в деревне. Я не знаю, как объяснить, но когда я приехал сюда, я вдруг понял, что я среди своих, я такой же, как и они, я на них похож, и они похожи на меня. Но те тоже свои. Как быть? И мать болеет. Нельзя ее остав-

лять одну. Не знаю, что делать. Сейчас, конечно, съезжу домой, но, может, придется и вернуться. Плоха мать, плоха...

— Должность буду держать для тебя,— сказал председатель.— А как с домом?

— Я строителей не нашел,— сказал сын.

— Положеньице,— вздохнул председатель.— Боюсь, что вот здесь-то я тебе помочь не смогу. Каждый человек на счету, и уборка начинается. Если только осенью...

— У меня через десять дней отпуск кончается,— сказал сын.

— Я понимаю,— сказал председатель и задумался.— А может, толоку сделаешь? — предложил председатель.— Клинки по родственникам, а? Нас тут одних Филипповых сотни две наберется...

Мать и сын шли по пыльной дороге среди желтеющих уже полей.

Лыково стояло на косогоре, сияя под солнцем крытыми цинком крышами.

Дом Филиппова был на окраине. Они вошли во двор и увидели невысокого плотного старика, который складывал поленницу.

Отложив полено, старик взглянул на вошедших. Старик всматривался в сына, и сын смотрел на старика...

И вдруг сын вспомнил... Мужчина, очень похожий на старика, только молодой, смеялся. Мужчина смеялся и подбрасывал двухлетнего мальчишку вверх. И земля мгновенно оставалась далеко внизу и также мгновенно надвигалась, но руки отца подхватывали его у самой земли, и он снова взмывал вверх...

Старик шагнул навстречу сыну, и сын шагнул ему навстречу. И они обнялись. Старик шмыгнул носом, вытер рукавом рубахи проступившие слезы.

— Я на неделе собирался к вам, да приболел. И в кого ты такой вымахал? — удивился он.

— А в материну родню пошел,— сказала Евдокия гордо.

— Похоже,— согласился старик.— Ее братья были, что и оглоблей не перешибешь... Пошли в дом...

Мать, сын и старик Филиппов со своими сыновьями, мужиками лет под сорок, сидели за столом. Сидели молча.

— Давай бумагу,— наконец сказал старик одному из сыновей. Тот принес школьную тетрадь.

— Две машины бортовых,— записал старик.— Одну оборудовать для перевозки людей.

Сыновья кивнули.

— Бульдозер,— записал старик.

— Мишка,— сказал один из сыновей.

— Филиппов Михаил,— записал старик.—

Кто у нас с краном?

— Дядя Костя.

— Константин Филиппов — кран,— записал старик.— Экскаватор бы не помешал...

Сыновья задумались.

— Ленкин муж.

— Какой Ленки? — уточнил старик.

— Дяди Егора.

— Значит, Филиппова Елена — экскаватор,— записал старик.

— А если бы танк потребовался? — улыбаясь, спросил сын.

— Кто у нас на танках? — спросил старик вполне серьезно.

Сыновья задумались...

Мать, сын и Сагин стояли на перроне вокзала. Из вагона выходили люди. Их встречали. Люди обнимались.

Айташ появился в дверях вагона с чемоданом, большой, внушительный, в шляпе, и люди сторонились, когда он шел. Сын и Айташ обнялись.

Повис на шее у Айташа Сагин. С матерью Айташ поздоровался, почтительно приложив руки к груди, с трудом склонил свое массивное тело.

Они пошли к выходу, теперь уж мать сразу направилась к стоянке такси. Сагин, забегая вперед, быстро пересказывал Айташу события, происшедшие за последние дни. Они говорили по-казахски. Мать поняла только одно слово «колхоз».

Такси уже выбралось за город. Айташ снова о чем-то спросил сына. Тот ответил.

И мать снова поняла только одно слово «почта».

— Поворачивай назад,— сказал Айташ шоферу, тот повернул машину. Теперь они ехали обратно.

— Забыл чего-нибудь? — осторожно поинтересовалась мать.

— Нет,— ответил сын.— Сейчас с почты будем говорить с Казахстаном. Айташ решил вызвать Токеша. Он все-таки архитектор.

— Да куда же в такую даль! — ужаснулась мать.— Да и денег каких будет стоить. Отговорите его.

— Нельзя,— сказал Сагин.— Он же старший. Его надо слушать.

— Работает же он,— мать заволновалась еще больше.

— Ничего,— сказал Айташ.— Возьмет отпуск. Раз надо, значит надо.

Мать, сын и Сагин сидели на переговорном пункте почтамта. Айташ из кабины говорил с Казахстаном. Говорил уже, по-видимому, долго.

Телефонистка подошла к матери.

— Вы вроде его знаете,— сказала она матери.— Скажите ему, он уже на девять рублей наговорил.

— Он главный у нас, он все сам знает,— ответила ей мать.

Айташ, Токеш, Леонид и Сагин шли по деревне. Токеш внимательно рассматривал дома: добротные деревянные и каменные коробки.

— Зайдем, посмотрим, какая у них внутренняя планировка? — предложил Токеш.— Если это удобно.

Айташ молча подошел и постучал в калитку.

— Заходи,— ответили со двора.

Братья вошли. На крыльце сидел хозяин — молодой мужчина, без рубахи, босиком, со жбаном браги. Он несколько смущился.

— Можно посмотреть, как у вас спланировано внутри дома? — спросил Токеш.—

Мы будем строить Евдокии Филипповой.

— Заходите.

Хозяин натянул рубаху и провел братьев в дом. Дом был из двух комнат, соединенных между собой. Первая комната служила к тому же кухней. Был еще просторный чулан. Хозяин давал пояснения.

— Здесь спим летом. Все прохладнее.

— Сколько у вас детей? — спросил Токеш.

— Трое, — ответил хозяин.

— А где же они размещаются? Где уроки готовят? А где вы с женой?

— Да тут вот, в зале, летом в чулане, на чердаке, на сеновале еще.

— Новый же дом, — сказал Токеш. — А вы на чердаке.

— Правильно, — согласился хозяин. — Да все вроде так строят, у отца моего так было...

— Спасибо, — сказал Токеш.

— Мужики, — сказал хозяин, — а может, бражки выпьете. Холодная, из погреба.

Сагин и Антонина встретились у своего уже традиционного места на берегу реки. Сагин, улыбаясь, протянул руки, Антонина насторожилась.

— Ты что, пьяный? — спросила она.

— Почему? — удивился Сагин.

— Водкой пахнет.

— Не водкой, а бражкой, — возразил Сагин.

— Не имеет значения, — отрезала Антонина. — Терпеть не могу пьяных. Никогда не люблю пьяницу.

— Я больше не буду, — сказал Сагин.

Антонина помолчала, но она была очень довольна, что взяла верх, и очень скоро не выдержала и заулыбалась.

— Ну и хорошо, — сказала она. — Ты не думай, я не какая-нибудь зануда, я понимаю, мужчине иногда надо выпить, с усталости или в праздник. Я возражать не буду. Ой, слушай, теперь все ваши братья приехали, да?

— Не все еще, — сказал Сагин. — Будем строить дом.

— В толоку и за день дом поставят, — сказала Антонина. — Я приду обязательно и буду вам помогать, хотя это и не очень хорошо.

— Почему не хорошо? — спросил Сагин.

— Все поймут, как я к тебе отношусь...

— Это хорошо. Пусть поймут. В этом нет ничего стыдного.

— Вообще, с одной стороны, правильно, — согласилась Антонина. — А с другой... Вот дружила Катька Филиппова с парнем, он шофером в райпотребсоюзе работал, всем показала, что в него влюблена, а он взял и женился на другой. Так она от позора из деревни уехала.

— Ты разве боишься, что я на тебе не женюсь? — спросил Сагин. — Я на тебе очень хочу жениться. Честное слово.

— Спасибо... — Антонина от переполнивших ее чувств даже заморгала.

Токеш на листках делал расчеты, Леонид и Айташ пилили доски для пола и потолка.

— Ассалам-aleyкум! — неожиданно раздалось привычное приветствие.

— Алейкум-ассалам, — машинально ответил Айташ и поднял голову. У забора стоял Кокеш. — А ты зачем приехал? — сердито спросил Айташ. — Мы что, сами не справились бы?

— Может, справились бы, — заметил Кокеш. — Но если можно помочь, почему не помочь?

— А он совсем свободный человек, — ответил за него Токеш. — У него директор за пьянку трактор отобрал.

Но тут во двор вошла Евдокия. Она бросилась к Кокешу, обняла его.

— Чего разговариваете? Он же с дороги. Пошли, пошли, сейчас накормлю. Как дома-то? Как Калиша?

...Теперь работа шла быстрее. Братья готовились к толоке. Кокеш проворно управлялся с топором.

— Да ты прирожденный строитель, — удивился Токеш. — Где ты этому научился?

— В колонии. Там не хочешь, так научат,— ответил Кокеш и застыл на месте — вдоль забора в узком и рискованно коротком для ее полной фигуры платье плыла Вероника.

— Здравствуйте,— пропела она.— С приездом вас. А вас, тетя Дуня, с пополнением.

— Спасибо,— за всех ответил Токеш.

— Может, помощь какая нужна? — поинтересовалась Вероника.

— Иди-иди,— Евдокия была уже на страже.— Не надо нам никакой помощи.

— Ну почему же не надо? — не согласился Токеш.— Шифер можете достать?

— Могу,— спокойно ответила Вероника.— У меня в торговле большие связи.

— А когда? — спросил Токеш.

— А хоть сейчас. Только пусть из ваших кто-нибудь со мной поедет.

Кокеш умоляюще взглянул на Айташа.

— Пусти меня,— просил он.— Я тебя очень прошу. Я все сделаю.

— Иди,— разрешил Айташ.

И Кокеш бросился к Веронике.

— Попался малец,— вздохнула Евдокия, глядя вслед удаляющимся Кокешу и Веронике.— Кончилась его веселая жизнь...

Во дворе дома лежали штабеля шифера.

— Здорово, добрые люди.— В калитку вошел бригадир с топором, обернутым в мешковину.— Где хозяин?

— Здравствуйте, Степан Иванович.— Сын ему обрадовался, как самому близкому человеку.— Я уже и не думал, что ты придешь.

— А думать надо,— сказал бригадир.— Я свое слово всегда держу. Спроси у любого. Могут, конечно, сказать, что Степан выпивоха, но что Степан неверный человек, такого никто не скажет. Да и больно уж у тебя жалостливая история. Лично у меня нет детей. Ну, мужчина этого в точности, конечно, никогда не знает, но если бы у меня такой сын, как ты, оказался, я, может, и закладывать перестал бы.

Братья рассматривали бригадира,

— Знакомьтесь,— представил бригадира Леонид,— Степан Иванович Степанов, бригадир плотников. Давно обещал помочь, но с ним тут одно несчастье приключилось...

— Мы все сочувствуем,— сказал Токеш.

— Ты, что ли, за главного? — поинтересовался бригадир у Айташа.

— Он за главного,— Айташ кивнул на Токеша.

— Ну что, мастер, давай обсудим.— Токеш развернул чертежи. Бригадир начал их рассматривать.

— Так, годится,— сказал он.— Это понятно. Слышь, а домина может даже очень интересным получиться. А чего скат такой большой делаешь?

— Верх будет летним помещением, теперь к ней будет приезжать много гостей из Казахстана, и еще у него пятеро детей.— Токеш кивнул на сына.

— Я чего-то печи не вижу,— спросил бригадир.

— А зачем? — спросил Токеш.— Я уже узнавал: осенью постоянный газ будет. Сразу запланируем паровое отопление.

— Это правильно,— согласился бригадир.— Только если у нас к осени обещают, раньше весны не будет. Я бы здесь плиту сложил, а? На разные случаи, а?

— Ну что же,— согласился Токеш.— Плита здесь уместится.

— А ты прорабом, что ли? — поинтересовался бригадир.

— Архитектор я,— сказал Токеш.

— А сколько получаешь? — спросил бригадир.

— Сто пятьдесят.

— Уходи,— посоветовал бригадир.— Да за такой чертеж мы с любого хозяина не меньше двух сотен брать будем. Организуем бригаду. И нам польза, и красоту в деревню принесем, а?

— Я подумаю,— рассмеялся Токеш.

Утром начали прибывать люди. Подошла бортовая из Лыкова. Из кузова выгрузились лыковские Филипповы с сыновьями и дочерьми.

Подошел бульдозер, автокран, трактор «Беларусь» с навешенным экскаваторным ковшом.

Показался председатель со своим топором.

Антонина бежала, боясь опоздать. Она сама нашла себе дело, села рядом с матерью и начала разбирать мох для прокладки между бревнами.

Подошел сосед Михалыч, потом Ефросинья, потом еще несколько женщин. Пришел троюродный племянник матери, у которого братья пили бражку.

Председатель что-то сказал Антонине, и та побежала в деревню. Вскоре она вернулась с магнитофоном. От Михалыча вынесли приемник, подсоединили магнитофон к его динамикам, и над стройкой загремела музыка.

Токеш и бригадир осматривали приготовленное.

— Начнем,— сказал Токеш.

— Начнем, благословясь,— бригадир перекрестился и, увидев, что на него удивленно смотрит Токеш, пояснил: — Я не верующий, но так уж заведено, когда новый дом ставить начинаешь.

А двор все заполнялся. Пришла почти вся деревня. Мать растерялась.

— Что же делать-то? Еды на всех не хватит!

Она бросилась к Айташу. Тот выслушал ее и направился к председателю, сказал ему несколько слов, председатель достал блокнот, что-то написал и передал Айташу записку.

Работающих было много, и сруб вырастал буквально на глазах. Антонина месила глину, подносила воду, перехватывая взгляды братьев. Наконец она не выдержала, подошла к Сагину и шепотом спросила его:

— Ну, как я им показалась?

— Показалась,— также шепотом ответил Сагин.— Ты им понравилась.

И счастливая Антонина бросилась в работу с еще большим ожесточением.

Михалыч с одним из стариков настилали крышу.

— Хоть и не нашей веры,— говорил старик, поглядывая на работающих братьев,— а хорошие люди. В такую даль приехали.

— Да какая сейчас вера, сейчас у всех у нас вера одна, советская,— возразил Михалыч.

На настилке полов Тихомиров-старший и отец Антонины выясняли историческую правду.

— Слушай, а ведь они нас когда-то завоевывали. Триста лет под игом держали.

— Так это не они, а татары.

— Какие тебе татары! Это Иван Грозный сам татар завоевывал.

— А кто же тогда нас завоевывал?

— Другие какие-то. Издалека пришли они. А это же свои...

— Ну ты и грамотей, я посмотрю,— пренебрежительно сказал Тихомиров-старший.— А в школе небось историю изучал.

— Да когда это было...

Мать Антонины и женщины обсуждали более земные вопросы.

— А говорят, у них по несколько жен держать разрешают...

— А что? Если разрешают, и ладно... Одна бы по дому управлялась, другая за скотиной ухаживала, третья бы в колхозе работала, а так все одной приходится вертеться.

— Да бросьте вы, бабы. Закон сейчас один на всех.

— А не скажи. Вот на Украине с семнадцати лет замуж разрешают, а у нас в РСФСР с восемнадцати, а у них в Казахстане, может, и с шестнадцати. У каждой республики свой закон.

— Во! Поедет твоя Тонька в гости и выйдет замуж.

— Да куда ей замуж! — возразила мать Антонины.— Ей школу надо кончать.

— А школа не помеха. Сдаст дите в ясли и пошла учить уроки.

— Типун тебе на язык,— возмутилась мать Антонины.

Наступил вечер. Дом был почти готов. На заборе висела шкура освежеванного барана. Айташ давал последние указания женщинам, которые из теста резали лепшу.

В громадных кастрюлях, за неимением котлов, готовился бесбармак.

Мужики во дворе сколачивали столы, а женщины тут же заставляли их едой. Наконец все было готово. Начали рассаживаться.

Во главе стола сели мать и сын, рядом расположились братья, председатель и бригадир, мать Антонины попыталась было увести дочь в конец стола, но та вырвалась и села среди братьев.

Наполнили стаканы. И наступила пауза. Все смотрели на сына. Он встал, обвел сидящих за столом взглядом.

— Спасибо,— сказал он.— Всем сердечное спасибо! За помощь. Я никогда не забуду.— И он низко поклонился.

Кто-то попытался аплодировать, но на него шикнули.

— Я пью за вас, за близких и дорогих мне людей,— сказал сын.

Все выпили. Сагин взглянул на Антонину. — Не смотри так при всех,— шепнула ему Антонина.

— Мне слово можно? — спросил председатель у сына.

— Даже необходимо,— сказал сын.

Председатель встал. И сразу наступила тишина.

— Товарищи односельчане! — начал он.— Я предлагаю тост за нашу новую родню, за братьев-казахов. В трудные годы великой битвы они сохранили нашего Леонида и не только сохранили, но и воспитали хорошим человеком. Что есть дружба? Дружба — это когда не просят, а друзья приходят сами на помощь, когда их помощь нужна. Я им низко кланяюсь за это.

Женщины вытирали слезы. Председатель выпил и тоже начал искать платок. Кокеш выпил до дна и с чувством выдохнул.

— Ты это чего? — зашептала Вероника.— Стаканами глушишь.

— За такое дело нельзя не до дна выпить,— попытался оправдаться Кокеш.

— Каждый речь скажет — и ты все до дна?

— А ты что, всегда все будешь подсчитывать? — спросил Кокеш.

А женщины все подносили еду. Имн распорядилась мать. Она зорко поглядывала, на какой части стола чего не хватает, и тут же бежала в соседнюю комнату, наваливала в миски, подрезала хлеба, колбасы.

Теперь встал Айташ.

— Я поднимаю этот...— Он посмотрел на эмалированную кружку, не зная, как ее назвать.

— Кружку,— подсказали ему.

— Кружку,— кивнул Айташ,— за всех вас. За наших новых родственников. У нас много родственников в Казахстане. Сегодня их стало еще больше, значит мы стали еще богаче. Сегодня у нас всех большое событие. Сын построил дом своей матери. Дети должны уважать и помогать своим родителям и старшим. Потому что старый человек — это мудрый человек. Мы тоже когда-нибудь будем старыми, и когда мы уважаем стариков сегодня, мы уважаем себя завтра. Так должно быть! Я поднимаю эту...

— Кружку,— подсказали ему.

— Кружку за вас, русских людей, за русский народ, который имел много горя, мы все имели много горя в войну. Я был подростком, я знаю. Я хочу сказать, что если еще будет трудное время, мы всегда будем вместе, как сейчас.

Кокеш было потянулся за своим стаканом, но увидел, что перед ним стоит бутылка с лимонадом...

Включили магнитофон. Но как-то не включилась зарубежная музыка. Магнитофон выключили, принесли баян. Баянист растянул меха...

И тут сын заметил, как всполошились женщины. Одна за другой они уходили в другую комнату.

Сын, стараясь, чтобы его отсутствие не было замечено за столом, протиснулся в комнату.

Мать лежала, и возле нее суетились старухи. Антонина капала в стакан капли.

— Врача срочно,— сказал сын.

— Уже послали,— заверили его.

Во дворе взревел мотором грузовик.

— Сынок,— попросила мать.— Не говори про меня, зачем людям радость портить.

Сын начал считать пульс и, испугавшись, бросил. Разорвал облатку одноразового шприца, отбил ампулу и, засучив рукав платья, сделал матери укол.

А за столом пели и радовались люди. Им было чему радоваться — поставили дом, хороший дом.

Мать закрыла глаза. Сын приложил ухо к ее груди, пытаясь прослушать сердце.

— Скорее врача, врача скорее! — уже с безнадежностью крикнул он...

Сын и председатель сидели в пустом доме.

— Вот и все,— сказал сын.— Немного я успел для нее сделать.

— Ты для нее все сделал,— возразил председатель.— Все, что мог. Она спокойно померла. В новом доме. На руках у сына...

— Вот и все,— повторил сын.— Только нашел и тут же потерял. И ничего больше нет.

— Такого не бывает,— не согласился председатель.— Всегда остается. Могила матери теперь у тебя здесь. Дом. Родня. Здесь корни твои. А когда корни есть, человек сильней... Тебя здесь всегда примут...

Сын молчал.

— Неудобно, конечно, в такой момент,— оправдываясь, сказал председатель.— Но ко мне Кокеш заходил. Он не прочь и остаться у нас, только ждет, чтобы ты с братьями решил.

Сын взглянул на председателя.

— Да не я это,— начал оправдываться председатель.— Это Вероника. У нее с ним вроде романа.

— Сопьется он,— сказал сын.— У нее полный магазин водки.

— Насчет этого можешь не беспокоиться,— сказал председатель.— Вероника баба железная. Баловать этим она его не будет. А он мужик работающий. Права я ему выправлю хоть завтра. Машину новую дам. Да и дом твой пустовать не будет.

— Это ему решать,— сказал сын.

А Сагин и Антонина были на своем месте на берегу реки.

— Неужели ты завтра уезжаешь? — сказала Антонина.

— Через десять часов,— сказал Сагин, взглянув на часы.— Я обязательно приеду к вам на зимние каникулы.

— А я буду писать,— сказала Антонина.— Я буду писать тебе каждый день. Я уже купила сто конвертов, отец мне пять рублей дал.

— Я тебе тоже буду писать каждый день,— пообещал Сагин...

Утром братья пришли к правлению колхоза, где их ожидала машина, чтобы отвезти на станцию.

Пришли к правлению и очень многие из деревни, все, кто работал рядом. Провожали всей деревней. Прощались братья с новыми родными, знакомыми.

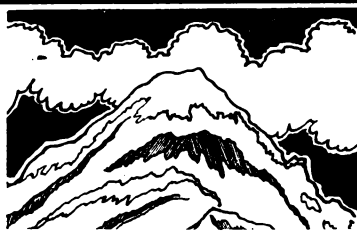
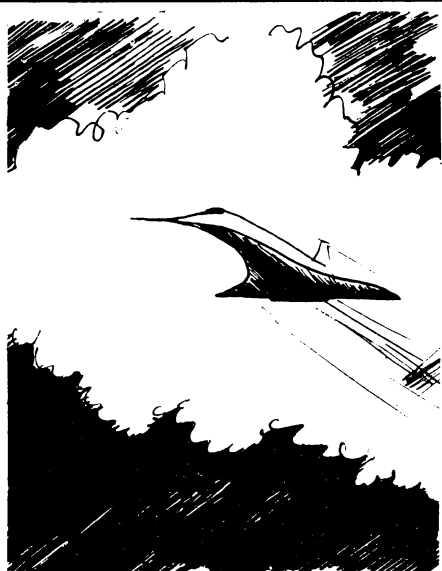
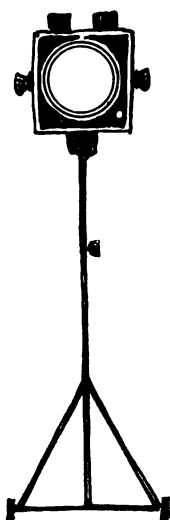
— Пора,— сказал Айташ.

Братья забрались в кузов автомашины. Машина тронулась.

Машина набрала скорость. И уже невозможно было различить лица провожающих. Только отчетливо были видны фигуры Антонины и Вероники. Рядом с ними стоял Кокеш.

Поддерживая друг друга, уезжали из русской деревни братья: трое казахов и русский.

В. ТОКАРЕВА, Р. ГАБРИАДЗЕ, Г. ДАНЕЛИЯ

МИМИНО

ВИКТОРИЯ САМОЙЛОВНА ТОКАРЕВА окончила Ленинградское музыкальное училище, а в 1969 году — сценарный факультет ВГИКа. Член Союза писателей СССР. В. Токарева — автор сборников рассказов «О том, чего не было», «Когда стало немного теплее» и соавтор литературных сценариев художественных фильмов «Джентльмены удачи», «Совсем пропащий», «Сто грамм для храбрости».

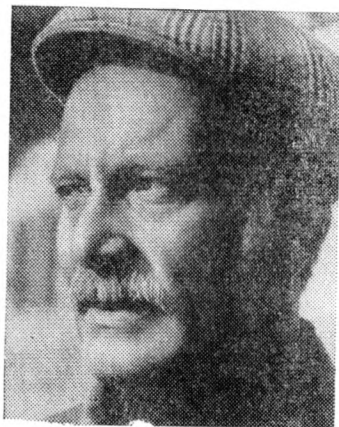

РЕВАЗ ЛЕВАНОВИЧ ГАБРИАДЗЕ (родился в 1936 году) учился на факультете журналистики Тбилисского университета, затем работал в газетах Грузии. В 1968 году окончил Высшие сценарные курсы Госкино СССР. Его перу принадлежат литературные сценарии художественных фильмов «Не горюй!», «Необыкновенная выставка», «Чудаки», «Странствующие рыцари» и короткометражных фильмов «Серенада», «Кувшин», «Феола», «Белые камни» и др.

ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВИЧ ДАНЕЛИЯ (родился в 1930 году) окончил архитектурный институт и работал архитектором. В 1960 году окончил Высшие режиссерские курсы. Совместно с И. Таланкиным им поставлен фильм «Серезжа» и самостоятельно — фильмы «Путь к причалу», «Я шагаю по Москве», «Тридцать три», «Не горюй!», «Совсем пропащий», «Афоня».

Фильм по литературному сценарию Виктории Токаревой, Реваса Габриадзе и Георгия Данелия «Мимино» режиссер Г. Данелия ставит на киностудии «Мосфильм».

По зеленому склону бежали олени. Над склоном висел вертолет. А в нем — вертолетчик Валико Мизандари, Зарбазан, лохматый пес невыясненной породы, и пожилой человек в форме лесника. Лесник смотрел на оленей и торопливо считал, шевеля губами. Подсчитав, написал в тетради: « $102 + 19 = 121$ ».

Полетели дальше. Небо прочертил сверхзвуковой лайнер и скрылся за хребтом.

Валико проводил его глазами и вздохнул.

Неожиданно залаял Зарбазан. Валико посмотрел вниз.

Внизу, по кустам ежевики, на задних лапах бежал, не оглядываясь, медведь, передними лапами он прижимал к груди украденный улей. За ним, в кальсонах и с палкой в руке, мчался всклокоченный мужик. Они промчались сквозь кустарник и скрылись в дубовой роще.

Лесник не удивился. Открыл тетрадь в том месте, где сверху значилось: «Медведи», и написал: « $2+1=3$ ». Потом захлопнул общую тетрадь, на обложке которой крупными буквами было написано: «ПЕРЕПИСЬ ЛЕСНЫХ ОБИТАТЕЛЕЙ».

Вертолет летел под облаками. Над горами. Между вершинами. Над древними крепостями. Над стадами баранов. Над деревушками. Пролетел над стройкой мощной плотины. Летел вертолет, и рядом с ним парил орел.

Валико пел.

Из-за горы показался другой вертолет. Их разделяло километров пять.

— Валико,— раздалось из рации,— у тебя какой размер?

— Сорок первый,— ответил Валико в рацию.

— А...

— А что?

— Мне Нателла югославские туфли купила. Не лезут...

Вертолеты пошли в разные стороны.

— Слушай, а ты Андро отдай! У него тридцать девятый...

— Г-13 и Г-15! — раздался в рации железный голос.— Немедленно прекратите засорять эфир! Как поняли? Прием!

— Поняли,— отозвался Валико.

Снова полетели над стадами. Зарбазан увидел собаку и облаял ее — то ли поругал, то ли поздоровался.

— А если уж хотите правду знать,— прозвучал в рации железный голос,— то у Андро не тридцать девятый, а сорок третий! Тридцать девятый — у меня.

На перевале одноногий Ваню косил траву. Заслышав стрекот вертолета, он бросил косу и пошел к сарайчику, рядом с которым на шесте болталась полосатая метеорологическая колбаса. В сарайчике включил рацию и объявил:

— Сокол! Сокол! Я Норка-два! Посадку разрешаю!

Ваню надел летную фуражку и вышел на поляну.

Вертолет сел и взбаламутил всю скошенную траву. Отворилась дверца, и на землю выскочил Валико. Следом за ним появился Зарбазан, а потом — мужик в ватнике. С суровым видом мужик начал вытаскивать баранов. Бараны упирались, он хватал их за шерсть и выкидывал, как мешки.

— Принимай почту,— Валико вытащил из карманов два помятых конверта.

— Почту принял,— сказал Ваню и спря-
тал конверты в карман.

— Распишись,— Валико протянул план-
шетку.

Ваню стал расписываться.

— Э!— К Валико подошел пастух.— Их
теперь всего восемнадцать, а было девят-
надцать. Где девятнадцатый?

— Себя ты посчитал? — спросил Валико.

— Нет.

— Так девятнадцать — это вместе с то-
бой было. Я же тебя тоже считал.

— А... вон в чем дело. Себя я не посчи-
тал. Аца! — И погнал баранов к старому
разбитому автобусу.

Там его ждал второй мужик в ватнике.
Они, даже не поздоровавшись, принялись
впихивать баранов в автобус прямо через
окно.

— Объявляется посадка на рейс номер
два! Пассажиров просим приготовиться,—
прозвучал над поляной голос Ваню.

Неподалеку от сарая под навесом стоя-
ли весы. На весах — влажные мешки с
сыром.

— Кто летит? — спросил Валико, под-
ходя.

— Все,— коротко ответил старший по
возрасту.

— Прошу на весы,— пригласил Валико.

Горцы с неторопливым достоинством вы-
строились на весах и теперь смотрели на
Валико значительно, как с семейной фо-
тографии.

— Двадцать килограмм лишних,— сказал
Валико, взглянув на шкалу.

— А что делать? — спросил старший.

— Вы на какой базар хотите: туда или
туда? — Валико показал сначала пальцем
вниз, под гору, а потом поднял палец в
небо.

Горцы посоветовались, и старший решил:

— Петре останется.

Валико посмотрел на маленького тощего
Петре, прикинул его вес.

— Грузите! — разрешил он.

Горцы подхватили мешки.

— На сиденья не кладите! — велел Вали-
ко.— А то весь салон провоняли своим
сыром.

Валико залез в кабину, выглянул.

Петре стоял в стороне и грустно смотрел
на отъезжающих. Он собрался в город и
был во всем парадном: в каракулевой па-
пахе, новом ватнике, в галифе и новых ка-
лошах на шерстяные носки.

— Что смотришь? Это тебе не осел. Это
авиация. Грузоподъемность ограничена! —
закричал на него Валико.

Петре не шелохнулся.

— Тьфу! — плюнул Валико.— Залезай!

Петре неторопливо, с достоинством за-
шагал к вертолету. На ходу он достал пач-
ку «Примы», закурил.

— Эй! Не кури! Взорвемся! — заорал Ва-
лико.

Петре остановился, подумал. Потом по-
вернулся и пошел от вертолета.

— Эй! Ты куда? — крикнул Валико.

— А! Иди ты! — Петре был человек гор-
дый.

Вертолет Г-13 стоял на площадке. Под
ним в тени дремал Зарбазан.

Из вертолета вылез Валико с веником и
большим совком, на котором среди овечь-
его помета и сена валялось еще и надку-
шенное яблоко. Огляделся, высыпал мусор
под вертолет. Зарбазан одним глазом по-
косился на яблоко, вздохнул и отвернулся.
Валико кинул совок и веник в салон, за-
пер дверь.

Неподалеку начальник вертолетного отря-
да Гиви Иванович Гоглидзе и вертолетчики
Игорь Бобров и Андро Гигаури прикрепля-
ли к вертолету оросительное устройство.
Вернее, прикреплял Гиви Иванович, а
Игорь и Андро с почтением наблюдали.

— Шайбу,— коротко приказал Гиви Ива-
нович.

Игорь двумя пальцами взял с расстелен-
ной на траве газеты шайбу, положил на
грязную ладонь начальника, левой рукой

достал из правого кармана платок, тщательно вытер пальцы и устало вздохнул.

— Гиви Иванович,— к ним подошел Валико,— мне в город надо. Дай ключи.

Гиви Иванович посмотрел на Валико.

— Галстук,— строго приказал он.

Валико вытащил из кармана форменный галстук, нацепил его и протянул руку.

— Нет.

— Почему?— удивился Валико.

— Глушитель мне оторвали?

— Это заводской брак был,— сказал Андро.

— Это меня не касается... Фары разби-ли? Разбили. А вчера Надя под сиденьем помаду нашла...

— Гиви Иванович, я ж ей все объяс-нил,— сказал Игорь.— Я свою сестру в больницу отвозил.

— А пробка от шампанского?!.. Хватит! Все! Больше никому не дам. Сам научусь и буду возить свою семью...

Желтый «Запорожец» мчался по шоссе. В нем сидели Валико и Зарбазан. Валико пел.

...«Запорожец» стоял возле магазина «Универсам». В нем, прижавшись мордой к стеклу, сидел Зарбазан. Валико и молоденькая продавщица в белом халате вынесли из магазина большой мешок муки. Бросили в багажник. Валико поцеловал продавщицу в щечку.

...На краю пыльной базарной площади стояла деревянная будка с вывеской, на которой на трех языках — грузинском, русском и английском — было написано: «Головные уборы».

Хозяин мастерской, худой носатый муж-чина в очках, Дмитрий Георгиевич Такашвили, по прозвищу Кукуш, двумя руками натягивал модельную кепку на лысую голову клиента. Возле будки остановился «Запорожец», и в мастерской появились Валико и Зарбазан.

— Привет,— поздоровался Валико, садясь на стул.

— Скажи ему, пусть уйдет,— велел Кукуш, кивнув на Зарбазана.— От него сыром воняет. И так дышать нечем.

— Иди,— Валико вытолкнул Зарбазана ногой.

Кукуш наконец натянул кепку на клиента, повернул его к зеркалу:

— Ну вот, совсем другой человек, а?

— Все равно немножко жмет, батона Дима,— деликатно возразил клиент.

— Дорогой мой,— покровительственно улыбнулся Кукуш,— сейчас лето, жара. От тепла предметы расширяются. А эта кепка зимняя. Зимой у тебя голова будет меньше. Иди.

— Спасибо большое, батона Дима! До свиданья,— сказал клиент и пошел.

В дверях он захотел снять кепку, но та не поддавалась.

— Зимой, зимой,— напомнил Валико.

В витрине магазина «Мясо» липучкой было приклеено объявление: «Имеется в продаже свежий бараний ум!»

Кукуш и Валико вошли в магазин, поздоровались за руку с продавцом. В подсобном помещении, где висели бараньи туши, Кукуш, подойдя к телефону, набрал 07.

— Роза! Я Кукуш! Тбилиси хочу. Тетя Нину... Жду...— Он повернулся к Валико:— Армянин, азербайджанец и грузин поспорили, какой народ древнее... Алло! Тетя Нина! Здравствуйте, как поживаете?.. А как тетя Лена и тетя Вера?.. Спасибо, я тоже ничего. Тетя Нина, у меня к вам маленькая просьба. В Тбилиси на четвертую базу завезли тульские школьные парты...

— Экспериментальные,— подсказал Валико.

— Экспериментальные. Надо, чтобы их в первую очередь выделили нашему району. У нас в Минпросе кто-нибудь есть?.. А где есть?.. В молочном комбинате? Еще лучше! Пусть они позвонят — им никто не откажет!

— В крайнем случае, можно только для одной школы,— сказал Валико.

— Отстань,— отмахнулся Кукуш.— Это я не вам! Тетя Нина, еще маленькая просьба. Пусть они еще позвонят в потребсоюз, чтобы мне выдали за наличный расчет тридцать пять метров латышского букле «Викинг», цвет беж, и сорок катушек нитки «Пролетарочка»...

«Запорожец» мчался по шоссе со скоростью сто километров. Валико нервно поглядывал на часы. Он опаздывал. Из будки ГАИ вышел инспектор и поднял палец. Валико затормозил и радостно заулыбался.

— С какой скоростью ехали? — спросил инспектор.

— А! Васо, дорогой, слушай новый анекдот: грузин, армянин и азербайджанец спорили...

— Знаю,— сказал инспектор.— Права.

Валико нехотя протянул документы. Инспектор раскрыл права. С фотографии на него смотрел Гиви Иванович.

С неба лило. На подоконнике, в помещении районного аэропорта в Телави, прятался мокрый нахохлившийся петух. Шесть самолетов и два вертолета стояли на поле, припав на хвосты. Их поливал мелкий дождь. Пассажиры жались под навесом.

В кабинете начальника аэропорта было шумно.

— Товарищ Гоглидзе! Восемьсот штук голландских! Будьте человеком! — умолял экспедитор Цинцадзе.

— Слушайте, я же вам сказал — на сегодня все пилоты свои часы отлетали. — Гиви Иванович посмотрел в окно и увидел в кузове подъехавшего грузовика Валико.

— Это демагогия, товарищ Гоглидзе! Пассажир может неделю ждать! Ничего с ним не случится! — закричал экспедитор. — А голландские куры каждую секунду могут испортиться!

— Секундочку!

Гиви Иванович выбежал из кабинета, пересек зал, где на скамейках и чемоданах сидели и лежали пассажиры, и остановился в дверях.

От грузовика с мешком на плече шел Валико. За ним семенял Зарбазан. Завидев начальника, Валико остановился, виновато вздохнул. Зарбазан, поджав хвост, шмыгнул на крыльцо.

Валико поставил мешок на землю. Надел галстук. Снова взвалил мешок на плечи и, преданно глядя на начальника, сказал:

— Гиви Иванович, этот ГАИ совсем вас не уважает. И права у тебя отобрал! И машину!..

На краю летного поля, в стороне от лайнера, стоял вертолет Г-13. Под ним, в тени, дремал Зарбазан. Два грузчика таскали к вертолету ящики с курами.

— Осторожно, — командовал экспедитор Цинцадзе

— Не хрусталь, не разобьются...

— Давай быстрее, — поторавливал Валико. — У меня сегодня еще рейс. Стемнеет.

В деревне Таркло, в низком, длинном, сложенном из нетесаного камня здании, колхозники изготавливали овечий сыр. Работали, в основном, женщины и старики.

У входа в дом, за деревянным мокрым столом сидел десятилетний Варлаам — племянник Валико. К нему на стол укладывали уже готовые, но еще не затвердевшие головки сыра, и Варлаам, извлекая из ящика синие пластмассовые латинские буквы, вдавливал их в белую массу. Получалась надпись: «ЧИИЗ ГУДА».

Прадед Варлаама, старый Гоча Мизандари сидел во дворе на большом плоском камне и камнем поменьше разбивал каменную соль.

Послышался стрекот вертолета. Варлаам вскочил на ноги. Выглянул в дверь.

— Гоча! Валико прилетел! — крикнул он.

Гоча приложил к глазам ладонь, посмотрел в небо.

Валико Мизандари — артист Вахтанг Кикабидзе

Валико сверху видел, как по желтой траве навстречу ему бегут дети в разноцветных рубашонках.

Вертолет сел на лужайке неподалеку от родника, возле которого дремал осел. Тут же подбежал Варлаам, быстро подвел цепь под корень огромного пня, обвел ее вокруг шасси и замкнул на большой амбарный замок.

Остальные дети остановились метрах в двадцати от машины. Из салона вертолета вышла молодая пара. Они вытащили новую детскую коляску и покатали ее по каменистой тропинке в сторону домов, лепящихся друг к другу на склоне горы.

Валико выбросил из кабины мешок с мукой и два яуфа*. Выпрыгнул сам и закрыл дверь на маленький ключик.

— Как поживаешь?— спросил он.

— Ничего... Тут что?— Варлаам показал на яуфы.

— «Разбитый кувшин».— Валико взвалил мешок на плечо и пошел.

— «Разбитый кувшин!»— крикнул Варлаам сверстникам. Подхватил яуфы, зашагал за дядей. Спросил:— Про войну?

— Про любовь.

Варлаам вздохнул.

— Зарбазан не появлялся?— спросил Валико.— Я его потерял где-то.

— Прибежит, никуда не денется,— сказал Варлаам.— Вах, как быстро переоделась!

Навстречу им по каменистой тропинке спускалась, ведя за уздечку лошадь, Лали — девушка лет двадцати. Она была причесана, принаряжена. На ногах сапоги, отливавшие перламутром.

— Здравствуй, Лали,— приветливо поздоровался Валико.— Я позвонил.

— Спасибо большое,— не глядя на Валико, проговорила Лали и быстро пошла к роднику.

---

* Металлические коробки для перевозки кинолентки.

Под пальмой стоял стол с золотыми ножками. На нем — рулетка. К рулетке подошел молодой человек прекрасной наружности, достал из портфеля толстую пачку денег и положил перед крупье — толстым человеком в голубом фраке и красной феске.

— Салям алейкум,— сказал он.

— Ты Али, сын бедняка Рустама, который влюбился в Сорею, дочь богача Максуда, и бросил родной дом и невесту? — спросил крупье.

— Да, я тот Али, который умирал от жажды в Африканской пустыне, который перенес лихорадку в джунглях Бразилии. Я тот Али, который заживо гнил в соляных копиях Борнео. Здесь все, что я заработал. Я ставлю на число тринадцать и отдаю себя в руки всевышнего!

Подошла мулатка с подносом. Раздалась тихая сладкая мелодия, и девушка исполнила танец живота.

Молодой человек простер руки к небу.

Шарик остановился перед цифрой 13.

Под открытым небом была натянута простыня. Шло кино. На лавочках сидели дети, старники и старухи, собаки и куры. Показывал и переводил с русского на грузинский Валико. Переводил страстно. Почти пел. Лали стояла в стороне, возле дерева. Смотрела то на Валико, то на экран.

В изумрудном зале дворца стояли аристократы. Молодой человек подошел к старику в желтых шальварах и поставил перед ним четыре чемодана.

— Здесь миллиард,— сказал он и посмотрел на рыжую чернооую красавицу Сорею.

Сорея улыбнулась ему, сверкнув золотыми зубами.

— Вы человек не нашего круга,— сказал старик.

Молодой человек со слезами на глазах посмотрел на Сорею, достал из кармана пистолет и выстрелил себе в висок.

— Прощай, Сорея,— прошептал он и упал на мраморный пол.

— Вай! — выдохнули зрители.

Симпатичный человек в черном смокинге склонился над несчастным:

— Я выдающийся врач. Я могу вас вырвать из когтей смерти.

Умирающий открыл прекрасные глаза и прошептал:

— Кувшин можно скленть — разбитое сердце никогда.

Валико выключил проектор, смахнул слезу и объявил:

— Все! Кино кончилось!

Зрители не расходились. Сидели ошеломленные зрелищем, шмыгали носами.

От дерева отделилась Лали.

— Дети,— сказала она официальным тоном.— Завтра после уроков мы обсудим этот фильм. Прошу всех подготовиться. Тема: «Любовь и дружба в капиталистическом обществе».

Дед, Варлаам и Валико сидели за столом.

В комнату вошла Като, сестра Валико. Поставила перед старым Мизандари котелок, сама села напротив.

Старик руководил трапезой. Сначала он перекрестился. Потом взял ложку, зачерпнул из котелка лобио и наполнил тарелку Варлаама. Далее старик наполнил тарелку Валико. Наполнил свою тарелку. Отодвинул котелок к Като.

Разложив лобио, Мизандари взяли кувшин с вином. Первый стакан—себе, второй—Валико. Варлааму тоже плеснул на донышко и разбавил водой. Подняв свой стакан, сказал:

— За Варлаама.

— Будь здоров, Варлаам,— сказал Валико.

Дед отпил, посмотрел на Варлаама и спросил:

— Кино видел?

— Видел.

— Вот и сиди дома. Понял?

— А я и сию, куда мне деваться?

— Вот и сиди.

Некоторое время ели молча.

— Валико,— спросил Варлаам,— их миллиард на наши деньги сколько?

— Не твое дело,— сказал дед.— Ты своим делом занимайся.

— Я и занимаюсь...

— Вот и занимайся...

Где-то далеко заиграл рояль.

— Когда тебя нет, не играет,— сказала Като брату.

— В Европе теперь никто на пианино не играет,— сказал Варлаам.— Теперь играют на электричестве. Нет, Валико?

— Ерунда,— сказал дед.— На электричестве нельзя играть — током убьет.

— Убьет?— Варлаам посмотрел на Валико.

— Нет. Они резиновые перчатки надевают,— пояснил Валико.

Помолчали.

Валико вытер хлебом тарелку, встал, отошел к окну. Музыка доносилась с противоположного склона. Там светились окнами несколько домиков.

Варлаам отошел к своему столику. Тщательно вытер руки о штаны. Сел, раскрыл учебник и начал зубрить:

Прибежали в избу дети,
Второю зовут отца:
Тятя, тятя, наши сети
Притащили мертвеца!

— Валико, «тятя-тятя» что такое?

— Отец.

— Дерьмо он, а не отец! — вдруг рассердился дед.

— Дедушка! Здесь ребенок,— сказала Като.

Дед бросил на стол ложку и вышел из комнаты.

— Чего это он?— удивился Варлаам.

Като посмотрела на Валико.

— Плохо себя чувствует, наверно,— сказал Валико.

— Пошли послушаем,— предложил Варлаам.

— Пешком или по воздуху?

— По воздуху.

...Вертолет черной тенью перелетел на противоположный склон, приземлился неподалеку от огоньков.

В маленьком физкультурном зале одноэтажной школы стояло пианино, а за ним сидела Лали и старательно играла красивую мелодию.

— Добрый вечер.

Лали смутилась, перестала играть.

— Играй, играй, Лали,— Валико облокотился на подоконник.

Лали снова заиграла. Валико и Варлаам стали подпевать в два голоса. Послышалось тяжелое пыхтение. К школе, высунув язык, прилепился Зарбазан. Сел у ног Валико и сладко зевнул.

На аэродроме в Тбилиси среди прочих самолетов стоял красавец-гигант ТУ-144. Вокруг него собрались летчики и с большим интересом осматривали новую машину.

Валико стоял возле своего вертолета, грузился курами.

— Мимино! Здорово!

По полю шел командир нового лайнера — высокий блондин. А рядом с ним две стройные стюардессы. Все трое белозубые, загорелые, в безукоризненно отглаженных формах. Как с рекламы «Аэрофлота».

— Жебрюнас?! — поразился Валико. — Какими судьбами?

— Да вот, Дели не принимает.— Командир обернулся к девушкам:— Знакомьтесь, это Мимино. Вместе летное училище кончали.

— Тимофеева, — представилась брюнетка.

— Мизандари.

— Комарова, — протянула руку блондинка.

— Валико,— сказал Валико.

— Лариса Ивановна. А Мимино — это фамилия?

— Кличка,— сказал Валико.

— Мимино по-грузински сокол,— пояснил Жебрюнас.

— Похож,— улыбнулась блондинка и посмотрела на Валико синими глазами.

Кадр из фильма

— Ну пока, старик,— махнул рукой Жебрюнас.

— До свидания,— сказала Лариса и пошла.

Валико стоял и смотрел, как удаляется Лариса, отодвигая от него свой прекрасный образ.

Валико лежал на койке летного общежития. Смотрел в потолок. В дверь заглянул Игорь.

— В турбазу на танцы идешь?

— Нет,— ответил Валико.

— Тогда я беру твою рубашку.

Игорь залез под кровать, вытащил из сумки рубашку в горошек. В дверях обернулся:

— Андро хинкали варит...

Валико лениво поднялся. Сунул ноги в шлепанцы. Прошел на кухню. Там Андро, подвязав полотенце вместо фартука, лепил хинкали. Пел.

— Что едим,— покачал головой Валико,— тесто и мясо? Варвары.

Подошел к окну, облокотился на подоконник. Отсюда был виден Телавский аэропорт. Молодая женщина мыла под фонтаном ножки ребенку. Помыла. Поставила ребенка на чемодан.

Послышался далекий гул. Небо прочертили красные огоньки сверхзвукового лайнера.

На весах в аэропорту «Норка-2», на фоне сверкающих вечным снегом вершин, стояли маленькая старушка и маленькая тощая корова.

— Нет,— мотнул головой Валико,— нельзя! Здесь продай.

— Здесь никто не купит. Здесь ее все знают.

— Нельзя, тетя Домна,— вздохнул Валико.

Старушка сошла с весов, развернула закутанную в тряпочку вареную курицу, показала Валико. Тот снова покачал головой. Старушка горько вздохнула, повернулась и пошла. Корова — за ней. Зарбазан залаял на Валико.

В аэропорту Телави старый грек Аристофан опустил кисть в ведро с желтой краской и мазнул по стене.

— Может, этот колор? — спросил он Гиви Ивановича. — Или все суриком покроем? Решай.

— Подожди. Ну... Дай подумать...

— Гиви Иванович! — донесся с диспетчерской вышки голос дежурного.

Когда начальник поднялся на вышку, дежурный протянул ему бинокль.

— Глянь-ка!

Гиви Иванович приложил окуляры к глазам.

По небу летела корова. Она висела в смастеренной из мешков люльке и, звеня колокольчиками, плавно раскачивалась под брюхом вертолета.

— Строгий выговор с предупреждением и лишение премиальных! — сказал Гиви Иванович стоящему перед ним Валико Мизандари.

Валико молчал.

— Ну, что стоишь? Иди. Работай. — Гиви Иванович уткнулся в бумаги.

— Гиви Иванович, — тихо сказал Валико. — Напиши мне характеристику на переквалификацию.

— Какую еще переквалификацию?

— Я хочу в большую авиацию вернуться.

Гиви Иванович вздохнул.

— Хорошо, — сказал он. — Устный выговор без лишения премиальных. И иди, иди, пока не передумал.

— Нет, Гиви Я серьезно решил.

Гиви Иванович посмотрел на Валико, встал из-за стола, похлопал Валико по плечу:

— Хорошо, никто ничего не видел. Коровы у нас сами летают. А если тебе куда-нибудь надо поехать... — Гиви Иванович достал ключи от машины и опустил их в нагрудный карман Валико. — Только не превышай скорость...

— Хозяин, — в кабинет вошел Аристофан. — А может, этот колор? — Он показал кусок фанеры, выкрашенный в синий цвет.

— Вы почему без разрешения входите? — вдруг заорал на него Гиви Иванович. — Что за манера?! Идите в коридор и ждите, пока вас вызовут!

Аристофан швырнул фанеру на пол.

— Сам ищи колор. Сам крась. Меня здесь уже нет! — И ушел.

— Секундочку, — Гиви Иванович бросился за маляром. Из коридора донеслось: — Аристофан! Подожди! Что, шуток не понимаешь?.. Аристофан... Аристофан...

Валико достал из кармана ключи и положил их на стол.

Было раннее утро.

На краю обрыва стояло старое полузасохшее дерево. К его веткам были привязаны лоскутки. По обычаю предков, это поминовение. Живые поминали ушедших. Здесь были старые, полустлевшие лоскутки и новые, разноцветные, яркие.

Валико подошел к дереву и привязал свой галстук.

Стали спускаться по тропинке к вертолету. Впереди бежал Зарбазан. Следом Варлаам с сумкой «Аэрофлот». Далее Валико, Като и дед.

— Валико!

Это с другого склона горы крикнул пастих в бурке.

— Чего?

Их разделяло километра два, но слышимость была хорошая.

— Ваню просил, чтобы ты ему подковы привез. Подковы!

— Привезу! — крикнул Валико.

Он взял деда под руку, отвел к роднику. Достал из кармана деньги.

— Дедушка, у меня четыреста тридцать рублей. Вот. Двести пятнадцать вам и двести пятнадцать мне. А когда устроюсь, буду присылать.

Дед спрятал деньги в карман, сказал:

— Валико, сынок, слушай меня внимательно. Если его встретишь — не убивай. Сам знаешь, какие сейчас времена. Не так поймут.

— Ладно, не убью, — согласился Валико и пошел к вертолету.

В ручке дверцы он увидел букетик горных цветов. Оглянулся. В раме школьного окна мелькнуло лицо Лали. Валико спрятал букетик в карман. Открыл дверцу, и туда тут же прыгнул Зарбазан.

Валико молча обнял родных. Потом вытащил собаку из кабины, опустил на землю.

— Я тебе бинокль пришлю, — сказал он Варлааму.

Залез в кабину и захлопнул дверцу.

Зарбазан завыл, встал на задние лапы и начал скрести когтями металл обшивки.

— Он не вернется, — грустно сказал дед.

Валико включил зажигание. Заревел мотор, закрутились лопасти винта, стремительно набирая скорость. Ветер ударил в лица провожающих. Зарбазана отбросило на несколько метров.

— Не хочу бинокль! Не надо! — закричал Варлаам. — Не уезжай!

Но грохот мотора поглотил его крик. Валико ничего не услышал. Он улыбнулся, помахал всем рукой и посмотрел на приборы.

Тогда Варлаам, преодолевая сопротивление ветра, подбежал к вертолету, обмотал цепь вокруг шасси и замкнул на замок. Мотор взревел, вертолет напрягся и вырвал цепь с корнем.

Забудем край тот,
Где мы так страдали,
Где ничего не выдали
Кроме печали...

На кухне обыкновенной московской квартиры Родион Васильевич Синицын, плот-

ный блондин лет сорока, напевая, варил манную кашу.

В дверь позвонили.

— Леночка, открой! — крикнул Синицын. Из комнаты вышла семилетняя девочка и, спросив: «Кто там?», открыла.

На площадке, в кепке Кукуша и с полиэтиленовым бочонком в руке, стоял Валико.

— Это квартира Синицына?

— Папа! Грузин приехал! — крикнула девочка и удалилась в комнату.

— Здравствуйте, заходите, — сказал Синицын, появляясь из кухни.

— Здравствуйте, — Валико снял кепку. — Вам письмо от тети Нины. — Он почтительно протянул письмо.

Синицын вскрыл конверт, стал читать.

Валико огляделся. Пристроил бочонок рядом с детскими санками.

Синицын дочитал письмо, спросил:

— Как она себя чувствует?

— Все так же...

— Софа!

Вошла молодая женщина с грудным ребенком на руках.

— Надо товарища в гостиницу устроить.

— В «Россию», если можно, — попросил Валико.

Софа кивнула, села к телефону.

— Извините, там у меня каша, — Синицын убежал в кухню.

— Садитесь, — Софа указала на ветхое антикварное кресло, и Валико присел на краешек. — Алло! Это мебельный магазин? Якову Борисовичу привет! Это Синицына. Нет, я не насчет зеркала. У нас че-пе. Приехал племянник Родиона Васильевича, надо его в гостиницу «Россия» устроить... Сейчас узнаю. Родя! — крикнул Софа. — Ты на «Лебединое» два билета можешь сделать?

— Постараюсь, — донеслось из кухни.

— Да, может... — сказала Софа в трубку. — Ага... Запомню... Фамилия? — Софа вопросительно посмотрела на Валико.

— Мизандари, — шепотом подсказал Валико.

— Мизандари... Спасибо. Билеты будут в кассе. Чао. — Софа положила трубку.

Валико встал.

— Быстренько топайте в Западный блок,— сказала ему Софа,— найдите там администратора Европейского симпозиума эндокринологов Воронина. Скажите, что от Якова Борисовича. Он все устроит.

— Спасибо большое. До свидания.

Валико ушел.

Из кухни высунулся Синицын.

— Софа, кто такая тетя Нина из Тбилиси? Не помнишь?

— Нет.

— И я не знаю,— вздохнул Синицын.

Когда такси остановилось возле гостиницы «Россия», на счетчике было десять рублей сорок копеек.

Валико дал таксисту тринадцать.

Таксист укоризненно посмотрел на Валико. Тому вдруг стало стыдно и он дал еще пятерку.

В двухместном номере «России» на кровати у окна лежал горбоносый мужчина в очках. Читал журнал «За рулем». В дверь постучали.

— Кто там?

— Я. Здравствуйте.— В комнату вошел Валико.

— Здравствуйте...

Мужчина снял очки и внимательно осмотрел вошедшего.

Валико поставил сумку на подставку для чемоданов. Снял легкую куртку, кепку, повесил на вешалку. Открыл шкаф. Там лежали две новые покрышки для «Жигулей».

— Дук хай ек?— спросил мужчина.

— Че *,— ответил Валико.

Мужчина встал. На соседней кровати вытянулся надутый желтый крокодил. Мужчина взял крокодила, вернулся на место, лег. Выдернул затычку, прижал игруш-

ку к груди. Из крокодила со свистом стал выходить воздух.

Валико разложил свои вещи по полочкам, поставил возле кровати шлепанцы. Подошел к телефону. Аппарат стоял на тумбочке соседа. Валико хотел перенести аппарат на свою тумбочку, но шнур оказался слишком коротким.

— Стационар,— коротко пояснил сосед.

— Извините...— Валико придвинул стул к постели соседа. Сел к нему боком, набрал номер.

— Да? — прозвучал в трубке мужской голос.

— Это квартира Народного артиста СССР, солиста Большого театра товарища Синицына?— спросил Валико.

— Да.

— Это Валико говорит. У меня все в порядке. Еще раз спасибо.

— Пожалуйста.

Валико положил трубку. Покосился на соседа. Воздух из крокодила тем временем весь вышел, и сосед начал скатывать его, начиная с головы.

Валико встал, прошелся по номеру. Остановился около окна, посмотрел на заснеженную Красную площадь. Часы на Спасской башне показывали половину шестого. Валико посмотрел на свои часы, перевел время. Потом присел к столу, стал листать толстый телефонный справочник. Нашел нужный номер, стал звонить.

— Алло,— раздался в трубке легкий голос.

Валико торопливо нажал на рычаг. В глазах соседа зажглось любопытство. Валико посмотрел на него и повернулся спиной. Посидел немного, снова набрал номер.

— Алло!

— Здравствуйте...— начал Валико. Сглотнул волнение.— Ларису Ивановну позовите, пожалуйста.

— А кто это?

— Это Валико... Который Мимино. Помните?

— Здравствуйте, Валико, который Мимино.

* — Ты армянин? — Нет. (арм.)

— А это вы? — спросил Валико.

— Я, — ответили в трубке.

Сосед не отрываясь смотрел на Валико большими печальными глазами.

— Лариса Ивановна, а что вы сегодня делаете? — спросил Валико.

— Ничего.

— Тогда знаете что... Давайте вместе поужинаем.

— Давайте.

— Тогда знаете что... Приходите в гостиницу «Россия». Западный вход. В семь часов. Я вас буду внизу ждать.

Сосед постучал Валико в спину, зашептал:

— Пусть подругу позовет. Подругу...

Валико отмахнулся.

— Алло! Здесь очень красиво... Музыка играет. Придете?

— Непременно.

Все очень просто!
Сказки — обман!
Солнечный остров
Скрылся в туман! —

выкрикивал певец на эстраде.

Валико вошел в ресторан, огляделся, неторопливо пересек зал, сел за столик возле эстрады и легким, едва заметным кивком подозвал официанта. Небрежно отодвинул протянутое меню, доверительно сказал:

— Это не надо. Что есть хорошего, принеси. Я — вдвоем.

Официант понимающе кивнул и скрылся.

Валико так же неторопливо направился к эстраде. Что-то проговорил на ухо барабанщику, показывая пальцем на дверь, и положил на барабан двадцать пять рублей.

10... 6... 3... 2... 1... — зажигались цифры на табло. Блямм... Блямм... — нежно проиграл колокольчик, дверь лифта открылась, и вышел горбоносый сосед Валико. Глубоко засунув руки в карманы клетчатого пиджака, он прошел мимо длинной шерен-

ги чемоданов с наклейками гостиниц всего мира. Увидев нервно расхаживающего по вестибюлю Валико, посмотрел на часы. Было без двадцати девять. Сосед покачал головой и пошел в ресторан.

Валико увидел, что к гостинице подкатило такси, в котором сидела женщина. Выскочил на улицу.

Это была не Лариса.

Ресторанные оркестранты отдыхали.

— Вот он, этот чайник, — сказал барабанщик, увидев уныло плетущегося через зал Валико.

Музыканты быстро расселись по местам, и солист объявил в микрофон:

— Эта песня посвящается нашему гостю из солнечного города Телави! — Показал рукой на Валико и запел:

— Тбилисо, мэис да вардебис мхаро...

Сопровождаемый любопытными взглядами, Валико прошествовал к изобильно накрытому столу. Ковырнул вилкой красную икру... и тут увидел своего соседа.

Сосед медленно пересекал зал. Приблизился к эстраде, что-то сказал барабанщику и вернулся за свой стол.

Песня «Тбилисо» быстро угасла, солист объявил:

— А эта песня посвящается нашему гостю из солнечного Лениканана! Товарищу Хачилян!

Оркестр заиграл песню «Ереван».

Гость из солнечного Лениканана сел за свой столик. А гость из солнечного Телави встал, пошел к оркестру.

А чуть позже два «солнечных» гостя лихо выплясывали перед эстрадой лезгинку...

Пожилый человек с борожкой подошел к метрдотелю и погрозил пальцем:

— Предупреждаю! Если вы немедленно не прекратите эту декаду, я сообщу куда следует. Сюда люди пришли отдыхать, в конце концов!

Часы на Спасской башне проббили восемь утра. По Красной площади бродили голуби.

Валико сидел в кресле, мрачно уставившись в одну точку.

— Как подождать? Что значит нету?!— кричал в трубку Хачикян.—А почему Узбекистан вчера получил?.. Нет! Сто тридцатую не возьму!.. Сто тридцатую пусть Узбекистан берет! У нас горы, дорогая, горы! Дорогая, ты в зоопарке была? Верблюда видела? Каким тоном? Каким тоном знаю, таким говорю! Алло!.. Алло!— Бросил трубку, обернулся к Валико:— «Дорогая» никому не говори.

...Валико и Хачикян ели сосиски в буфете.

— Здесь за углом, вон там,— показал Хачикян за окно,— кафе «Богатырь». Очень хороший. Комплексный обед — суп, второе, и третье, и сладкое — тридцать семь копеек...

Валико посмотрел на Хачикяна, отвернулся и воскликнул:

— Ва!

Мимо буфета по лестнице поднимался на задних лапах медведь в сомбреро и джинсах. За медведем шел пожилой человек с сигарой в зубах.

— Мики!— крикнул пожилой человек вниз и вместе с медведем скрылся за лестничным маршем.

За ними на четырех лапах пробежал маленький медвежонок, тоже в сомбреро и джинсах.

— Американский цирк,— объяснил Хачикян.— Слушай, если резиновый крокодил желтой краской покрашу, смоемся?

Валико пожал плечами.

— Смоется,— сказал сам себе Хачикян.— Понимаешь, Альбертик просил желтый, а в магазине только зеленый...

Валико вздохнул.

— Валик-джан,— сказал Хачикян.— Ты только не обижайся, но вы, грузины, не совсем хорошо умеете с девушками разговаривать.

— А кто умеет хорошо?— саркастически улыбнулся Валико.— Армяне, да?

— Подожди, не залезай в бутылку,— примирительно помахал рукой Хачикян.—

Я тебе умные вещи скажу. Этот Лариса Ивановна очень правильно сделала, что не пришла...

— Почему?

— Вот мой дочка Алла,— стал объяснять Хачикян,— если мальчик ей позвонит и скажет: пошли в ресторан, туда-сюда, потанцуем,— я про него плохо подумаю. А если скажет: Рубен Варданович, можно я с Аллой пойду на культурное мероприятие? Я скажу: пожалуйста, иди дорогой!.. Понял?

...Потом Хачикян звонил из гостиничного номера по телефону.

— Алло! Ларису Ивановну хочу!

— Это я,— помедлив, отзетил легкий голос.

— Здравствуйте. Это Хачикян говорит, друг Мимино, который Валико... Лариса Ивановна, Валико Зурабович уехал на спецзадание, меня просил позвонить...

— Константинович,— поправил Валико, сидевший на своей кровати.

— Э, какая разница!

— Что?— спросил голос.

— Ничего, Лариса Ивановна, он поручил вас спросить, в какой вы театр сегодня хотите пойти?

— А он что, волшебник?

— Зачем волшебник?

— Может в любой театр билеты достать?

— Может.

— И в Большой?

— Конечно.

— И на Таганку?

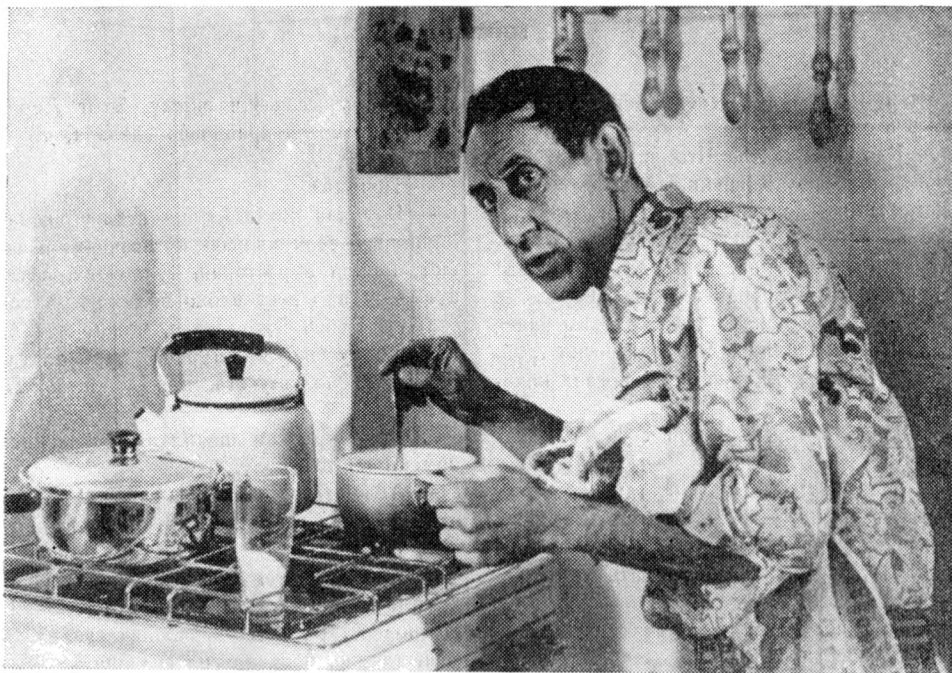
— Таганка? — Хачикян удивился, закрыл ладонью трубку, зашептал Валико:— Таганка — тюрьма. Сурен там сидел. Большой шутница, этот твой Лариса Ивановна...

— Алло, алло! — раздался в трубке голос.

— Ты говори, говори,— замахал рукой Валико.

— Алло, алло,— закричал в трубку Хачикян.— Куда это вы исчезли? Таганка — нет! Большой. Без пятнадцати семь он вас будет ждать у второй колонны...

— Спроси, почему вчера не пришла?— взволнованно зашептал Валико.

Родион Синицын — артист Владимир Басов

— Слушай, я ж тебе все объяснил,— отмахнулся Хачикян и продолжал в трубку:— Как мне Валико Вахтанговичу доложить? Придете?

— Непременно.

Хачикян положил трубку.

— Хачикян, когда захочет, все может. Валик-джан, если не трудно, мне тоже билет возьми. Я Большой театр очень люблю — никогда не был.— Снял трубку, протянул ее Валико:— Звони своему артисту.

В помещении касс Большого театра на стенах были развешаны афиши, одна из них изображала Родиона Синицына в роли Трубадура.

— Три билета на имя Синицына,— нагнулся Валико к окошку.

Кассирша протянула ему конверт.

— Восемнадцать рублей.

— Сколько?— переспросил Валико.— Дорогая, всего три, всего три.

— А здесь и есть три. Партер. Не в кино идете, молодой человек.

Валико в летной фуражке с папкой в руках вошел в подъезд здания ГВФ.

...В аэропорту Телави Гиви Иванович и Игорь красили стену суриком.

— Иванович!— позвали из окна.— Вас Валико к телефону зовет!

...Валико в будке междугородного телефона-автомата кричал:

— Пусть Андро возьмет талоны на дрова и отвезет моим! Все в порядке! Бумаги приняли! Завтра дадут ответ!.. Конечно, возьмут! Сказали: такие летчики, как я, на дороге не валяются! Ну, обнимаю вас всех... О, подожди! Чуть не забыл: передай Ване, что подков в Москве нет!

Потом он долго гулял по столичным улицам. Весело насвистывая, шагал по бульвару, вдоль заледеневшего пруда, где катались на коньках дети в разноцветных

шапочках. Достал пачку сигарет, закурил. Уронил перчатку. Интеллигентная старушка подняла перчатку, догнала Валико.

...Возле лотка с мороженым выстроилась очередь. Валико стал в хвост.

...На рынке он взял большой букет роз, положил на прилавок двадцатипятирублевку.

...Возле Ильинских ворот полюбовался на памятник гренадерам, павшим под Плевной. Пошел вниз по бульвару. Разбежался, прокатился по ледяной дорожке. Понравилось. Вернулся. Разбежался. Заскользил и упал.

...В гостинице, в комнате быта, Валико старательно гладил брюки. Пел.

...Продолжая напевать и пританцовывая, шел по коридору. Навстречу два узбека в халатах пронесли завернутый ковер, держа за концы.

...Валико пел и в ванной, пока блаженствовал в пене бадусана.

Пел и когда чистил ботинки.

В дверь постучали.

— Да...

В номер вошла решительная блондинка в голубых джинсах.

— Здравствуйте. А где товарищ Хачикян?

— На автобазе.

— Вы не знаете, он думает о чем-нибудь или нет?

— Не знаю,— сознался Валико.

— У него в среду доклад, а он до сих пор рукопись в бюро переводчиков не сдал. Как дети!— Блондинка достала из сумки пластмассовую табличку и положила на стол:— Это его визитка. До свидания.— И ушла, хлопнув дверью.

Блямм... Блямм!— проиграл колокольчик.

Из лифта, вежливо отстранив индианку в золотистом сари, вышел Хачикян. Пошел по коридору, напевая: «Солнечный остров скрылся в тумане...»

— Дали! Сто тридцать первый дали!— радостно сообщил он дежурной по этажу.

...На белой пластмассовой табличке, в верхнем углу, был вытеснен контур Европы, а посередине золотом написано: «ХАЧИКЯН. СССР».

Хачикян внимательно рассмотрел табличку, повернулся к Валико.

— Кто принес? Гостиница?

— Гостиница,— кивнул Валико, брившийся у зеркала.

— Валик-джан, какой народ, а!— Хачикян покачал головой.— Пришел... Спросили, как фамилия. Говорю: Хачикян. Здравствуй, говорят, Хачикян. Иди, говорят, Хачикян, десятый этаж, тринадцатый комната... И ни копейки не взяли... А теперь, вот, значок...

— А для чего значок? — спросил Валико.

— Как для чего? Очень удобно. Сразу видно — откуда ты, как зовут... А тебе не дали?

— Нет.

— Не переживай. Я достану. Мне сто тридцатый модель был написан, а я сто тридцать первый получил. Хачикян, когда захочет, все может.— Он снял пальто, надел клетчатый пиджак, прицепил к лацкану табличку.— Валик-джан, когда я умру и апостол Петр спросит меня: «Куда ты хочешь, Хачикян?», я скажу: «Никуда не хочу. Посели меня гостиница «Россия». Западный корпус. Любой этаж...»

В дверь постучали, и в номер вошел полный курносый блондин в очках. За ним горничная с комплектом постельного белья.

— Кто здесь Хачикян? — по-армянски спросил блондин.

— Я,— улыбнулся Хачикян и показал табличку.

Блондин снял с Хачикяна табличку, прицепил её к лацкану своего пиджака и сказал:

— Такие, как вы, позорят землю предков.

...Лифт шел вниз. Мрачные Валико с Хачикяном и человек пять японцев смотрели в пространство.

— Не могу понять,— тихо сказал один японец другому, кивнув на Валико и Хачи-

кьяна,— как эти русские различают друг друга.

...К «России» подъехал «Икарус». Из дверей выпрыгнула блондинка в голубых брюках, а следом молодой мужчина с двумя тяжелыми сумками. Оба прошли в вестибюль.

Навстречу им шагали Хачикян и Валико. Хачикян нес чемодан и крокодила. Валико — покрывши.

— А вот и он! — обрадовалась блондинка. — На ловца и зверь бежит.

— Кто зверь? — мрачно спросил Хачикян, оставившаяся.

— Вы, — улыbnулась блондинка. — Товарищ Хачикян, во-первых, вот вам приглашение на банкет, — она достала из сумки спутника конверт. — А во-вторых, где доклад? Только вы один не сдали. Его же перевести надо.

— Слушай, я тебе разве говорил, что я эндокринолог? Говорил?! — Хачикян резко надвинулся на блондинку.

— В чем дело? Ничего не понимаю...

— Что не понимаешь? Он Хачикян и я Хачикян! У меня такая дочка, как ты, а меня аферистом называют! Пошли!

— Стойте! — девушка пошла следом. — Простите, но верните значок, пожалуйста... — Нету! Скушал! — прорычал Хачикян и пошел.

— Подожди! — задержал его Валико. Обернулся к девушке в голубых брюках. — Как не стыдно? Живого человека на улице выгоняют... Какая разница: эндокринолог или не эндокринолог? Вот я например, тоже не эндокринолог. Ну и что?

— Как ваша фамилия? — спросила девушка.

— Мизандари!

Огромный новенький ЗИЛ-131, выкрашенный оранжевым, остановился возле гостиницы «Олень». Из него с вещами вылезли Валико и Хачикян.

— Ни двухместного, ни одноместного — ничего нет! — объяснила администратор гостиницы.

— А для них есть? — спросил Хачикян, указывая в сторону длинного стола, где группа молодых скромных ребят заполняла листки.

— Это спортсмены.

— Знаем, какие спортсмены, — улыbnулся Валико. — Десять минут назад я тоже был эндокринолог.

— Не знаю, кем вы были, но этот парень, — администратор показала на одного из ребят, — только что перепрыгнул через все эти чемоданы.

— Через эти? — переспросил Валико. — А если и я перепрыгну?

— Значит, и вы — спортсмен.

— Эти? — Валико показал на длинную вереницу чемоданов.

— Эти.

— Не надо, Валик-джан, — попросил Хачикян.

Но Валико разбежался и прыгнул. Зацепился ногой за пятый чемодан и рухнул лицом на каменный пол.

Вечер. К освещенным колоннам Большого театра подъезжали машины всех марок мира, такси, автобусы. Мимо Валико текла, торопилась разноликая и разноязыкая публика. В руках у него была пудреница с зеркальцем, и он тщательно припудривал синяк под глазом.

— Товарищ, у вас лишнего билетика не найдется? — спросил у него какой-то моряк.

— Нет, — сурово ответил Валико.

— Еще не пришла? — К Валико подошел Хачикян.

— Нет.

Хачикян посчитал колонны:

— Раз, два... Правильно стоим... — подтвердил он и посмотрел на синяк Валико. — Совсем незаметно, Валик-джан.

А в это время в квартире Ларисы две девочки лет тринадцати — Вероника и Татка — сидели у телефона. Ждали.

— Не звонят, — сказала Татка.

— Сейчас позвонят,— откликнулась Вероника.

И действительно тут же раздался звонок.

— Они,— Вероника сняла трубку.— Алло? — проговорила она взрослым голосом.

— Лариса Ивановна, это вы? — прозвучал голос Валико.

— Ага,— Вероника подмигнула своей подружке.

— Лариса Ивановна, что случилось? Почему вы не пришли?

— А кто это говорит? Валико, который Мимино? Или его друг Хачикян?

— Валико.

— Давай, давай,— подтолкнула Татка Веронику.

— Алло... Алло... Вы меня слышите?

— Знаете что, Валико, катитесь вы колбаской по Малой Спасской! — выкрикнула Вероника и положила трубку.

...Валико вышел из будки телефона-автомата. Не мигая, уставился на Хачикяна.

— Что, она еще дома? — удивился Хачикян.

— Армяне очень хорошо умеют договариваться с женщинами,— сказал Валико.

— Что? — не понял Хачикян.

— Ничего! Женщин у нас миллионы, а Большой театр один. Пошли!

...Валико и Хачикян сидели во втором ряду партера.

— Что он сказал? — спросил Хачикян Валико.

Валико пожал плечами. Хачикян посмотрел в бинокль, потом обратился к соседке справа.

— Гражданка, этот актер как фамилия?

— Синицын.

— Не, этот в красном платье?

— Краснопевцева.

Хачикян достал блокнот, записал. Сообщил соседке:

— Потом Альбертику расскажу.

...Поздним вечером, после спектакля, Валико и Хачикян шли мимо винтрин ЦУМа.

— Это его мама была? — спрашивал Хачикян.

— Которая?

— Которая пела.

— Там все пели...

— Которая умерла потом.

— Там все умерли.

Хачикян помолчал, потом запел:

— Нет, не удастся мерзким злодеям! Мерзким злодеям! Погубить мою маму!

Возле витрины, где на манекенах демонстрировались женские платья. Хачикян остановился.

— Валик-джан, покажи, который на Лариса Ивановна похож?

— Этот,— Валико показал на манекен в купальнике.— Пошли, пошли... Ну где твоя машина?

— Там,— Хачикян махнул рукой в сторону переулка.

Хачикян остановился, оглядел манекены, покачал головой. Потом догнал Валико:

— Ты и она — не две пары сапогов. Ты видный мужчина, а она... Возьми кошку, опусти в воду, вынь, посмотри — такая же худая...

— Ну, где твоя машина? — раздраженно спросил Валико.— Ты что ее за двадцать километров поставил?

— Здесь.— Хачикян свернул в переулок и снова запел: — Нет, не удастся мерзким злодеям, мерзким злодеям мать погубить! Погубить, погубить мою маму, мою мамочку, мою ма...

И вдруг замер. Двор был пуст. Повернулся к Валико, в глазах у него стояли слезы.

— Украли,— прошептал он.

— Как украли?

— Украли...— Хачикян схватился за голову и начал причитать.— Вай, Альбертик, нет у тебя папы, нет у тебя больше папы!

— Подожди, не сходи с ума! Ты точно помнишь, что это тот двор?

— Тот. Вот мусорный ящик.

— Подожди, слушай! Здесь узко, ты тут не проехал бы!

Хачикян оглядел арку, не согласился:

— Я проехал бы...

— Что там еще было?

— Около ящика женщина курила...

— Пошли!— Валико выбежал в переулок. Хачикян за ним.

Забегали в следующий двор, там тоже было пусто. Забегали в третий... Там, возле мусорных баков, сверкая никелированными частями, стоял новенький оранжевый ЗИЛ-131.

— Цаватанем!— Хачикян медленно подошел к грузовику и припал губами к металлической ручке. Стоял мороз, и губы Хачикяна мгновенно прилипли к металлу. Он попытался их отодрать. С третьей попытки ему это удалось. Хачикян в сердцах сплюнул на снег.

Возле Донского монастыря по заснеженной мостовой медленно двигалась снегоочистительная машина. Было раннее утро. Машина остановилась, выскочивший шофер подошел к оранжевому грузовику, стоявшему у тротуара. Постучал в окно. Оттуда высунулся заспанный Хачикян.

— Друг, подай назад свой лимузин. Мешает.

Хачикян закрыл окно и завел машину. Проснулся и Валико.

— Что, опять выселяют?— спросил он.

— Нет уж. Здесь я сам себе Хачикян.

Валико пощупал лицо, посмотрел на себя в зеркало. Под глазом расплылся огромный багровый синяк.

...Оранжевый грузовик ехал по Садовому кольцу.

— Мотор послушай. Слышишь?— предложил Хачикян.

— Слышу,— угрюмо отозвался Валико.

— Ничего не слышишь. Это сто тридцатый грохочет. А в сто тридцать первом, как часики: тик-тик-тик... А сиденья какие... потрогай... А в сто тридцатом дерматин... Зад прилипает...

Хачикян затормозил у светофора, спросил у водителя такси, стоявшего рядом:

— Дорогой, гражданская авиация правильно еду?

— Правильно. На Цветном — направо,— сказал таксист.

— Э, Валик-джан,— трогаясь с места, сказал Хачикян.— Зачем тебе эта большая авиация? Поехали со мной. Мама долму приготовит. Долму любишь?

— Нет,— буркнул Валико.

— Это потому, что у вас не умеют готовить. Настоящая долма — это... — Хачикян поцеловал кончики пальцев.

— Может, скажешь, что у нас и сациви не умеют готовить?— хмуро спросил Валико.

Хачикян снисходительно улыбнулся.

— Не говори теперь только, что шашлык тоже грузины придумали.

— А кто? Армяне?

— Знаешь что, дорогой, ты меня извини, но вот в Дилижане на кухне простой кран откроешь — из него вода льется, по вкусу второе место занимает в мире.

— А первое в Ереване, да?

— Нет, первое в Сан-Франциско!

— А Боржоми?!

Хачикян не ответил. Крутанул руль. Прижал машину к тротуару.

— Все. Дальше грузовой движенья нет.

— До свидания,— сухо попрощался Валико. Взял сумку, выскочил из машины, зашагал по тротуару.

Грузовик резко рванул с места, обогнал Валико. Проехал метров двадцать, затормозил. Из кабины вылез Хачикян с покрышкой в руке.

— На! Продай!

— Зачем?

— У тебя денег мало! У меня тоже мало! На!

— Спасибо, не надо! Я позвоню — мне пришлют.

— Ну, пока пришлют, туда-сюда... Продай!

— Нет, Рубик, дорогой, не возьму... Как продам? Кому?

— Пошли! — сказал Хачикян и свернул во двор.

Здесь он принялся внимательно изучать колеса стоящих перед домом «Жигулей».

— Вот,— Хачикян увидел «Жигули» со стертymi покрышками. — Совсем лысые.

У подъезда сидела старушка с коляской.
— Бабушка, чья это машина?— спросил старушку Хачикян.

— Из пятой квартиры, кажись...

— Пошли,— Хачикян вошел в подъезд.

...Хачикян нажал на кнопку звонка, и дверь открыла женщина в шелковом халате.

— Дорогая, нам сказали, вам покрывало нужна,— Хачикян показал женщине покрывало.

— Нугзар! Иди сюда!— крикнула женщина и захлопнула дверь.

— Возьмут!— уверенно сказал Хачикян. Дверь снова отворилась. В дверях стоял седеющий красавец.

— Вот, друг, покрывало тебе принесли... За полцены.— Хачикян показал красавцу покрывало.— Совсем новый.

Красавец увидел Валико и оцепенел.

— Ах, вот ты где!— по-грузински воскликнул Валико.— Теперь ты от меня не уйдешь!

Красавец хотел захлопнуть дверь, но Валико подставил ногу и потянул дверь на себя.

— Тося!— завопил красавец.— Звони в милицию! Он меня убьет!

Зарбазан дремал на дровах, уложенных под школьной лестницей. Услышав стрекот вертолета, поднял рваное ухо, открыл глаза. Над покрытой снегом деревней Таркло летел вертолет. Зарбазан отвернулся и снова положил морду на лапы. К школе на лошади подъехал Исидор Осинаури — почтальон. Не спеша слез, достал из подвешенной к луке седла сумки пухлый конверт.

А в классе уютно потрескивала железная печка. У печки учительница Лали объясняла геометрическую задачу. Третьеклассники сидели за новенькими партами, внимательно слушали.

— Здравствуйте, люди.— В класс вошел Исидор, и ученики встали.— Извините, уважаемая. Помешал?

— Ничего, ничего... Здравствуйте, дядя Исидор. Садитесь, дети.

— Авиа,— прочитал Исидор на конверте.— Заказное. Папишвили Варлааму.— Исидор подошел к Варлааму, положил на парту конверт и квитанцию.— От Мизандари В. К. Распишись вот тут.

Варлаам неторопливо расписался, старательно выводя каждую букву. Вернул квитанцию. Спрятал конверт в парту и как ни в чем не бывало уткнулся в учебник.

В классе стояла тишина. Ученики и учительница с любопытством смотрели на Варлаама. Исидор постоял, обернулся к Лали, потом заглянул в лицо Варлааму:

— Открой!

— Дома открою!— не отрываясь от учебника, ответил Варлаам.

— Не имеешь права,— сказал Исидор.

Варлаам отложил учебник, полез в карман, вытащил перочинный ножик с деревянной ручкой, открыл, почистил лезвие о бьюки. Потом достал конверт, положил его перед собой и аккуратно вскрыл ножом. Класс замер. Варлаам извлек из конверта глянцевого цветной проспект, на обложке которого красовалась гостиница «Россия». На другой стороне проспекта размашистым почерком было написано: «Моему маленькому Варлааму от любящего дяди».

Снедаемые любопытством дети, потеряв горскую сдержанность, окружили Варлаама. Подошла и Лали.

— Разверни,— потребовал Исидор.

Проспект раскрылся, как гармошка, и предстали картинки из роскошной жизни в гостинице «Россия». На самой большой фотографии три нарядные красавицы, сидя на высоких крутящихся стульях возле никелированной стойки бара, заманчиво улыбались в аппарат. Возле каждой красавицы стояли кавалеры с бокалами шампанского в руках.

— Вот Валико,— сказал конопатый Таризл, ткнув пальцем в брюнета в полосатом костюме.

Лали — артистка Русико Морчехадзе

— А где усы? — засомневалась маленькая Тина.

— Сбрил,— объяснил Тариэл.— Здесь все без усов.

Лали отвернулась. И тут увидела Зарбазана, который незаметно проник в класс.

— А ну, пошел отсюда! — закричала она.— Тебя здесь только не хватало!..

Зарбазан покорно повернулся и вышел из класса. Лали захлопнула дверь.

Хмурый конвоир вел Валико по тюремному коридору. Валико, небритый, осунувшийся, шел, заложив руки за спину.

— Стой!— приказал конвоир и открыл одну из дверей.— Сюда!

Комната была узкая, выкрашенная в серый цвет. Наверху — маленькое решетчатое окно. Стол и два стула были привинчены к полу. Сидевшая за столом девушка испуганно смотрела на Валико большими светлыми глазами.

— Садись,— приказал конвоир и вышел.

Присев, Валико посмотрел на девушку. Та сидела ни жива, ни мертва.

— Здравствуйте! — нарушил затянувшуюся паузу Валико.

— Здравствуйте...

— Вы мой адвокат?

— Меня назначили...

— А сколько вам лет?

— Это мое первое дело, и вы имеете право отвести мою кандидатуру и попросить более опытного адвоката.

— Какая разница...

— Ну что вы! Большая разница.— Девушка стала рыться в папке.— Вообще-то, я только выгляжу как девочка. А мне уже двадцать три года... Я на всякий случай записала себе все вопросы. Вот первый: «Валентин Константинович! Что побудило вас совершить этот поступок?»

— Ничего.

— Была у вас раньше неприязнь к Папшвили?

— Нет.
 — А за что вы его избили?
 — Я его не бил. Он в туалете заперся.
 — А люстру разбили?
 — Да. Люстру — да...
 — Почему?
 — Потому что он мерзавец.
 — Вот вы только что сказали, что он мерзавец. Значит, у вас была к нему неприязнь, — обрадовалась девушка.
 — Не было.

— Валентин Константинович! — взмолилась она. — Поймите! Сейчас ваши действия квалифицируются как злостное, циничное хулиганство. Статья двести шестая, часть вторая. И наказываются лишением свободы сроком от одного года до шести. Но если есть причина, факт личной неприязни, то дело квалифицировалось бы как мелкое хулиганство. Двести шестая, часть первая. Там от шести месяцев до года. Понимаете, как это важно?

— Не было никакой неприязни, — сказал Валико.

К дверям народного суда подъехала белая «Волга». Из нее вылезли Нугзар с женой Тосей и уважаемый мужчина. К ним торопливо подошел Хачикян.

— Слушай, земляк... скажи, что пошутил, — взмолился он. — Зачем хорошего человека в тюрьму сажать?

— Ишь, какой умный, — сказала Тося. — А за люстру кто нам заплатит? Она, между прочим, три тысячи стоит. Венецианское стекло...

— Заплатим. Клянусь Альбертиком, через три года все заплатим.

— Опять двадцать пять, — усмехнулась Тося. — Сколько можно повторять. Ни на какие ваши комбинации мы не пойдем. Отстаньте!

...В зале шло судебное заседание. Валико сидел за барьером, его охраняли два милиционера. Народу в зале было немного. Сейчас перед судьями стоял Папишвили.

— Место рождения? — спросила женщина судья.

— Город Телави.

— Где сейчас проживаете?

— Садовая, семь, квартира пять.

— Где работаете?

— На третьей базе.

— Кем?

— Рядовой сотрудник.

— Что вы можете рассказать по поводу данного инцидента?

— В Москве есть станция метро, названная именем Багратиона, — почувствованно начал Папишвили. — Когда я проезжаю мимо, у меня слезы на глазах появляются. И сейчас, когда я смотрю на скамью подсудимых, у меня слезы. Но это другие слезы. Это слезы стыда. Мне стыдно, что я тоже грузин.

Валико усмехнулся.

— Ответайте по существу, — сказала судья.

— По существу: Мизандари ворвался в мою квартиру, злостно и цинично избил меня, браня нецензурными словами.

— И люстру венецианскую разбил! — выкрикнула с места Тося.

— Помолчи! — успокоил ее уважаемый мужчина.

— У меня вопрос к потерпевшему, — сказала адвокат. — Почему вы взяли медицинскую справку не в тот же день, а только двадцать четвертого?

— Некогда было, — сказал Папишвили.

— А почему вы взяли эту справку не в районной поликлинике, а у хирурга другого района?

— Шел мимо и зашел.

— Вы были раньше знакомы с обвиняемым? — спросил лысый заседатель.

— Издалека.

— Была между вами личная неприязнь? Папишвили посмотрел на Валико. Тот отрицательно качнул головой.

— Нет, — сказал Папишвили.

А во дворе суда, беспрерывно дымя папиросой, метался Хачикян. Неподалеку, на скамейке, сидели пожилой мужчина, па-

рень лет двадцати пяти и мальчик лет четырех. Хачикян отбросил папиросу, пошел.

— Друг,— обратился он к пожилому мужчине,— по глазам вижу — ты хороший человек. Там хороший парень погибает, он его пальцем не тронул, а этот...— Хачикян запнулся, посмотрел на мальчика.— Нехороший справку купил, а адвокат совсем маленький девочка — что делают, кому в руки судьбу человека дают! Ей в куклы играть. Как брата прошу, пойдем, дополнительным свидетелем будешь...

— Не могу,— сказал мужчина.— Адвокат — моя дочь.

— А...— Хачикян враждебно посмотрел на мужчину, перевел взгляд на парня.

— А я ее муж,— сказал парень.— Она нас из зала выгнала — стесняется...

— Хачикян! — выглянула во двор девушка-секретарь.— Что я вас по всей Москве должна искать?!

— Слушай, дорогая, зачем волнуешься? Мне сказали: свидетели пусть удалятся, я удалился.— И Хачикян боязливо засеменил к дверям суда.

Возле дверей стояли симпатичный молодой человек в дубленке и милиционер.

— Слушай, друг,— уголок рта, чтобы не слышал милиционер, зашептал Хачикян на ухо молодому человеку.— У тебя глаза хорошие, сразу видно — хороший человек...

К зданию суда подъехал крытый фургон с зарешеченным окошком.

— Поехали! — сказал милиционер и пошел к фургону.

Прикованный к милиционеру наручниками молодой человек в дубленке двинулся за ним. У машины он обернулся к Хачикяну:

— Извини, генацвале, некогда...

...Теперь суд слушал Хачикяна.

— Место рождения?

— Дилижан.

— Где работаете?

— Армтуннельстрой-два. Шофер.

— Что вы можете рассказать по поводу данного инцидента?

— Все могу рассказать. Этот...— Хачикян ткнул пальцем в Папишвили.

— Потерпевший,— подсказала судья.

— Да, потерпевший... открыл нам дверь, а Валико-джан...

— Обвиняемый...

— А обвиняемый ему говорит: «Здравствуй, дорогой». А этот потерпевший говорит: «Извини, я в туалет схожу». А она,— Хачикян показал пальцем на Тосю,— начал кричать: «Милиция, милиция!..»

— Значит, вы утверждаете, что обвиняемый не наносил побоев потерпевшему? — спросил прокурор.

— Конечно, не наносил. Пальцем не тронул, клянусь Альбертиком! Потерпевший заперся в уборной, а обвиняемый не смог дверь сломать.

— Значит, дверь он ломал?

— Зачем ломал?

— Вы сами только что сказали...

— Слушай, дорогой, я русский язык плохо знаю. Просто постучался и сказал, что тоже хочет... Слушай, такие вопросы задаете, что даже отвечать неудобно.

— Ну а люстру он разбил?

— Да. Зачем буду отрицать. Люстру мы разбили. Когда домой пошли, обвиняемый ее случайно крышкой зацепил.

— У меня вопрос к свидетелю,— вмешалась адвокат.— Скажите, испытывал обвиняемый личную неприязнь к потерпевшему?

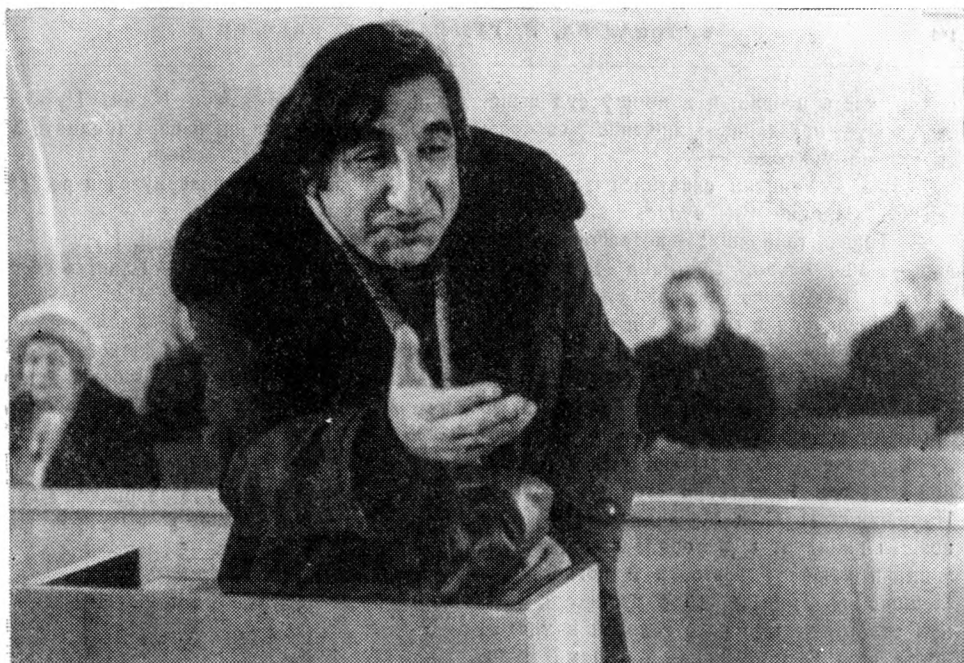
— Как не испытывал? Всегда говорил: «Такую личную неприязнь к потерпевшему испытываю — кушать не могу».

— А вот обвиняемый утверждает, что он не был знаком с Папишвили? — сказал судья.

Хачикян посмотрел на Валико. Тот кивнул.

— Слушайте, откуда знаком? Я же говорю, потерпевший ушел в туалет, а обвиняемый мне сказал: «Рубик, кто это такой? Я его первый раз вижу...»

— Вы сказали, что обвиняемый разбил люстру крышкой. Как она там оказалась? — спросил прокурор.

Рубен Хачикян — артист Фрунзик Мкртчян

— Не разбил, а случайно зацепил.
— Хорошо, предположим... Ответьте на вопрос.

— Мы ему принесли. У него покрышки совсем лысые. Очень опасно ездить. Любители чем думают — не знаю. Всегда аварию делают эти «Жигули». Прямо смотреть на них противно. Под ногами крутятся, крутятся...

— У нас не «Жигули», — крикнула Тося. — У нас «Волга». Врет он все!

— Слушай, не мешай, — рассердился на Тосю Хачикян. — Я тебе не мешал, теперь ты помолчи!

Судья постучала карандашом по графину.

— Чья это была покрышка? — спросил прокурор.

— Моя. Я Сурику купил. А у Валикджан деньги кончились, я хотел продать... чтобы ему одолжить.

— Что же он в Москву без денег приехал?

— Почему без денег? В ресторане туда-сюда закусил, выпил — и кончились.

— Вопросов больше нет, — сказал прокурор.

— Садитесь, — сказал судья Хачикяну. Хачикян сел.

— У меня вопрос к обвиняемому, — лысый заседатель повернулся к Валико. — Вот вы, вроде бы нормальный человек, пришли в квартиру, погнались за гражданином, разломали мебель. Какая-то причина должна быть.

Валико поднял глаза и встретился с напряженным взглядом Папишвили.

— Нет, — сказал Валико.

Папишвили чуть заметно ухмыльнулся уголком рта.

А перед Валико вдруг предстала картина: родная деревня и бегут по желтому полю навстречу вертолету дети в разноцветных рубашонках...

— Таким образом, — заканчивал свою речь прокурор, — действия обвиняемого надо квалифицировать по статье двести

шесть, часть вторая, и я прошу суд вынести меру наказания — лишение свободы сроком на два года.

— Вай! — Хачикян схватился за голову.

Тося злорадно улыбнулась.

— Тише, товарищи! — потребовала судья. — Ваше слово, Светлана Георгиевна.

Робко поднялась девушка-адвокат. Валико сидел уронив голову. Он ничего хорошего для себя не ждал.

— Вот... — Светлана Георгиевна подняла бумагу. — Я послала запрос в районную милицию города Телави и только вчера получила ответ. Зачитываю: «На ваш запрос отвечаю: 15 октября 1967 года между Папишвили Н. С. и Мизандари В. К. произошел инцидент в ресторане Алазани. Мизандари вошел в ресторан и погнался за Папишвили. Поймал его в туалете и мокнул его три-четыре раза головой в унитаз, после чего был задержан органами милиции. Мизандари В. К. отказался дать какие-либо разъяснения по поводу своего поступка. Однако сестра его Е. К. Мизандари рассказала, что в 1965 году она работала под руководством Папишвили на базе № 2 подсобной рабочей. Папишвили Н. С., обещав жениться, склонил её к сожительству, однако обещания своего не сдержал. Е. К. Мизандари в 1966 году уволилась. Сейчас проживает в деревне Таркло, где работает на животноводческой ферме. В том же 1966 году у нее родился сын Варлаам».

— Уф, молодец, цаватанем! — крикнул Хачикян.

Тося вытаращила глаза на мужа.

Валико по-прежнему сидел, низко опустив голову и обхватив её руками.

— Это не мой ребенок, — вскричал Папишвили.

Адвокат с презрением посмотрела на него и передала бумагу судье.

— Прошу приобщить к делу... И еще одна справка. По поводу стоимости люстры. У меня есть заключение эксперта. Эта люстра не венецианского стекла, как утверждает потерпевший. Она изготовлена в Во-

ронже артелью имени Клары Цеткин и продается по розничной цене тридцать семь рублей сорок шесть копеек.

Папишвили резко повернулся к уважаемому мужчине.

— Меня самого обманули, Нугзар! — тот приложил руку к сердцу. — Клянусь честью! Век воли не видать!

...Солнце ярко светило. Таяло, и лужи были светлы от белых облаков. Адвокат Светлана Георгиевна весело бежала, прыгая через лужи. Её ждали родственники с цветами.

— Ну что? — спросил отец.

— Штраф! — радостно закричала Светлана. — Тридцать рублей! С выплатой ущерба!

Родственники кинулись обнимать Светлану.

Оранжевый грузовик мчал по одному из столичных проспектов.

Хачикян барабанил пальцами по рулю и напевал.

— Хороший девочка этот адвокат, — сказал он. — Сразу мне понравилась. Очень сердечный такой...

Валико согласно кивнул.

— Рубик, ты через Красный мост поедешь?

— Да.

— Тогда я там сойду, а оттуда до Телави на автобусе два часа.

— Нет, дорогой, я тебя до самого дома доведу, — сказал Хачикян. — Время у меня есть. Когда этот маленький неприятность случился, я телеграмму дал: «Прошу дать отпуск свой счет».

— Рубик, а где ты все это время жил? — прервал его Валико.

— Как где? Здесь, — похлопал по сиденью Хачикян. — Очень удобно. Я им на завод благодарность напишу... Слушай, а этот кошка где работает?

— Какая кошка?

— Которая в театр не пришла?

— Стюардесса. На международной линии.

— Э... Тогда понятно. Слушай, что ты хочешь... Если женщина каждый день космонавта видит, артиста видит, Петросяна видит, Иштояна видит, — конечно, ты для нее кто такой?

Валико не ответил. Потом сказал:

— Рубик, останови, пожалуйста. Я не поеду.

— Ва, зачем Валик-джан? Что я тебе сказал? — удивился Хачикян.

— Ты все правильно сказал, Рубик. Этот Жебрюнас на два курса младше меня учился. А теперь он её командир. Мой вертолет — три тысячи потолок, и все! А люди на Луну летают. Останови...

— Валик-джан, в жизни есть такие дороги, на которые, если пройдешь мимо, больше никогда не вернешься. Подумай, Валик-джан.

— Нет, Рубик, я решил.

Хачикян прижал грузовик к тротуару.

— Спасибо тебе за все, Рубик, — Валико обнял Хачикяна, взял свою сумку и вылез из машины.

— Подожди! — крикнул Хачикян.

Он выскочил из кабины с покрывком, положил покрывку у ног Валико, потом вскочил в машину и резко рванул с места. Проехал метров пятьдесят, выглянул и крикнул:

— До свидания!

В одном из кабинетов ГВФ мужчина в очках листал папку с бумагами. Задержал взгляд на одной, посмотрел на сидевшего перед ним Валико:

— Так вам же тридцать пять лет...

Валико кивнул.

— Так мы после тридцати пяти лет на переподготовку не принимаем... — мужчина заглянул в папку, — товарищ Мизандари...

— Мне только позавчера тридцать пять лет исполнилось.

— Так надо было прийти хотя бы позавчера.

— Позавчера я сидел в тюрьме, — сказал Валико. — Как я мог прийти?

— Где? — переспросил мужчина.

— В Бутырской, — сказал Валико. — На третьем этаже.

Мужчина вытаращил глаза. Сидевшие за другими столами сотрудники оторвались от своих дел, с интересом уставились на Валико.

— На третьем этаже, — сообщил им Валико. — В восьмой камере.

...Неказистый мужичонка лет сорока воровато огляделся по сторонам, потом подхватил покрывку, которая стояла у стены возле подъезда ГВФ, и пошел.

— Гражданин! — окликнул его милиционер.

— Чего?

— Чья это покрывка? — Милиционер подошел ближе.

— Моя, — уверенно сказал мужичонка.

— А я видел, её тут грузин поставил.

— А, это Автандил, друг мой. В армии вместе служили.

Из подъезда вышел угрюмый Валико.

— Товарищ, — позвал его милиционер, и Валико испуганно вздрогнул. — Это ваша покрывка?

— Нет! — отозвался Валико.

— Я ж говорю, моя, — сказал мужичонка. — Ну, Автандил, я пошел, — сообщил он Валико. — Привет Таризлу!

— Произвел посадку самолет рейсом 936 Тбилиси-Москва — объявил диктор аэропорта «Внуково».

С летного поля в зал вошел экипаж отряда грузинской авиации.

— Простите, — подошел Валико. — Цурцумия сегодня не прилетит?

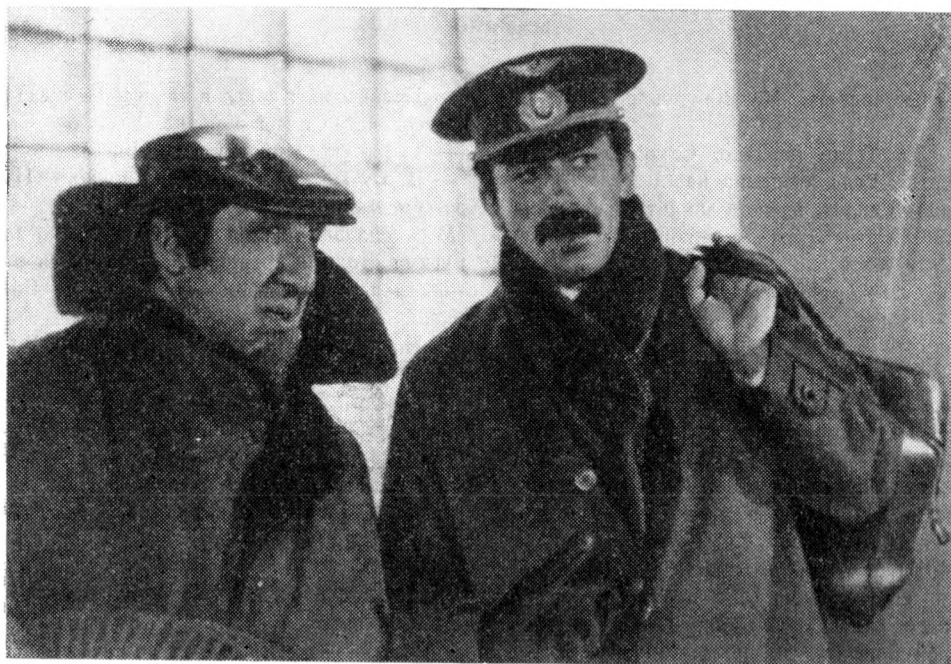
— Жора? — спросила стюардесса.

— Да.

— А что вы хотели?

— Понимаете, я летчик, а у меня билета нет.

— Жора по нечетным. Завтра вторым рейсом.

Кадр из фильма

...В мужском туалете, с ремнями на шее, брились перед зеркалом молодые солдаты.

— Ребята, часы кто-нибудь купит? — спросил Валико, показывая свои именные часы. — Пять рублей...

— Есть часы, — отказались ребята.

— Ну, два... — сбавил цену Валико.

Солдат-узбек заинтересовался:

— Водонепроницаемые?

— Водонепроницаемые, антимагнитные и антиударные.

Солдат взял часы, перевернул, прочел вслух:

— «В. К. Мизандари за мужество, проявленное при спасении 6-й бригады 7-го СМУ». А почему не написано, что антиударные?

— Антиударные, антиударные, — заверил Валико. — Вот смотри. — Он поднял часы и бросил на каменный пол. Поднял. — Видишь?

Узбек полез за деньгами. Второй солдат подошел, взял часы, послушал.

— Да они не ходят.

— Как не ходят?

— Вон секундная стрелка стоит.

Секундная стрелка действительно стояла на месте.

— Теперь не ходят, — согласился Валико. И положил часы в карман.

...К буфету тянулась очередь. Валико стал в хвост. Продавали пирожки, булочки, колбасу и прочую снедь, от вида которой Валико сглатывал слюну.

— Кофе сколько стоит? — спросил Валико, когда подошла очередь.

— Двенадцать копеек.

— А чай?

— Семь.

— Чай хочу. — Валико положил десять копеек.

Буфетчица налила ему чай и дала три копейки сдачи.

— Не надо, — царственным жестом отодвинул монету Валико.

— И мне не надо, — отказалась буфетчица.

Валико забрал три копейки, взял чай и отошел к мраморному столику. Здесь стоял пожилой мужчина без руки, в тулупе, ватных штанах и в валенках. Ел сосиски...

— Свободно? — Валико поставил стакан на стол.

Мужчина кивнул. Потом пристально посмотрел на Валико. А тот достал пачку, вытащил последнюю сигарету, закурил. Мужчина продолжал смотреть с назойливым любопытством. Валико, подхватив стакан, перешел к другому столику. Мужчина подумал, поднял свой деревянный чемодан и пошел следом. Валико отвернулся. И вдруг заметил идущую по летному полю Ларису. Он вздрогнул, взгляделся пристальнее. Нет, это была не Лариса.

— Молодой человек, как ваша фамилия? — спросил мужчина.

— А вам не все равно?

— А что, секрет?

— Секрет, — насутился Валико.

— Костя Мизандари тебе не родственником приходился?

— Отец, — не сразу ответил Валико.

Мужчина придвинулся к Валико и крепко прижал его к себе левой рукой.

— А я вот все гляжу, гляжу... Думаю, что за чудо? Постаревший Костя! — Он отстранился, посмотрел на Валико. — А я Волохов. С твоим батькой летал. Не слышал?

— Нет.

— Ну да... Откуда... Вот на Волгу на подледный лов собрался к ребятам. Хочешь, полетели вместе!

— Нет, спасибо, я домой!

Перед сплошь застекленным зданием остановилось такси. Вылезли Волохов и Валико.

Валико посмотрел на солидный подъезд, на Волохова в валенках.

— Дядя Коля, не надо. Бесплезно все это.

— Нет уж! Чтобы сын Константина Мизандари из-за двух дней... — Волохов ле-

вой рукой открыл дверь солидного подъезда.

— Ваш пропуск, — остановил его вахтер.

Волохов похлопал рукой по карманам.

— У меня с собой только паспорт.

— Дядя Коля, поедем на рыбалку, — предложил Валико.

— А у тебя есть с собой какос-нибудь удостоверение?

Валико вздохнул, полез в карман. Протянул вахтеру удостоверение.

— Проходите, — разрешил вахтер.

— Я с ним, — сказал Волохов. — Он за меня ручается.

В просторной, обитой дубовыми панелями приемной ждали два генерала и трое в штатском с портфелями и папками. Возле высокой двери сидела секретарша.

Вошел человек в сером костюме, и штатские тут же встали.

— У себя? — шепотом спросил секретаршу человек в сером.

— Он по ВЧ разговаривает. Подождите минут пять.

Человек в сером сел и люди в штатском тоже сели.

В приемную вошли Валико и Волохов в свитере, ватных штанах и валенках. На этот раз поднялись генералы и человек в сером.

— Посиди здесь, — велел Волохов и пошел прямо в высокую дверь.

— Куда?! — крикнула секретарша и помчалась следом за Волоховым в кабинет. Вернувшись, сняла телефонную трубку и сказала:

— Нина, два чая.

Валико присел на кончик стула рядом с человеком в сером.

— Иван Сергеевич, кто это? — спросил один из штатских.

— Волохов. Знать надо.

— А... — Штатский закивал головой.

— Простите, так это тот самый Волохов? — спросил Валико соседа.

— Тот самый.

— Ва! — удивился Валико.

— Мизандари! — раздалось по селектору.
— Это вас! Идите! — сказала секретарша Валико.

Он встал и вошел в высокую дверь. Секретарша снова сняла трубку:

— Нина, еще один чай!

Лали ехала верхом на лошади. Сначала она была далеко-далеко, потом близко-близко...

Варлаам сидел дома у окна и смотрел на Лали в бинокль.

— Лали! — позвал с другого склона горы пастух.

— Что?

— Замуж за меня выходи!

— Нет.

— Почему?

— Не хочу?

— Почему?

— Потому!

— Валико улетел и никогда больше не прилетит!

— Никуда он не денется! — закричал из окна Варлаам.

В небе летел роскошный сверхзвуковой лайнер.

Валико в новеньком, тщательно отутюженном аэрофлотском костюме шел по салону. Увидел собачку на коленях пожилой дамы, улыбнулся, почесал собачку пальцем за ухом.

— Скажите, пожалуйста, какая температура за бортом? — спросила дама по-английски.

— Один момент, — тоже по-английски и с достоинством ответил Валико.

Он прошел в подсобное помещение, наклонился к стюардессе:

— Катюша, разберитесь со старушкой. Кажется, она пить хочет.

Войдя в пилотскую кабину. Валико остановился в дверях, окинул внимательным взглядом приборы.

— Что, Валентин Константинович, к штурвалу тянет? — спросил пилот Сергиенко.

— Да, — сознался Валико.

— Ничего, пройдешь стажировку, и сам себе сокол.

Валико вернулся в подсобку, достал бутылку «Боржоми», открыл её о край стойки, ударив по пробке кулаком.

— Валентин Константинович, открывалка же есть, — укоризненно напомнила Катя.

— Извини, дорогая, забыл, — сказал Валико и стал пить «Боржоми» из горлышка, держа бутылку не менее чем в десяти сантиметрах от рта.

— Уважаемые пассажиры! — объявила в микрофон стюардесса. — Пролетаем Копенгаген. Температура за бортом минус шестьдесят градусов. Благодарю за внимание.

Валико посмотрел в иллюминатор. Далеко внизу были облака.

Зал зарубежного аэропорта. Валико нерешительно топтался возле прилавка с сувенирами.

— Что вы хотите? — спросила продавщица по-английски.

— Мне нужен... — начал Валико по-английски, а закончил на грузинском: — крокодил.

— Простите, не понимаю.

— Крокодил, — пояснил он по-русски, потом развел руками и полязгал зубами. — Крокодил!

— Крокодил? — переспросила продавщица.

— Да, конечно. Я хочу очень! — на английском подтвердил Валико.

— Живой или игрушка? — продавщица тоже перешла на английский.

— Не понимаю, — по-английски же отозвался Валико.

— Живой или игрушка? — Теперь вопрос прозвучал на французском.

— Не понимаю! — сказал Валико по-французски.

— Живой! — продавщица перешла на немецкий и хищно поклялась зубами, — или игрушка? — Она показала пальцем на игрушечного коня.

— Игрушка! — радостно откликнулся на немецком Валико.

— Вы говорите по-немецки? — обрадовалась продавщица.

— Нет, только по-английски, — скромно сказал Валико по-английски.

— Поезжайте в Бланд-центр. Там имеются любимые игрушки. Это недалеко — десять миль. Понимаете? — Чтобы было понятнее, продавщица кричала во весь голос.

— Понимаю! — крикнул и Валико. — Спасибо! — Он извлек из кармана маленькую матрешку, протянул продавщице: — Сувенир.

Валико вышел в зал. В динамиках невнятно звучали объявления, пассажиры неторопливо собирались у входа в таможенную. Проехала стюардесса на самокате, плавно отталкиваясь длинной стройной ногой. Валико проводил её взглядом. И вдруг увидел медведя в сомбреро и джинсах, человека с сигарой и маленького медвежонка. Человек с сигарой тащил два больших чемодана. Валико обрадовался.

— Мики! — позвал он.

Медвежонок на мгновение повернул морду и скрылся за стойкой таможни.

— Мистер, вы не хотели бы подписать это? — К Валико подошел нечесаный парень в хламиде и протянул ему какой-то листок.

Валико похлопал себя ладонью по рту, по ушам и помахал рукой, изображая глухонемого.

— Ммм...мм... — промычал он.

Парень вздохнул, свернул в сторону. К его спине был прикреплен транспарант, где на трех языках — немецком, английском и французском — было написано: «Боритесь за однополюю любовь!»

Советский экипаж сидел перед телевизором в комнате представительства «Аэрофлота». Показывали хоккейный матч.

— Андрюша, хочешь в город съездим? — позвал Валико Сергиенко.

— Нет.

— Мне в Бланд-центре купить кое-что надо, а ты город посмотришь. За такси я плачу, — уговаривал Валико.

— Да видел я его двести раз! — отмахнулся Сергиенко.

Валико отошел.

— Владимир Николаевич, можно я в город поеду? — спросил он у командира корабля.

— Поезжайте, — разрешил командир. — Только имейте в виду: вылет в четырнадцать пятнадцать. Время местное.

— Слушаюсь. — Валико вздохнул. — Товарищи, может, кто-нибудь хочет в город поехать?

— Ну давайте я поеду, — без охоты предложила стюардесса Катя.

— Не надо, — сказал командир. — Пусть привыкает самостоятельно ориентироваться в обстановке. Сядет в такси, скажет: «Бланд-центр». Сядет обратно, скажет: «Аэропорт». Справится, не маленький.

Такси мчалось по автостраде мимо гигантских щитов рекламы.

— Кувейт? — спросил водитель, взглянув на Валико.

— Нет. Грузин.

— Не понимаю.

— Кавказ.

Водитель не знал. Тогда Валико достал из кармана матрешку и дал ему.

— А... Рашен, — догадался водитель.

Маленький квадратик льда во внутреннем дворе торгового центра пестрел фигурами катающихся. Вокруг стояли зрители.

Валико с покупкой в руке шел мимо. Любовался. Увидел на задку джинсов одной из зрительниц вышитую подкову. Остановился — вспомнил наказ Ваню.

— Мистер, — обратился он по-английски к человеку в шляпе с короткими полями

и перышком. — Где я могу купить это? — Валико как можно деликатнее показал пальцем на подкову на джинсах зрительницы.

— Не знаю, — холодно ответил тот и отошел.

— Мистер, — потянул Валико за рукав арабчонок лет одиннадцати. — Моя знает. Пошли.

...Они подошли к небольшому ресторанчику, остановились у окна. В пустом зале за столиком сидела густо накрашенная женщина, курила.

— Вот, — сказал мальчишка. — Очень хороший женщина. Двадцать долларов.

Валико улыбнулся.

— Ты меня не понял. Мне нужна... подкова. — Последнее слово он произнес по-русски. — Понял?

Мальчишка огорченно покачал головой. Тогда Валико поднял ногу и как бы прибил к каблуку молотком подкову. Потом как бы вскочил на лошадь, как бы огрел её уздечкой и поскакал.

— Понимаю! — сказал арабчонок. Немного подумал, позвал: — Пошли!

Валико посмотрел на часы.

— Это здесь, внизу, — арабчонок показал пальцем на асфальт.

...В тускло освещенном подвале работали арабы-грузчики. Арабчонок провел Валико по коридору в маленькую комнату. Там, на ящиках, сидел пожилой араб. Курил кальян.

— Ему нужна подкова, — пояснил мальчишка.

— Ковбой? — спросил араб.

Он поднялся, неторопливо перетащил три ящика и в нижнем нашел четыре ржавые подковы.

— Две марки.

Валико заплатил. Еще одну марку дал мальчишке. Потом достал из кармана две матрешки:

— Сувенир.

Тогда араб порывлся в ящике и протянул Валико горсть гвоздей.

— Не надо, — отказался Валико.

— Сувенир, — сказал араб.

...Валико вышел из подвала, пошел мимо телефонных кабинок. Остановился, подумал, посмотрел на часы — время еще было. Он подошел к девушке, сидящей за стеклом.

— Я хочу позвонить в Дилижан. Армения. Советский Союз. Это возможно?

Девушка разобралась в его английском, но отрицательно покачала головой. Валико вышел. Потом, что-то сообразив, снова вернулся.

— А в Телави? — спросил он. — Это возможно?

— О, да!

— Сколько?

— Минута пять марок.

Валико подумал, написал номер и дал телефонистке.

— Пройдите сюда, — показала телефонистка.

Валико прошел в будку, снял трубку.

— Алло!

— Это Анзор? — завопил Валико по-грузински. — Это я, Валико. Кукуша позви!

— Это не Анзор. Это Исхак.

— Все равно! Кукуша быстро позви. Деньги идут!

— Какого Кукуша?

— Это коопторг?

— Подожди! Какой коопторг? Ты куда звонишь?

— В Телави!

— Тебе перепутали! Тель-Авив это! Израиль! Вай-вай...

Ошарашенный Валико помолчал.

— До свидания, — наконец произнес он.

— Подожди, не вешай трубку... Ты в Кутаиси давно был?

— Давно!

Опять помолчали.

— До свидания, — снова сказал Валико.

— Подожди, подожди, не вешай! Слушай, генацвале, скажи мне слова «Фазтонщика». Мотив знаю, а слова забыл. Спрашиваю, никто не помнит.

На съемке фильма. Слева режиссер-постановщик — Георгий Данелия

Валико сосредоточился и пропел:

— Уже светало, по пустым улицам шел старый подвыпивший фаэтонщик. Нет ни фаэтонов, ни лошадей. Фаэтонщик шел и прощался с этим миром...

На другом конце провода было тихо.

— Алло! Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Почему молчишь?

— Плачу!

Валико вздохнул. Посмотрел на часы и торопливо проговорил:

— Алло! Исхак! У меня больше свободных денег нет. Сделай одолжение: позвони в Телави Кукушу и скажи ему, чтобы он позвонил Хачикяну в Дилижан и сказал, что я ему желтого крокодила купил. Телефон Кукуша такой же, как твой. Телефон Хачикяна пять-тридцать два. Позвонишь?

— Если бы у меня свободные деньги были, разве б я здесь сидел, — сказал Исхак.

Валико ехал на такси и с тревогой смотрел на счетчик. Когда счетчик показал 2,60, Валико крикнул:

— Стоп!

Валико бежал по обочине шоссе. Он бежал навстречу щитам «Приобретайте дома»...

...мимо нефтяных вышек,
...по трехэтажной эстакаде.

Мимо леса он уже не бежал, а шел, с трудом волоча ноги. Посмотрел на часы и снова побежал.

...Валико бежал по эскалатору. Потом побежал по залу.

— Мизандари!

Оглянулся. Навстречу шел советский экипаж. Впереди Жебрюнас, за ним Лариса Комарова.

— Что ты здесь делаешь? — удивился Жебрюнас.

— Бегу! — выдохнул Валико.

— Ну, рассказывай! — Жебрюнас пригнулся слушать. И Лариса тоже остановилась и смотрела на Валико.

— В Москве, в Москве... — Валико махнул рукой и побежал дальше.

— Ионас Пранович, — спросила Лариса командира, глядя вслед Валико, — это тот Мизандари, который сокол?

— Он самый.

— Товарищ Мимино! — крикнула Лариса. — Товарищ Мимино!

Валико её не услышал.

— Товарищ Мимино! — Лариса побежала за Валико. — Товарищ Мимино, подождите!

Валико остановился. Оглянулся. Тяжело дыша, смотрел на подбежавшую к нему Ларису. Вытер ладонью пот с лица.

— Здравствуйте, — подбежав, она протянула ему руку. — Я Комарова, нас Жебрюнас в Тбилиси знакомил. Помните?

Валико не ответил.

— Вы, наверное, на меня обижены, — продолжала Лариса. — Только знаете... это вы не со мной разговаривали... Это Вероника, сестра моя младшая. Она вечно всех разыгрывает... Так что не сердитесь.

Валико, вытаращив глаза, смотрел на Ларису. Наконец до него дошел смысл ее слов. Широко улыбнулся и спросил:

— Да?

— Да, — сказала Лариса. И тоже улыбнулась.

— У нас вылет сейчас. Опаздываю, — сказал Валико, по-прежнему улыбаясь.

— А мы только прилетели, — улыбнулась Лариса.

— Я побежал.

— Вы мой голос запомнили? — спросила Лариса.

— Запомнил!

— Теперь не перепутаете? Ну, бегите, — улыбнулась Лариса.

Кукуш натягивал кепку на очередного клиента, когда из мясного магазина напро-

тив выбежал Анзор и заорал на всю площадь:

— Кукуш! Иди к телефону. Международный! Исхак из Израиля звонит!

— Кто? — не понял Кукуш.

— Исхак из Израиля!

— Нету меня, нету! — перепугался Кукуш. — Переучет!

Хачикян, окунувшись в двигатель — из-под капота торчал только его зад, — занимался своим грузовиком. Из стеклянной будки выглянул диспетчер.

— Рубик, — крикнул он. — Тебя между-городняя вызывает.

— Ленинанка?

— Телави!

— Это Валик-джан! — Хачикян торопливо вытирал руки ветошью. — Я ж ему говорил...

— Что? — не понял стоявший рядом механик.

— Умные вещи, — бросил Хачикян, спеша к будке диспетчера.

Взял трубку:

— Валик-джан, здравствуй, дорогой! Как поживаешь? Ах, не ты... А кто? Откуда? Коопторг? Здравствуйте! Что-нибудь случилось? А... Спасибо вам большое, спасибо, дорогой. До свидания!

Хачикян положил трубку, сказал диспетчеру:

— Альбертику купил в Европе крокодила. Желтого.

— Что? — не понял диспетчер.

Хачикян пошел к машине, на полпути остановился, грустно сказал:

— Молодец, Валик-джан.

У машины вдруг набросился на механика:

— Ты чего халтуришь? Если делаешь, делай, как следует?

— Где я халтурую? — обиделся механик.

— Везде! — буркнул Хачикян и полез в двигатель. Покопавшись, выглянул и назидательно сказал механику: — На любую дорогу можно вернуться. Если она правильная.

Синицын — Владимир Басов, Валико — Вахтанг Кикабидзе

Валико сидел за штурвалом лайнера, и гигантская машина была послушна его рукам. Посмотрел на приборы, переключил один из рычажков на панели управления, покосился на сидящего рядом Сергиенко. Тот кивнул — мол, правильно.

— Через год командиром корабля будешь.

— Буду! — согласился Валико.

— Ты вот что... — сказал Сергиенко. — Как прилетим, подавай заявление на однокомнатную квартиру, у нас в городке два дома строятся.

— Почему на однокомнатную? Мне двухкомнатная нужна.

— Двухкомнатную на одного не дадут, — сказал Сергиенко.

— Сегодня один, а завтра... — Валико подумал, сказал: — В Большой театр буду ходить... — Еще подумал: — В музей...

— Уважаемые пассажиры, — зазвучал в динамике голос стюардессы Кати, — пролетаем главный Кавказский хребет. Справа —

Казбек, слева — Эльбрус. Благодарю за внимание.

Повторила то же самое по-английски.

Валико посмотрел вниз. Но там были видны только облака. Валико погрустнел. Повернулся к Сергиенко:

— Спасибо, Вася. Садись.

— Можешь еще, если хочешь, — великодушно разрешил Сергиенко.

— Нет, спасибо. Потом. Сейчас пойду воду выпью.

Уступив место за штурвалом Сергиенко, вышел в подсобное помещение. Достал из ящика бутылку «Боржоми», посмотрел в илюминатор. Открыл «Боржоми» об угол стойки, ударив по пробке кулаком.

— Валентин Константинович, — упрекнула стюардесса Катя, — открывалка же есть.

— А? — Валико оторвался от илюминатора, недоуменно посмотрел на бутылку. — Извини, дорогая...

Поставил бутылку. Сел в кресло. Пробормотал неуверенно:

— В Большой театр ходить буду... В музеи...

— Что? — не поняла Катя.

Валико не ответил. Он думал. Подумав, добавил:

— На коньках научусь кататься...

...И почувствовал ему, что он плавно, под музыку, скользит по пустому зеркальному квадрату катка. Сделав несколько пируэтов, крутится волчком. Все быстрее и быстрее. Вдруг резко затормозил, замер, растерянно глядя перед собой.

И Валико шагнул к плотно задренной двери авиалайнера.

— Мизандари, — раздался мужской голос. — Рябцева, где Мизандари? — спросил у Кати выглянувший из рубки командир лайнера.

Катя посмотрела на кресло, где только что сидел Валико, растерянно воскликнула:

— Вот только что здесь сидел...

— Та-ра-ра-ра, та-ра-ра-ра!.. — вопил Валико на весь Кавказский хребет, спускаясь по покрытой снегом горе. На полпути споткнулся и поехал на задку по снежному склону, стремительно набирая скорость, и затормозил каблуками возле здания аэропорта «Норка-2».

Одноногий Ваню рубил дрова. Из трубы поднимался жиденький дымок.

— Здравствуй, Валико.

— Здравствуй, Ваню, — сказал Валико, вставая.

— Ты почему пешком? — спросил Ваню.

— Нелетная погода... Вай-вай-вай...

— Что, ударился?

— Подковы твои в самолете забыл.

— Ничего... Подковы в Телави завезли, сколько хочешь. Надо было гвозди попросить. Гвоздей нет.

— Гвозди я тебе привез! — Валико вывернул карманы и высыпал гвозди. — Ну, я пошел.

И он зашагал по склону.

— Валико! — крикнул Ваню.

— О!

— У тебя штаны сзади порвались.

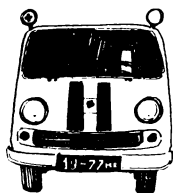
Валико проверил — действительно, порвались.

— Слушай, слева — Казбек, справа — Эльбрус. Такая красота, а ты куда смотришь? — крикнул он.

Вдруг из ущелья донеслось тяжелое дыхание. Валико подошел к краю обрыва, посмотрел вниз.

Внизу, по снегу вдоль горной речки, бежал всклокоченный мужик, прижимая к груди улей. За ним гнался медведь.

ЭНН ВЕТЕМАА, ХАНС ЛУЙК

ИСПЫТАНИЕ НА СОВМЕСТИМОСТЬ

ЭНН АРТУРОВИЧ ВЕТЕМАА (родился в 1936 году) окончил химический факультет Таллинского политехнического института, а затем — композиторское отделение Таллинской государственной консерватории. Член Союза писателей СССР. В 1962 году вышел первый поэтический сборник Э. Ветемаа «Переломный возраст». Им написаны также романы «Монумент», «Усталость», «Маленький реквием для губной гармошки», «Яйца по-китайски». Э. Ветемаа автор литературного киносценария «Маленький реквием для губной гармошки» и нескольких сценариев для студии «Эстонский телефильм».

ХАНС ХАНСОВИЧ ЛУЙК (родился в 1927 году) окончил театроведческий факультет ГИТИСа. Его перу принадлежат пьесы «Звездный час», «И этот парень — я?», роман «Далеко от космодрома» и литературные сценарии нескольких телефильмов.

Фильм по литературному сценарию Энна Ветемаа и Ханса Луйка «Испытание на совместимость» завершён режиссером Вельё Кяспером на киностудии «Таллинфильм».

В Таллине мерзкая погода. То из темных туч мягко и густо валит снег, то налетает ветер и обдает острыми, как иголки, холодными каплями дождя.

Торопятся люди — поскорее бы куда-нибудь под крышу. Только школьникам плохая погода, кажется, даже нравится. Шныряя между прохожими, они азартно ведут перестрелку снежками. Иногда в пылу бея то один, то другой выскакивает на скользкую проезжую часть улицы, по которой автомобили сейчас, днем, вынуждены идти с зажженными фарами.

И возле большого современного здания больницы, отделенного от улицы газонами, кустарниками и старыми деревьями, тоже играют дети. Больничному «Москвичу» не так-то просто проехать между играющими ребятишками. То и дело приходится резко тормозить. Наконец «Москвич» останавливается у главного входа. Водитель вылезает, небрежно захлопывает за собой дверку и входит в здание.

В раскрытое окно больничного коридора влетел снежок и шлепнулся на пол. Молоденькая санитарка, как раз протиравшая там подоконник, вздрогнула. Увидев знакомого солдата, санитарка схватила с пола снежок, бросила в солдата. В тишину коридора с улицы ворвалось громкое «ура» и взрыв смеха играющих школьников. Солдат вытряхнул снег из-за ворота — попадание было точным — и нагнулся, чтобы слепить новый снежок. Когда он поднял взгляд, чтобы прицелиться, в оконном проеме стояла пожилая сердитая медсестра. Окно хлопнулось.

В больничном коридоре молоденькая санитарка пожалла плечами и включила пыле-

сос. Сестра тотчас же выдернула вилку из розетки и, приложив палец к губам, кивнула на дверь палаты, возле которой они стояли.

— Тут протирай тряпкой! — шепотом велела она.

Та дерзко сморщила нос. Тогда сестра выхватила из рук девушки тряпку и стала сама протирать пол, неловко расставив ноги с набухшими венами. Растерянной санитарке оставалось только следовать за усердно орудующей сестрой, держа в руках пылесос. Провод пылесоса хвостом волочился по полу.

— Так. Дальше можешь пылесосом... — тяжело дыша, проговорила сестра.

Солдат по-прежнему стоял внизу, на улице, переступая с ноги на ногу. Вороник поднят, руки глубоко в карманах.

...Торопливо поднявшись по лестнице, водитель «Москвича» прошел по длинному коридору, перескочил через трубу пылесоса, которым санитарка усердно возила взад-вперед по полу, свернул в коротенький тупичок, где медсестра только что поучала санитарку личным примером, и остановился перед дверью единственной здесь палаты. Оттуда вышла сестра.

— Машина нам сегодня не понадобится, — сказала она вполголоса. — Дежурный врач скажет тебе, куда ехать.

— Профессор велел мне явиться, — пожал плечами водитель.

Сестра недоверчиво взглянула на парня, но все-таки уступила дорогу.

...Главврач больницы профессор Тальвик в байковом халате сидел в кровати, опираясь спиной на подушки, и делал какие-то заметки в толстой тетради, которую держал на коленях. Тальвик — мужчина ши-

рококозный, но болезненно худой. Суровое, мужественное и как бы безвозрастное лицо; вокруг губ морщины — возможно, это след усталости или затянувшейся тяжелой болезни. Но лицо профессора постоянно сохраняет почти неуловимую усмешку.

— А-а, Сильвер! *Воп jour!* — Тальвик поднял голову и указал на стул.

Водитель сел. Тальвик спросил что-то по-французски. Сильвер ответил тоже по-французски, временами запинаясь, подыскивая слова.

— Начинает получаться! — похвалил Тальвик. — Правда, произношение...

— *Oui, mon professeur,* — согласился Сильвер.

Последовала долгая пауза.

— Неужели вы позвали меня только для того, чтобы поупражняться со мной по-французски? — спросил Сильвер подчеркнуто непринужденно.

Тальвик поискал что-то в выдвижном ящике тумбочки.

— Будьте так добры и съездите туда еще раз... Это, конечно, не входит в ваши обязанности, но... ведь вам, кажется, нравится бывать там. Там хорошо, тихо. — Выражение лица Тальвика было совершенно серьезно, но Сильвер неожиданно насторожился. — Хорошо бы и камин там протопить, чтобы книги не начали плесневеть. — Тальвик наконец нашел ключ, который искал, и протянул его Сильверу. Затем взял со стола листок с каким-то списком.

— А эти привезите сюда. Они мне нужны... — Тальвик еще что-то дописал на листке и отдал его Сильверу.

— Я вам их вечером привезу, хорошо? — поднялся Сильвер.

— Завтра утром! Или... еще лучше — в воскресенье. — Тальвик улыбнулся. — Ах, да... Не помню, вытащил ли я лодку на берег...

— Я ее вытащу.

Сильвер вышел из палаты. По коридору навстречу ему шел мужчина в белом халате. Сильвер молча показал ему полученный

от Тальвика ключ и спустился по лестнице.

А врач направился в ординаторскую. Здесь доктор Ганнибал Мельтс, энергичный, спортивного вида мужчина в расцвете сил, снял халат и повесил в шкаф.

— Машина уже пришла? — спросил его коллега, доктор Юхан Пуудерсель, внешность которого свидетельствует о добром сердце и мягком характере.

— Сегодня пойдем домой пешком. Старик послал Сильвера к себе на дачу, — ответил Мельтс.

Доктор Мельтс из тех людей, которые ни минуты не могут сидеть без дела. Он тут же принялся налаживать дверку шкафа, чтобы она закрывалась как следует, затем сорвал листок с настенного календаря, скомкал его и бросил в корзину для бумаг.

— Снова послал за литературой? — Пуудерсель неторопливо поднявшись, аккуратно раскладывает «истории болезней».

— Х-м, — Мельтс причесывался перед зеркалом. — И знаешь, что ему понадобилось? Микробиологические журналы за последние пять лет!

Мельтс пошарил рукой в шкафу, найдя щетку, принялся чистить пиджак.

— Словно ему еще жить да жить. Силен мужик! — восхитился Пуудерсель.

— Мне начинает действовать на нервы эта почка у нас в холодильнике. Все-таки хоть какая-то возможность! — Мельтс со стуком бросил щетку на шкаф и шагнул к столу. — Что он сегодня себе выписал?

Пуудерсель указал на рецепт, который положил на стол на видное место, чтобы дежурная сразу увидела.

— Н-да-а... во всяком случае, он себе иллюзий не строит... — пробормотал Мельтс.

Пуудерсель, взяв под мышку со стола стопку «историй болезней», вышел из ординаторской. Мельтс последовал за ним.

...В дверь палаты Тальвика стучат и сразу входят оба врача. Лица у них сейчас напряженно-веселые.

— Ваши вчерашние анализы более-мнее... — начинает Пуудерсель.

Сильвер — артист Вяйно Уйбо

— Оставьте, Пуудерсель. И что за охота вам заниматься самообманом... — дружески останавливает его Тальвик. — Это вы мне принесли? — Тальвик берет у Пуудерселя «истории болезней». — Премного благодарен.

Врачи нерешительно переминаются с ноги на ногу.

— Ладно. Садитесь я вам и не предлагаю. Топайте, ребята, домой. — Тальвик решительно подталкивает их к двери. — Вас дома ждут. Мне тут скучно не будет. А если станет скучно, я вам позвоню.

Врачи молча жмут Тальвику руку и уходят.

Снаружи слышно завывание стартера. Тальвик подходит к окну и видит, как удаляется между деревьями «Москвич» Сильвера. Взгляд у профессора грустный и упрямый.

Грохочут ткацкие станки.

С цевков бегут нити, перекрещиваются, переплетаются в бесконечную ткань. Между

рядами станков движутся усталые, но все же веселые девушки.

Кончается смена.

Со стены цеха глядят на вас два больших фото. Фотограф заводского бюро рекламы Тууз только что водрузил их на стену с помощью двух рабочих. Не останавливаясь, девушки рассматривают фото. На одном — макет сверхсовременного завода, на другом — будущий внутренний вид сооружаемого цеха.

Фотограф Тууз останавливает одну из девушек, проходящих мимо него, обнимает ее за плечи, что-то говорит на ухо. Девушка в тоненьком рабочем халате, прилипшем к голому телу, спокойно освобождается от объятий фотографа.

— Я и так слышу.

— Может быть, на завтра?

— Некогда.

— А в воскресенье?

Девушка исчезает между машинами.

— Звал в ателье? — интересуется Алла, маленькая толстуха с любопытными гла-

зами. — Что он воображает, самому уже за сорок!

— Не мели! — морщит нос первая. — Он хочет сделать снимок для фотовыставки.

Действительно, эта девушка — все тут зовут ее Дебс — красивее остальных в цехе. Толстушка все же недоверчиво качает головой.

— Надо же! Абсолютно свободный мужчина с квартирой, дачей, машиной... даже алиментов никому не платит... — с иронией говорит третья подруга, высокая костлявая Эпп, незаметно подошедшая к двум беседующим. — Позвал бы меня! Со спины я выгляжу совсем неплохо!

Посмеиваясь, девушки расходятся.

Звучит сигнал конца смены. Одна за другой работницы устремляются в окутанную паром душевую.

— Дебс, поторопись! — разносится по душевой громкий голос Аллы. — Карета подана!

— Ух ты! — восклицает Эпп. — Какой парень! С ума можно сойти! Точь в точь вылитый Яак Йоала, верно?

Сильвер в это время уже вышел из «Москвича» и протирает ветровое стекло.

Стеклянные двери фабрики непрерывно открываются и закрываются. Группами выходят девушки-работницы, толпятся у афиш, наклеенных на длинном заборе, весело обсуждают, куда пойти вечером. Матери семейств с сумками и авоськами, набитыми провизией, не задерживаются у афиш, а спешат через дорогу в фабричный детский сад, где их уже ждут малыши. Пожилые работницы, выйдя на улицу, раскрывают под навесом зонтики и осторожно, бочком, спускаются по мокрым ступенькам.

Дебс, Эпп и Алла появляются в вестибюле, когда большая часть смены успела уже покинуть его. Сквозь стеклянные двери Сильверу видно, как к девушкам подходит безукоризненно одетый мужчина среднего возраста с фотокофром через плечо, галантно помогает каждой надеть пальто, приподнимает, прощаясь, шляпу и выходит на улицу. Он идет к стоянке машин и, по-

дойдя к своим «Жигулям», смахивает перчаткой снег с ветрового стекла.

Девушки идут к выходу. Дебс немного отстала: никак не может справиться с застежкой на куртке.

— Дебс! Что ты там застряла? — кричит ей от двери Алла и машет рукой Сильверу, как старому знакомому.

Дебс наконец застегивает куртку, делает полный поворот перед большим зеркалом: все ли в порядке? С зеркала смотрит девушка с круглым и по-детски гладким лицом, накрашенным не по возрасту. Дебс довольна своим видом. Махнув на прощанье подругам, бежит по слякоти к «Москвичу» Сильвера. Подруги поднимают воротники пальто и направляются к трамвайной остановке.

Ссутулившись от долгого ожидания, Сильвер сидел в машине. Когда Дебс шутиливо поцеловала его сквозь мокрое ветровое стекло, он в ответ лишь пошевелил губами. Дебс прыгнула в машину на сиденье рядом с ним, и «Москвич» с сердитым ворчанием тронулся.

Дебс то и дело поглядывала на Сильвера в ожидании хоть малейшего внимания, но парень смотрел только прямо вперед. Конечно, улицы скользкие и ехать нужно осторожно, но все же...

— Ой, останови! — вдруг воскликнула Дебс.

Сильвер молча остановил машину возле шляпного магазина.

— Пойдем, поможешь выбрать! — Дебс потащила его за рукав.

Дебс рискует: примерять шляпы — это зрелище может либо разозлить Сильвера, либо рассмешить его, но расчет ее оказывается верным. Она примеряла лишь вторую шляпу, когда Сильвер, усмехаясь, протянул ей третью:

— Попробуй-ка эту!

— Молодой человек, вы очень похожи на одного знаменитого певца... — церемонно обернулась к нему Дебс. — Мое имя Дебора!

На Сильвера высокомерно взирала незнакомая дама. До чего же шляпа может изменить женщину! А Дебора уже примеряла новую.

— Может быть, тебе больше нравятся толстухечки? — шебетала она. — Пожалуйста!

Лицо ее внезапно округлело, а сама она вдруг стала ниже ростом.

— Или ты предпочитаешь блондинок? — И она сняла с подставки темную шляпу, на фоне которой ее пышные волосы стали казаться золотистыми.

— А может, брюнеток? — продолжала Дебора, пристравив на голове белую шляпу. Теперь ее волосы, особенно после того, как она отодвинулась в тень, стали казаться совсем темными.

Продавщицы перешептывались и улыбались, а покупательницы, похоже, забыли, зачем они пришли в магазин.

Сильвер с изумлением смотрел на Дебору. Он был восхищен.

— О-о! «Ведро на голове... одна нога бо-сая...» — пропела она, напялив на голову шляпу-страшилище.

Сильвер хохотал.

Внезапно оба заметили, что остальные покупательницы перестали выбирать шляпы и с интересом следят за представлением.

Дебс несколько смущена, секунду-другую она еще не выпускала шляпу из рук, потом ловко накинула ее на вешалку и довольная собой выпорхнула из магазина. Сильвер последовал за ней.

...Едут не спеша: гололед. Но уже видно за деревьями море. Зима теплая, лишь у берега держится узенькая полоска льда. Подальше, там, где из воды высовываются заснеженные валуны, на которых сидят чайки, море свободно.

Дебс обняла Сильвера за шею. Сильвер нежно наклонился к ней.

Пальцы Дебс нащупали в его нагрудном кармане какую-то бумажку.

— Письмо?

— Угу! — Сильвер важно кивнул.

— И кто же тебе пишет?

Дебс вытащила бумажку. Там какие-то слова по-французски и транскрипция. Дебс попыталась прочесть.

— Что это значит? — спросила она.

— Жду завтра в пять часов в кафе «Таллин».

— А на самом деле?

— Бензозаправочная станция. Коробка — аптечка первой помощи. Мост. Покажи-ка, что там еще..

— О-о! Мусье собирается в Париж.

— А вы имеете что-нибудь против, мадемуазель?

— Честно? — Очевидно, этот разговор они вели не впервые. — Если ты действительно перейдешь на международные перевозки, я буду как жена моряка — полжизни в одиночестве.

Сквозь падающий снег навстречу двигался караван автофургонов.

...В сгущающихся сумерках «Москвич» остановился перед дачей профессора Тальвика. Снегопад постепенно стихал.

Сильвер аккуратно запер дверки машины и оглянулся по сторонам: где Дебс? Увидев, что та сходит с берега на лед реки, закричал:

— Дебс! Ты что, с ума сошла? Возвращайся! Назад!..

Дебс помахала и прокричала ему в ответ:

— Погляди, всю зиму не замерзало, а теперь лед прочный.

И тут же она заметила, что перед ней полынья, которую коварно замаскировал только что выпавший снег. Лед под ногами девушки прогибается, трескается. Она испуганно отступила, но тут же остановилась — позади нее лед тоже покрыт водой. Дебс вскрикнула и, затанв дыхание, в ужасе побежала к Сильверу, который уже спешил ей навстречу.

Девушка, дрожа, бросилась в объятия парня. Сильвер успокаивающе погладил ее по голове, а она страстно, отчаянно вдруг стала целовать его. Похоже, они забыли, что здесь же, на берегу, их ждет кров — они стояли прямо в разведенном оттепелю

сугробе, а большие белые хлопья падали на их волосы, плечи, спины...

У берега виднелась засыпанная снегом, вмерзшая в лед лодка.

Дебс такая девушка, что куда бы она ни вошла, сразу заполняет собой помещение. И с этим серьезным промерзшим домом (по всему видно, что здесь давно никто не бывал) произошло то же самое. Дебс сбросила с ног сапожки, нашла под диваном мужские домашние туфли, отороченные мехом. В них она выглядит довольно мило, но немного комично. Скинув куртку на спинку стула, бросилась разжигать камин. Мимоходом успела включить на полную громкость радиолу, взглянуть в зеркало и поправить прическу. Все лампы должны гореть, все инструменты звучать, поэтому включается и маленький телевизор.

— Найди спички... Здесь холодно, как в волчьей норе.

Сильвер, встав на стул и держа перед собой список, выскивал на полках книги и журналы. Бросил Дебс спички, и взгляд его остановился на домашних туфлях, надетых девушкой. Лицо его помрачнело, он хотел что-то сказать, но раздумал.

Дебс старательна, но неопытна—поленья в камине никак не загораются.

— Помоги же мне!

— Сейчас.

Сильвер прыгнул со стула, держа стопку книг.

— Что он читает? — на мгновение заинтересовалась Дебс. — Ох, какая-то скучная архитектура... — разочарованно пробормотала она, полистав одну книгу. — Ну иди же сюда.

Сильвер заново сложил поленья, добавил бумаги, чиркнул спичкой. Ясно, что теперь огонь в камине разгорится. Сильвер и Дебс, прижавшись плечом к плечу, присели на корточках перед камином. Сильвер отстранился едва заметно, но от внимания Дебс это не укрылось.

— Что с тобой?

— Ничего.

— Нет, что-то есть...

В камине гудел огонь, отблески пламени играли на стенах и книжных полках.

— Может быть, мы тут в последний раз, — помедлив, сказал Сильвер.

— Почему? Разве он что-нибудь подозревает?

— Дело не в том. — Голос Сильвера звучал серьезно.

— А в чем же?

— Он совсем плох...

— Да-а-а... Когда-нибудь все мы там... — проговорила Дебс задумчиво. Но она не умеет долго печалиться и с произвольной жестокостью молодого, здорового существа произносит уже другим тоном: — Но до этого еще много-много времени. Да, Сильвер? — Она касается пальцев Сильвера. — Слушай, давай подвинем диван поближе. Я хочу смотреть на огонь. Огонь — удивительная штука...

Они подвинули диван ближе к камину. Сильвер возвратился к книжным полкам — надо еще кое-что найти, Дебс осталась любоваться огнем.

— Мне так нравится глядеть на огонь. Иди сюда...

Сильвер послушно подошел, сел рядом.

— Знаешь, когда-нибудь у нас тоже будет такая... — задумчиво сказала Дебс.

— Что такая?

— Дача, конечно. И камин. Ты выучишь язык и начнешь ездить за границу, и...

— Такая дача стоит больших денег.

— Накопим! — Дебс была сама уверенная.

Взгляд Сильвера снова остановился на мужских домашних туфлях.

— Сними их.

— Почему? — капризно скривилась Дебс. — Пол такой холодный.

Но тут же догадалась и, поджав ноги под себя, беспокойно сбоку взглянула на Сильвера — ей страшно хотелось его утешить.

Дебс — артистка Аида Зарс

Вдруг Дебс что-то вспомнила, проворно пробежала через комнату, достала из шкафа початую бутылку вина и налила в стакан.

— Выпей.

Сильвер качнул головой.

Вино играло в стакане. Дебс отхлебнула и поставила стакан на пол возле дивана.

— Ох ты, моя милая! — Сильвер нежно обнял девушку. Нет, напрасно он обидел сегодня эту озорницу, которой так хочется, чтобы он был в хорошем настроении. — Послушай, а те туфли целы?

— Какие туфли? — спросила Дебс, но быстрота ее реакции выдает, что она сразу же догадалась, о чем идет речь.

— Ну там, в витрине. Ты говорила, что они подошли бы к белому платью...

— Да, наверное, целы. Мама обещала подарить мне их к свадьбе.

— Что же, постараемся дать ей повод для подарка... Или... А что ты об этом думаешь?

Дебс порывисто обняла Сильвера. Языки пламени в камине вдруг взметнулись вверх.

— Ах! — неожиданно воскликнула Дебс. Ее что-то укололо. Дебс нащупала острый предмет — серебряную запонку. — Ах ты... ревнивая запонка! — прошептала Дебс.

Пылают поленья в камине.

С каминной доски смотрят две пожелтевшие фотографии — маленький серьезный мальчик и его улыбающаяся мать в шляпе, какие были модны в двадцатые годы. У мальчика странные, запоминающиеся глаза.

Сильвер старательно шуровал кочергой в золе, чтобы не осталось ни одного горячего уголька, затем закрыл вьюшку. Дебс уже ушла с книгами в машину.

Запирая дачу, Сильвер вдруг услышал, как взвыл стартер и заработал мотор. Он был доволен тем, что девушка догадалась прогреть мотор. Но туг машина дернулась

и, завывая мотором, тронулась с места. Не на шутку перепуганный Сильвер, тяжело дыша, кинулся следом.

— Останувиси! Дорога, как стекло!

К счастью, уже перед воротами дачи «Москвич» соскользнул передними колесами в сугроб, а задние колеса забуксовали на мокром снегу.

— Позволь наконец мне хоть немножко... — по-кошачьи мурлыкала Дебс, скользя на соседнее сиденье. Сильвер отряхнул от снега куртку и молча сел за руль.

— Иногда мне кажется, словно ты на много-много лет старше меня, — задумчиво проговорила Дебс, когда они уже ехали по шоссе.

— Так и есть. Почти на два года, — Сильвер воспринял ее замечание как похвалу. — За год можно успеть... прочесть сто книг или... подготовиться к экзаменам на водителя первого класса.

Дебс закрыла глаза. Она горда, что у нее такой деловой, трезвый друг, но иногда ей хочется, чтобы Сильвер вдруг сказал какую-нибудь глупость или сделал что-нибудь такое... из ряда вон выходящее.

...Когда Дебс открыла глаза, машина уже катила по городу.

— Куда мы поедем? — спросила девушка.

— Я отвезу тебя домой.

— Не хочу домой! — капризно выкрикнула Дебс. — Ты давно обещал повести меня на танцы!

Лицо Сильвера не выразило особого восхищения, но он послушно развернулся.

«Москвич» выехал на виадук. На миг горб виадука закрыл обзор, затем машина оказалась на вершине подъема и... Все дальнейшее произошло столь же неожиданно, сколь и неотвратимо.

С противоположной стороны на виадук выбежала группа школьников. Они во что-то играли. Один из мальчишек неожиданно выскочил на проезжую часть, споткнулся и... Водитель самосвала резко тормознул, тяжелую машину вынесло на противоположную сторону, и она врезалась в «Москвич» Сильвера. Потеряв управление,

«Москвич» пробил металлическую ограду виадука, и не задерживаясь рухнул вниз.

Из кабины самосвала выскочил водитель, седой пожилой человек. Он бросился к ограде и тут же отскочил назад, вытирая тыльной стороной ладони лоб. Потом торопливо направился было к будке телефона-автомата, виднеющейся на углу улицы. Но заметив, что какой-то молодой человек уже бежит к телефону, схватил дрожащего с перепугу мальчишку, приятели которого сбились в кучу и не осмеливались приблизиться.

— Вы видели? — Срывающимся голосом водитель самосвала начал все объяснять собравшимся вокруг людям. — Мальчишка прыгнул прямо под колеса. Я затормозил. Я вынужден был... Я двадцать лет за рулем... ни одной аварии...

Вокруг самосвала, стоящего поперек дороги, собралось все больше народу. Некоторые перегибались через уцелевшую часть ограды виадука и смотрели вниз. По выражению лиц этих людей можно было понять, сколь жуткая картина открывалась перед ними.

Юхан Пуудерсель, в рубашке и без галстука, сидел на кухне. На столе бутылка водки и закуска. В приоткрытую дверь была видна жена Юхана, которая, приглушив телевизор, смотрела выступление какого-то модного ансамбля. На руках она держала двухлетнюю дочь. В мягком свете настольной лампы склонился над учебником сын. Юхану хотелось бы немного расслабиться — как-никак конец недели, но у него беспокойный гость, коллега Ганнибал Мельте, живущий по соседству. Мельте свой человек у Пуудерселей, но сейчас он явно злоупотребляет гостеприимством Юхана.

— Это же невыносимо! Сидеть сложа руки! — сердился Мельте. — Старика с каждым днем все хуже. — Одним глотком Мельте осушил рюмку, вскочил и начал ходить взад-вперед по кухне. — А мы толь-

ко наблюдаем. Ты тут занимаешься черт знает чем! Какой же ты обжора! — Театральным жестом он указал на стену над плитой, где висела вызывающая почтение коллекция никелированных молотков и других хирургических инструментов, наводящих на невеселые мысли. — Я хожу на спектакли выпускников «Гаудеамус». «Виват академия, виват профессорес!» Да здравствует, за здравствует... В то самое время, как наш профессор... — Мельтс незаметно перешел на крик, но тут же понизил голос: — Смешно, да?.. Сентиментальность!.. Но до тех пор, пока душа еще держится в человеческом теле, должна быть какая-то возможность!..

Школьник в соседней комнате, оторвавшись от учебника, наблюдал за Ганнибалом. Жена Юхана встала с кресла и тихонько прикрыла дверь.

Ганнибал на миг затаил, сел, налил в рюмку водки, выпил.

— Что ты мне душу терзаешь! — Юхан тоже отхлебнул, но видно, что через силу. — Что же я, по-твоему, должен делать? Может, мне следует кого-нибудь убить?

— Есть же у нас одна почка.

— Та, что в холодильнике?.. — В голосе Юхана проскользнуло неодобрение. — Но ты же знаешь... С такой совместимостью рисковать...

— У нас нет выбора! И времени нет! — перебил Ганнибал, снова позабыв, что следовало бы говорить потише.

В передней звякнул телефон. Ганнибал вскочил, бросился из кухни в переднюю, приподнял и тут же опустил трубку.

— Ты просто боишься рискнуть! — продолжал он, вернувшись и остановившись прямо против Юхана. Поза у него была вызывающая.

Телефон зазвонил снова. И снова Ганнибал бросил трубку.

— Старик с каждым днем слабеет, скоро его нельзя будет оперировать! — крикнул он.

— Совместимость очень плохая, и для приспособления... — тихо покачал головой

Юхан. — Это будет не риск, а преднамеренное убийство.

И опять звонок телефона. Ганнибал машинально протянул руку, направляясь в переднюю, но на сей раз жена Юхана опередила его.

— Оставь телефон в покое! Может быть, это мне звонят. — Она взяла трубку. — Да... Кто? Извините, не расслышала. — Она закрыла дверь из передней в кухню.

— Какой-то шанс все же есть, — настаивал Ганнибал. — Скажем, один из ста.

Юхан грустно покачал головой.

— Ну из тысячи. Из десяти тысяч!

— Может быть, один шанс из миллиона, — попытался охладить друга Юхан. — Но и тот...

В этот момент жена Юхана открыла дверь, поманила рукой мужа.

— Тебя. Из больницы.

— Черт побери! Ни днем, ни ночью не дают покоя... — ворчал Ганнибал, пока Юхан шел к телефону.

Минуту спустя Юхан крикнул из передней Ганнибалу:

— Поехали!

Однако Ганнибал даже не шевельнулся. Тогда Юхан схватил его за руку, затащил в ванную и сунул его голову под кран с холодной водой.

— Быстро! Дежурный хирург на операции, срочно требуется наша помощь!

— Что там такое? — отфыркивался Ганнибал.

— Жертва автомобильной аварии. Опасаются травмы мозга.

Жена Юхана торопливо вытирала Ганнибалу волосы.

— Мне сейчас как раз только и копать в чужих мозгах! — продолжал ворчать тот, уже спешно натягивая пальто.

— Кому же еще, кроме тебя?! Или ты уже не Ганнибал Мельтс?

Услыхав с улицы сигнал автомашины, они быстро вышли.

«Скорая помощь» с воем неслась по городу, и молодежь, спешившая к Дворцу

культуры на танцы, испуганно отскакивала в сторону. Ветер утих, красиво падал густой снег, покрывая следы от протекторов.

«Скорая помощь» остановилась у больницы. Пуудерсель и Мельтс торопливо вышли из машины и устремились в здание. По лестнице первым поднимался Мельтс, бодрый, энергичный, как всегда.

...Тщательно отмывая руки, Мельтс отдавал лаконичные распоряжения:

— Анализы! — Скосив глаза на какую-то бумагу, которую держала перед ним сестра, добавил: — Оставьте здесь. Родственникам сообщили?

Сестра кивнула и подала ему резиновые перчатки.

Над операционным столом зажегся яркий свет.

...В сумеречном коридоре больницы, у двери в операционную, сидела на скамье встревоженная женщина, чем-то похожая на Дебс. Когда хирурги в сопровождении сестер проходили мимо нее, она вскочила и хотела что-то спросить, но ни у кого не нашлось времени выслушать ее. Она снова опустилась на скамью — маленькая и несчастная в пустом вечернем коридоре. Это Дора Сейн, мать пострадавшей.

...Свет над операционным столом погашен, в операционной идет уборка. В помещении рядом с операционной Пуудерсель и Мельтс вытирают руки. Оба сильно устали.

— Честно говоря, — вздохнул Пуудерсель, — был момент, когда я уже потерял надежду. Ты вернул ей жизнь!

— Мы только оттянули конец на несколько часов.

— Думаешь?

— Хотелось бы мне ошибиться, — угрюмо обронил Мельтс и, заметив, что Пуудерсель улыбается, добавил: — Одного оптимизма тут недостаточно.

По длинному больничному коридору шли дежурная сестра и женщина, ждавшая возле операционной. Сестра открыла дверь ка-

бинета главного врача, пропустила впереди себя женщину.

— Зачем вы сюда меня привели? Я хочу к ней! Я хочу ее видеть!

В кабинете появились Мельтс и Пуудерсель.

— Мать пострадавшей, — кивнула на женщину сестра и вышла.

— Садитесь. — Пуудерсель подвинул стул.

Женщина качнула головой.

— Почему меня не пускают к моей дочери? Я хочу видеть дочь!

Мельтс и Пуудерсель обменялись взглядами. Пуудерсель мягко взял женщину за плечи и подвел к стулу. Она беспрекословно села.

— Что с ней? — Мать смотрела то на Пуудерселя, то на Мельтса.

— Мы ее прооперировали, — сухо сообщил Пуудерсель.

— Несмотря на то, что состояние вашей дочери крайне тяжелое, — добавил Мельтс.

— Мы даже не знаем всего, потому что она так и не приходила в сознание.

Мать едва заметно кивнула. Глаза ее наполнились слезами.

— Пожалуйста... простите... но... не могла бы я ее повидать? — Губы ее дрожали, она хотела встать, но Пуудерсель удержал ее, положив руку на плечо.

В этот момент Пуудерселя вызвали из кабинета. Женщина бросилась за Пуудерселем:

— Он пошел к ней!

— Постарайтесь взять себя в руки! — Остановил ее Мельтс, и она снова села. Слезы катились у нее по щекам.

— Я же ей говорила... сколько раз говорила... не бегай за этим парнем... не доведет это тебя до добра... ему лишь бы мчаться на своей машине... — Мать всхлипла.

Мельтс накапал в мензурку что-то успокаивающее и, налив воды из графина, протянул Доре.

— Выпейте. Это был просто несчастный случай.

Дора, мать Дебс, — артистка Ита Эвер, Тальвик — артист Хейно Мандри

Дора, похоже, и не видела протянутую мензурку и, очевидно, не слышала обращенных к ней слов.

— Сколько раз я ей говорила... по-доброму... и наказывала...

В дверях появился Пуудерсель:

— Вы хотели видеть дочь?

В реанимационной палате нет никого, кроме молодого практиканта и процедурной сестры, которые, не отрываясь, следят за многочисленными приборами и аппаратами, соединенными трубочками и проводами с неподвижной фигурой, лежащей на столе. Лица лежащей почти совсем не видно, голова вся забинтована. Это Дебора. Напряженное внимание, с каким практикант и сестра следят за показаниями приборов, свидетельствуют о том, что без непрерывного стимулирования жизнь девушки мгновенно оборвется.

Мать Деборы останавливается в дверях. Поняв серьезность положения, она не ос-

меливается ни подойти поближе, ни произнести хотя бы слово.

Пуудерсель выходит. Мать Деборы следует за ним как тень.

Они идут рядом по лестнице. Врач поддерживает женщину.

— А ваш муж...

— У моей Деборы нет отца. Я ей за мать и за отца.

Дальше они идут по коридору молча. Вдруг мать останавливается.

— А ей... очень больно? — спрашивает она тихо.

— Она ничего пока не чувствует.

Пуудерсель и Дора входят в кабинет главного врача. Мельтс еще был здесь. Похоже, он ждал их. Лишь теперь Дора Сейн, уже не сдерживаясь, громко зарыдала.

— Неужели и впрямь нет... Неужели нельзя ничего для нее сделать?.. Я глупая женщина... я не знаю... всю жизнь продавщицей проработала... У меня больше никого нет...

— Прилягте на минутку сюда, отдохните! — Пуудерсель подвел женщину к кушетке, но та отказалась даже присесть.

— Я... я... хочу... назад... к ней!

Вошла дежурная сестра и протянула результаты анализов. Мельтс, заинтересованно просматривая листки, вдруг сказал торопливо:

— Сестра, отведите, пожалуйста, мать пострадавшей вниз, в ординаторскую.

Пуудерсель поднял вопросительный взгляд на коллегу.

— Ну-ка, посмотри!

— Невероятно! Один случай из тысячи! — не удержался Пуудерсель, просмотрев анализы. — Из миллиона!

— Абсолютно то, что требуется для старика! Нужно немедленно получить у матери согласие! — Мельтс казался очень взволнованным.

— Подождем еще, — нерешительно промолвил Пуудерсель.

— Чего ждать? Чтобы потом спешить?

— Я должен быть уверен. Ведь еще не все данные совместимости проверены.

Но Мельтсу уже трудно было подавить возбуждение.

— Дополнительные анализы я велю сделать немедленно. Скажем Тальвику сразу?

Пуудерсель в упор посмотрел на Мельтса:

— Девушка-то ведь еще жива... Черт тебя побери!

Мельтс пожал плечами. Пуудерсель бросил анализы на стол.

— Согласие у матери возьмешь ты! — Голос Пуудерселя звучит низко и словно бы сердито.

— Почему именно я?

В кабинете водворилась тишина — тяжелая и напряженная. Пуудерсель не спешил с ответом.

— Ведь ты заместитель главного врача. Мельтс явно растерялся.

За дверью послышались шаркающие шаги, и вошел Тальвик. На нем был длинный белый халат, из-под которого виднелись

больничные штаны и шлепанцы без задников.

— Такой долгий день. — Профессор еще от двери заметил стопку книг на подоконнике. — А они как сюда попали?

— Автоинспекторы привезли. Больничная машина всямку! — Пуудерсель проговорил это слишком торопливо.

— А Сильвер? — испугался Тальвик.

— Сотрясение. Рука в гипсе. Лежит в шестнадцатой, — ответил Пуудерсель.

— Как это случилось?

— Несчастный случай, — на сей раз пояснил Мельтс.

— Значит, эта девушка была вместе с ним?.. Я смотрел ее. Прооперировали блестяще. Как всегда. — Тальвик внимательно взглянул на Мельтса. — Возможно, я был к вам несправедлив. — Сказав это, Тальвик заметил, что коллеги обменялись взглядом. — В чем дело?

Вопрос повис в воздухе. Тальвик вдруг увидел на столе бумажки.

— Ага, вот они. Ладно! Потом. Вместе с отчетом об операции. — Посмотрев, Тальвик кладет анализы на стол. — Молодой здоровый организм. Жаль, жаль! Никогда не стану обзаводиться машиной. — В последней фразе Тальвика прозвучала то ли затаенная насмешка, то ли ирония.

Профессор взял с подоконника стопку книг, перевязанную бечевкой, у двери на секунду остановился:

— Жаль! Жаль!

В коридоре к нему подошла Дора.

— Профессор, вы видели мою дочь... Как она? — Дора снова разразилась рыданиями.

— Я смотрел ее. Все сделано. Теперь надо только ждать. Просто ждать!.. Простите, не поможете ли вы мне дотащить эти книги до палаты?

Дора колебалась всего лишь секунду. Потом они шли по длинному коридору, и между ними покачивался толстый пакет с книгами.

— Надо было все-таки сказать ему! — в голосе Пуудерселя сквозило сожаление.

— Чего же ты не сказал? — Мельтс расхаживал по кабинету.

— На методику пересадки старик потратил много лет. Это лучшая методика из всех существующих. И сам он сделал бы эту операцию лучше всех...

— Да, да! Но теперь возникла столь благоприятная ситуация для него самого!..

Мельтс был похож сейчас на рекордсмена, который любой ценой хочет одолеть сантиметры, недостающие для побития собственного рекорда.

— Ладно, пусть это буду я! Пойду вниз! — решает он вдруг. — Ах, да, бланки!.. — вспоминает он и подходит к шкафу. — И зачем нужна эта сентиментальность — письменное согласие родственников. Я врач, я и отвечаю! Кто лучше меня знает, когда человек еще жив и когда он уже мертв?

Пуудерсель не выдержал и заговорил громче обычного:

— Ты неточно выразился. Фактически ты требуешь себе права предопределять события. Я на себя такой ответственности не взял бы.

— Почему? Испугался?

— Мы с тобой тоже только люди.

— Софистика! Но ведь есть объективная картина, критерии, анализы! Мой опыт... Если хочешь знать, в таком случае я не вижу никакого будущего для медицины. И от такой медицины человеку нет никакой пользы!

В кабинет вбежала испуганная сестра.

— У больной — кома!

Мельтс и Пуудерсель обменялись долгим взглядом и дружно заспешили за сестрой.

Мать Деборы сидела на стуле в палате профессора Тальвика. Сам Тальвик у стола разбирал книги.

— Вы так и живете в больнице?

В голосе женщины чувствовались слезы, но был в нем и оттенок любопытства.

— Меня никто не ждет дома.

— Да...

— Если вы не возражаете, я открою окно.

Женщина кивнула. Тальвик приоткрыл окно, и ветерок колыхнул гардины.

Тальвик снял с постели темный плед и накрыл им плечи женщины.

— Вам не холодно?

Женщина покачала головой и тихонько всхлинула.

— Не плачьте. Они оба хорошие врачи и они сделают все, что возможно.

Часы Карловой церкви пробили десять.

На виадуке сверкали молнии электро-сварки. Сварщики отрезали погнутую часть перил и принялись приваривать новую секцию. Внизу автокран грузил исковерканный «Москвич» в кузов грузовика.

Валил густой снег. Редкие прохожие спешили по своим делам, даже не догадываясь о том, что случилось тут несколько часов назад.

По коридору молча шли Пуудерсель и Мельтс, и на их лицах нельзя было прочесть ничего обнадеживающего.

— Сильвер! — криком остановила их дежурная сестра.

Мельтс и Пуудерсель кинулись к палате Сильвера. Его койка была пуста.

...Сам Сильвер в это время с большим трудом пытался спуститься по лестнице. Он держался за стену, лицо — в поту. Еще ступенька, еще... Сильвер тяжело дышал. Остановился, присел в изнеможении прямо на лестнице.

Наверху, в коридоре, кто-то распахнул дверь, вспыхнул свет.

— Нет его! — послышался приглушенный голос сестры.

Затем шаги и голос Мельтса:

— Здесь!

Сильвер поднял голову и увидел свою гигантскую тень на стене лестничной плю-

щадки. Над ним склонились оба врача и сестра.

— Куда ты, дружок, направлялся?

Пуудерсель попытался помочь Сильверу подняться, но тот сопротивлялся.

— Почему вы не хотите мне сказать... боитесь мне сказать, что я убил человека?!.. Боитесь сказать... да?

— Не болтай глупостей!

Пуудерсель снова подхватил Сильвера под руки. Парень повернулся к Мельтсу.

— Жива. Девушка жива, — отчеканил Мельтс тоном, не допускающим сомнения.

Профессор Тальвик склонился над Дебс. Долго и внимательно наблюдает за свободным от бинтов лицом девушки, надеясь обнаружить хотя бы малейшие признаки жизни. Его отвлек тихий голос:

— Профессор!

Врач-практикант Пукспуу протянул профессору папочку с бумагами. Тальвик взял ее и подошел поближе к свету. С привычной сосредоточенностью просмотрел он данные анализов. Что-то привлекло его особое внимание. Видно, что он очень взволнован, Затем на лице его мелькнула странная усмешка.

— Состояние больной стабилизировалось, — раздается снова голос Пукспуу.

Тальвик не слышит его.

— Так вот почему Мельтс и Пуудерсель... — бормочет он. — Ничего не скажешь, смелые замыслы.

Тальвик с легкой иронией смотрит на Пукспуу. Тот стоит, ничего не понимая.

По-прежнему безжизненно лежала на больничной постели Дебс.

...Свет уличного фонаря, косо падавший на залепленное снегом окно палаты Тальвика, создавал своеобразную игру теней и света.

Тальвик достал из тумбочки таблетки, проглотил одну. Потом он долго, внимательно рассматривал свое отражение в зеркале. От этого занятия его отвлек только стук в дверь.

В палату вошла пожилая няня с пустым подносом.

— Опять вы ничего не ели... — укорила она профессора, собирая со стола тарелки и чашки.

После ее ухода на столе остается лишь блюдо с виноградом. Тальвик словно впервые увидел это блюдо. Поставив его на тумбочку и осторожно, оберегая спину, опустившись в постель, он со всех сторон рассматривал виноград, подносил гроздь ко рту, захватывая губами большие матовые ягоды. Этот вкус, этот запах... Тальвик не понимал, почему он раньше был равнодушен к винограду. И почему-то именно сейчас он чувствует, как сильно ему хочется жить.

...Под жарким южным солнцем сыплются гроздья винограда в большой давящий чан. Корзина за корзиной. Обнаженные сильные руки девушек движутся в такт с древней — может, такой же древней, как само виноделие, — песней. Сыплются, сыплются ягоды. Чан наполняется.

Смуглые мужчины подхватывают девушек на руки и опускают их в чан.

Босые ноги девушек давят виноград: топчутся во все убыстряющемся темпе. И уже плещутся ноги девушек в виноградном соке.

Мужчины пьют из кожаных мехов вино. Вино течет по сильным волевым подбородкам, стекает на грудь. Мелькают икры и колени танцующих в виноградном соке девушек. Праздник набирает силу. Под синим южным небом над виноградниками звучит песня.

Среди девушек время от времени мелькает одно лицо, но мы не успеваем рассмотреть его. Взгляд хочет задержаться на этом лице, но оно ускользает, смеясь, прячется за другими, тает... Исчезает, чтобы в следующее мгновение снова шаловливо появиться, словно заигрывает с нами, и снова исчезает....

Все это может показаться кому-нибудь нереальным и даже сказочным, но вряд ли одинокий чудаковатый человек, родившийся

и живший всю жизнь под серым северным небом, может представить себе такую картину с документальной точностью.

Бледная, невыспавшаяся Дора Сейн задержалась перед витриной магазина, где выставлены белые, нарядные туфли. День был светлым, в безоблачном небе сияло солнце. На остановке такси длинный ряд машин ждал пассажиров. Сегодня никто никуда не торопился. Водители опустили стекла и подставили лица нежаркому зимнему солнцу.

У прилавка стояли лишь две студентки — зашли сюда просто так, полюбопытствовать. Продавщица у окна наслаждалась солнцем, но, увидев Дору, подошла к прилавку.

— Слушаю вас.

— Покажите мне вон те импортные туфли. Это такие же, как на витрине?

— Да, только они у нас одного размера — тридцать четвертого.

— Именно такие мне и нужны.

— Будьте любезны вашу справку.

— Какую еще справку?

— Мы обслуживаем только новобрачных.

— Эти туфли нужны для моей дочери.

— Вот и принесите справку из ЗАГСа, что ваша дочь выходит замуж.

— Моя дочь могла бы выйти замуж... Моя дочь уже никогда не выйдет замуж!... — Дора неожиданно всхлипнула. — В этих белых туфлях я положу ее в гроб! Не дано ей было дожить до свадьбы своей. Если вам непременно нужна справка, то я...

— Подождите, пожалуйста, — участливо проговорила продавщица. — Я поговорю с заведующей.

Дора безутешно плакала у прилавка.

Из реанимационной стремительно вышел врач-практикант Пукспуу, но тут же остановился, словно на распутье. Рукава доставшегося ему халата коротки, чуть комический вид придают и большие очки в чер-

ной оправе. Вид у него усталый и растерянный. Постояв секунду-другую, Пукспуу бросился бежать по коридору.

В палату Тальвика он вошел, бормоча извинения. Тальвик сидел, опираясь спиной на подушки и углубившись в какую-то толстую книгу большого формата. Когда появился практикант, он опустил раскрытую книгу на постель. На сером больничном одеяле странно выглядела яркая цветная иллюстрация — арка Тита в Риме.

— Там... эта девушка... она вновь впадает в коматозное состояние.

Тальвик резким движением выбросил ноги из-под одеяла. На лице появилась болезненная гримаса. Книга упала и раскрылась на другой иллюстрации — Альпы...

— И что вы сделали? — Тальвик натягивал халат.

— Все. Очевидно, все...

— Так чего же вы хотите от меня?

— Я подумал... Мне показалось... Я надеялся, что...

— Знаете, молодой человек, — неожиданно взорвался Тальвик, — вы никогда не станете настоящим врачом, если будете надеяться на чужую помощь. Учились бы лучше на попа, смогли бы надеяться хотя на бога!

Окончательно перепуганный Пукспуу бросился поднимать с полу книгу. Подняв, растерянно посмотрел на Тальвика, и тот вдруг усмехнулся.

— Пойдемте, дружок. — Тальвик дружески ткнул смешавшегося практиканта в плечо.

Современная аппаратура, находящаяся в распоряжении медиков, для чужого глаза — непонятный, пугающий мир. Эллипсы осциллографов, дрожащие стрелки автоматических счетчиков и самописцев бесстрастно фиксируют слабые проявления жизни, способной в любой момент прерваться.

Наметанный взгляд Тальвика быстро скользил по шкалам приборов. Брови его

Кадр из фильма

вдруг угрожающе сошлись на переносице.

— Эти дополнительные анализы велел сделать, конечно, Мельтс? — спросил он тихо.

Пукспуу в растерянности.

Тальвик прошел через реанимационную и открыл дверь в операционную. Два готовых к операции стола были поставлены близко один к другому. Операционная сестра и механик возлились около аппарата искусственного дыхания. Анестезиолог готовил аппарат. Тальвик на мгновение пришел в замешательство. Стоявший позади него Пукспуу словно оцепенел. Застывшие глаза его, не отрываясь, уставились сквозь очки в черной оправе на профессора.

Тальвик вышел в коридор.

За окном темно. Ветки деревьев качаются под ветром, и с них опадает мокрый снег. То гаснет, то вновь вспыхивает реклама: «Страхуйте свое имущество и жизнь. Улица Валли, 4». Тальвик еще какое-то

время стоит неподвижно, затем резко поворачивается, как будто забыв о своем состоянии, и быстро идет в операционную. Открывает шкаф с медикаментами, берет оттуда бутылочку с какой-то жидкостью и жестом подзывает Пукспуу.

— Ноль-восемь. В вену.

— Ноль-восемь?!

— Да, это почти летальная доза, но у нее крепкие почки. Конечно, риск велик...

Практикант стоит растерянный и беспомощный.

— Ну не вводите! Приказать я вам такое не могу. — Тальвик говорит тихо, но гневно. Поворачивается и уходит.

Практикант стоит еще секунду-другую, вконец растерянный и несчастный, затем бежит вдогонку за Тальвиком.

— Я... введу!

Мельтс в халате, но кашне почему-то у него на шее. Он держит Дору за руку, говорит мягко и проникновенно:

— Пожалуйста, попытайтесь понять нас! Если несмотря на все меры, которые мы принимаем, нам не удастся спасти вашу дочь, мы можем спасти другого человека. И жизнь и смерть этого другого зависят только от вас, от вашего согласия! Вы должны...

Дора поднялась, вырвала руку.

— Ничего я подписывать не буду... Вы не имеете права!.. — Она на грани истерики, но голос ее тих. — Она выздоровела... профессор сам обещал!

— Не надо, Ганнибал! — В кабинет вошел Пуудерсель. — А вас, Дора, прошу из больницы пока не отлучаться.

После пережитых волнений Тальвик медленно и тяжело шел по коридору. У лестничной площадки его остановил Сильвер. Не замечая тяжелого состояния профессора, он засыпал его требовательными вопросами:

— Как она? Она будет жить?..

Тальвик молча смотрел на парня. Прошло довольно много времени, прежде чем он собрался с мыслями:

— Знаете, что сказал Иоозеп, когда у него спросили о Марии? Il a dit que Maria ne lui repondrait pas.*

— Пожалуйста, не насмехайтесь надо мной. Я не понимаю! Скажите!..

— Я не знаю, Сильвер. Ведь и врачи — только люди. А возможности людей ограничены.

Тальвик продолжил свой путь, словно в разговоре, происходившем только что, не было ничего необычного. Сильвер, тяжело дыша, смотрел ему вслед.

В кабинете главного врача недвижно стояли Тальвик, Мельтс и Пуудерсель.

— Зачем вы это сделали? — Мельтс наконец прервал напряженную тишину и достал из кармана халата пузырек из-под лекарства, поставил на стол.

— Я надеялся на ее здоровые, совсем молодые почки, — спокойно ответил Тальвик.

— Здоровые!.. — сокрушался Мельтс. — Теперь ее почки по крайней мере на неделю отравлены. — Мельтс ожесточился: — А через неделю этих почек может вообще уже не быть, и вы...

— Спокойнее, спокойнее... Волнение противопоказано вашему гастриту, — пошутил Тальвик.

— Вы здесь, у меня на глазах, спасли от верной смерти минимум тридцать человек! — Мельтс старался подавить волнение.

— Может быть... И что с того?

— Вы сохранили примерно семьсот лет человеческой плодотворной жизни. Годы, отпущенные вам, дают человечеству чистую прибыль. Если дать вам несколько лет, вы вернете их десятикратно, стократно. Так разве ж это была не глупость, то, что вы сейчас сделали?

— Я не бухгалтер. Я врач.

— Мы тоже делаем и делаем для девушки все, что возможно, — с горечью проговорил Пуудерсель. — Но вы сами лишили себя последней возможности!

Тальвик остановился возле письменного стола.

— А кто сказал, что это не был единственный шанс для нее? Я уверен, что на моем месте вы оба поступили бы точно так же.

Мельтс молча прошел через весь кабинет к кушетке, взял там свое кашне и так же молча вышел. В кабинете воцарилась тишина.

Тальвик подтащил телефонный аппарат за провод поближе и набрал номер.

— Товарищ министр? Здравствуй. Тальвик говорит. Не смог бы ты принять меня в ближайшие дни? Будь добр. Я сейчас могу в любое время. Спасибо.

Тальвик не раздеваясь прилег в постель и задремал. Очнулся он от крика сестры: — Профессор!

* Он сказал, что Мария ему не ответила (франц.).

Волнение сестры мгновенно передалось ему. Покинув постель и схватив с вешалки халат, он последовал за сестрой.

Уже с порога реанимационной было видно, что случилось невероятное: Дебора приоткрыла глаза. Взгляд еще пока весьма рассеянный, однако, похоже, сознание постепенно возвращается к ней. Мельтс сидел на кровати и щупал ее пульс. Провода и трубки уже не окружали девушку со всех сторон, как раньше, однако в обычную палату ее пока не перенесли — реанимационная аппаратура могла еще понадобиться.

Тальвик прошел мимо стоявшего в ногах девушки Пуудерселья и наклонился над Дебс, заглядывая в ее зрачки.

— Похоже, важнейшие центры не повреждены, — тихо проговорил Мельтс.

Взгляд Дебс начал потихоньку проясняться. Но границы ее поля зрения дрожат и колеблются — то расширяются, то сужаются в такт биению сердца. Люди возле койки видятся то ясно, то расплывчато. Закрыв на миг глаза, она слышит оглушающее гудение ткацких станков. Но когда девушка снова с трудом раскрыла глаза, перед ней стояли какие-то незнакомые мужчины в белых халатах. Контуры их фигур расплываются.

— А теперь мне пора идти... — вдруг произнесла Дебс очень тихо, но вполне отчетливо. — Голова раскалывается...

Врачи переглянулись. Тальвик вновь склонился над Дебс.

Глаза, глаза!.. Глаза мальчишки с фотографин, стоявшей на каминной доске в профессорской даче.... Снова наплывает гул ткацких станков... Нет, это не гудение станков, а натужное ворчание самосвала, взбирающегося на горб виадука. Испуганное лицо Сильвера... На мгновение вспыхивает какой-то свет... И затем наступает тишина.

— Где... он? Что с ним? — спросила Дебс шепотом. Похоже, ощущение реальности у нее полностью восстановилось.

— О ком вы? — Пуудерсель наклонился над постелью.

— Вы должны мне сказать, что с ним?— Девушка прерывисто дышала.

Тальвик подал знак сестре, и та стала торопливо готовить шприц. Дебс искала что-то глазами и даже вдруг попробовала поднять голову. Сестра удержала ее. И вдруг тишину палаты нарушило самое обыкновенное похрапывание. Тальвик обернулся — у дальней стены на кушетке, скрючившись, спал Пукспуу.

Дебс тяжело сглотнула, глаза ее наполнились слезами.

— Профессор, вас ждут. — В дверях появилась старшая сестра.

Взглянув еще раз на Дебс, Тальвик вышел, едва не столнувшись у порога с Сильвером.

После укола Дебс дышала уже спокойно. Ее счастливый взгляд остановился на Сильвере. И тут же глаза ее сонно закрылись.

Пуудерсель и Мельтс, все время внимательно следившие за выражением лица девушки, обменялись еще одним долгим взглядом. С кушетки донеслось сонное бормотание Пукспуу.

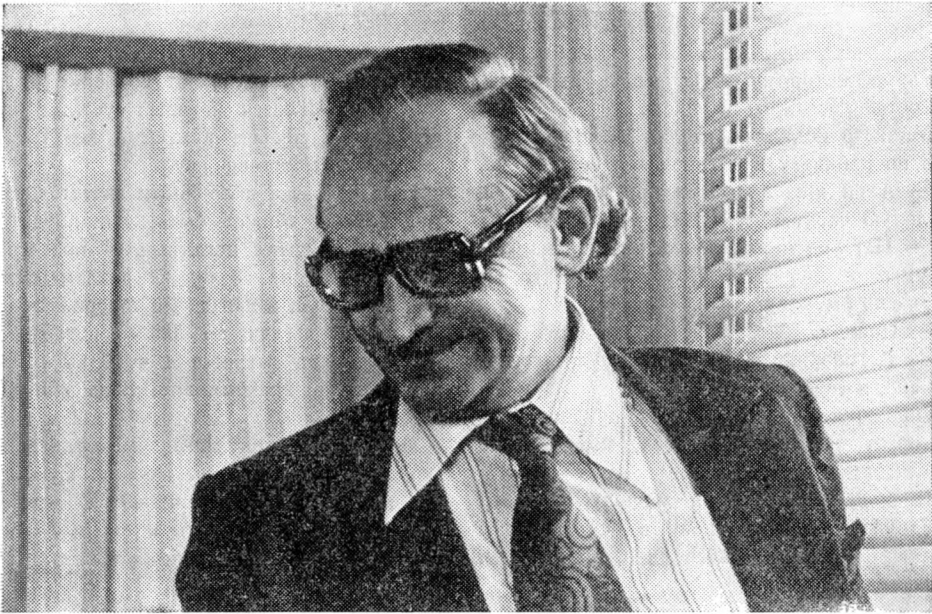
Мужчина с безукоризненным пробором, в элегантном костюме сидел в кресле рядом с письменным столом главного врача.

— Зачем тебе было приезжать? Я еще в состоянии двигаться, — ворчал Тальвик.

— Хорош я буду министр здравоохранения, если стану мариновать тебя в приеменной!

Тальвик пересел за письменный стол, чтобы не были видны тапочки без задников и мятые байковые штаны, с которыми контрастирует безупречно отглаженный белоснежный халат.

Министр тоже придвинул свое кресло поближе. Он давно не виделся со своим другом Тальвиком и сейчас потрясен тем, какую разрушительную работу проделала над ним болезнь. Сам он плотный, пышущий здоровьем мужчина, и кажется, он испытывает от этого неловкость перед своим бывшим однокурсником.

Министр здравоохранения — народный артист СССР Юри Ярвет

— Как ты себя чувствуешь?

Тальвик ответил коротким нетерпеливым жестом: мол, не стоит терять время на пустые разговоры, приступим лучше к делу.

— Я рекомендовал тебе назначить моим преемником доктора Мельтса, — напомнил он.

— Со временем обсудим на коллегии, — кивнул министр.

— Я передумал.

— Но ведь ты же сам...

Нависла пауза. Тальвик долго и внимательно разглядывал свои лежащие на столе руки.

— Да, я могу и сейчас повторить: Мельтс виртуоз. Если бы еще была возможность оперировать меня, я хотел бы, чтобы это сделал он, но... Но главным врачом надо назначать Пуудерселя.

— Пуудерселя? Да-да-да... вспомнил. Он пришел к тебе практикантом, когда я еще работал в больнице. — Министр очень похоже скопировал выражение лица Юхана и осанку. — А кандидатскую свою диссертацию он все-таки закончил?

— Нет, он так и не собрался оформить свою работу в диссертацию. Но он хороший хирург, очень ответственный и, кроме того, обладает одним редким качеством. При нем ни одна, даже самая нервная сестра не хлопает дверью и люди стыдятся вступать в пререкания. Больные улыбаются, видя его, и — верь, не верь — у всех его пациентов быстрее зарастают швы после операции.

— Но... а может быть, все-таки Мельтс?

— Нет, — коротко отрезал Тальвик.

— Все, кого мы рекомендуем, всегда лучше нас самих... Ну, а как твои-то дела?

— Данные анализов движутся... по хорошо известной кривой!

После этих слов Тальвика разговор становится особенно напряженным, словно в кабинете теперь появился кто-то третий, чье присутствие заставляет старательно выбирать слова и интонации.

— Ну это еще ни о чем не говорит. — Министр произнес это слишком быстро и оптимистично. — У меня однажды был

больной, которому, если верить анализам, не оставалось жить и недели...

Министр поднялся, сделал несколько шагов по кабинету и остановился возле окна.

— А он живет до сих пор и взял себе молодую жену... — улынулся Тальвик.

— Нет, он прожил еще несколько лет и умер от инфаркта. Вот так... А что ты скажешь Мельтсу?

— Правду.

— Договорились. Когда все будет согласовано, я тебе позвоню.

Оба друга понимают, что рукопожатие, которым они обмениваются, может быть последним.

Прежде чем сесть в машину, министр обернулся, поднял голову и осмотрел все здание больницы. Много окон, но в окнах ни одного лица.

Десять раз бьют средневековые часы с инкрустациями на стене церкви Святого духа. Узкие улочки старого Таллина притихли — рабочие и служащие разошлись по своим предприятиям и учреждениям, школьники сидят за партами.

Между облаками проглядывает зимнее солнце. В его лучах сверкает медный средневековый сапог, висящий перед сапожной мастерской, золотится над входом в булочную металлический калач и поблескивает на вывеске аптеки змея, обвившая чашу. На крыше одного из домов по улице Пикк хитро улыбается человек с лорнетом. Этот бюст на потеху горожанам установлен как раз над тем окном, из которого некий дворянин, убежденный холостяк, любил заглядывать с помощью биноклей и подзорных труб в комнаты своих сограждан, с особенным интересом — в спальню.

Итак, сейчас тот утренний миг, когда время не ощущается и можешь поверить, что живешь в другом, давно прошедшем веке.

Но иллюзия длится недолго. Ведь в средние века еще не знали фотографии, тем более рекламной. А как раз сейчас в одной

из витрин устанавливают большие рекламные фото. Человек, который суетится больше других, знаком нам. Это все тот же деловитый фотограф Тууз.

Глаз человека с лорнетом светится заинтересованно. Может быть, что-нибудь пикантное? Интерес понятный — при жизни этого господина белье не рекламировали. Ну, а мы если и ненадолго задерживаем на фото свой взгляд, то лишь потому, что светловолосая девушка с чуть высокомерной улыбкой знакома нам. Ведь это Дебс, Дебора...

Таллинец шагает мимо, не останавливаясь, бросает взгляд на Дебору, оглядывает круговую комбинацию и, деловито пыхтя, продолжает путь к своим важным делам. А Дебс продолжает улыбаться Таллину в этот утренний час.

Дебс сидела в палате на постели, опираясь спиной на подушки. Достав из сумочки маленькое зеркальце, разглядывала свое лицо и, смеясь, сама себя уговаривала:

— Остановись, ненормальная, что ты делаешь!

Заметив, что Дебс начала усердно украшивать лицо, пожилая нянечка, убиравшая палату, торопливо подошла, хотела отнять косметику:

— Прекрати! А то получишь от профессора.

— Для профессора я и стараюсь. — Дебс прижала к себе сумочку. — А какой он, профессор? Высокий? Низенький? Старый, наверно?

— Молодой, ему еще и пятидесяти нет! — серьезно ответила нянечка.

— Вот я и говорю! — рассмеялась Дебс. — Не сердись на меня, тетечка! А то я, честное слово, бледная как привидение!

Нянечка покачала головой. Она и так не очень-то рассержена, потому что эта болтающая иногда черт знает что девчонка все-таки очень симпатична, да еще столько пережила. Забрав ведро, тряпки и щетку, нянечка вышла, добродушно ворча. А Дебс продолжала косметическую процедуру. Она

как раз успела завершить свое творчество к тому моменту, когда в дверях появился профессор Тальвик. Он был в больничной одежде, и Дебс, естественно, не узнала его.

— Вы ошиблись дверью...

— Полагаете?

— Шагайте, шагайте... — скомандовала Дебс. — Сейчас сюда профессор придет.

Тальвик явно не ожидал такого приема. Стало быть, девушка его не узнала? Впрочем, как же она могла узнать его?.. Вид Тальвика вдруг вызвал у Деборы жалость.

— Ладно, если уж пришли, садитесь. Как у вас тут вообще жизнь идет? Навещать больных в любое время пускают?

— Посетителям разрешено приходиться два раза в неделю.

— Это я и сама знаю. Но... всюду имеются свои способы. Черный ход или... ну, например, гость надевает докторский халат, сует в карман всякие там трубки и с важным видом идет по больнице...

— А я и не знал о таком способе.

— Как же вы так? — изумляется Дебс.— Ну, ничего, я все выясню и вас тоже научу...

— Это, действительно, было бы полезно узнать, — усмехнулся Тальвик.

— А жена ваша, конечно, каждый день приходит? — кокетливо спросила Дебс.

— У меня нет ни жены, ни детей.

— Ну любимая женщина?

Тальвик молча улыбнулся, настроение его заметно улучшалось. Лицо у Дебс стало таинственным:

— Знаете, у меня только три сигареты... Возьмите одну.

— Ни одной сигареты!

— Ха! А вы случайно не дружинник? А?

— Вам действительно нельзя! — настаивал Тальвик. — Ни в коем случае! Просто я в этих вещах немного понимаю.

— В каких?

— Например, в медицине...

Сестра распахнула дверь:

— Профессор Тальвик, вас к телефону! Из министерства!

— Иду, иду... Сестра, найдите полотенце и помогите девушке снять грим с лица.

Дебора только цокнула языком.

В больничной кухне шла будничная работа — приближалось время обеда. Заметив главного врача, женщины умолкли, стали тревожно озираться, все ли в порядке.

Почтительно поздоровалась повариха.

— Пришли снять пробу?

— Нет... У вас есть морковь?

— Конечно. Хотите тертую или тушеную?

— Нет! Нет, пожалуйста, дайте мне просто сырую морковь. Одну, — попросил Тальвик.

Кто-то уже нес из кладовки большую ярко-красную морковь.

— Сейчас я вам ее почищу, помою... Витамины! — с понимающим видом сказала повариха, направляясь к раковине.

— Нет, нет, не надо... Позвольте как есть, — Тальвик взял из рук изумленной поварихи ярко-красный корень и покинул кухню.

...Чуть позже профессора Тальвика можно было увидеть во дворе больницы. В полупальто и кашне, с непокрытой головой (стоит прекрасная погода) Тальвик внимательно разглядывал дырявое пожарное ведро, потом стал рыться в куче каменного угля возле котельной.

И вскоре шумная ватага ребятишек под руководством профессора принялась сооружать перед больницей снеговика. Общими усилиями скатывали шары для туловища и головы. Туловище получилось столь большим, что когда на него водрузили голову, дети не смогли дотянуться, чтобы вставить нос-морковку и угольки-глаза. Это пришлось сделать Тальвику. Он же водрузил снеговика на голову ведро-шляпу. Один из мальчишек притащил метлу, другой ломал прутки на кусочки, который Тальвик пустил на зубы снеговика...

Всю эту шумную возню Дебс наблюдала из окна перевязочной.

— Идите сюда, — окликнула ее сестра. — Садитесь и не шевелитесь.

— До чего он забавный, — улынулась Дебс.

— Кто?

— Да этот ваш профессор.

Брови молодой уже сестры взметнулись вверх.

— Что с ним? Он такой бледный!

Сестра внимательно взглянула на Дебс. Руки ловко мотали бинт.

— Он болен?

Пока делается перевязка, Дебс заставляет себя сидеть неподвижно, но рта не закрывает.

— А это правда, что он пересаживал людям новые сердца и легкие? — вдруг спросила она.

— Правда.

— Это же, наверное, страшно больно.

— Дать человеку жизнь — это всегда больно! — ответила сестра, не прекращая ритмически накладывать бинт на голову Дебс.

Перевязка окончилась. Дебс поднялась, бросила взгляд за окно. По-прежнему шумели внизу ребятишки, роскошный снеговик был уже готов, но профессора нигде не видно.

В кабинете главврача Мельтс протянул Тальвику какую-то бумагу. Тот еще в полупальто и кашне. Развлечение, которое он себе позволил, отняло у него немало сил — он устало откинулся в кресле.

— Так будьте добры, подпишите, — подчеркнуто официально проговорил Мельтс.

— Не понимаю, что мешает вам делать докторскую здесь?

— Меня пригласили в академию.

Этот тихий диалог мужчин, хорошо умеющих владеть собой, полон внутреннего напряжения.

— Да уж не из-за этого ли вы? — вдруг засомневался Тальвик.

— Глупости! — вскипел Мельтс.

— Извините. Как теперь говорят, — Тальвик усмехнулся, — не допер. В психотехнике, как видите, слабоват.

Тальвик подписал заявление и вернул Мельтсу. Тот направился к двери, но перед тем, как выйти, остановился.

— Если все-таки найдут то, что нужно для вас, пусть меня вызовут. Я сделаю.

— А кто же еще кроме вас смог бы? — спросил в ответ Тальвик. — Спасибо, Ганнибал.

Мельтс вышел из кабинета тихо, гораздо тише, чем делал это до сих пор.

В дверь палаты профессора Тальвика постучали. Еще и еще. Затем дверь несмело открылась.

— Простите, можно?

Робко, неуверенно ступая, вошла Дебс с цветами в руке. Ваза тут есть, надо лишь наполнить ее свежей водой из крана и поставить красивые гиацинты. Пусть украшают стол этого умного и очень большого доктора. А какова вообще комната такого человека? Любопытно Дебс вполне понятно. Хм-м... Сплошные папки, скоросшиватели, книги, журналы, диаграммы. Однако на тумбочке фотография женщины. Интересно... Ах, какая-то старуха! На оборотной стороне надпись: «Милому ученику. С товарищеским приветом! Проф. Лебедева. В день защиты диссертации».

Послышались шаги, и Дебс молниеносно оказалась у вазы с цветами, словно их именно сейчас ставила в воду.

— Вы?

— Извините, что я без спросу...

— Очень мило с вашей стороны, — широко улыбнулся Тальвик.

— Я тоже хочу... лепить снеговиков, — Дебс кивнула на окно.

— Сначала надо поправиться.

— Но к тому времени снег может растаять.

Тальвик подвинул ей стул, сел сам. Дебс жеманно уселась на самый краешек.

— Вы еще успеете слепить за свою жизнь миллион снеговиков! Поправляемся?

Дебс кивнула.

— Оно и видно. Но выходить на улицу я позволю вам еще не скоро... Вам надо быть очень осторожной. У вас все будет в порядке, Дебора.

— Как мило вы это произнесли.

— Что именно?

— Де-бо-ра. Все зовут меня просто Дебс. Это мама дала мне такое библейское имя.

Тальвик наливает минеральную воду в два стакана. На секунду воцаряется тишина.

— У вас столько книг!

— Надо закончить кое-какие научные работы. Раньше я все откладывал, некогда было. Теперь времени предостаточно.

— Предостаточно?

— По крайней мере... в течение известного срока...

— Вы говорите об этом так спокойно.

— Нам всем отпущен только «известный срок». В этом смысле мы все равны.

За окном уселась птичка, принялась разгуливать по карнизу, заглядывая в палату. Дебс и Тальвик долго следили за ней, затем взгляды их встретились. Когда они вновь взглянули в окно, птички уже не было, улетела.

Тальвик включил кассетный магнитофон. Слышна музыка. Это «Ариозо» Баха в классической аранжировке.

— Ты знаешь, что это? — Профессор неожиданно обратился к Дебс на «ты».

— Нет. А вам нравится такая музыка?

Тальвик кивает.

— Это Бах.

— Бах?.. Но Бах же писал музыку для церкви...

— Почему для церкви? Музыка всегда для людей.

«Ариозо» в классическом исполнении кончается, и сразу то же самое «Ариозо» зазвучало в исполнении ансамбля «Сингл Сингерс».

На лице Дебс появилась улыбка. Улыбался и Тальвик.

— Ну, выходит, наши вкусы не так уж и разнятся. Это диалектика.

— Да нет! Это же сингелсингеры! Честное слово!

Дебс не поняла, что заставило профессора расхохотаться.

Гиацинты в комнате, дерево за окном, облака над деревом... Все просто и значительно, как сама жизнь. Как музыка Баха. Дебс нерешительно повернулась к профессору:

— Неужели у нас... неужели действительно нет вообще... никакой возможности?

Тальвик вздрагивает.

— Дебора, кто вам сказал все это?

— Но ведь в наши дни все возможно.

— Конечно, все возможно. — Тальвик встал, погладил Дебс по голове, и она прижалась к нему, как маленький ребенок. — Ты добрая девочка, Дебора...

А из черного ящичка на белом столе палаты по-прежнему звучали голоса «Сингл Сингерс».

В палату заглянул Сильвер:

— Я, кажется, помешал... Зайду попозже. — Но почему-то продолжал стоять в дверях.

— Заходи, присаживайся, — пригласил Тальвик, ища глазами свободный стул.

Дебс недовольна. Она неохотно поднялась, освобождая Сильверу место и пристраиваясь на край постели Тальвика.

Сильвер взглянул на Дебс, потом попытался сосредоточиться на музыке. Но вскоре заерзал. Сунув руку в карман, достал ключ от дачи.

— C'est votre clé, monsieur professeur.

— Je n'en ai pas besoin, mon vieux.*

Глаза Дебс метали молнии. Она впервые видела своего парня вот так, со стороны: гладкий, самонадеянный. Ключ поблескивает на ладони. Может быть, он сейчас сказал на своем корявом французском: «С этой девушкой мы ездим к вам на дачу, профессор!»?

— Пусть он будет у вас, — остановил Тальвик парня, видя, что тот хочет положить ключ на стол.

* — Вот ваш ключ, профессор.

— Он мне не нужен, старина (франц.)

Сильвер все еще не решался оставить себе ключ. Весь он — подозрение. Два стакана. Из обоих явно пили. И Дебс сегодня красивая. И эта музыка...

Тальвик рассматривает их обоих. Кончается музыка.

Дебс и Сильвер вышли в коридор. Высоко держа голову, Дебс прошла к своей палате, даже не взглянув на парня. Но Сильвер не отстает.

— О чем вы там говорили?

— О тебе!

— Я, кажется, помешал.

Этого ему не следовало говорить. Дебс остановилась и зло прошептала:

— Господи, какой же ты дурак!

— У меня теперь новая машина, — сообщил ни с того, ни с сего Сильвер.

Дебс, не ответив, ушла.

Сильвер ходил вокруг новехонького «Москвича» и ветошью старательно надраивал и без того блестящую машину.

— Здравствуй.

Сильвер оглянулся. Через заснеженный двор больницы к нему шли подруги Дебс — Алла и Эпп.

— Мы пришли навестить Дебс.

— Не пускают к ней.

— А если мы как следует попросим? — попыталась Эпп.

— Когда мы приходили кровь для Дебс сдавать, тут был один такой приветливый доктор... Он обязательно позволит, — шептала Алла.

— Не поможет, — категорически объявил Сильвер.

— Значит, поворачивай оглобли... — огорчилась Алла. — А ты куда едешь?

— Заправляться. Садитесь в машину.

— Сейчас, только гостинцы отнесу, дежурной отдам. — Алла взяла у Эпп сумку и направилась к дверям больницы.

Сильвер и Эпп сели в машину.

— Эту неделю мы работаем в вечернюю смену, — вдруг сообщила Эпп.

Сильвер не ответил.

— Когда у меня свободный вечер, я жду все время, чтобы со мной что-нибудь случилось, — продолжала Эпп. — По утрам я ничего не жду.

— Дай бог, чтобы не случилось, — буркнул Сильвер.

— Я тоже хочу чувствовать, что живу. Но со мной никогда ничего не случается.

Сильвер неожиданно включил мотор.

— А как же Алла? — удивилась Эпп, но тут же смолкла.

...Ветер крутил в воздухе мокрые хлопья.

Сильвер и Эпп вышли из стеклянных дверей кафе-варьете. Парень выглядит немного уставшим. Или он слегка захмелел? Эпп беспрестанно посмеивается. Ветер пытается сорвать с них шапки, развеивает кашне...

Сильвер обеими руками держит шапку.

— Смешной ты!.. — Эпп попыталась перекричать ветер.

— Почему смешной?

— Никогда раньше не видела тебя под хмельком. — Похоже, Сильвер нравится Эпп и таким.

Сильвер отмахнулся. Эпп повисла у него на руке.

— Ты ведь не обиделся?

— Ха! — пьяненько засмеялся Сильвер.

— Не огорчайся, примешь участие в соревнованиях в следующем году. Честное слово, мне жаль, что они тебе не разрешили...

— Ха!

— В будущем году обязательно...

— Ха! В будущем году...

— Ты же прирожденный гонщик!

Сильвер и Эпп направились через площадь к остановке такси. Эпп слегка подерживала парня под локоть.

Огни автомобильных фар вынырнули из снегопада и снова исчезли.

Сильвер поскользнулся, но девушке все же удалось удержать его.

— Погоди! — остановилась Эпп.

— Чего?

Эпп поправила на нем кашне.

— Знаешь, Дебс, мы с тобой... — вдруг услышала она.

Кадр из фильма

Глаза девушки наполнились слезами, за-дергался некрасивый рот.

В палату Деборы Сильвер явился с большим букетом роз. Он улыбался во все лицо. Но улыбка была какая-то натянутая — кто знает, как его встретит Дебс. Но Дебс была ему рада. Сильвер, испытыв облегчение, сел на постель в ногах у Дебс.

— Как ты себя чувствуешь? Старайся быть повеселей, быстрее поправишься.

Дебс рассеянно теребила рукав кожаной тужурки Сильвера.

— О чем ты думаешь?

— Закрой на минутку глаза, Сильвер!

Парень с удовольствием подчинился, готовый к обычным шуточкам Дебс.

— И уши заткни!

Сильвер заткнул пальцами уши. Он ждал долго, а когда открыл глаза, Дебс все так же задумчиво смотрела на него.

— Я сколько раз пробовала, но все равно слышу дребезжание трамвая с улицы, или мне что-то вспоминается, или я о чем-нибудь думаю...

— Ну и что?

— Я знаю, какое чувство испытываешь, когда ты есть, но что такое небытие? Когда нет для тебя больше ни огня, ни света, ни голосов.

Сильвер в растерянности молчал. Дебс села на постели и спросила, требовательно глядя ему в глаза:

— Ты тогда тоже принес бы мне розы?

— Когда — тогда?

— Если бы меня больше не было?

Сильвер вздрогнул.

— Если бы у меня больше не было глаз? Рук? Не было б ног? — Дебс близко наклонилась к Сильверу. — Ты хороший, Сильвер... Извини, что я с тобой так плохо говорила...

...Во дворе больницы Сильвер увидел снеговика. Снеговик выглядел довольно бодро: ведро лихо сидит на голове, морковка-нос задран к небу. Сильвер подобрал пригоршню снега, вылепил снежок и бросил в снеговика, но промахнулся.

Снова ветер крутит снег и сечет лица острыми иголками дождевых капель. Люди спешат укрыться от ненастья. Мужчина в пальто с поднятым воротником останавливается перед витриной магазина. Это Ганнибал Мельтс. Он рассматривает витрину. С фото ему улыбается Дебс в модном нижнем белье.

Дора сидела на краю постели и, улыбаясь, смотрела, как дочь примеряет новые белые туфли.

— Правый, как влитой... Но левый чуть жмет. Где ты купила? — Дебс пробует покружиться.

— Ну, знаешь, там... в магазине для ноборачных.

— Как?

— Расплакалась, они и продали.

— Почему ты плакала?

Мать всхлипнула, искала в сумочке платок.

— Иначе не дали бы.

Дебс уселась на край постели, с удовольствием полюбовалась туфлями.

— Очень красивые!

— Они ведь хотели у тебя почки вырезать. Конечно, если бы... если бы ты не... — Мать снова всхлипнула.

— У меня?.. Почки?.. Почему?..

— Ты ведь была совсем без сознания, ничего не понимала, не чувствовала, вот они и...

— Ах, ну что ты говоришь?!

— Правда, правда! У них тут главный врач сам кандидат на тот свет. А уж если для такого что надо, они ни перед чем не остановятся.

— Тальвик?.. Ты его не знаешь! Нет, нет!

— Почему же не знаю. Да он мог и сам

не знать, откуда для него почки достали. Его усыпят, а другие все сделают.

Дебс, хотя и не очень поверила услышанному, огорчилась.

— Я-то, конечно, дура. Может, и не следовало тебе об этом говорить, но кто же тебя предупредит, если не мать! Деточка моя, ты даже не знаешь, что тебе угрожает... Ну почему, например, они тебя домой не отпускают? А ведь у тебя все уже в порядке, все уже хорошо... — Мать перекладывала апельсины в тумбочку. Лицо Дебс вдруг стало задумчивым.

— Ты что-то путаешь. — Она медленно, очень медленно сняла туфли и брезгливо подвинула их матери.

И в этот миг перед мысленным взором Дебс проплыли какие-то обрывки воспоминаний:

...сестра в перевязочной, ее плотно сжатые губы и странный взгляд, когда она говорит: «Он болен».

...нянечка, отбирающая у Дебс сумку, и ее изучающий взгляд.

...лицо Тальвика, спрашивающего: «Кто вам сказал это?».

Дебс и мать распрощались в коридоре. У двери на лестничную площадку Дора обернулась, в руке она все еще сжимает большой клетчатый носовой платок.

— Не плачь... — успокаивает ее Дебс, нетерпеливо ожидая, пока дверь за матерью закроется.

И вот она уже стоит перед зеркалом, пытаясь привычно улыбнуться — весело, самоуверенно, но рот лишь кривится в беспомощной гримасе.

Заметив, что в конце коридора появилась сестра, Дебс поспешно прошла к своей палате. Потянулась было к дверной ручке, но войти не решилась, словно там ждала какая-то ловушка. Она двинулась дальше, поднялась по лестнице, не отдавая себе ясного отчета, куда идет, пока не уперлась в обитую цинком дверь чердака.

Девушка повернула обратно, спустилась на один этаж, взглянула в окно. Окошко на лестничной площадке было маленькое и выходило на задний двор больницы. В углу был виден маленький кирпичный дом. К нему подъехал грузовик, в кузове которого стояли два гроба. Несколько мужчин сняли их с машины, пронесли в кирпичный дом.

Погода была пасмурная. На мокрых крышах сидели голуби, из трубы больничной котельной лениво валил густой, тягучий дым.

Дебс решительно пошла к своей палате, открыла дверь. Со стула у тумбочки ей навстречу поднялась сестра:

— Ну, вот и вы... Доктор Пуудерсель просит вас зайти. Небольшой осмотр... — Сестра улыбнулась, но улыбка ее показалась Дебс не слишком искренней.

— Я сейчас, минуточку...

Дебс в панике выскочила из палаты. Стремглав сбежала она по лестнице к гардеробу. Стеклопанельная дверь, отделяющая мир больных от мира здоровых, была приоткрыта. Но вдруг там появился улыбающийся Пуудерсель и показал пальцем, что нужно подняться этажом выше.

Дебс кинулась в коридор, чувствуя, что теряет способность ориентироваться. Наткнувшись на людей в белых халатах, девушка замедлила шаг, стараясь принять спокойный вид. В конце коридора она юркнула в туалет и осторожно выглянула. Все вокруг выглядело многозначительным и зловещим.

Дверь неподалеку показалась ей чем-то знакомой. Конечно, это же палата профессора Тальвика! Не помня себя, Дебс подбежала и рванула дверь на себя.

Профессору как раз делали укол. Тальвик повернулся к Деборе — выглядел он очень плохо. Попытался приподнять голову, но она тут же бессильно упала на подушку.

— Сюда нельзя! — кинулся к Дебс кто-то.

— Я должна...

Дебс бледна, тяжело дышит. Ее взгляд остановился на вонзившейся в кожу Тальвика игле шприца.

— Видите, профессору плохо, — прошептал кто-то.

— Потому-то за мной и гонятся! — выпалила Дебс. — Как же вы могли так обманывать меня!

Силы вдруг покинули ее, и она, покачнувшись, упала. Мутнеющим взглядом Дебс видит столпившихся вокруг нее врачей. Их лица приближаются, удаляются, искажаются...

— Я не разрешаю вам меня... — Дебс казалось, что она кричит.

Ее перенесли на кушетку. Тальвик собрался с силами, поднялся, отстранив мешающих ему людей, наклонился над Дебс, нащупал пульс. В этом белом запястье, которое он держал в своих пальцах, постепенно восстанавливался нормальный жизненный ритм. Стучало молодое, жизнестойкое сердце.

Дебора подняла веки и увидела очень серьезные и грустные глаза Тальвика.

— Если и дальше будете так вот лежать, не вставая с постели, мы вас не выпишем! — Голос старшей сестры звучал решительно.

— Вы даже не знаете, как мне стыдно... Дебора лежала под одеялом, вид у нее был действительно виноватый.

— Вам и должно быть стыдно! — Это звучало уже чуть мягче, но все же сердито.

— Скажите, пожалуйста, мое письмо передили профессору? На конверте еще был василек... Доктор же обещал...

В палате появился Пуудерсель. Его радостный вид был просто заразителен.

— А это что? А? Танцуйте! — Пуудерсель показал Дебс конверт. — Можете танцевать, не вставая с постели, под одеялом. А конверт-то с розой!

— Какой-то... флирт цветов!

Чаша терпения старшей сестры — судя по внешности, убежденной старой девы — окончательно переполнилась. Она стремительно вышла из палаты, но дверь за собой закрыла тихо и осторожно.

Дебс вскрыла конверт.

— Читайте вслух, — попросил Пуудерсель, улыбаясь.

— «Пациентка Дебора Сейн! Ученый совет во главе со мной решил применить к Вам новый и особо результативный метод лечения — снеготерапию (!). Поэтому в ближайшие три дня Вы обязаны лепить ежедневно по одному снеговика. Прохождение Вами лечебного цикла будет контролироваться! Надеюсь, Вы окажетесь молодецом! А. Тальвик.». Но как же?... — не поняла Дебс.

— Я бы советовал начинать с самого большого шара, — ответил Пуудерсель совершенно серьезно.

Дебс все еще ничего не понимала.

— До чего же вы несообразительны! Это означает: марш домой! Одежду получите после пяти. — Пуудерсель направился к двери.

— Домой? — Лицо у Дебс скорее изумленное, чем радостное.

— Деточка, вас признали здоровой!

— Я схожу к нему, я должна.

— Нет! Он сейчас отдыхает.

Дебс с матерью выходят из больницы. Сейчас, при свете солнца, все выглядит иначе: и куча угля, и котельная, и даже маленький кирпичный морг — все обрело другой вид. Дебс пытается найти взглядом окно палаты Тальвика. Взгляд ее бродит по окнам фасада... Из окна коридора глядят на двор какие-то две старухи.

Дора торопит дочь, такси и так уже долго ждет.

Дебс садится в такси.

Сильно подтаявший и покосившийся на один бок снеговик смотрит вслед уезжающему такси.

Квартира у них совсем небольшая — две комнаты, кухня и прихожая. Дом старый.

С дивана смотрит на Дебс большой желтый медвежонок, потертый от частых объятий. Ковер с гномами на стене, пожалуй, безвкусен, но ведь к этому привыкаешь. В комнате побольше — круглый стол с толстыми ножками покрыт белоснежной скатертью. На столе уже расставлен кофейный сервиз, ждущий гостей. Над столом — старомодный абажур с бахромой. Здесь же телевизор, радиолы и модная широкая тахта. Все здесь, в этих комнатах, хорошо знакомо Деборе, и все она видит впервые.

Дора подошла к буфету, чтобы взять посуду.

— Надень, смотри, какие красивые.

Дебс взглянула на новые белые туфли, потом на мать, словно и ее увидела впервые. Ни слова не говоря, легла на тахту.

Дора не выдержала:

— Если не хочешь их носить, можешь сказать по-человечески.

Она бросилась на кухню: там, кажется, что-то подгорает. Мгновение спустя, хлопнула дверка духовки, затем послышался голос Доры:

— Когда-нибудь и ты все поймешь, когда у тебя будут дети!

Она внесла в комнату сахарницу и молочник.

— Чуть было не осталась без сливок. В магазине напротив санитарный день. Возле остановки закрыто на переучет. Пришлось в центр ехать... Заодно и вино купила. Красное. Говорят, полезно для крови. Яблочный пирог готов. Хочешь попробовать? — Мать говорила все как бы самой себе, но временами бросала на дочь внимательные взгляды. — Скажи, чего же ты хочешь? Ничем тебе не угодишь. Что тебе нужно?

— Я и сама не знаю, — тихо проговорила Дебора. — Ничего я не знаю...

Это окончательно повергло Дору в растерянность. Почти машинально она подошла к тахте, села рядом с дочерью.

Режиссер-постановщик Вельё Кяспер и оператор Юри Силларт

— Если со мной что-нибудь случится, никто и не узнает, зачем я вообще жила, — продолжала Дебс после паузы. — Ну, ходила на работу, на танцы, в кино, знакомилась с парнями... И все? Это и есть моя жизнь?

Дора дотронулась до руки дочери, и Дебс вздрогнула. Но мать так и не нашлась, что сказать.

В дверь позвонили, и Дора поспешила в прихожую.

Пришел фотограф Тууз. В руке — несколько ранних тюльпанов. С приходом гостя мать мгновенно преобразилась в гостеприимную хозяйку, какой она и была на самом деле.

— Деборочка, посмотри, красные тюльпаны!

Дебс поднялась, взяла вазу, цветы, вышла в кухню.

Мать ввела Тууза в комнату и усадила за стол на почетное место. У Тууза с собой фотоаппарат и какой-то большой кон-

верт. Фотоаппарат он положил на буфет, а из конверта высыпал на стол крупноформатные глянцевые фото Дебс. Мать схватила одну из фотографий, ее лицо радостно засияло.

Дебс внесла вазу с цветами. И тут же у дверей снова раздался звонок.

Пришли Эпп и Алла.

— От имени всей бригады мы поздравляем тебя с выздоровлением, — серьезно, с пафосом начала Алла, и все рассмеялись.

— Ну, рассказывай... как ты себя чувствуешь?

— Ах, самое главное забыла! — Алла высоко подняла коробочку с пирожными.

— Спасибо, девочки, что пришли.

— Оставь! — Эпп нашла в сумочке расческу.

— Алла, а ты вроде бы похудела.

Алла бросилась обнимать Дебс.

— Я теперь стала донором... Доктор там,

в больнице, сказал, что это полезно для моего здоровья... и для фигуры тоже.

Дебс с удивлением смотрела то на одну, то на другую подругу.

— Разве ты не знаешь, что мы всей бригадой приходили сдавать для тебя кровь? — спросила Эпп, причесываясь перед зеркалом.

— Спасибо, девочки, — растроганно проговорила Дебс.

Дверь снова открылась. За ней стоял Сильвер, усиленно жал на кнопку звонка. Очевидно, девушки не захлопнули дверь за собой. Сильвер одет, как обычно одеваются участники ралли. На нем даже шлем и перчатки.

— Я только заглянул по дороге. На минутку.

Эпп и Алла оставили Сильвера и Дебс в прихожей. Сильвер достал из-за пазухи большую коробку конфет.

— Входи, входи, — Дебс подтолкнула парня в комнату.

Появление Сильвера не вызвало восхищения у Доры, которая накрывала на стол.

В комнате живо обсуждали принесенные Туузом фотографии:

— Очень красиво... Просто здорово!

— Ну что вы, это же пробные отпечатки. — Тууз улыбался, отмахивался и, наконец, сунул фотографии в конверт.

Дора усадила Сильвера рядом с Эпп. Тууз был доволен, что оказался в центре внимания.

— Вот если бы мне удалось сделать что-нибудь для фотовыставки, тогда, конечно... Там мог бы обратить внимание на вас какой-нибудь художник или кто-нибудь из Дома моделей, или даже режиссер.

— В кино и я могу сниматься! Много ли там красавиц требуется? Ха! — Смех у Эпп немного резковат. — Как тот режиссер сказал, что приходил к нам на фабрику... «Душа, душа нужна!».

— Красивый был мужчина. — Алла вздохнула. С видом грешницы она лакомялась конфетами из принесенной Сильвером коробки.

Эпп старательно ухаживала за Сильвером. А тот чувствовал себя неуверенно. Дебс бросила взгляд на Эпп, потом на Сильвера. Что-то оставалось невысказанным.

— Я все же надеюсь, что вы попозируете мне для фотовыставки, — Тууз обратился ко всем, но смотрел при этом только на Дебс. Она заметила его взгляд.

— Ах, вот в чем дело... — протянула она разочарованно. — А я-то думала, что ты пришел ко мне свататься.

Слова Дебс не слишком смутили Тууза, видно, у них и раньше уже возникали разговоры на эту тему.

— Знаешь что, — решительно сказала Дебс, — я выйду за тебя!

Раскладывая салат Дора растерялась. Сильверу тоже не по нраву игра, затеянная Дебс.

— Здорово, Дебс! Ну, наконец-то! Я всегда ждала, что если случится что-нибудь такое, то... — Эпп вдруг стала особенно разговорчива и весела.

Заметив, что Тууз весьма доволен собой и всем миром, Дебс почувствовала все усиливающееся раздражение.

— А что? — Она почти не скрывала иронии. — Мужчина в самом соку. Профессия — что надо, денежная. Вид роскошный. Не курит, не пьет! Наверное, и зубы ни разу в жизни не болели?

На самом деле Тууз вовсе не так уж всем доволен в жизни — просто он нарастил себе толстую шкуру и легкие уколы его мало волнуют.

— Действительно, не припомню, чтобы зубы болели.

Тууз улыбался. Он успел еще вернуть комплимент Доре по поводу приготовленного ею салата. Но Дора хмурилась. Дебс, кажется, не замечала этого и не собиралась утихомириться: самоуверенный Тууз противен ей сегодня, смущающийся, неуверенный Сильвер тоже неприятен. Дебс заметила, что мать под столом высвобождает ноги из белых туфель, тех самых. Матери они малы.

— Сильвер! Скажи, ведь я могу выйти замуж? — спросила Дебс.

— Выходи, если хочешь... — Вид у Сильвера растерянный.

— И выйду!

Дора включила радиолу, чтобы разрядить обстановку.

— Ну иди сюда, потанцуй со мной! — Дебс взяла Тууза за руку и вытащила из-за стола.

Эпп тут же пригласила Сильвера, но Алла схватила его за другую руку и снова усадила на место.

Танец — сплошная импровизация, и вскоре, благодаря Дебс, он набирает бешеную скорость. Тууз, хотя и танцует неплохо, но ему явно не хватает тренированности, да и возраст...

— Терпи, терпи, женишок! — кричит ему Дебс. — Тебе ведь со мной не только танцевать придется!

— Что ты делаешь? Ты же только из больницы! — Дора пытается успокоить дочь.

Дебс смеется ей в лицо.

Тууз чувствует, что долго ему не выдержать. Его глаза ищут что-то. Наконец он видит на буфете фотоаппарат и хватается за него. Щелк!.. Щелк!.. Тууз ловит моменты, чтобы запечатлеть Дебс, увлеченную танцем. Дебс вся во власти музыки и танца, кажется, она не замечает ничего вокруг. Щелк!.. Щелк!..

Дебс незаметно покинула комнату. В передней она натянула свою куртку. Но «молния» опять не поддавалась, и она торпливо сменила куртку на легкое демисезонное пальто и, схватив с подзеркальника красную вязаную шапочку, выбежала из квартиры.

— Дебс! — кричит Сильвер, заметив исчезновение девушки.

Дора выглядывает в коридор и видит пустую переднюю и настесь распахнутую дверь.

— Дебс! Де-бо-ра! — кричит мать на лестничной площадке.

Теперь и остальные выскакивают в переднюю, догадываются, что случилось, и бегут вниз по лестнице. Тууз впереди всех.

Последним остается в прихожей Сильвер. Он берет свои перчатки и шлем, замечает оставленный Туузом фотоаппарат. Секунду поколебавшись, Сильвер вытаскивает из аппарата пленку, кладет себе в карман и мчится вниз по лестнице.

На улице уже трогаются с места «Жигули» Тууза. Машина, приспособленная для ралли, с номером «21» на кузове трогается следом.

На Вышгороде каменные мрачные стены покрыты инеем. Девушка в легком демисезонном пальто входит в сад Датского короля. Туфли ее пригодны для танцев, но не для прогулок в такую погоду.

Она подходит к краю стены и смотрит на Нижний город. Светятся лишь редкие окна, тускло лучатся неоновые надписи. Над городом дымка сырости. По стене разгуливает мокрая бездомная кошка.

— Кис-кис-кис... — подозвала ее Дебс.

Кошка недоверчиво остановилась, готовая отпрыгнуть в темноту, глаза ее в темноте светились.

Машина с номером «21» на кузове тем временем кружила по узеньким улочкам старого города. Остановилась. Сильвер вышел из машины, посмотрел по сторонам. Дебс нигде не было видно.

Дебс брела по одной из улочек Старого города, когда позади появилась машина Сильвера и медленно двинулась следом за ней. Так продолжалось некоторое время. Потом Сильвер остановил машину рядом с Дебс и открыл дверцу. В этот же момент послышался скрежет тормозов — это Тууз на своих «Жигулях». Дебс села в машину к Сильверу и захлопнула дверцу. Сильвер отъехал. Тууз неподвижно застыл за рулем в своей машине, вид у него усталый.

Сильвер и Дебс едут молча. Похоже, девушке холодно. Сильвер крутит ручку при-

емника, но не найдя ничего интересного, выключает.

— Я не хочу возвращаться домой!

— Все ищут тебя, — пробормотал парень.

— Никто меня не ищет, — странно усмехнулась Дебс.

...Машина Сильвера уже далеко за городом. Огни ее фар появляются из-за холма, приближаются. Сделав крутой вираж по берегу, машина останавливается перед дачей профессора Тальвика. Гаснут фары, мотор затихает. А вскоре в доме вспыхивает свет.

— Он снова просил что-нибудь привезти? — спросила Дебс.

Сильвер не ответил, начал разводиться огонь в камине.

— Зачем ты разводишь огонь?

В камине уже вспыхнуло пламя. Поднявшись и продолжая смотреть на огонь, он сказал:

— Скоро здесь будет тепло.

Дебс охвачена каким-то особым, странным чувством. Она расхаживала по комнатам, трогала мебель, вещи, книги на полках, подошла к камину, посмотрела на огонь, подняла взгляд и встретилась глазами с глазами мальчика на фотографии...

— С матерью... Слушай, Сильвер, неужели у него никогда не было жены?

— Может, и была, — пожал плечами Сильвер, — не знаю.

— Грустно...

— Дебс, мы должны пожениться.— Сильвер вдруг поднял ее на руки и поцеловал.

— Оставь, Сильвер... Прекрати... — испугалась Дебс.

Сильвер прикусил губу. Он погладил ее волосы, лицо, плечи... Рука парня нежно коснулась ее бедра... Дебс попыталась схватить его за руку.

— Нельзя, Сильвер!

Сильвер покрыл поцелуями ее глаза, шею... С силой прижал девушку к себе. У Дебс почти не было сил сопротивляться, она открыла глаза, взгляд у нее отсутствующий. Сильвер оторопело разжал на мгновение руки, и Дебс, воспользовавшись

моментом, бросилась прочь. Сильвер выскочил следом.

— Дебс! Де-бо-ра! — отчаянно кричал он в темноту.

Дебс соскочила на землю из кабины автофургона, подвезшего ее в город. Махнув водителю, зашагала по безлюдной улице.

Неожиданно она обнаружила, что стоит перед раскрытым настежь окном полуподвального помещения. Комнату как раз проветривают, гардины раздвинуты, и видно, что все стены от пола до потолка здесь увешаны картинами — очевидно, это мастерская художника. Заинтересовавшись, Дебс нагнулась и заглянула в окно. Раз! Ее вдруг схватили за руку, Дебс только успела вскрикнуть.

— А ну, залезай в комнату, ночная фея! — Перед ней стоял молодой бородач отнюдь не пугающей внешности.

Дебс огляделась. Вдоль стен стояли подрамники, грунтованные холсты, рамы... Несколько человек оживленно беседовали между собой, причем некоторые сидели на длинном столярном верстаке. Бородач присоединился к ним. Спорщики ожесточенно жестикулировали, что-то доказывали друг другу. Слышны лишь обрывки отдельных фраз:

— Что значит близость к жизни?..

— А я так вижу мир!!! Четвертое измерение...

— Несчастный человек!..

— Жизнь — это обмен вещевь...

— Авто... автомобиль! Разве это недостаточно ясно?

На Дебс не обращали внимания. Молодой бородач, затащивший ее в комнату, долго старался перехватить большую кружку, переходившую из рук в руки. Наконец это ему удалось. Он передал кружку Дебс, та заглянула и удивилась — кружка была пуста.

— Эй, Красная шапочка! Скажите вы, что такое жизнь?

Дебс — Аида Зарс

Дебс не сразу догадалась, что обращаются к ней. Но все смотрели на нее, ожидая ответа.

— Жизнь... это жизнь, — выпалила Дебс.— Жизнь — это все. Ничего другого нет!

— Bravo, bravo! — закричали ей.

— Прагматик! — ворчал парень, стоявший в стороне.

Дебс было неловко оттого, что она оказалась в центре внимания. Одна из девушек взяла у нее кружку.

— Да она же пустая! Принесите ей! Попищите. Принесите ей что-нибудь. Не видите, что ли, человек продрог, промок!

Сразу все пришли в движение, суетятся, стараются.

Наконец появился парень с кружкой, до краев полной горячего глинтвейна.

Но Дебс уже нет. Противник прагматизма, держа в руке сигарету, меланхолично

указал на раскрытое окно, где ветер развеивал ситцевые занавески.

Ранее утро. Дебс идет по городу. Взрослые уже спешат на работу, детишки в школу. Дебс вдруг обнаруживает, что стоит... перед больницей. Несколько мальчишек томят вместо футбольного мяча старое пожарное ведро — шляпу снеговика. От самого снеговика оттепель оставила лишь большой ноздреватый сугроб. В больших окнах операционной — яркий свет.

Дебс вошла в больницу. Дежурная сестра не остановила ее, а, поздоровавшись, как со старой знакомой, продолжала заниматься своим делом. Дебс поднялась по лестнице и в коридоре встретилась с Пуудерседем.

— Вы здесь? — изумился он.

— Я пришла... Я подумала... — Дебс не

знала, как лучше начать. — Скажите, доктор, — решила она наконец, — одна почка, одна здоровая почка может спасти профессора Тальвика?

Пуудерсель грустно покачал головой.

В другом конце коридора открылась дверь палаты профессора Тальвика. Санитарки — одна за одной — молча вынесли оттуда вещи: свернутый матрац, халаты, книги...

Дебс стояла, не в силах отвести взгляд от этой молчаливой процессии. Глаза ее медленно наполнились слезами.

В цехе оглушающий грохот. Крутятся бобины с нитками. Ткачихи торопятся от одной машины к другой. Одна из них — Дебс. Ее большие грустные глаза видят что-то гораздо более далекое, чем ткань, возникающая в станке. И слышит она не гул станков, а мелодию Баха...

И вот уже звучит та же мелодия Баха в стремительном, живом темпе, молодо и бодряще. Ее исполняют «Сингл Сингерс». Му-

зыка эта льется из маленького кассетного магнитофона, лежащего на сиденье в машине, на кузове которой большие цифры «21». Машина маневрирует между других легковых автомобилей, ждущих на стоянке перед фабрикой.

Смена кончилась. Из стеклянных дверей фабрики выходят группы смеющихся девушек. Наконец появляются Дебс, Эпп и Алла, которая беспрерывно щебечет.

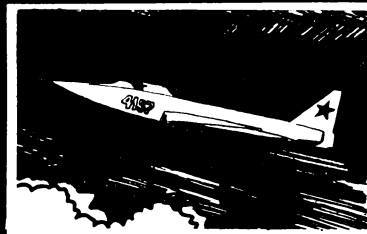
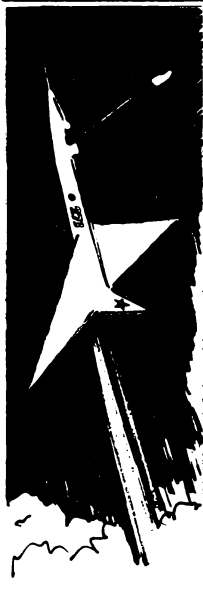
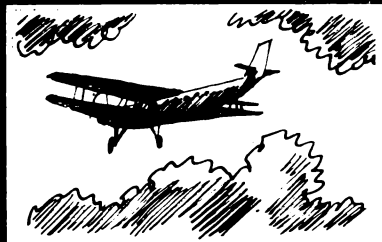
В общем людском потоке девушки сворачивают к остановке трамвая. Похоже, что они не заметили Сильвера и его машину. Нет! Эпп все-таки украдкой взглянула в ту сторону.

Сильвер-то давно их заметил. Он включил магнитофон на полную громкость и, виртуозно развернув машину, последовал за девушками.

Алла и Эпп спешат к остановке трамвая, а Сильвер останавливает машину рядом с Дебс. Взгляды их встречаются. Это серьезные, изучающие взгляды. Оба чувствуют, что начинается новый период их жизни.

Перевел с эстонского Геннадий Муравин.

И. ПИСЬМЕННАЯ, Р. РОМАНОВ, И. ЧЕРНЫХ

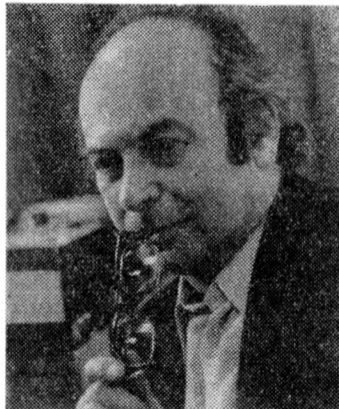
ВОСХОЖДЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

ИРИНА ЛЕОПОЛЬДОВНА ПИСЬМЕННАЯ окончила отделение журналистики Белорусского Государственного университета. Работала в школе, затем корреспондентом газеты «Літаратура і мастацтва». Ее перу принадлежат пьесы «Тямтя» и «Сожгли чичело совы». На киностудии «Беларусьфильм» по сценариям И. Письменной снято более десяти документальных фильмов, среди них «Птица Икс» и «Лилия — дочь Георгицы», удостоенные международных премий.

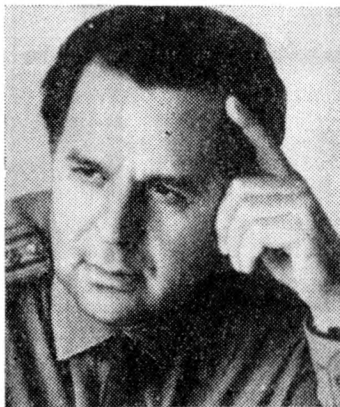

РОМАН ГЕРМАНОВИЧ РОМАНОВ (родился в 1923 году) участник Великой Отечественной войны. После войны учился на историческом факультете Белорусского Государственного университета. Был военным корреспондентом в Прибалтике, Белоруссии, на Сахалине и Дальнем Востоке. Пьесы Р. Романова «Синицыны», «Уголок бурь», «Все смертям назло», «До встречи, Земля!», «Пока он не выстрелил» были поставлены в Москве и других городах, а также в Болгарии и Польше. По его сценариям снято несколько документальных фильмов.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЧЕРНЫХ (родился в 1927 году) — выпускник военного летного училища. Служил в Белоруссии, на Дальнем Востоке. После окончания Литературного института им. Горького стал военным журналистом. И. Черных автор повестей «Мертвая петля», «Иду на перехват», «Агава», «Последний полет», «Регина» и пьес «Звуковой барьер», «Завтра будет поздно». На киностудии «Беларусьфильм» по его сценарию снят документальный фильм «Тревожные высоты» об испытателях парашютов и катапульт.

Фильм по литературному сценарию «Восхождение на Землю» ставится на киностудии «Беларусьфильм» режиссером Борисом Степановым.

— Разрешите петь?

— Что?..

— Петь, говорю, разрешите. А то дремлет.

— А-а... Петь разрешаю.

Сквозь слабое потрескивание динамика пробилась песня: «Я цыганский барон, я в цыганку влюблен...».

В кабине самолета, одетый в скафандр, сидел испытатель и пел.

По небу неслись редкие, раскосмаченные облака. Выл, надрывался ветер. Бешено вращались чашечки дистанционного датчика указателя скорости ветра. Жалобно скрипела доска Бофорта. Лишь круглые антенны радаров да громадные «тарелки» посадочных устройств были не подвластны ветру.

Командно-диспетчерский пункт притих в ожидании. У индикаторов радиолокационных станций, телевизоров и раций дежурили операторы, диспетчеры, радисты. Холодно поблескивал никель приборов. Голубовато-зеленым цветом мерцали экраны. «Я цыганский барон, я в цыганку влюблен...» — слышался голос испытателя.

Александр Иванович Князев оторвался от листа бумаги, на котором рисовал человечков, и усмехнулся. Неподалеку от него совершал бесконечные полуобороты во вращающемся кресле Петр Фомич Олешко.

Князев встал, сложил руки на груди и, не поднимая головы, прошелся по командному пункту. У огромного, во всю стену, окна остановился и впился глазами в небо. Растрепанные, бесформенные облака словно сопротивлялись ветру. Но он был сильнее и гнал, гнал их...

— Проклятье! — угадав мысли Князева, не выдержал Олешко.

Раздался телефонный звонок, и Олешко протянул трубку Александру Ивановичу.

— Я... Здравствуй, Буров. У моря погоды ждем. Долгосрочный прогноз дает ухудшение на длительное время. Думаем... Вот я и говорю, думаем!

Снова послышался голос испытателя:

— Александр Иванович, а если не на море, а на землю?

— Спасибо! — ответил Князев в микрофон. — Мы уже запросили данные.

— В районе Сергеевки ветер пять-семь метров в секунду, — сообщили по селектору.

— Проверьте еще раз!

— Пять-семь метров в секунду, — повторил селектор. — Сергеевка прикрыта холмами.

Князев кивнул, и Олешко тотчас же распорядился:

— Двадцать первый, двадцать первый, я — седьмой. Готовьтесь к полету! — с легкой хрипотцой проговорил он в микрофон. — Метеорологи, слышите меня? Данные ветра по высотам! Штурману рассчитать новое место катапультирования. Вертолетам приготовиться!..

От грохота двигателей, казалось, содрогнулась земля. Серые клубы пыли поднялись над самолетом и на мгновение закрыли небо.

Теперь внимание всех было приковано к динамике. Летчик докладывал:

— Высота девятнадцать тысяч... курс триста пятьдесят... скорость две пятьсот...

— Приготовьтесь к катапультированию!..
Прошло еще несколько секунд, и испытатель ответил:

— Готов!

— Испытатель ушел. Система сработала! — доложил летчик.

Словно пытаясь снять напряжение, Князев провел ладонью по лицу.

— Фу-у... — невольно вырвался у Олешки вздох облегчения. Он повернулся к Князеву: — Пошел цыганский барон...

— Пятый!.. Пятый!.. — налаживал связь с испытателем радист.

Динамик молчал. Рука Князева замерла на столе. Олешко, грузный мужчина, с неожиданной для его габаритов ловкостью подскочил к радисту:

— Ну?

— Пятый!.. Пятый!.. — вызывал радист.

На мгновение солнце вынырнуло из-за облаков и позолотило все вокруг.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Маша Крылова стояла у окна, прижавшись лбом к стеклу. Окно выходило на многолюдную шумную площадь. Уже зажгли вечерние огни, но еще доживал последние минуты дневной свет. И в этой сиреновой смеси плыли автобусы, троллейбусы, люди.

— Он был здесь... однажды. Вообще я наши встречи могу по пальцам перечесать. А в память врезались. Может, потому, что не любила его... тогда. Потому, наверное, не поняла его, не увидела, не рассмотрела. Да и не старалась... Я и в себе-то разобраться не могла...

На другой стороне площади заработала световая газета: «Введен в эксплуатацию последний, восьмой электроблок Лукомльской ГРЭС...». «Покупайте одеколон «Лада», «Покупайте одеколон «Лада». Желтые, зеленые, красные огни на мгновение высвечивали картины, развешанные на стенах.

— Сложная и путаная это штука — любовь... Разве я думала тогда, что все так изменится. Мне казалось, что главное в жизни — утвердить себя, во что бы то ни стало! Пусть даже отступая, теряя... А он все перевернул. Когда? Даже не заметила... Да, слушать он умел здорово. Я за-

метила, люди не умеют слушать других. Делают вид, а не слышат. А он — умел...

— Горько! Горько! — кричали гости.

Свадьбу гуляли в саду, в надежной тени старых кривых деревьев. Когда налетали сильные порывы ветра, их ветви, крючковатые и разлапистые, едва не касались земли. Только иногда жаркому послеобеденному солнцу удавалось пробиться к столу, на котором горками лежали помидоры, блестела залитая шкварками картошка, вышались бутылки с домашним вином и квасом.

Повиснув на низкой ограде, мальчишки с любопытством следили за ходом веселья.

— Горько! Горько! — жаловались гости.

Мальчишки переглянулись: неужели поцелуются? Так и есть — поцеловались!

А потом слово получил жених:

— Жизнь... это... к концу. Пятьдесят годов вместе... Спасибо тебе, Евдокия Кузьминична, что тютелька в тютельку подросла, когда мне жениться приспичило, что ждала меня снисходительно, пока я ума-разума набирался, верность хранила, когда я на войне пропал...

Гости слушали. Были это люди преклонного возраста, одноподки жениха и невесты, чуть помоложе. Маша, их внучка, самая молодая на свадьбе, с любопытством вглядывалась в их лица. Достав откуда-то лист бумаги, она пыталась делать карандашные наброски.

— За что я Евдокию полюбил до гроба, — разоткровенничался жених, — так это... что душа у нее, как нынче говорят, безразмерная... Живет еще в некоторых людях этакая жадность. Забор им снится, чтобы без единой щелки... Кабанчик пудов на десять... А Евдокия Кузьминична... она другим мучилась. Вот за тем лесом — что?.. А за тем?..

Невеста вся светилась. На ней было белое платье с вышивкой и белый шелковый платок.

— Ты не устал, Ваня? — дернула она Ивана Васильевича за полу черного пиджака.

Над просторной, заросшей высокой травой поляной, что начиналась сразу за домом, кружил самолет. Через равные промежутки времени от него отделялась маленькая черная точка, а потом вспыхивало небольшое облачко — белый купол парашюта.

Прыжки, видимо, шли к концу, потому что самолет, оставив в небе последнего парашютиста, сделал разворот и скрылся за лесом.

Лихо играл деревенский оркестр. Дедушки и бабушки танцевали.

— На что бабе огород, коли баба стара, коли бабе за сто год... — весело пели старики.

А парашютист тем временем приближался к земле. Ветер нес его к поселку. С помощью строп он пытался изменить направление полета, но только ухудшил свое положение.

Звон разбитого стекла, треск, крик обрывали песню. Парашютист приземлился в саду, рядом со свадебным столом. Все замерли и молча уставились на неожиданного пришельца с неба. Евдокия Кузьминична опустилась на колени, припала ухом к его груди.

— Жив? — раздалась встревоженные голоса.

— Кажется, — пробормотал парашютист. Он отцепил парашют, пригладил волосы и, растерянный и смущенный, попятился к калитке.

Но гости и не думали его отпускать. Испуг сменился бурным восторгом. Кто-то уже схватил парня за руку и тащил к столу, кто-то поднес чарку. Он отнекивался, мотал головой, отстранял рюмку руками.

— Да ты что? — возмутился Иван Васильевич. — У меня... это... золотая свадьба.

— Поздравляю, — виновато улынулся парашютист.

Его все-таки усадили за стол, но оказавшийся рядом старик тотчас же предложил:

— Махнемся?

— А? — не понял парень.

— Местами махнемся?..

И они пересели. Новый сосед предложил то же самое. Так продолжалось до тех пор, пока парень не оказался рядом с Машей.

— Дмитрий Ильич, — представился он и сразу уточнил: — Митя. Знаешь... С высоты большой все четко и ясно. Но без имени. Поселок, люди... Без имени. Вот ты, например... отсюда — одна из многих.

Маша засмеялась, взяла рюмку и выпила. Митя махнул рукой и тоже выпил. Свою рюмку он поставил рядом с Машинной.

Неподалеку от дома затормозил «газик». Из него выскочили двое мужчин и девушка. Когда Оля, Максим и тренер Иосиф Константинович Антонок вбежали во двор, Митя произносил тост:

— Мне обычно не очень-то везет. А сегодня — будьте свидетелями — я приземлился удачно. И главное... точно...

— Радкевич! — зло крикнул тренер.

Митя сразу сник и, опустив голову, начал выбираться из-за стола.

— Целехонький, целехонький! — захлопала в ладоши Оля. — И руки, и ноги...

— Пошли! — резко бросил тренер.

— У людей золотая свадьба, а вы в крик... Даже не поздравили, — тихо упрекнул Митя.

— Извините, милые. Так задумано было: небесное поздравление, — сказал тренер, обняв Митю за плечи, и повел к калитке. — Сил моих больше нет. Бросай спорт и не морочь голову!

Иван Васильевич приоткрыл калитку и увидел Митю. Он топтался возле дома и не решался войти. В руках он держал несколько ромашек.

— Давайте я дрова поколю, — робко предложил он. — Я умею.

Из сарая с кудахтаньем и шумом выскочили испуганные куры. Митя взял топор и точильный камень, провел им несколько раз по лезвию, поплевал на руки и, размахнувшись, ударил по колоде. Топор со свистом врезался в сухое дерево. Горка чурок быстро росла.

Старики складывали дрова у стенки сарая. Когда Митя присел на колоду отдохнуть, Евдокия Кузьминична принесла из дома и поставила перед ним большую миску, полную налитого янтарем крыжовника и гроздьев красной смородины...

В глубине сада на полосатом коврике спала Маша. В шортах и махровой майке, выпачканной краской. Муравей запутался в ее волосах и никак не мог выбраться, по ноге ползла мохнатая гусеница. Митя осторожно сбросил ее.

— Ты чего? — вскочила Маша.

— Меня от прыжков отстранили.

— На велосипеде будешь кататься.

— Нет, — тихо сказал Митя. — После каждого прыжка испытываешь такое... Ну-у... Это как любовь.

— А ты про любовь откуда знаешь?

— Догадываюсь.

Митя присел возле Маши на корточки, заглянул ей в глаза, а потом бесстрашно заявил:

— Я тебя люблю.

Жужжали пчелы, трещали кузнечики. В воздухе пахло яблоками.

В сквере, рядом с Домом культуры, была танцплощадка. Вечерами здесь играл небольшой самодеятельный оркестр — ударник, две гитары и труба.

Нетерпеливо поглядывая на часы, Маша уже в который раз прошла по главной аллее сквера. Она решительно направилась к выходу и тут увидела Митю, который выскочил из «газика». Машина рванула дальше.

— Эй, стой! — закричал Митя и побежал вдогонку. — Остановись! Я цветы забыл!

Но шофер не слышал его. Окунувшись в облако пыли, машина скрылась вдаль. Сильно прихрамывая, Митя подошел к Маше.

— Где цветы? — пытаюсь подавить смех, спросила она.

Митя смущенно улыбнулся, развел руками.

— Я дарю тебе это дерево. Ему, наверное, больше двухсот лет. Устраивает?

— Ну ладно, возьму. А что с ногой?

— Да... в яму угодил.

— Болит?

Митя кивнул.

— А если мне танцевать хочется?.. Эй, ребята, сыграйте нам!

Они вышли в центр площадки.

— Ну! — подбодрила его Маша. — Смелее!

Музыканты старались изо всех сил. Ритмы нарастали. Митя в азарте двигался по площадке, забыл про больную ногу.

— О-о-о! — воскликнула Маша, когда они приблизились друг к другу.

— Стараюсь, — только и успел ответить Митя.

Они продолжали танцевать, выдерживая шальной ритм. Музыкантам казалось, что силы танцующих неиссякаемы, и ударник, точно скорострельное орудие, отстукивал очереди, неистовствовала труба.

— Сдаюсь, — тяжело дыша, проговорила Маша, когда они снова сблизились.

— Держись! — теперь уже подбадривал ее Митя.

— Больше не могу, — взмолилась Маша.

— Есть еще второе дыхание, — успокоил Митя.

И они продолжали танцевать...

Маша рисовала. Накрапывал мелкий дождь, и Митя держал над ней большой черный зонт.

— А ты талант, — восхищался он.

Маша глянула на него.

— Ох, как я устала! — пожаловалась она. — Да, да... От работы, успехов, вечного напряжения.

Видимо, забыв о возложенных на него обязанностях, Митя опустил зонт и слушал.

— Еще как можно устать! — встретив его недоверчивый взгляд, доказывала Маша. — Чего-то добился — боишься потерять. Можно не иметь, но терять!... И нужно бесконечно что-то делать, из кожи лезть, чтобы в тебе не разочаровались. А если, не дай бог, как ты говоришь, талант, знаешь, как страшно?

— Неужели?

— О-о-о!

Лес темной стеной поднимался за озером. По пологому песчаному берегу ходили какие-то люди в спортивных куртках и кепках.

— Ну-у... Мне кажется, талант — это прорва, — раздумчиво проговорил Митя. — Внутри так много, что отдаешь, отдаешь, а все равно не кончается.

Маша положила кисть и, прищурившись, смотрела на свою работу.

— Отдавать, отдавать... А вот скажут, что ты бездарь, и — трепыхайся не трепыхайся — не поможет. В словах есть какая-то убийственная сила. Заметил?

— Угу. Но надо про себя сказать: «Хлеб растет за поворотом, хлеб растет за поворотом...». Даже на черную кошку действует, — озорно выпалил Митя.

— Храбрый портняжка? — Маша уже начинала раздражаться, отставив свои позиции. — Легко быть храбрым, когда терять нечего... Да держи ты зонт, в самом деле. Дождь!

— Митька! — закричал неожиданно появившийся Максим Стрельцов. — Дело есть!

— А я что, бездельничаю? — Митя покрутил зонт.

— Давай сюда! — настаивал Максим.

Митя прикрепил зонт к мольберту и побежал к берегу. Маша посмотрела ему

вслед — невысокий, тонкий в талии и широкогрудый, он бежал, подпрыгивая, лишь на мгновение прикасаясь к земле, и снова взлетал над ней.

— Ребята, — обратился к Максиму и Мите крупный, начинающий полнеть мужчина, Петр Фомич Олешко, — у нас тут одна вещица в озеро угодила. Где-то недалеко, наверное... Может, поныряете, а? Пока наши подъедут?

— Можно, — согласился Максим. — Холодно зато, правда. Но если будет чем согреться...

— Подожди, — прервал его Митя. — А что за вещица?

— Ну, кресло такое, понимаешь, — как-то неопределенно ответил Олешко.

Митя отрицательно покачал головой.

— Четыре ножки, подлокотники, — объяснял Петр Фомич.

— Гм... Интересно. Откуда упало-то?

— Откуда, откуда... С неба. Больше вопросов нет?

— Есть, конечно... Это, что, так надо было?

Олешко пытался сдержаться, но не смог:

— Чего пристал? Нужная вещь, понимаешь?

— А-а... Так бы сразу и сказали. Правда, ныряю я плоховато, — огорченно сообщил Митя.

— Ладно, будешь Васькой-подручным, — распределил роли Максим и тут же стал раздеваться.

Митя сел на весла, и они отчалили. Недалеко от берега Максим нырнул. Через несколько секунд его голова показалась над водой. Так повторялось несколько раз.

— Есть! — наконец закричал он и нырнул снова.

— Сорок пять, сорок шесть, сорок семь... — считал Митя.

Максима не было.

— Эх! — испуганно оглянувшись, Митя сделал глубокий вдох и прыгнул в воду. Почти тотчас же Максим вынырнул...

...Солнце пробивалось из-за туч, верхуш-

Маша — артистка Элле Куль, Митя — артист Александр Фатюшин

ки деревьев загорались, и Маша писала их красным.

...У лодки, на берегу, набросив на мокрое тело пиджак, Митя подпрыгивал, пытаясь согреться.

— Чего ты полез? Думать надо было, соображать! — злился Максим.

— А чего думать-то? Не диссертация, — простодушно ответил Митя. — Утонул бы, что тогда?

— Это же ты тонул! — возмущился Максим.

— Я?.. Просто нахлебался немного.

В воздухе раскачивалось поднятое автотокраном катапультное кресло. Крупные капли воды стекали с него. Оббитое водорослями и лилиями, оно напоминало трон водяного.

Сквозь щели на сеновал пробивался лунный свет.

— Травой пахнет, — с удовольствием вдохнул Митя.

— Это все дед. Специально для меня сено сушит. Я у них вместо коровки, — пошутила Маша.

Голос ее доносился как будто издалека. Но она была тут же, рядом, и, словно желая убедиться в этом, Митя положил свою руку на ее. Даже в темноте Маша могла разглядеть характерную Митину улыбку, чуть сдержанную, робкую, так неожиданно менявшую его лицо.

К чердачному окну припала большая красная луна. Небо вокруг посветлело, даже звезды не просматривались.

— Выходи за меня замуж, — Митя осторожно доставал травинки, застрявшие в Машинных волосах.

— Расхрабрился... Выпил, да?

— Знаешь, как холодно было. Так можно и воспаление схватить.

— Клад, что ли, искали?

Митя кивнул.

— Орлы!...

— Я-то был Васькой. Ничего не поделаешь... Вся история состоит из личностей,

которые ее двигают, и Васек... без которых тоже не обойтись...

— Значит, ты хочешь на мне жениться?

— Конечно.

— Когда?

— Завтра.

— Так срочно? Может, послезавтра?

— Не люблю откладывать, — не обращая внимания на ее иронию, продолжал Митя. — Я хочу, чтоб у нас родились две девочки. Две... Это замечательно!

Прежде, чем Маша успела ответить, Митя обнял ее и начал целовать. Он целовал глаза, губы, волосы, не давая произнести ни слова. Маша прижалась к нему и отвечала на ласку.

— Ой, все это глупо, глупо! — освободившись от объятий, сказала она.

Маша засмеялась и встала. Митя попытался удержать ее, но она вырвалась и стала спускаться по лестнице.

— Увлекательная перспектива, — сказала Маша. — Что, нет в жизни ничего главнее? Кто ты такой, чтоб я пошла за тебя? Ну скажи, кто?

— Я люблю тебя!

— Люблю, люблю... Подумаешь, как в прошлом веке! — И она пошла к крыльцу.

Утром с небольшим чемоданчиком в руках Маша вышла из дома.

На крыльце, прислонившись к перильцам, крепко спал Митя. Старики проводили Машу до калитки. Она обняла их, расцеловала.

— Может, что передать? — дед показал на Митю.

Маша пожала плечами и зашагала по тропинке, ведущей на станцию.

По улице небольшого, современно отстроенного города медленно шел Митя. В руках у него была сетка, туго набитая пакетами с сахаром. У длинного стеклянного здания висел плакат: «Выставка работ молодых художников». По широкой мра-

морной лестнице Митя поднялся на второй этаж.

Картины — большие полотна и миниатюры, скульптура, резьба и чеканка занимали несколько залов. Митя быстро обошел их, интересуясь, главным образом, кому принадлежат работы. Потом вернулся к началу экспозиции и присоединился к экскурсии.

Остановившись у одной из картин, экскурсовод, женщина средних лет со строгим красивым лицом и заколотым на макушке пучком светлых волос, говорила:

— Обратите внимание на этот портрет... Какое праздничное звучание цветовой гаммы!.. Смелое и даже дерзкое сочетание красок. И отсюда характер: оптимистический, задиристый, ну, может быть, несколько прямолинейный...

— А где же работы Крыловой? — спросил Митя.

— Кого? — переспросила экскурсовод, и все повернулись к Мите.

— Крыловой.

— Не знаю. Очевидно, ей нечего показывать, — ответила экскурсовод и продолжала: — Для молодого художника характерен острый интерес к нашей жизни...

— Не может быть, — перебил Митя, — она талантливая.

— Товарищ, вы мешаете! — возмутился кто-то.

— На прошлой выставке не было ее работ, — едва повысив голос, ответила экскурсовод.

Экскурсия двинулась дальше.

— А вы хоть поинтересовались — почему? — не отступал Митя.

— Не волнуйтесь, у меня и без этого хватает работы... Товарищи, подойдите поближе!

— Не понимаю. Кому-то, может, плохо, а вы тут, простите, мурой занимаетесь. Нарисовано бездарно, а вы еще и объяснять пытаетесь, будто что-то есть.

Экскурсовод побледнела.

— Вы, очевидно, пьяны?

— Ну почему, когда человек говорит то, что вам не нравится, или то, что вы не способны понять, он обязательно пьяный?..

С другого конца зала донесся женский смех. Смеялась Маша Крылова.

...Митя расхаживал по комнате. На стенах висели акварели, карандашные наброски, гравюры. Он остановился у одного из пейзажей: серовато-серебристое озеро, лес на далеком берегу, верхушки деревьев, освещенные солнцем.

— Давно это было, — услышал он голос Маши.

— Восемь.... Нет, девять лет тому.

— Отдавать-то оказалось нечего, Митенька, — Маша ставила на стол сыр, апельсины, коньяк.

— Кто это сказал?

— Я.

— А-а...

— Ну что ж, за встречу! — предложила Маша.

Они выпили.

— Можно я позвоню? — Митя набрал номер. — Привет, Оля, это я. Знаешь, кого я встретил? Нет... Тоже нет... Машу... Машу Крылову, ту самую... Я к ней забежал. Как зачем? Ну... Ольга! Какой еще сахар?.. А, сахар.... Ничего особенного: шел за сахаром, а попал на выставку, встретил Машу. Да бог с ним, с вареньем!

На другом конце провода, видимо, бурно реагировали на это сообщение. Но Митя спокойно слушал и улыбался.

— Никто мне не предлагает остаться здесь навсегда, не шуми! Вот что, будут меня спрашивать... телефон...

Маша подсказала телефон, он повторил его и положил трубку.

— Это Оля, моя жена. Помнишь, смешная такая?

— И две девочки уже?

— Ага.

— Я иногда вспоминаю те дни. Ой, как я хотела удивить мир!.. Человек предполагает, а бог располагает.

— Ну и как распорядился твой бог?

— Все перепутал, Митенька.

Митя еще раз прошелся по комнате, рассматривая Машины пейзажи.

— Как старики?

— Бабушка умерла еще тогда... в тот год.

Митя поднял глаза. В них застыло недоумение, словно он пытался и не мог понять извечную загадку смерти.

— И доброта, Митенька, не бессмертна.

— Кто это сказал?

— Я.

— А-а...

— Митенька, мне кажется, ты подросток.

— Не может быть.

— Давай померимся. Помнишь, я была тебе до уха.

Они стали спиной друг к другу. Раздался телефонный звонок. Маша жестом попросила Митю послушать.

— Да? — Он прикрыл трубку ладонью.— Какой-то Георгий.

Маша замахала рукой.

— Алло, Георгий, тут Маша встретила своего старого друга. У нее такое настроение... Может, в другой раз позвоните? Ну, это, конечно, ваше дело, — Митя положил трубку.

— Между прочим, я собираюсь за него замуж.

— Не надо!

— Почему?

— Не надо — и все! — Митя сказал это твердо и уверенно. — А дед? Ты ничего не говоришь про деда.

— Ну что дед? Сюда не едет... Ходит на могилку к бабушке и пьет потихоньку. Скверно, скверно все, Митенька.

Они стояли в разных углах комнаты.

— Маша, что происходит? Что с тобой?

— Неужели ты не можешь подойти ко мне и поцеловать? — неожиданно сказала Маша.

— Могу...

— Увы, Митенька! То, что хотела, — не получилось. А то, что получилось, — не интересно. Но, может, теперь все будет по-

другому? Я встретила тебя и... не отпущу.

— Невозможно.

Маша включила магнитофон, и они долго сидели молча. Вначале мелодия была чуть печальная, медленная... Но постепенно властные и зовущие ритмы заполнили комнату. И, очевидно, вспомнив прошлое, Маша озорно посмотрела на Митю и начала танцевать. Митя тоже поднялся. Они танцевали, приближаясь друг к другу, каждый свой танец.

Вдруг музыка оборвалась и мужской голос что-то прокричал на немецком языке.

— Рекламные штучки, — пояснила Маша. — Из Швейцарии привезли.

Митя подошел к магнитофону и прокрутил кассету назад. Мужской голос повторил ту же фразу.

— А знаешь, про что это он кричит? — спросил Митя. — «Катапульта спасла жизнь не одному пилоту. Катапультная система стиральных машин фирмы «Баукнехт» спасет жизнь вашему белью».

— Катапульта — это как? — спросила Маша.

— Ну... Такое приспособление. Стреляет, понимаешь? Человеком стреляет.

— Благо цивилизации? Какой ужас!

— Да, удовольствие небольшое.

Уже начало смеркаться, когда снова зазвонил телефон. Маша взяла трубку.

— Мне приказано передать, что моего любовника требует какой-то Князев, — сказала она, закончив разговор.

— Оля? — улыбнулся Митя и начал быстро собираться.

— Я даже не спросила, чем ты занимаешься.

— Работаю в одной конторе.

— А Князев — это кто?..

ГЛАВНЫЙ

Александр Иванович Князев расхаживал по своему кабинету, вдоль длинного стола с полутора десятком стульев; второй, пьсь-

менный, с селектором и телефоном, стоял в углу.

— Скорость и высота... наша мечта и наш хлеб. Гиперзвуковые самолеты, например, — шесть тысяч километров в час. Транспортный космический корабль... стартует как ракета, приземляется как самолет... И все это работает сегодня, сейчас, но ни одна машина не может подняться в воздух, пока не создана спасательная техника. Значит, кто-то должен быть пер-
вее первых.

Князев подошел к столу, сел, взял лист бумаги, карандаш. Нарисовал человечка, еще одного... Человечки получались разные: они бегали, прыгали и даже летали.

— Когда он пришел к нам, мы его не взяли: не показался. А он пришел снова. Упрямый был — неистребимо. От него ничего не скрыли: риску много, денег мало, карьеру не сделаешь. В лучшем случае — пенсия в сорок лет. Он тихо возразил: а как насчет тех, кто проверяет на себе новую сыворотку? Чудак!.. Сыворотку-то раз в полвека открывают, ну, раз в двадцать лет. А нам испытывать — десятки раз в год. Улыбнулся. Слово то точку в нашем разговоре поставил...

Долго и тщательно Князев оттачивал карандаш.

— Дорого платим. За то, что мало знаем... За то, что хотим знать больше.

Тренажер с чуть наклоненными рельсами был похож на громадный подъемный кран. Здесь тренировались испытатели — Радкевич и Стрельцов. Одно кресло отстреливало вверх, метров на двадцать, другое — вниз...

...Тележка на реактивных двигателях разогналась, набирая огромную скорость, и резко останавливалась. Скорость — торможение! Скорость — торможение! Лица испытателей искажались от перегрузок.

...Центрифуга бешено вращала их в разных плоскостях.

...Через полутораметровое сопло под большим давлением нагнетался в камеру воздух. В прозрачно-голубую лавину из бункера выдвигалась катапультная установка с испытателем, одетым в специальный костюм: проверялось воздействие сверхзвукового потока на человека.

Когда тренировка кончилась, Митя, не обращая ни на кого внимания, присел на пол, прислонившись спиной к стене. Он прикрыл глаза, а когда открыл — рядом был Максим.

— Сладкая жизнь...

Митя снова прикрыл глаза.

Мимо проходил главный конструктор Князев в сопровождении «свиты» — начальника летно-испытательной службы Олешко, инженеров и конструкторов. Олешко докладывал:

— Трубу прошли, манекен отработали, теперь дело за ними, — и он показал на Радкевича и Стрельцова.

Князев остановился.

— Вопросы есть?

— Конечно. — Митя встал. — Кто пойдет первым?

— Я! — быстро среагировал Максим.

— Пойдете на разных режимах, — сказал Князев. — Оба первые.

— А не лучше ли одному? — предложил Радкевич. — Чтобы картина была полной.

— Ну-у... — в разговор вмешался Олешко. — Одному, миленький, это не под силу.

— Кто сказал?

— Я.

— А-а...

В кабинете врачи осматривали испытуемых.

— Ну, как мой хребет? — спросил Радкевич.

— Хоть на выставку достижений, — отшутился врач и показал Мите рентгеновский снимок.

— Ого! — улыбнулся Митя. — Как у мамонта.

— Дорогой мой пациент, мамонт на вашем месте давно бы окачурился. Между прочим, где ваш анализ крови?

— Не могу я так часто, доктор. Когда палец колят, боль жуткая.

— Зато анализы мочи он сдает регулярно, — защитил его Стрельцов.

Два техника, специалисты по высотному снаряжению, одевали Митю. Весь этот процесс напоминал торжественный ритуал. На шелковое белье надевалась вентиляционная оболочка, костюм цвета беж, пронизанный трубочками. Затем, из чистой шерсти — утеплительная... Потом — герметизирующая, в которую влезает через «аппендикс». И наконец, силовая, последняя, не позволяющая раздуться всему, что уже надето.

Ожидая своей очереди, Максим разгуливал по комнате в трусах и куртке.

— Ну кто мы с тобой такие? — задавал он вопросы и тут же отвечал: — Полуинженеры-полускотинки... Вкалываем, горим, тонем, проверяем на себе, а кто про это знает?

— Никто! — Митя развел руками, и гармошки на суставах скафандра растянулись.

— И я говорю — никто. В лучшем случае — имена в газете и первая буква фамилии: Митя Рэ, Максим Сэ...

— Конечно, лучше бы полностью и крупно, — улыбнулся Митя. — Но говорят, в газетах место экономят.

— Ну и черт с ними!

Техники «припиливали» гермошлем.

— Чем не кавалер! — восхитился Максим.

А на аэродроме инженеры, техники, механики колдовали возле «Спящей красавицы». Проверили систему, усадили испытателя в кресло, «прикантовали».

Специальный подъемник, установленный на машине, бережно, словно колыбель с ребенком, поднял «Спящую красавицу», пронес ее над аэродромом. Систему установили

в кабине самолета и состыковали телескопические части стреляющего механизма.

Теперь испытатель сидел в самолете и дышал кислородом: вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох...

Взрели турбины. Серые бетонные плиты с черными полосами от сгоревшей резины понеслись навстречу, провалились под колесами, и самолет вонзился в небо.

Радкевич внимательно следил за приборной доской. Вспыхнуло желтое табло: «Приготовиться!».

Сверкнул на солнце самолет, и стреляющий механизм выбросил «Спящую красавицу» с испытателем...

На волнах покачивалась надувная лодка.

Митя в скафандре, приподняв щиток гермошлема, склонился над водой и засмотрелся... У самой лодки море было темно-изумрудным. Прозрачные тела медуз напоминали маленькие раскрытые парашютики.

Вдали виднелась желтая полоска пляжа. Люди отдыхали.

С приближающегося катера послышался голос Олешки:

— Поздравляю!

— С чем поздравлять-то! — обозлился Митя. — С чем?

Князев и Буров шли по аэродрому вдоль стоянки самолетов. Разделенная на секторы, она выглядела необычно. Каждая машина привлекала неожиданной и непривычной формой, напоминала картинку из фантастического романа. И в самом деле, это были прототипы летательных аппаратов, которые через несколько лет должны выйти на воздушные трассы, осваивать новые высоты.

— Красавица! — остановившись возле одной из машин, сказал Буров, немолодой сутуловатый мужчина с крупным, рассеченным надвое подбородком и высоким глад-

ким лбом. — А вот стоит на приколе... И почему?

Князев нагнулся, сломал сухую травинку и в задумчивости стал грызть ее.

— Схватишь дизентерию, — предупредил Буров.

— Что?

— Я спрашиваю, сколько она будет стоять на приколе?

— Помнишь, в юности мы играли в такую игру... «Флирт». Карточками обменивались: ты мне — «Хризантема», я тебе — «Василек»...

— Не до шуток, друг мой Князев, — Буров ждал немедленного ответа, потому что от него, очевидно, где-то ждали того же.

— На одной из карточек было написано: «Не задавайте вопросов, и вам не будут лгать».

— Система уже должна быть готова. Где она?

— Идут последние испытания...

— Последние? А заключение Радкевича? А вращение?

— Ты же знаешь, Сережа, «Спящая красавица» — она на годы обеспечит спасение экипажей в широком диапазоне скоростей и высот... Но трудно! Нужно время...

— И что же ты прикажешь? Остановить землю, пока вы наладите земную ось?

Мощный грохот прервал их спор. Свечой уходил в воздух вертикально взлетающий самолет.

— Техника развивается не потому, что этого хотим я, ты или мое начальство, — стараясь перекричать гул, продолжал Буров. — Не можешь — подавай в отставку.

— Ох, и советчиков развелось! Это ведь не профессия, Сережа, — спокойно ответил Князев.

Они свернули на дорожку, ведущую к командно-диспетчерскому пункту — двухэтажному зданию из стекла и бетона.

— Разрешите?

Их догнал невысокий, довольно грузный человек в летной кожаной куртке.

— Подполковник Афанасьев, — представился он. — Ищу Радкевича.

— Не могу помочь, — сказал Князев. — Он занят очень.

— Мне всего пару слов...

— Как-нибудь потом, — посоветовал Князев.

— Полгода за ним гоняюсь, — огорчился летчик. — Я сюда — он туда, он сюда — я туда. Как за барышней. Передайте, значит, если не трудно, что Афанасьев его разыскивает.

У контрольно-диспетчерского пункта Бурова ждала машина.

— И что же я доложу, друг мой Князев? — спросил он, открывая дверь.

— Не знаю, — Александр Иванович пожал плечами. — У каждого кресла свои достоинства и свои недостатки.

— Остряк, — бросил Буров и сел в машину.

Премная Князева постепенно заполнялась конструкторами, ведущими инженерами, испытателями...

— Как шеф — грозный? — спросил Митя у секретарши.

— Похоже... Человечков рисует.

Максим подозвал Митю к окну.

— Митюша, мы должны вести себя умно. Что я — то и ты, что ты — то и я...

Митя нахмурился.

— Не понял?

— От нас ждут оптимизма, и мы его выдадим.

— Кто это сказал?

— Я...

— А-а-а...

Часы пробили десять. Секретарша пригласила всех в кабинет Главного.

Докладывали сидя, по-деловому коротко.

— Мы промоделировали разные варианты в разных условиях, еще раз произвели отстрел с манекенами. Все тщательно проанализировали на машинах, вот графики... Параметры в заданных пределах, отклонений нет. Автоматика сработала безотказно. —

Игорь Владимирович Зотов, представитель электронщиков, снял очки и подслеповатыми глазами посмотрел на присутствующих. — Так что по нашей части... порядок!

— Послушаем пиротехников и баллистиков, — сказал Князев. Немолодой сухопарый мужчина, начальник пиротехнического отдела Федор Борисович Гордон, достал из папки несколько листов бумаги, откашлялся:

— Мы проверили комбинированный стреляющий механизм. Всю последнюю партию пиропатронов, начинку ракетных ускорителей. Ну и что? Ну и ничего. Норма. По всем параметрам. Радкевич присутствовал. Присутствовал? — Он посмотрел на Митю.

Митя кивнул.

— А данные информации приборов в момент эксперимента? — продолжал Гордон. — Данные говорят — величины перегрузок в соответствии с расчетами... Познакомьтесь.

Федор Борисович раздал листочки с длинными рядами цифр.

Князев внимательно наблюдал за Радкевичем. По сути дела каждый утверждал мысль, что техника сработала безотказно и, если что-то и произошло, то виноват испытатель. Но Митю, казалось, это совершенно не волновало. Он слушал с таким выражением лица, как слушают дети волшебную сказку. Голова была чуть запрокинута назад, рот чуть приоткрыт...

— Парашюты сработали синхронно. Недопустимой раскочки системы при этом не было. Значит, претензии к нашей службе никакой почвы под собой не имеют, — без точек и запятых отчеканил молодой энергичный человек с крупными чертами лица.

— Аэродинамики и динамики движения, что скажете? — обратился Князев к полному представительному человеку в темных очках.

— По записям приборов зарегистрировано вращение. Да, да, вращение... Но в допустимых пределах!

Начальники служб и отделов продолжали свои немногословные доклады...

— Доклады прозвучали так оптимистично, хоть к наградам представляй,— подвел итог Князев.— Мешает только заключение Радкевича.

Митя пожал плечами.

— Дмитрий, что же ты молчишь? — не вытерпел Олешко.

— А что я должен говорить? — спокойно ответил Митя.

— Ну что было, что будет, чем сердце успокоишь? — наседал Петр Фомич.

— Я все написал в заключении. Вращение слишком большое... Считаю, что система «Спящая красавица» не готова!

— А по-моему, ничего страшного,— выкрикнул Стрельцов.— Система нормальная, сработана на уровне... Если учесть, что это не барская карета, а карета скорой помощи...

Послышались голоса:

— Действительно, не клозет же туда вмонтировать? — поддержал Максима представитель электронщиков.

— Между прочим, сам-то Радкевич жив- здоров.

— Разве это аргумент? — возмутился Олешко.— Не аргумент.

— Выходит, все неправы, он один прав? — настаивал электронщик.

Князев встал.

— Вы даже мысли такой не допускаете? — он посмотрел на электронщика.— А элементарный прагматизм?.. Чтобы к сроку закончить работу, надо, например, доказать, что дважды два — пять. Эта простенькая идея объединяет порой целый коллектив. Но ведь истина не становится истиной в результате голосования. Ну это так... по поводу, мы же должны добрат- ся до сути.

...Огненный шлейф расколол небо. Из кабины самолета, будто снаряд, вылетела «Спящая красавица». Еще мгновение — и установка с испытателем начала ввинчиваться в воздух.

Штопор!..

Там, в бескрайнем небе, началась борьба испытателя с беспощадной воздушной

стихий. Ее нужно было перехитрить, победить, обуздать.

Кресло вращалось все быстрее. Быстрее! Быстрее! И с каждой секундой расстояние до земли становилось все меньше.

В такие минуты испытатель, сам того не замечая, словно раздваивается. Один, как всякий нормальный человек, борется за свою жизнь. Другой, что бы ни случилось, работает: при любом исходе испытания конструкторы должны иметь точное представление о том, что происходило в воздухе, чтобы оградить от опасности других.

Испытатель выбросил вперед руку. Пока — ничего. Прикованный ремнями к креслу, он продолжал падать. Еще одно движение. Вращение замедлилось. Воздушный поток схвачен, падение стабилизировалось. Сработал автомат — и кресло ушло в сторону.

Митя Радкевич повис на стропях парашюта...

— Стоп! — скомандовал Князев, и в служебном кинозале зажегся свет.

Здесь были те же, кто участвовал в со- вещании у Главного конструктора. Радкевич сидел один, в последнем ряду: между ним и остальными невольно возникла стена отчуждения.

— По материалам киноконтроля вопросы будут? — спросил Александр Иванович.

— Локоть! Вы видели локоть?.. У меня такое ощущение, что Радкевич все-таки... — с характерным для него придыханием начал Петр Фомич Олешко,— как бы это сказать...

— Виноват? — поинтересовался Митя.

Все повернулись к нему. И тогда Радкевич встал.

— Александр Иванович, разрешите мне прокомментировать эти кадры?

Пока киномеханик перематывал пленку, в кинозале стоял легкий гул. Наконец экран ожил и, когда испытатель замер в «предвращательной» позе, Радкевич попросил включить свет и подошел к доске.

— По мнению большинства, как я понял, до этого момента все было в порядке. И вот — этот злополучный локоть. — Радкевич начертил на доске схему взаимодействия сил. — Это — сила веса, это — сопротивление, это — инерция, — рука Мити быстро двигалась по доске, оставляя на ней линии, знаки, цифры. — Прошу следующий кадр! Стоп!

На экране — испытатель в положении «спиной к зрителю».

— Итак, вращение, мы видим, происходит по часовой стрелке. А вот куда направлен вектор лобового сопротивления локтя. Дальше, дальше!.. Стоп! Здесь можно обойтись без математики. Допустим, этот отклоненный локоть создал вращательный момент. Испытателя мы видим «со спины», то есть боком к набегающему потоку, и локоть в данном случае выполняет... произвольно... функцию руля. Он помогает креслу стабилизироваться. Следующий кадр! Стоп! А вот испытатель «лицом к потоку». Рука почти полностью отклонена, и поток, ударяясь в нее, как видите, не способствует вращению, а замедляет его. — Митя глубоко вздохнул, словно сбросил с себя тяжкий груз. — Значит, руки не могли быть причиной вращения, а наоборот, благодаря им вращение удалось прекратить.

Радкевич вернулся на свое место, сел. И тут раздался аплодисменты. Все недоуменно оглянулись. Хлопал заместитель Главного Петр Фомич Олешко.

— Черт возьми, какая реакция!

— Реакция, реакция... — оборвал восторги Князев. — Здесь не театр. — Как обычно в минуты особого напряжения, он провел ладонью по лицу. — Почему все-таки развилось вращение?

— Не знаю, — Митя смущенно смотрел на Главного.

— Ну, идеи, гипотезы, мысли есть какие-нибудь?.. Вы же не подопытный кролик, а инженер! — резко проговорил Князев.

— Я думаю.

— И долго?

— Что долго?

— Думать, думать... долго собираетесь?

— Пока не додумаюсь.

— Александр Иванович! — выпалил Стрельцов. — Муха, конечно, грозный зверь, но все-таки не слон! Вот Радкевич выдержал. Я тоже жив остался. И летчик не глупее нас — справится. Нужно идти дальше!

— Нет! — впервые за все время Митя повысил голос. — Объясняю! Мы, испытатели, неделями, месяцами готовимся к эксперименту. Физически готовимся и психологически тоже... Мы знаем день, знаем час — и это запланированный день в нашей жизни. А летчик? В аварийной ситуации он прежде всего борется за машину. Катапульта для него — последний шанс. Летчик может быть ранен и при таких перегрузках ничего не сможет сделать. И система должна быть простой, удобной и предельно надежной! И ты, Максим, — уже дружелюбнее добавил Радкевич, — не рви пупок. На энтузиазме не приземлишься, на энтузиазме можно песню спеть.

Князев резко поднялся и пошел к выходу. Уже взявшись за ручку двери, он вернулся к Радкевичу.

— Да, чуть не забыл: тебя Афанасьев разыскивает.

— Афанасьев? Кто такой?

— Летчик...

...Когда Митя остался один, он попросил киномеханика еще раз прокрутить фильм.

Снова в огне и дыму взлетал в небо испытатель. Митя смотрел на экран и ему становилось страшно — ведь этим человеком был он.

МАМА

— Вечный вопрос: что может и чего не может мать? Какова мера ее власти над ребенком, которого родила? Когда она

должна удерживать его и когда он имеет право не слушаться?..

Елизавета Степановна прошла по комнате. Ей было лет пятьдесят. Высокая, не по годам стройная, она двигалась легко и бесшумно. Потом она села в кресло возле большой, почти во всю стену, книжной полки. Книжки, которые стояли здесь, говорили о пристрастиях и интересах хозяев: Бредбери, Шекли, Стругацкие, Лем, Саймак, Казанцев... Книжки по физике, механике, химии, медицине, спортивная литература.

— Конечно, когда он сделал первый прыжок, надо было вцепиться в него руками и не пускать. Да он и не создан для этого: худенький, робкий... Смешно говорить, в десятом классе хлеб ему маслом мазала, бутерброды делала, он любил с сыром...

На стене висела огромная фотография. Человек в свободном падении, словно птица, парил над землей.

— Мой мальчик... Глупости говорю — не создан. Если бы у него не получилось то, что он задумал, я бы с ума сошла. Хотя боялась за него страшно. Двадцать четыре часа в сутки боялась. Я бы, конечно, могла настоять, он меня очень слушался. Просто надо было сказать: играй в теннис, разве плохо — белые костюмы, ракетки, аплодисменты... эффектно! Но если бы я настояла, это была бы уже другая жизнь и другой человек — не мой сын... Потом в старости — а ведь все люди стареют, даже дети, — когда пришло бы время подводить итоги, он бы мне не простил.

Елизавета Степановна сложила руки на груди и задумалась.

Параютисты один за другим поднимались по лесенке и скрывались в самолете. Вздымая пыль и песок, замелькали лопасти винтов...

Самолет оторвался от земли, набрал высоту. От него отделился темный комочек и стал быстро падать.

Проходили секунды — парашют не раскрывался!

Митя Радкевич стремительно несся к земле...

— Да понимаешь ли ты, дурья голова, что говоришь? — Антонюк подошел к Мите так близко, что казалось, сейчас раздавит его.

Митя кивнул.

— Прыгнуть с задержкой ему, видите ли, захотелось!.. Да эта любознательность, знаешь, во что обходится? В жизнь, в жизнь она обходится! — кричал тренер. — Молокосос, сопляк! Куполом научись сначала управлять.

Митя снова кивнул.

— А теперь я скажу, можно? — тихо спросил он.

— Можно! Только это будет твое последнее слово.

— Иосиф Константинович, я ведь точненько рассчитал: задержка десять секунд. Значит, шестьсот метров с парашютом — норма. — Митя говорил проникновенно, он даже прижал руки к груди.

— Выгоню! — окончательно выведенный из себя тренер ударил кулаком по подоконнику.

Но Митя был невозмутим.

— Я только боялся, как бы возле гусей с гусятами не приземлиться.

— Какие еще гуси?

— Обыкновенные. Гуси, гуси, га-га-га... Гусыня только и ждала, чтобы на меня наброситься.

— А ты что — гусей боишься? — Иосиф Константинович невольно рассмеялся. — И сколько ж их было, не посчитал?

— Два взрослых гуся и полтора десятка пацанят. Как-то вы говорили, — без передышки продолжал Митя, — что в воздухе из-за большого напряжения человек глупеет, хуже соображает, в общем.

— И ты решил проверить? — тренер внимательно рассматривал Митю, будто видел его впервые.

Митя — Александр Фатюшин, Елизавета Степановна — Елена Козелькова

— Вот ведь что интересно,— спешил высказаться Митя, почувствовав, что не все потеряно,— когда купол наполняется воздухом, он делает просадку, как бы хочет затухнуть.

— Ну и что? Открыл Америку!

— Купола с отверстиями, значит, более устойчивые. Это, во-первых,— все так же быстро говорил Митя.— А, во-вторых, если парашютист в момент раскрытия парашюта не стабилизировался, может либо стропы закрутить, либо купол захлестнет.

— Все равно выгону! — Иосиф Константинович хлопнул дверью и вышел.

Митя остался один в пустой комнате. Но почти тотчас же тренер вернулся:

— Там тебя мамаша караулит... С ума сойти!

Вечером мать и сын были дома, сидели в разных комнатах. Митя листал анатомический атлас, Елизавета Степановна чита-

ла. Дверь была открыта, и время от времени они перебрасывались словами.

— Мама, зачем ты на аэродром ходишь?

— На какой аэродром? Никуда я не хожу,— Елизавета Степановна вздохнула.

— Ты себя плохо чувствуешь?

— Да нет... Ты читал эти рассказы?

— Какие?

— Бредбери... Рэя.

— Читал, читал... Но ты хотя бы знаешь, с кем разговаривала на аэродроме?

— Мастер спорта какой-то, тренер, наверное... Жестокий этот Бредбери, тебе не кажется? Нет, не его герои, а сам писатель жестокий.

Из соседней комнаты послышался глубокий вздох.

— Митя, почему ты так вздохнул? Ты себя плохо чувствуешь?

— Не просто тренер, а старший,— Митя появился в дверях,— не просто мастер, а заслуженный.

— Ах, сынок, среди заслуженных тоже бывают дураки.

— Что ты ему сказала? Он на меня так выверился. Может, он и прав, что хочет от меня избавиться? Я неуклюжий как слон.

— Глупости. Ты как-то залез на такое высокое дерево, что даже слезть не смог. Пожарную вызывали.

— У меня замедленная реакция.

— Выдумки. Помнишь, как я чуть не упала с лестницы, так если бы не ты...

— Я труслив. Дрожу перед каждым прыжком.

— Не клевети. Всякий нормальный человек боится высоты. Даже Наполеон боялся.

Митя улыбнулся.

В лаборатории мягко гудели лампы дневного света. На длинных столах с множеством полок и ящиков громоздились колбы, реторты, пробирки. Большие матово-белые холодильники стояли вдоль стены.

Хозяйка лаборатории — Елизавета Степановна, в белом халате и шапочке, подошла к помосту, похожему на маленькую концертную эстраду. Здесь лаборантка надевала манжеты и прилаживала датчики мохнатуму рыжему псу. Бумажное полотенно, натянутое на барабан, было еще девственно белым и самописцы изготовились к работе.

В лабораторию заглянул Митя. Вокруг собаки уже стояло несколько человек, они о чем-то тихо переговаривались.

— Мама! — Митя жестом попросил ее выйти.

В коридоре было тихо и пустынно. Зеркальная поверхность пола отражала еще такой же коридор. Митя смотрел на свое отражение и строил гримасы. Он был радостно возбужден и попробовал даже прокатиться по глади пола.

Из лаборатории вышла девушка-лаборантка. Большие черные глаза застыли на

бледном лице. Из-под шапочки торчало несколько пепельных локонов.

— Ваша мама не может выйти...

— Я в ноль попал! — выкрикнул Митя. — Вы понимаете это? На парашюте — в ноль! В самое яблочко!

— А мне собаку жалко.

— Никто не верит: я занял первое место!

— Если собака погибнет, — к черту, уйду отсюда.

— Что?

— Не стоят люди того...

— Тебя кто-то обидел? Конечно, не перевелись еще подонки... И все-таки...

— Не надо! — прервала его девушка. — Сейчас ты скажешь, что люди не так уж плохи... Знаю я! — девушка махнула рукой и ушла.

Когда Елизавета Степановна вышла наконец в коридор, Митя мерил его большими шагами.

— Как ее зовут? — сразу спросил он.

— Надя.

— Надежда, значит... Мама, — Митя замялся, — я... я бросил институт.

Елизавета Степановна схватила сына за руку.

— Не могу. Медицина — это не мое... Буду поступать в авиационный, — осмелел Митя.

— Мне хотелось, чтобы ты делал то же, что отец... Я мечтала об этом, — едва слышно проговорила Елизавета Степановна.

— Что, что?.. Если ты возражаешь, я...

— Елизавета Степановна! — позвала Надя. — Шарик плохо.

Митя сидел на корточках, прислонившись к стене спиной, и терпеливо ждал. Елизавета Степановна снова появилась в коридоре.

— Конечно, выбирать — твое право, — сказала она, продолжая прерванный разговор. — Каждый человек имеет право выбора. Иначе как же?

— Собака жива?

— Справились...

Митя радостно хлопнул в ладоши. Елизавета Степановна обняла сына.

— Поступай как знаешь, сынок. Ты волен. Родители всегда хотят, чтобы дети были при них. Не тревожили, не волновали, не выдумывали... А ведь у вас своя жизнь, а?

Мать и сын стояли рядом и были очень похожи друг на друга.

— Я пошел, мама. Вы тут Надю не обижайте, ладно? — Перепрыгивая через ступеньки, Митя сбежал с лестницы.

В лаборатории самописцы четко вычерчивали кривые давления, пульса и дыхания рыжей мохнатой собаки с таким привычным именем Шарик.

В дверь позвонили. Звонok повторился несколько раз. Елизавета Степановна поставила на сушилку тарелку, вытерла руки о фартук и пошла открывать.

На лестничной площадке стояла крепкая, ладная девушка с большим дешевым чемоданом.

— Радкевичи тут живут? — девушка, не дожидаясь приглашения, вошла в прихожую. — Я Ольга...

— Какая Ольга?

— Вот-те — здарсьте!.. Митя же вам писал. Жена его.

— Он писал, что собирается жениться...

— Ну а долго ли?

Елизавета Степановна вошла в комнату, Оля смело последовала за ней.

— А я вам подарок привезла. — Оля достала из чемодана большую коробку конфет. — Все деньги ухлопала. Митька говорит: мать конфеты любит. Ну а раз любит — я весь город обегала... Господи, сколько той радости в жизни?.. Что — нет? Я ведь рожать к вам приехала. Ничего не заметно, да?.. Потому что Митя заставляет физкультуру делать.

— А он почему не приехал?

— Некогда. Учеба, прыжки... Он же в

испытатели готовится... — Оля ладонью прикрыла рот. — Ой, что я говорю! Это же тайна.

Обедали на кухне. Оля быстро покончила с первым, расправилась со вторым и выпила компот с хлебом. Елизавета Степановна налила ей еще стакан.

— Вы на меня так смотрите... Это же не только мне, но и маленькому. Наверное, думаете, что я вашему Мите не пара?

— А профессия у тебя есть?

— Как же? Моторист на спортивных самолетах. Только меня с работы выгнали. Я автомобиль угнала. Думала, конечно, потом на место поставить, да в аварию попала.

Она принялась убирать со стола. Елизавета Степановна сидела неподвижно.

— Значит, Митя испытателем решил стать?

— Угу.

— А как ты к этому относишься?

— Как? Обыкновенно... С одной стороны, страшновато, с другой, — деньги там, говорят, большие платят.

— Таким делом нельзя заниматься из-за денег.

— Почему это нельзя? У нас даже собственной кровати нет.

И тут Ольга заплакала. Она плакала как ребенок, растирая кулаком слезы по лицу.

За ночь легкий морозец «схватил» ручки и лужицы, и они покрылись тонкими кружевами льда. Иней чуть припорошил старые липы. Воздух был свеж и по-осеннему прозрачен.

Еще из машины Елизавета Степановна увидела Митю. Он стоял на широкой лестнице, ведущей в здание аэропорта, и внимательно всматривался в прохожих. На нем было старенькое демисезонное пальто, и Елизавета Степановна отметила про себя, что ему, очевидно, холодно.

— Мама! — Митя бросился ей навстречу, едва она открыла дверцу машины. — А я тебе на работу звоню.

— Что случилось, Митенька?
 — Получил твою телеграмму...
 — Почему без шапки? На возьми хотя бы шарфик.

— Я ничего не понял, мама. Что все это значит? — Митя достал из кармана телеграмму: — «Деньги на кровать выслала почтой...»

Прямо над их головой электрические часы отсчитывали минуты. Площадь перед аэропортом то быстро заполнялась только что прибывшими пассажирами, то так же быстро пустела.

— Я всего на час... Мне улетать... Какие деньги? Какая кровать?

— Ты ее любишь, Митенька? — Елизавета Степановна задала сыну мучивший ее вопрос.

— Она меня — очень...

— Это ужасно, Митя!

— Почему? — улыбнулся он. — По-моему, ужасней было бы, если б я ни в чем не разобрался, ушел... Помнишь, как я мучился, когда Маша...

У них — в очередной раз — попросили разменять монету, потом какой-то мужчина поинтересовался, как попасть в гостиницу, а женщина непременно хотела знать, есть ли в городе оперный театр.

— Чего мы здесь стоим? — удивился Митя.

В аэропорту было довольно безлюдно. То и дело раздавался голос информатора...

Елизавета Степановна спешила закончить разговор, потому что времени оставалось мало.

— Ответить на любовь, сынок, всегда достойно. Но как можно жить с человеком, который не понимает тебя? И поймет ли? Рисковать жизнью ради собственной кровати и всякой подобной чепухи!.. В молодости кажется, что жизнь длинная и можно так попробовать и эдак...

— Мама, Оля добрая, очень... Если хочешь знать, она ноги готова мне мыть.

— Ой, Митя!

Они вышли на перрон. Холодный ветер ударил им в лицо. Елизавета Степановна

поспешно подняла воротник Митино пальто, застегнула пуговицу. Митя обнял ее.

— Ты испугалась за меня, да? Испугалась? Кровать, кресло... Глупенькая ты моя, нужно же на чем-нибудь сидеть. Поняла?

— Конечно. Я только хотела тебе сказать... Все уходит, сынок. А остается... Дух человеческий остается.

Елизавета Степановна долго стояла на перроне. Она видела, как машина отбуксировала самолет к взлетной полосе, как он оторвался от земли и стремительно набрал высоту. Она ушла, когда самолет скрылся вдали...

В темноте рука нащупала выключатель, и вспыхнул ночник. Часы показывали три.

Елизавета Степановна вскочила, набросила халат и подошла к телефону. Несколько раз снимала и клала трубку, но потом все-таки решилась и набрала номер.

— Оля! Он вернулся из командировки?.. — закричала она. — Нет, не надо его будить.

Елизавета Степановна опустила на стул, закрыла глаза. А в трубке захлебывался Олин голос, словно для нее ночи не существовало, а она сидела у телефона и только ждала звонка Елизаветы Степановны, чтобы наконец высказаться:

— Еще утром прилетел, птичка небесная... Вы бы его спросили, где он был целый день. Алло, алло! Вы меня слышите?.. Я вас предупреждаю, мама, я с ним жить не буду...

ЖЕНА

Оля стояла на площадке приземления. Сейчас она очень мало напоминала ту девочку, которая когда-то ворвалась в дом Радкевичей. Взрослая женщина с глазами задумчивыми и грустными, седая прядь волос...

— Не хочу вспоминать...— сказала она.— Не хочу! Я свое сердце чуть наладила: то бьется, то останавливается... Вот послушайте!— Оля положила руку на грудь.— Если говорить откровенно, я ему порядком нервы испортила. Когда рядом живет человек, который лучше и щедрее тебя, это мало кто может вынести. Злишься на себя, что не можешь быть такой, и начинаешь цепляться по всякому поводу. Пришел рано с работы — мало денег заработал, пришел поздно — значит, где-то на стороне есть... Ну, женщина, очевидно... Я до сих пор не верю, быть не может, чтобы в такого парня не влюблялись. А меня Митя так и не полюбил по-настоящему. Он хотел, хотел... А может, я ошибаюсь? Кто сейчас рассудит? Но все, к чему я в жизни пришла, — это Митя. Что — нет? Я ведь институт закончила, рекордсменкой мира стала. И двух девочек ему родила... Он очень желал... Растут девчонки-то. Одна уже такая, другая — вот такая, — Оля показала. — Его продолжение.

Высоко в небе зажегся купол красно-желтого парашюта. Ольга молча и не отрываясь следила за ним.

К вечеру лагерь парашютистов, расположенный недалеко от озера, опустел. Оля заглянула в одну палатку, в другую, но там никого не было. Тогда она побежала вдоль берега.

Максим Стрельцов и еще двое парней варили уху.

— Ольга, заворачивай к нам! — крикнул Максим. — Прощальная уха.

Оля махнула рукой. Обшарив прибрежные заросли, она медленно побрела обратно.

— Объект поиска не обнаружен, — съязвил Максим.

— А ты, рыжий, молчи!

— Зачем так грубо? Женщина должна быть нежной...

— Я не женщина, а девушка.

Парни громко рассмеялись.

— Тем более бегать за мужчинами некрасиво.

— Гм... Выдумали. А за девчонками вон как гоняетесь. Что — нет?

Парни снова рассмеялись. Максим налил в котелок уху и протянул Оле.

— Напрасно ищешь. Митька, наверное, в поселке. Художнице позирует.

— Раздетый?

— Может, и раздетый.

— Совсем? — с дрожью в голосе спросила Оля.

— Может, и совсем. Что особенного. Видела в кино...

Оля не дослушала. Она бросила котелок к ногам Максима и побежала.

Толпа у дороги росла. Люди становились на цыпочки, вытягивали шеи, пытались рассмотреть, что же произошло.

Бледная, с окровавленной рукой, Оля ругалась с мужчиной. Ее «газик» с разбитыми фарами, искореженным бампером и измятым капотом уперся в прицеп могучего грузовика.

— Я сигналила, сигналила, а ты, видно, спал за рулем, — кричала Оля водителю грузовика.

— Слыхали? — испуганный водитель взывал к публике. — С больной головы на здоровую.

— Тебе бы не машину водить, а горшки выносить, — наступала Оля.

— Слыхали? — оправдывался шофер. — Нарушила правила обгона, а еще разоряется. На свидание, что ли, гнала?

— Не твое дело! Вяляешь прицепом, как собака хвостом.

— Слыхали? — жалобно проговорил водитель.

Сквозь толпу протиснулся инспектор ГАИ.

— Ваши права, гражданка!

— Не гражданка я, — обиделась Оля. — Я товарищ.

— Права, права предъявите!

Ольга — артистка Наталья Гундарева

— Нет у меня прав. Чужая машина, одолжила.

— Пройдемте!

— Эх! — окончательно расстроилась Оля. — Темные вы люди, ничего не понимаете.

Во дворе большого дома на скамейке сидела Оля. Рядом с ней стоял большой чемодан, к ручке которого была привязана сетка с книгами. Оля разулась, и маленькая девочка обсыпала ее ноги песком. На скамейке стояла бутылка лимонада и на промасленной мятой бумаге лежало несколько пирожков.

— Пирожок хочешь? — спросила Оля у девочки.

— Мне сладкое не позволяют.

— Ай, чепуха это, скажу я тебе. Если хочется, значит, можно. Что — нет? В детстве я, знаешь, какая хилая была. И мне ни бегать, ни прыгать.. Так я втихаря

тренировалась. И однажды махнула за сто тридцать сантиметров, и все сказали: «Ого!».

В два укуса Оля съела пирожок и запила его лимонадом.

— Вкусно? — спросила девочка.

— Еще как!.. Ешь!

На лице девочки появилось страдальческое выражение, но она была непреклонной.

— У меня сегодня во рту ни маковой росинки... Зато неприятностей... хоть помирай.

— Не нужно... — испугалась девочка. — На кладбище поташут.

Вдруг Оля вскочила, пирожок, лежавший на скамейке, упал в песок.

— Эй, Радкевич! Где ты ходишь? Жду, жду, — выпалила Оля, схватила чемодан, босоножки и побежала по двору.

Митя остановился.

— Худо дело, меня с работы-то — тютю... Из-за тебя все!

Митя взял чемодан и пошел к подъезду. Оля пошла за ним. Девочка подняла пирожок, смахнула с него песок и, оглянувшись, начала есть...

Митина комната была небольшая, зато с балконом. Несколько сбитых досок, лежащих на дубовой колоде, заменяли стол, вместо кровати — матрац на четырех ножках, самодельные книжные полки висели на шнурах. В углу стоял ящик с инструментами. А на стенах красовались вывески и объявления, вроде: «Не работай без видимого заземления», «За чаем не скучаем — по три чашки выпиваем», «Помещение огнеопасно и взрывоопасно». Особенно красноречивым было объявление на туалете: «Вода речная. Пить категорически запрещается». На дверях висела старая подкова.

Митя снял со стола табличку «Занято» и переставил ее на матрац.

— Кошчерт! — воскликнула Оля.

Пока она рассматривала комнату, Митя приготовил кофе и разлил его в два гра-
ненных стакана.

— Из таких стаканов только самогона пить, — авторитетно заявила Ольга. — Пил когда-нибудь?

— Когда-нибудь пил.

— С Машкой?.. — тяжело вздохнула Оля.

— Она исключительно шампанское любит.

— Штучка!.. Это же сколько денег нужно, чтобы ее угощать?!

Митя подошел к вешалке, взял куртку и собрался уходить.

— Ты куда?

— В общагу. У Максима переночую.

— Я боюсь одна!..

...На кухне Митя ножным насосом накачивал матрац и пытался читать. От мерного покачивания буквы прыгали, и он, чтобы сосредоточиться, начал читать вслух: «...По ночам, под Луной, в пустынном море трав, где уже двенадцать тысяч лет, точно забытые шахматы, белели мар-

сианские города, дул и дул неотступный ветер. И дом Биттеринга в поселке землян сотрясала дрожь неувливаемых перемен...»

Оля лежала на тахте, укрывшись простыней, и напряженно прислушивалась к тому, что происходит на кухне. Когда послышались шаги, она бросилась к ящику с инструментами, схватила топорик и спрятала под подушку.

Митя на цыпочках направился к стенному шкафу.

— Не подходи! — Оля выхватила из-под подушки топорик и вскочила на тахту. — Если сделаешь еще шаг — убью!

Митя подошел к ней, с силой сжал руку, и топорик выпал.

— Ай-ай-ай, больно! — закричала Оля. — Пусти, хулиган несчастный!.. Думаешь, если я влюблена в тебя без памяти, просто так меня возьмешь?.. — Она выскочила на балкон. — Без красивых слов, без любви?! Прыгну! Провалиться мне на этом месте — прыгну!

Наваливаясь грудью на упругий холодный воздух, Оля шагнула в пустоту. Земля — небо, земля — небо... Словно гигантский аттракцион. Но вот вращение замедлилось, положение тела стабилизировалось.

Оля парила в воздухе.

Перед глазами синело небо с белой полоской высоких перистых облаков. А внизу была земля — ровные квадраты полей, искрящаяся река, сады...

С глухим хлопком раскрылся купол парашюта.

...На аэродроме Ольгу встретил Митя. Угрюмый, злой.

— Ты чего, Митюша? — с тревогой спросила Оля. — На тебе лица нет.

Митя не ответил и быстро пошел по аэродрому. Оля догнала его, схватила за руку.

— Я ведь твоя жена! Должна же я знать, как тебе там... Что — нет?

— Буду тебе рассказывать. А с этим кончай. Все! — с неожиданной для него резкостью сказал Митя.

Оля хотела было обидеться, но вместо этого рассмеялась. Она поняла, что Митя тревожится за нее и была счастлива.

Митя держал увернутую в одеяльце совсем крохотную девочку. Она спала. Митя смотрел на нее с изумлением.

— Чудо-то какое — девочка... дочка...

Раздались звонки. Длинные, короткие... Митя не шелохнулся. Звонки продолжались. Открыла Оля. В комнату ввалилась мужская ватага во главе со Стрельцовым. Он сбросил с плеча большой мешок, развязал... И начал доставать из него резиновых лягушек, жирафов, пластмассовые кубики, куклы... Напоследок извлек яркую сверкающую юлу и запустил ее.

Присев на корточки, Стрельцов долго и зачарованно смотрел, как юла с пчелиным жужжанием носилась по всей комнате. Сверкали, переливались на солнце радужные круги...

— Ну, как нарекли? — наконец спросил он.

— Может быть, Аэлита? — вопросом на вопрос ответил Митя.

Мужчины переглянулись. Положив руки на плечи друг друга, они образовали круг.

— А-э-ли-та, А-э-ли-та... — тихо повторил няя хором, кружась вокруг Оли и Мити с девочкой на руках. — Аэлита, Аэлита, марсианская царевна...

Чертеж был почти готов. В нижнем правом углу можно было прочитать: «Курсовой проект. Расчет токов режима. Чертила О. Радкевич».

Оля посмотрела на часы, швырнула карандаш и подошла к телефону.

— Это жена говорит, — сказала она в трубку. — Чья?.. Радкевича. Здравствуйте! Вы не знаете, куда он делся? Команди-

ровка-то кончилась... Жив-здоров?.. Ну ладно, спасибо и за это.

У раскрытого окна, облокотившись на подоконник, Оля долго смотрела на улицу. Вдруг ей показалось, что звонят. Она выскочила на лестничную площадку — там никого не оказалось.

— Алло, Зоя! — мгновение спустя говорила она в телефонную трубку. — Что ты делаешь?.. Из кино пришла... Счастливая! А с кем ходила? А-а, с соседом... У тебя что с ним — кинороман, что ли?.. А-а, мой... На работе сохнет. Тоже верно, ихнему брату верить, что из дождя платье шить. Деньги?.. Может, получает много, принесит мало. Следи, следи... Что я, сыщик? Глупая ты, Зойка!.. Тогда для чего все это, если деньги считать? Ладно, кланяйся соседу!

Оля накрыла стол. Сделала два больших бутерброда с ветчиной — себе и Мите, положила на тарелки по огурцу и помидору, достала большую банку варенья. Телефонный звонок прервал Олины приготовления. Она схватила трубку.

— Алло! Алло! — закричала она. — Кто?.. Радкевича? Нет здесь такого... Правильный телефон. А кто спрашивает? Афанасьев?.. — Ольга тяжело вздохнула... — А он целыми днями где-то пропадает. Да нет... Звоните. Пока не надоест...

Приготовленные к ужину два прибора, очевидно, раздражали Олю. Она собрала все в охапку и вытащила на кухню. Потом поставила на стол часы и уселась перед ними.

Раздался звонок. Второй. Звонки становились все настойчивее и продолжительнее. Закрыв уши руками, Оля ходила по комнате. Когда наступила тишина, она осторожно приоткрыла дверь. На ступеньках, прислонившись к стене, дремал Митя.

— Дошел уже, пьяный домой являешься. Опять у нее был?

— Кто это сказал?

— Я.

— А-а...

— Ты даже не находишь нужным перед такой дурой, как я, оправдываться?

Митя резко рванул дверь и вошел. Он сразу же направился в маленькую комнату, где спали дочки. Как только Митя подошел к кровати, старшая открыла глаза, улыбнулась, беззвучно сказала «папа» и снова заснула. Младшая, уткнувшись носом в подушку, посыпывала. Митя губами дотронулся до ее лба, накрутил тоненький шелковистый локон на палец, постоял возле нее.

На кухне он достал из холодильника кусок отваренного мяса, огурец, налил стакан томатного сока.

— Что, там не покормили?..— донимала Оля.— Она, знаешь, кто, твоя Машка?.. Говорить неохота!

Митя резко отодвинул от себя тарелку, она упала на пол и разбилась.

— Убивать такую нужно! — не успокаивалась Ольга.

Митя с силой схватил ее за плечи.

— Нужно уважать, уважать чужие чувства! Не только свои...

— А я не умею так... И не хочу! — Оля заплакала.— Уйди! Лучше уйди!

— Ладно. Но не стану же я сейчас собирать чемодан? Сейчас я буду спать.

— Сейчас он не станет собирать чемодан,—сквозь слезы проговорила Оля.— Барин! — Она притащила раскладушку и начала демонстративно стелить себе.

— Пока я с тобой, я с тобой,— тихо сказал Митя, когда Оля успокоилась.— Слышишь?

Оля присела на край тахты.

— Вижу, вижу, какие у тебя глаза... Не слепая. Тебе на работе достается, а тут еще я на закуску. Что — нет? Мне бы, чтобы ты сидел рядом и глазел на меня... Беденький! Женила я тебя, думала — полюбишь. А ты не смог. Беденький! Твоя в том вина, что ли?..

Максим толкнул дверь Митиной квартиры — она оказалась открытой. Он вошел.

ДРУГ

— Черт бы их побрал, эти позвонки! Лезут друг на друга... Когда наш доктор поставил диагноз — хондроз, я хохотал. А теперь сидеть не могу...

Максим Стрельцов попытался устроиться удобнее в неудобном современном кресле. На нем был джемпер с глубоким овальным вырезом, из-под которого выглядывал распахнутый ворот рубашки.

— Профессиональное заболевание... А вот у Митьки не было, избежал... Ловкач потому что, умел жить, некоторые семьдесят лет тянут или сто с гаком, а не умеют, как это объяснить?.. Читал я про одного старика-олимпийца, так тот в девятисотом году в забеге на четыреста метров едва доплелся. А вот дотянул до наших дней и считает себя победителем. Остальных-то уже нет... А Митька жил так, словно каждый день — последний... Здоров был мужик! Это же какие силы надо иметь, чтобы все время тянуть на крайних режимах!.. Случилось бы что со мной — было б не удивительно... Я ведь все старался от жизни взять, ничего не пропустить. Везучий я, видать. Один раз ребро сломал — и то со стремянки упал...

Максим достал сигарету, долго мял ее в руках.

Сквозь запыленные окна едва пробивался свет. В сером полумраке можно было различить стоящие в беспорядке странной формы кресла. Это были катапультные устройства, созданные за многие годы для разных летательных аппаратов. На некоторых восседали манекены, набитые дробью.

Митя прошел по ангару, остановился у одного из кресел, провел рукой по холодному металлу.

— Подвиньтесь! — вежливо попросил он и присел рядом с манекеном.

— Давай сюда! — раздался чей-то голос. Двое парней внесли в ангар еще одно чучело.

— Бросай, не обидится! — скомандовал один из них, и манекен шлепнулся об пол.

— Вы уж простите их, пожалуйста! — извинился Митя перед своим соседом. — Не бывали они в нашей шкуре.

Он задумался. Думать было о чем. Слова Князева не давали покоя: ну, идея какие-нибудь есть? Иден?..

В проеме распахнутой двери появился Максим Стрельцов.

— Радкевич!

В солнечных лучах суетились тысячи пылинки, образуя вокруг Максима своеобразный ореол.

— Ладно, Митька, подай голос!

Максим шагнул в ангар и бросил в полумрак:

— Как ты мог написать такое заключение?

— Что есть, то и написал. Правду написал. Одну только правду.

— Какую такую правду?

— Что, бывает две, три? Сколько?.. Не понял.

— Не цепляйся! Теперь из-за твоего заключения нас, в первую очередь нас с тобой, посадят на прикол. Будут проверять, считать, обсчитывать... До самой смерти хватит!

— И что ты предлагаешь?

— «Спящая красавица» нужна сейчас! Немедленно! Ну, покрутило тебя, ну, кровоизлияние заработал или геморрой... Подумаешь, что это для истории? Раз надо — значит, надо. На том стоим!

— Кому, кому надо? — Митя вскочил.

— Кому-кому!.. Делу надо!

— Кто это сказал?

— Я...

— А-а... Дурацкий лозунг, который придумали бездари. Ты-то чего повторяешь? Это манекены можно бросать как хочешь, куда хочешь. А у нас, между прочим, кровь в жилах и мотор слева: не опилками же набиты!

— Не у тебя одного совесть...

— Все. Разговор окончен.

— А! Надоело мне, — вконец разозлился Максим. — Есть у меня пара дней... Махну куда-нибудь... к черту на кулички!

Князев разговаривал по телефону:

— Буров? Слушаю. Здоров. Твоими молитвами. Работа?.. Идет. Я, конечно, твой друг, но могу и не выдержать такой дружбы. Это не Клондайк и нечего лихорадку устраивать. — Князев взглянул на Митю. — Слышу, слышу... Я тоже беспокоюсь и о космосе, и о будущем авиации. А теперь ты меня послушай. Ах, не хочешь — не надо. — Александр Иванович бросил трубку, провел ладонью по лицу, словно пытаясь отогнать неприятные мысли. — И повернулся к Мите: — Думаешь, дело в стабилизирующих парашютах? Почему же тогда у Стрельцова никаких замечаний?

— Другой режим.

— Нет, брат, мы все посчитали. Тут что-то не так.

— А как? Стрельцов скрыл?

— Материалы киносъемки неудачные, проконтролировать трудно.

— Значит, Максим врет?

Князев промолчал.

— Не буду у вас работать! Не хочу!

— Не хочешь — иди! Иди! — Князев подошел к окну. — Защитник один-единственный...

Митя продолжал стоять посреди кабинета.

— Сколько твоей дочке? — вдруг спросил у него Александр Иванович.

— Старшей или младшей?

— У тебя уже две?

— Угу. Младшенькая — Лита... Аэлита.

— Марсианская царница?..

— Надо еще раз проверить в воздухе. Я готов! — Митя направился к двери.

— Нашел тебя Афанасьев? — остановил его Князев.

Митя пожал плечами. Снова зазвонил телефон. Князев подождал, пока звонок повторился несколько раз, затем взял трубку:

— Ну что? Успокоился?.. Только что от меня вышел Радкевич. Он предлагает повторить эксперимент, но дать заключение, что система готова, не может. Нет, не пушу, его и Стрельцова не пушу... Пока не поймем, что к чему. Да, беру на себя. Эту самую спасательную технику, Сережа, создают люди, у которых тоже одна-единственная жизнь... То-то и оно!

Из старенького обшарпанного автобуса выскочил Максим.

Перед ним было три дороги. Он недолго думал и выбрал ту, которая шла через выбеленное жарким солнцем поле.

...В маленькой сельской чайной Максим с жадностью ел борщ. Полная, румяная, в золотистых кудрях, девушка с изумлением смотрела на него и посмеивалась. Максим поднял голову и тоже засмеялся. Девушка тотчас же стала серьезной. Максим тоже.

Из чайной они вышли вместе.

...Сбросив на баржу мешок, Максим получил у бригадира положенную ему десятку, попрощался со всеми и спустился по трапу...

...Уже темнело, когда Максим на шоссе пытался остановить машину. Но они мчались мимо, мимо... Неожиданно рядом с Максимом затормозил мотоциклист, и Максим вскочил в коляску.

...В прихожей было темно. Максим на ощупь пытался найти выключатель.

— Не хочу, чтобы ты был со мной только из жалости,— услышал он голос Ольги.

В темноте захлопотало — Максим наткнулся на детский велосипед. Из комнаты выскочила Ольга, включила свет.

Максим был небрит, одет в какую-то старую рубу, из-под которой выглядывал темный свитер.

— Дверь надо закрывать, сеньора. Где Дмитрий?

— Спит.

— Разбуди!

— Не буду!

Но Митя уже стоял позади Ольги.

— Все! Отстрелялся Максим Стрельцов.— Максим достал из кармана большой носовой платок и вытер лицо.— У меня нога... вышла за габариты кресла. А я прохлопал. И на пленке, помнишь, нога смазана. Только сегодня сообразил. Клянусь — только сегодня!

— Знаешь, как это называется?

— Знаю: сволочизм!

— Да перестань! Это же неосознанная ошибка. Со всяким может случиться... И у тебя было.— Митя начал поспешно одеваться.— Едем к Князеву!

Максим стоял, не двигаясь. Митя легонько ударил его по плечу.

— Зато теперь все понятно... И можешь работать дальше. Ну? — Митя снова ударил Максима по плечу и рассмеялся.

Максим тоже рассмеялся.

Между Митей и Максимом в проеме двери стояла Ольга. Она с тревогой смотрела то на одного, то на другого.

— Ну вот, как плохо — так к Митьке,— сказала она в сердцах.— Хоть бы подумал, у него жена, дети... Чего ты его впутываешь?

Митя легонько отстранил Олю.

— Я должен идти. А ты ложись... Ложись.

Максим и Митя вышли, оставив дверь распахнутой.

— Митенька! — Ольга выбежала на лестничную площадку.— Не оставляй меня, слышишь, Митя! Я не могу без тебя, я сразу умру... Живи как знаешь, ходи куда хочешь... Только возвращайся!

В кабинете Князева было полно народа — шло совещание. Бутылки из-под минеральной воды уже стояли пустые, окурки вываливались из переполненных пепельниц.

— Заключение Радкевича и то, что произошло со Стрельцовым, подтвердили наши предположения,— подвел итог Кня-

Тренер — артист Анатолий Грачев, Митя — артист Александр Фатюшин

зев.— Теперь считаю возможным продолжить эксперимент... Вопросы есть?

Все повернулись к Радкевичу. Он встал.

— У меня — нет.

— Завтра вылетаешь на полигон.

Митя вышел.

— Любимчиков, любимчиков завел, Александр Иванович. Нехорошо,— упрекнул Олешко.

— Завел,— усмехнулся Князев.— Вот и балую,— он привычным жестом провел рукой по отяжелевшим векам.

У самого горизонта, над чашкой, протянувшейся вдоль реки, поднимались башнеобразные облака. Золотом окаймляли их лучи восходящего солнца.

— Семнадцатый к полету готов. Разрешите запуск?

— Запуск разрешаю.

Теперь уже облака закрывали полнеба, и солнце, пробиваясь сквозь них, подчер-

кивало их величественные формы. Они быстро набухали, словно работали невидимые меха.

Но вот облака уже где-то там, внизу, под самолетом.

На командном пункте ждали. Наступали решающие мгновения.

— Парашют раскрыт! — наконец доложил по портативному передатчику Митя.

Он подтянул стропы, и парашют заскользил к облакам.

— Управляемость нормальная,— передал он и взглянул на вариометр.— Снижение двенадцать метров... Семь... Пять...

Испытатель повис в воздухе, будто какая-то неведомая сила удерживала его.

С командно-диспетчерского пункта тотчас же запросили:

— Радкевич, что там у тебя?

— Попал в восходящий поток... Пытаюсь выйти.

— Только не зевни остановку. К обеду опоздаешь,— пошутил Стрельцов.

— Скорость снижения пять... Семь... Десять... Попал в нисходящий поток...

Обстановка усложнилась. Скорость снижения больше чем в два раза превышала нормальную, и над испытателем нависла опасность.

...Митя приземлился на огромном поле, заросшем тюльпанами. Он поднял щиток гермошлема, не торопясь, отстегнул парашют.

К месту приземления бежали люди. Они останавливались на почтительном расстоянии и с любопытством рассматривали испытателя.

— Вы космонавт? — сверкал глазами сидевший на ослике большеухий мальчуган в тубетейке.

— Родственник...

— Родственников тоже уважаем. Пожалуйста, к нам в гости, дорогой, — пригласила женщина с косичками.

— Я бы рад, да что-то ноги не идут.

— Файзула, чего смотришь, дурная голова, дай ему своего осла.

Мальчик стремглав соскочил с ослика и подвел его к Мите. Тот забрался на него и проехал круг.

Мужчины и женщины кивали головами и одобрительно улыбались. Дети прыгали от радости. В этой веселой суете никто не заметил, как рядом приземлился вертолет.

— Задание выполнено! Система работает нормально! — доложил Митя Князеву, не слезая с ослика.

— Давай в машину! — подскочил Максим.

— Не могу слезть, — прошептал Митя. — Кажется, ногу сломал...

— Ай, молодец! Ай, молодец! — скандировала толпа.

Акомпанируя себе на гитаре, Максим пел: «Стень да стень кругом, путь далек лежит...»

Зал загородного ресторана напоминал горницу в деревенской избе. Топилась русская печь.

Мужская компания, что собралась здесь, приутихла, слушала песню.

— Эй, чего головы повесили, буйны молодцы! — Максим ударил по струнам: — «Эх, полным-полна моя коробочка, есть и ситец, и парча...»

Неожиданно Максим заметил Князева, который стоял в дверях.

— Александр Иванович, а мы-то вас ждали!

— Судя по всему, — Князев кивнул на пустые бутылки, — тостов здесь сказано уже немало.

— Гулять так гулять! — воскликнул Максим.

— Максималист! — заметил кто-то.

— В имени заложено, — подхватил Князев. — Сегодня у нас день особый. Дело сделано! И как бы ни был вреден алкоголь, а я в этом твердо убежден, — читал и на опыте знаю, — выпить сегодня сам бог велел.

— Приказал! — закричал Максим.

— Помню, как вы начинали. Без дураков, как настоящие мужчины... — Александр Иванович посмотрел на Максима, отыскал глазами Митю.

Он сидел с краю стола, в новеньком темно-васильковом в рубчик пиджаке и в красной рубашке. А брюки на нем были флангелевые, больничные. Одна штанина к тому же разрезана до колена, потому что нога в гипсе не пролезала. Рядом лежали костыли.

— Однако вы ждете от меня не воспоминаний, а тоста, — Князев привычным жестом провел ладонью по лицу. — Так вот, тост будет такой. Что есть дело в жизни человека? Все! Все есть дело в жизни человека. Иногда подумаешь: стратосфера, космос! — какие высоты!.. И мы с вами первыми ходим по небу. — Он помолчал. — За дело наше! А?..

Все встали. Только Митя сидел и вино-вато улыбался.

— За прекрасное, архитрудное дело наше! — закончил Князев и залпом осушил бокал.

На короткое время наступила тишина. А потом, как бывает в мужских компаниях, начались разговоры о работе, перемещениях по службе, о последних событиях в близких и отдаленных районах земного шара и... чуть-чуть о женщинах.

Сидевший рядом с Радкевичем молоденький паренек донимал его вопросами:

— А вот в последнюю секунду, самую последнюю... перед катапультированием, о чем вы думаете?

— Я думаю,— шептал Митя соседу на ухо,— к черту, зачем мне это надо?

— Неужели так страшно?

— Ого! Но только прикоснусь к земле, забываю все.

Слегка пошатываясь, подошел Максим и громко объявил:

— Радкевич сказать хочет.

Митя взял костыли и встал.

— За наших мам!.. Им не так уж сильно с нами повезло. И женам тоже.

— Как мы тебя из больницы умыкнули? — Максим потянул Митю за полу пиджака.

Митя улыбнулся.

— Чего ты улыбаешься? Сказали тебе доброе слово, и ты уже сияешь как медный самовар. Если бы люди знали, что мы! для них делаем, они бы сразу упали на колени. Проспекты — на коленях, микрорайоны, города! Останкинская башня на коленях... Мы закрываем амбразуру... В тихие денечки, когда другие греются на солнце.

— Может, ты сильно преувеличиваешь?

— А! Тебе ничего не надо. Все отдай — и ничего взамен.

— За меня не беспокойся — свое беру.

— Нет, Митька, глупо! Глупо взбираться на Памир на мотоцикле только для того, чтобы доказать, на что способен человек... Глупо жениться на женщине, которую не любишь, чтобы все видели, какой ты благородный...

Схватив костыль, Митя поднялся.

— Вру я, да? Выдумываю? Ты же ее не любишь! Не любишь... Ай, Митька, ты же не живешь, ты все время что-то доказываешь, подтверждаешь какие-то тезисы. Выходит, ты — святой, а я дерьмо?

Митя отвернулся. Ему стало неинтересно.

— Ты что, не слышишь, как я кричу? — уже тихо спросил Максим. — Я же кричу, потому что мне плохо.

— Нельзя же, Макс, так надрываться только потому, что мне на этот раз чуть-чуть больше повезло. Всем нам еще предстоит.

— Ну, именинники, как жить будем? — прервал их Князев.

— Об этом и речь, Александр Иванович, — Максим разлил в рюмки коньяк.

— Сколько вложили в эту систему, мучились... А ведь все равно завтра проснемся, а она уже старенькая. Новую надо делать.

— Ужас! — воскликнул подошедший к ним Олешко. — Жизнь короче — вопросов больше.

— Я и говорю, — продолжал Князев, — мы способны создавать самые невероятные машины, сложнейшие системы. А вот как справиться с ними?..

Они стояли у русской печи и смотрели, как огонь жадно пожирает сухие поленья.

— Когда испытания? — деловито спросил Митя.

— А ты-то причем? С твоей-то ногой! — полушутя-полусерьезно попытался охладить его Олешко.

— Когда? — добивался Митя.

— Ну, пятнадцатого сентября, например, высота девятнадцать тысяч, скорость порядка трех тысяч. Устраивает? — спросил Князев.

— Небо там... фиолетовое, — неожиданно ответил Митя.

— Ты стихи пишешь?

— Нет.

— А у меня одно даже напечатали,— похвастался Александр Иванович.— Но предпочитаю сонеты Петрарки.

И мнится мне, нетерпелив твой взгляд,
И вот мечусь, и рвусь к ней, и тоскую,
И голос с вышины зовет: «Не медли!»

КЛОУН

В маленькой цирковой гримборной готовился к выступлению клоун. В каждом зеркале трельяжа по-разному отражалось его лицо. Он наложил тон, точно обозначил румянами щеки, одним движением провел по волосам и сразу стал смешным. А еще несколько минут назад перед зеркалом сидел усталый человек с серьезным, даже суровым лицом и тихо говорил:

— Мы с Тяпой отлично знали Митю. А, Тяпа?

Черная собачка с белыми ушами и белым носом лежала на банкетке. Услышав имя Мити, она навострила уши.

— Там, в зале, собрались люди. Они хотят смеяться, и я буду, буду их смешить. А Мити нет...

Тяпа подняла морду и завывала.

— Спокойно, Тяпа, надо быть мужественной, хотя, с другой стороны... иногда можно и поплакать... Когда из жизни уходит человек, все меняется... Нарушается равновесие, да, да, соотношение тепла и холода, добра и зла, храбрости и слабости... А что в человеке главное?.. По-моему, самое главное, когда у человека... всегда сосет под ложечкой... Тревога, тревога его мучает... за маленького, за большого... За всех вообще...

В гримборную заглянул инспектор манежа.

— Вы готовы, Семен Семенович? — почтительно спросил он.— Начинаем.

— Наверняка в этом полуторатысячном зале есть и негодяи. Но если бы там сидел Митя, это был бы уже другой зрительный зал...

Семен Семенович шел по коридору к выходу на арену и в сутолоке, которая царила здесь перед началом представления, все уступали ему дорогу, улыбались, желали удачи. Даже слон протянул к нему свой длинный хобот.

Клоун подошел к занавесу — последней преграде, которая отделяла его от зрителей.

Он шагнул на манеж.

В больничной пижаме, с палочкой, Семен Семенович Башкиров командовал необычным строем:

— Подтянись, подтянись, хромяя команда!.. Глаз веселей!.. Грудь колесом!.. Бедрами не вилять, мужчины все-таки! Тверже, тверже шаг!..

Митя, орудуя костылями, во всю старался выполнить команды. Он замыкал строй. А впереди шли больные с перевязанными руками, головой, грудью...

Все травматологическое отделение, способное передвигаться, вышло в больничный коридор и с интересом наблюдало за этой сценой.

— Запевай веселую! — скомандовал Башкиров.

Митя запел: «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваши пушки?..»

— Мотив, мотив не уродуй! — требовал Семен Семенович.

У рентгеновского кабинета строй остановился.

Перочинным ножом Сергей Петрович Мацкевич надрезал кожуру большого ярко-оранжевого апельсина и протянул Юре, мальчишке лет тринадцати. Он лежал на больничной койке с подвешенной на блоках ногой и смотрел в потолок.

— Ну чего бы тебе хотелось, сынок? Только скажи,— голос у Сергея Петровича звучал ласково.

Юрка прикрыл глаза, всем своим видом показывая, что ему не хочется говорить.

— Что с тобой происходит, не понимаю?

— У меня же перелом! — хохотнул мальчик.

— Ну, брат, тут уж никто не виноват. Сам, только сам.— Сергей Петрович поправил сползший с плеч халат.— Ну, занимался фигурным катанием, дышал воздухом, укреплял мышцы... Я не против. Но зачем делать то, чего никто еще не делал? И делать, может, никогда не будет. Зачем?

— Будут! — Юра поднял голову.

— О-хо-хо!.. Это же вопреки здравому смыслу.

— А я говорю — будут! — закричал Юра.

— Ладно, ладно,— попытался успокоить мальчика отец.— Ну, допустим, будут, а что от этого изменится? Продукты подешевеют или зарплату прибавят?

— Убавят — прибавят... Почему ты так рассуждаешь, папа? Что-то люди делают за так.

— Не скажи. Есть и у них какой-то резон. Ты еще мал, чтоб понять,— легкий румянец появился на моложавом лице Сергея Петровича.— Я ведь деньги свои считаю. И больше мне не надо. Не скряга какой-нибудь. Работаю честно, живу как все.

— А птицу ты не поймал,— с горечью и злостью сказал Юрка.

— Глупость из тебя какая-то прет. Я не птицелов.

— Нашел чем хвастать.

— Что, что, сынок?.. Уважали мы друг друга, дружили вроде бы — и вот...— Сергей Петрович заерзал на табуретке, в его голосе появились беспокойные нотки.

— Просто ты мой отец, и я тебя слушал.

— А ныне?

Дверь палаты распахнулась — сначала появились костыли, а потом и сам Радкевич.

— Хромая команда, стой! — скомандовал Семен Семенович.

Мацкевич с укором посмотрел на них.

— Извините,— Митя прикусил губу.

А Семен Семенович подошел к Юркиной койке, дернул мальчишку за ухо, и в руке у него появилась книжка.

— Ой! — воскликнул Юра.— «Алиса в стране чудес»! Спасибо!

— Вы фокусник? — заинтересовался Мацкевич.

— Что ты! Клоун!.. Настоящий живой клоун! — с восторгом сообщил Юра.

Взявшись за пижамные брюки, как за широкие клоунские штаны, Семен Семенович сделал книксен.

— Да, Юрка,— сказал Митя,— я сегодня прочитал, что когда Овчинников делает тройной аксель, он пролетает шесть метров. Вот это полет!.. Грандиозно, а?

— Что вы ему голову морочите? — вмешался Мацкевич.— С него хватит. Пусть другие!..

— Не понял? — опираясь на костыль, Митя встал.

— Объясняю: у меня только один сын.

— Да-а... — задумчиво протянул Митя.— Я тоже один... У моей мамы.— И отошел в сторону.

Словно на арене цирка, Башкиров вскинул руки с растопыренными пальцами и пронзительным высоким голосом завопил:

— Подставляй чужие шеи, своя уцелеет! — Он положил голову на табуретку, как на плаху, и заплакал.— Но как быть бедному клоуну, у которого нет чужой шеи, а есть только своя?.. У-у-у!..

— Не делайте из меня шута горохового! — не сдержался Мацкевич.— Это ваша профессия!..

— Клоун — это не профессия,— уточнил Семен Семенович.— Клоун — это мировоззрение...

— И что же вы хотите? Чтобы он первым полез в пекло? А зачем? Вы мне скажите точно — зачем? Люди уже столько придумали и наоткрывали, дай бог справиться. Мало на земле — в космос полезли. Аукнется нам еще этот космос!

— Смешно,— грустно проговорил Семен Семенович.

— Не вам судить. Ваше дело — тыкать партнера в морду и под зад, — ехидно парировал Мацкевич.

— Папа, что ты говоришь! — Юрка забарабанил кулаком по одеялу.

В палату заглянула сестра.

— Что-то шумно у вас, больные, — посетовала она. — Думала, интеллигентные люди, а тут — казачки-разбойнички. То этот сбежал, — сестра показала на Митю, — то крик на все отделение. Ой!

— Я требую, — отчеканил Сергей Петрович, — чтобы моего сына перевели в другую палату.

— Это откуда-то? — сестра возмущенно трянула головой. — Чтоб в другую палату — официально нужно. — Она вышла.

— Никуда я отсюда не пойду! Не пойду! Не пойду! — Юрка готов был заплакать.

— Ничего, справимся! — решительно заявил Мацкевич. — Со всеми баламутами справимся. Чтоб жить не мешали! Так что вы не очень-то!..

Семен Семенович, прихрамывая, двинулся к нему. Сделав ловкое движение, он вытащил изо рта бумажную ленту. Причудливыми узорами она ложилась на пол, и Мацкевич запутался в ней. Он пытался еще что-то сказать, но слова застревали у него в горле.

— Да ты не злись, папа! Это же фокус! — пытался объяснить Юрка.

— Фокус-покус, — вздохнул Митя и помог Мацкевичу выбраться из ленточного плена. — Ну что поделаешь? Люди — существа любопытные, так уже случилось. Если захотят что-нибудь узнать — узнают. И первый найдется... Однажды им станет ваш сын. Юрка Мацкевич.

Сергей Петрович вытер носовым платком мокрый от пота лоб и приоткрыл дверь палаты.

— Папа! Папа, ты куда? Остаешься, посиди с нами. Вот увидишь, у нас хорошо.

Мацкевич подошел к сыну и осторожно присел на край постели.

— Алле!.. — Взмахнул тростью, как волшебной палочкой, Семен Семенович, и на столе появилась бутылка молока. — Алле!.. — И он снова взмахнул тростью, и тут же возникла банка томатного сока. — Алле!.. — воскликнул Башкиров, но на этот раз появилась бутылочка коньяка. — Ошибка произошла, простите, — сокрушался клоун. — Плохо сосредоточился.

Был поздний час. Митя шел по темному переулку. Громкие голоса, смех, жалобный вой привлекли его внимание. Он заглянул в подъезд, откуда доносился шум. Трое подвыпивших парней пинали ногами маленькую черную собачонку с белыми ушами и белым носом. Они заставляли ее служить и, если не получалось, угрожающе тыкали кулаками в морду.

Митя не раздумывая растолкал парней и попытался освободить собачку. Но их было трое и они были сильнее. Кого-то он успел ударить, но уже через мгновение сам лежал на тротуаре.

— Тикай отсюда, шиз! — неслось вслед.

Митя с трудом встал и, пошатываясь, пошел к подъезду. Но и на этот раз парни вытолкали его.

Собачонка жалобно скулила. Митя рванул дверь.

— Может, продадите?

— А пятерку не пожалеешь?

Митя полез в карман.

— Га-га-га, — засмеялся парень. — Такого пса — за пятерку? Красенькую гони.

Митя достал десять рублей.

— Это же породистая собака, — сказал другой. — Меньше чем за тридцать не отдадим.

— За пятьдесят! — крикнул третий.

Все деньги, которые оказались в кармане, Митя положил на подоконник.

— Бери, пес твой, — снисходительно сказал самый здоровый и, видимо, главный.

— Держитесь от меня подальше, за последствия не ручаюсь, — спокойно прогово-

рил Митя, спрятал собачонку под куртку и вышел.

Парни пошли за ним. Они заняли всю узенькую мостовую и каждый их шаг гулко разносился по переулку. Но Митя даже не оглянулся.

Каждый вечер, после представления, в цирк приходил Митя. В гримборной Семена Семеновича он переодевался и в спортивном костюме выходил на арену...

Прыгать на батуте было трудно. Митя быстро уставал, задыхался, обливался потом. В такие минуты, когда хотелось все бросить и как-нибудь доташиться до дому, появлялся Семен Семенович.

— Дотянем больную ногу до уровня здоровой! Алле!..— восклицал он.

Они прыгали бесконечно долго.

— Алле!.. Алле!.. Алле!..

Батут подбрасывал Митю, словно выстреливал.

И каждый раз, достигнув верхней точки, Митя на мгновение замирал...

«15 сентября — открытие циркового сезона» — извещала афиша.

Семен Семенович осторожно приоткрыл занавес и выглянул в зал. Он ряд за рядом осмотрел один сектор, потом второй, третий...

— Пора начинать,— сказал инспектор манежа.

— Еще несколько минут,— взмолился клоун.— Я жду Митю.

— А может, он занят?

— Нет, сегодня открытие сезона, он должен быть.

Зрители уже заняли свои места. Самые нетерпеливые начали хлопать.

После короткого парада-алле на манеж выбежал Семен Семенович. За ним на задних лапах вышла Тяпа. Зрители встретили их аплодисментами...

В антракте Семен Семенович нервно ходил по своей маленькой гримборной. Его

тревога передалась Тяпе, и она заскулила.

Второе отделение уже началось, когда клоун подошел к телефону и набрал номер. На другом конце провода долго не отвечали.

— Алло, алло! Это ты, Лита?.. Здравствуй, девочка! Почему ты не в цирке? Где папа?.. Что ты такое говоришь?.. Умер? Папа умер?.. Погиб? Не болтай! — закричал клоун.— Об этом не могут знать маленькие дети!

К Семену Семеновичу подскочил человек в черном костюме и цилиндре.

— Вы срываете номер!

— Не кричите так громко...

...В большой ящик, установленный на арене, загнали льва. На мгновение в зале погас свет, напряженную тишину разорвал выстрел. Луч прожектора осветил ящик под куполом цирка. Стенки его отвалились, на зелено-красном парашюте медленно спускались Семен Семенович и Тяпа.

Долго не смолкала овация.

Машина остановилась, из нее вышел Максим Стрельцов. Он скользнул взглядом по большому девятиэтажному дому. Одно окно на четвертом этаже светилось.

Прежде чем подняться по лестнице, Максим закурил и долго прогуливался перед домом. Потом он вошел в подъезд и стремглав взбежал по лестнице. На площадке перед квартирой Радкевичей было темно. Он на ощупь нашел кнопку звонка.

— Кто там?

— Это я, Максим...

Оля открыла дверь.

— Что это у вас на площадке темно?

— Лампочка перегорела.

В темноте блуждал огонек сигареты. Когда Максим затыгивался, его лицо освещалось оранжевым светом.

— Давай ввинчу.

— Ладно, не для этого, наверное, пришел.

Оля пропустила Максима и заперла за ним дверь. Они вошли в комнату.

— Слушай сюда, Ольга,— с ходу начал Максим.— Ты не думай, Митя тебя любил.

Оля посмотрела на него с тревогой и удивлением.

— Ты должна знать...

— Что это ты, Макс, не в своем репертуаре?

Максим сделал вид, что не услышал: он открыл форточку и снова закурил.

— А-а... Понятно. Чаю хочешь?

— Можно.

На кухне сидел Семен Семенович Башкиров и шил платье для куклы. Когда Максим вошел, он, не отрываясь от работы, кивнул. Оля поставила на стол еще один прибор.

— Тебе покрепче?

— Хорошо бы.

— Значит, утром ты улетаешь на полигон? — Ольга исподлобья глянула на Максима и, не дожидаясь ответа, продолжала: — Ты должен повторить то же самое?

Семен Семенович отложил в сторону шитье и весь напрягся.

— То, что сделал Митька, не нужно повторять! — закричал Максим и, тут же прикрыв рот рукой, уже тише добавил: — Это уже сделано, сделано! Раз и навсегда!.. Сейчас у нас новая идея, Митька подсказал. И я ее проверю.

Ольга с ужасом смотрела на Максима.

— Значит, все сначала? Только первый теперь уже ты?

— Кто-то же должен...

— Я тебя не пушу!

— Тише.

— Нет, ты не полетишь!

— Девочек разбудишь.

— Вот что, Максим, слушай внимательно... Я никогда не удерживала Митю. Мне казалось, нельзя удерживать, не дай бог подумает, что я смалодушничала. Но ты чужой человек, и мне неважно, что ты подумашь. Неужели тебе не страшно после того, что случилось?

— Ну страшно, страшно!.. Чего ты хочешь?

Семен Семенович с усилием проглотил комок, застрявший в горле, и покачал головой.

— Сколько парней хотело бы быть на его месте! О-го-го! — протянул он.— Только свистни!

Махнув рукой на прощание, Максим вышел в коридор. Ольга бросилась за ним.

Дверь из комнаты приоткрылась, и на пороге появилась девочка, босая, в длинной ночной сорочке, с распущенными волосами.

— Мама, я писать хочу,— прошептала она.

— Сейчас.— Ольга взяла ее за руку, повернулась к Максиму: — Попробуй только уйти!..

Максим улыбнулся. Потом осторожно, стараясь не шуметь, прикрыл за собой дверь.

Но Ольга не успокаивалась:

— Я позвоню Князеву, я позвоню правительству... Не для того мы рожасм детей!..

— Дурочка! — сказал Семен Семенович.— Дурочка, дурочка!..— повторял он, стараясь успокоить Ольгу.

Город просыпался. Поливочная машина окатила стоящие у подъезда зеленые «Жигули». Прогромыхал пустой трамвай. Появились редкие прохожие. Рядом с подъездом, у булочной, остановился автофургон.

Максим с любопытством наблюдал, как разгружают хлеб. На больших деревянных досках лежали коричневато-золотистые буханки «подового» и кирпичики «формового», блестящие желтые батоны с хрустящей корочкой, маковые булочки, баранки, рожки...

Порывшись в карманах, Максим нашел несколько монет. Он взял пахучую, еще горячую буханку хлеба, положил деньги и направился к машине.

Утро предвещало хороший день. Малиновые краски зари быстро таяли. Высокое

Максим — актер Юрий Демич

небо разделил надвое длиннющий мохнатый след — только что пролетел реактивный самолет...

ДЕЛО

— «15 сентября,— читал Буров акт расследования,— при испытании системы аварийного спасения под шифром «Рубин» для нового типа летательных аппаратов погиб испытатель Дмитрий Ильич Радкевич...»

В кабинете за длинным столом сидели Князев, Олшко, Стрельцов, инженеры и конструкторы. У окна стоял невысокий коренастый военный, подполковник авиации—Афанасьев Никифор Евдокимович.

Было сумрачно. Барабанил по стеклам густой осенний дождь.

— «Обстоятельства гибели...— продолжал Буров.— Радкевич Дмитрий Ильич, 1946 года рождения, окончил авиационный институт, на испытательной работе с 1969 года, имел 1375 прыжков, из них — 690 на испытание новых систем парашютов, 16 на установление мировых рекордов. Произвел 18 катапультирований, из них 11 на испытание новых систем.

Нарушений правил эксплуатации техники и требований инструкции не было. Нарушений режима отдыха перед испытанием не наблюдалось. Состояние здоровья перед испытанием без отклонений от нормы. Бытовые условия хорошие.

Как показали записи приборов, испытатель впервые столкнулся с незнакомым явлением, связанным с освоением больших скоростей и высот полета новыми летательными аппаратами...»

Дождь за окном не прекращался. Поток воды с шумом неслись вдоль тротуаров. Улица опустела, люди прятались в подъездах, прижимались к стенам домов. Только женщина медленно толкала перед собой коляску. Ребенок, очевидно, спал, и она, боясь нарушить его покой, огибала каждый камешек, каждую лужицу.

— Как тогда у меня с этой машиной получилось,— неожиданно заговорил летчик Афанасьев.— Внизу населенный пункт, а я горю ярким пламенем. Ну через городок-то

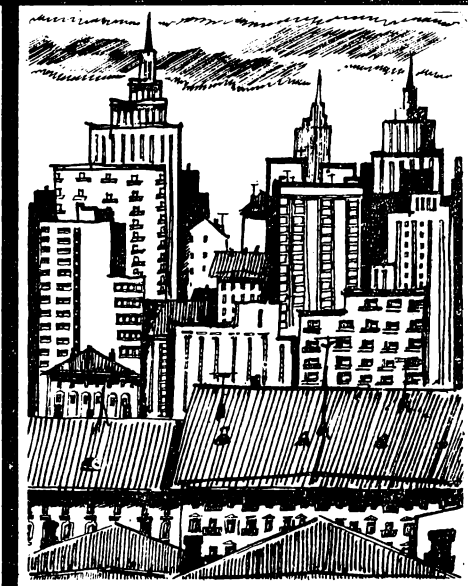
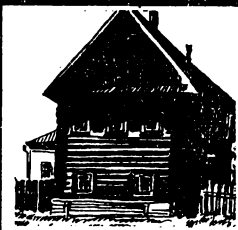
я перетянул. До поля... А там — высоты уже нет, и шансов спастись тоже. Если бы не эта ваша штука... конец!

Афанасьев отошел от окна и стал рядом с Буровым. Словно оправдываясь перед ним, и перед собравшимися здесь, и перед самим собой, он закончил:

— Припас я для этого парня всякие слова, да так и не сказал. Не познакомился даже... Все думаешь — у бога дней много.

Слышно было, как за окном шел дождь.

А. РОДИОНОВА

КАРНАВАЛ

АННА СЕРГЕЕВНА РОДИОНОВА окончила Литературный институт им. Горького и Высшие сценарные курсы Госкино СССР. Член Союза писателей СССР. Пьесы А. Родионовой «Была весна шестнадцатого года», «Девочка Надя», «Экспурсия по Москве» поставлены в театрах столицы и других городов. По сценарию А. Родионовой «Школьный вальс» режиссер П. Любимов ставит фильм на киностудии детских и юношеских фильмов им. М. Горького.

Публикуемый в альманахе литературный сценарий «Карнавал» — дебют молодого кинодраматурга, он написан автором во время учебы на Высших сценарных курсах.

Красивая, очень хорошо одетая, в очень красивой комнате женщина, небрежно комкая в руках сигарету, слушает не очень красивого, но умного, чуть усталого, в отлично сшитом костюме мужчину. Дубляж не очень хороший, губы не соответствуют словам, но какое это имеет значение, если он говорит:

— О, дорогая, я не могу без тебя, я не могу без тебя жить... Одно только слово, и я всегда навеки твой...

И она, сделав несколько нервных затяжек, говорит:

— Ты не знаешь самого главного — я замужем и люблю своего мужа.

Мужчина встает, выходит из очень красивой комнаты на очень красивую веранду. Цветут розы, полыхают маки, бьет фонтаном струя воды, разбрызгивая лучи солнца. Мужчина достает револьвер и стреляет себе в висок. Падает. Струйка крови стекает по его не очень красивому, но умному, чуть усталому лицу.

В зале было тихо. Долго шли титры. На фоне струйки крови. Публика с мест не вставала. В третьем ряду одна девушка незаметно мизинцем подобрала слезы. Ее соседка высморкалась так, как будто у нее насморк и даже пробормотала: «О господи, где это я подхватила», да и все зрители были подавлены мелодрамой, только что прозвучавшей с экрана.

Выходили из кинотеатра траурной колонной. За двумя девушками из третьего ряда плелся очень маленького роста юноша, подковыривая кедами пакиданый мусор.

— Знаешь чего, Жень,— сказала вдруг та, что мизинцем вытирала слезы,— ты иди, а нам надо поговорить.

Она так и сказала «поговорить», потому что дело происходило в южном маленьком городке, и все в этом городке говорили фрикативно.

— Да я только провожу,— безнадежно сказал Женья.

— Да не надо,— твердо сказала Нина.

— Да что ты за человек,— вмешалась та, что сморкалась,— просят же...

— Да подожди ты, Галка,— остановила подругу Нина,— иди, Женечка, смотри, мы уже пришли.

— Ну хорошо,— сказал Женья,— завтра контрольная по тригонометрии, принеси чистую тетрадь.

— Ай боже! — взметнула глаза к небу Галка.

— Иди! — подтолкнула Женью Нина.

Тот пошел нехотя. Подкидывая какой-то камешек. Типичный районный мальчишка, выросший на маленькой реке, и весь огромный подзвездный мир воспринимающий через кинотеатр «Комета», новенькую, только что сооруженную стекляшечку в самом центре Оханска.

— Боже ж ты мой,— говорила Галка,— вот пристал, он так за тобой и бегает, как он не понимает, что все смеются. Знаешь, как вас прозвали? Вагон и маленькая тележка.

— О господи,— сказала, глядя на звезды, Нина,— ведь где-то есть жизнь.

Люблю я дни, люблю я ночи,
Люблю я тайные леса,
Люблю я милые твои очи
И не забуду никогда,—

• продекламировала Галя.

— Что-то не складно,— заметила Нина.

— Зато верно,— отрезала Галка.

Они шли пустынными улицами мимо милых палисадников с цветущей сиренью, мимо трогательных колонок, мимо не совсем еще прижившихся блочных домов. Шли и грезили о далеком и прекрасном мире, о любви, недоступной и запретной, тайной и отчаянной.

Люби меня, как я тебя
Глазами голубыми,
Люби меня, как я тебя,
Но не гуляй с другими —

декламировала Галка.

Огромная майская луна в полнеба шпарила мертвенно на оханском небосклоне.

Вдруг чьи-то черные фигуры справа и слева выдвинулись на проезжую часть.

— А-а! — заорала ненормальным голосом Галка и бросилась бежать. — Бежи, Нинка, бежи!!!

Нина безмятежно посмотрела на приближавшихся грабителей и насильников.

— Да это ж ребята с Малокалиберки. Ну, чего вам?.. Вась, ты-то мне и нужен.

— Я? — удивился гварьер.

— Ну ты,— сказала Нина и огляделась. — Галк, Галк, это ж наши.

Галя недоверчиво стояла в сторонке.

— Ходят тоже, изображают, а как выдрать из вас, чертей окаянных, фонды, так никак. Шефы вы или нет?

— Ну шефы,— с вызовом сказал Вася,— уж и покуражиться нельзя.

— Да куражься над кем угодно, только не надо мной, будто я вас не знаю. Да я весь город наизусть с закрытыми глазами узнаю, хоть бы и в темноте. Также мне, вышли на мокрое дело. Короче, у нас будет вечер в субботу, у нас там самодеятельность и прочее, а вы должны радиозел наладить. А теперь катитесь куда хотите. Галк, пошли.

Хулиганы потоптались на месте, потом разошлись, тайна была нарушена.

— Это ж надо, аж противно, ни одной незнакомой рожи, бандиты и то все знакомые. Ну ладно, пришли. Пока, до завтра.

Нина быстро вбежала по ступенькам, тихо вошла в комнату. Ее мама, женщина худенькая и всегда немного заплаканная, гладила.

Они были очень разные — Нина, высокая с толстыми сильными ногами, большим лицом, совсем не похожая на десятиклассницу, и ее мама, худенькая, маленькая, как испуганная птица.

— Хорошее кино было? — спросила она.

— Да ничего,— охотно пояснила Нина.— Все девчонки ревели. Аж Галка. Про любовь.

— Завтра надо к бабе Зинанде сходить, давно не была,— сказала мама.

— Схожу, только у меня... ну... репетиция... скоро вечер. Вадим Артурович говорил: будут из центра какие-то гости.

— Только май, а уже сердце болит. Только б мне это лето пережить, ты подумай — в школе экзамены, потом уедешь ты, куда, зачем?

— Переживешь, мама, это все переживают. Вон у Юты Макаровой мать как волновалась, а что? Та поступила, учится, приезжает на все праздники и каникулы да еще привозит из Ленинграда подарки.

— Юта в торговом, это ж профессия, а ты чего — артистка. Какая из тебя артистка?

— Мам, не надо.

— Да ты на себя погляди — что ты с лица? Артистки ведь они какие — красивые, тонкие, ты ж у меня сорок восьмой размер носишь, а голос — как у трубы ирихонской. Я вот по телевизору видела — губки у них тонкие, ножки высокие, а ты?

— А что ж такую родила? Или это мне папочка подгадил?

— Не смей так про отца говорить.

— Ой, ой, отец он мне, как же... Вот уж правда можно сказать — в жизнь его не видела. Как и алиментов его.

— Но он же присылал.

— Представляю, какой у них там праздник был, как мне восемнадцать стукнуло.

Мама отложила утюг и вышла из комнаты. Нина пошла за ней.

— Скажешь, нет? Скажешь, не так?

Что-то в ней зудело и хотелось всех оскорблять.

— Или, может, у вас любовь небесная была — как в кино? Или, может, ты была красавица невероятная? Что ж нам, уродинам, и не жить?

— Дак какая ж ты уродина! Я говорю, крупная ты для артистки, в экран не поместишься.

— Да где ж эта любовь, как на экране? Где? Все вы придумали, все. Сколько ж ее ждать-то?

— Ой, а то жизнь вся прошла, уж и ждать нечего?

— Где любовь-то эта? Женька Друкер, что ли? Или как папочка — залеточка? Где их взять-то?

— Свет велик.

— Господи, ну отчего, ну отчего все так устроено — одним все, как этим артисткам — и внешность, и деньги, и любовь, а другим...

— Да что ты стонешь-то, — прикрикнула мать, — здоровая, молодая, силу деть некуда. А мне что тогда, ложись да помирай? Инфаркт был? Был. Гипертония есть? Есть. Мужа нет? Нет. Ну что? А я тебя вырастила и дом удержала, а ведь сколько раз продавать собиралась.

— Ну и чего ты радуешься, что удержала. Можно подумать, жить я в твоём доме буду — я уеду, хоть куда, а уеду. Я второй, такой жизни, как твоя, не хочу. Не будет у меня такой жизни. Не ждите...

Нина совсем почти кричала, и ревела, и голосом поигрывала незаметно для себя, совсем так, как учил Вадим Артурович, и волосы разлохматились.

— Не ждите, не дождетесь, не надеетесь, не хочу... не хо-чу, не хо-чу!..

На нее это было не очень похоже, поэтому мать испугалась. Сначала налила воды, потом кинулась к дочери, обхватила большими сухими руками, словно хотела сжать, спрятать, унести... Бормотала:

— Ну и хорошо, ну и славно, ну и не надо нам никого, ну и не надо, красавица

ты моя, ты ж у меня загляденье. Если б я такой была, разве ж так я провела свою жизнь? Смотри, и глазки у тебя, и реснички... Ну хочешь, погадаю? Давай по книжке.

— Справа сверху пятнадцатая строчка... Мама, шевеля губами, посчитала, потом прочла:

«...ляет. Училище производит прием юношей и девушек по следующим специа...

— Какую ж ты книжку взяла?

Мама перевернула обложку — «Справочник для поступающих в высшие учебные заведения».

Физкультурный зал в школе. Идет репетиция школьной самодеятельности. Вадим Артурович висит на шведской стенке.

— Вырубай весь свет! — кричит Вадим Артурович.

Женька Друкер «вырубает». Ровное блюдце света падает на сцену. Вот в это блюдце вступил, нет — вступила... Потому что это переседая в Чацкого Галка. Она сказала:

— Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног...

— Ухо, ухо вытащи! — закричал Вадим Артурович. — Неужели не чувствуешь?

— Чуть свет уж на ногах! и я у ваших ног, — сказала Галка-Чацкий.

— Теперь лба нет. Соломатина, попробуй. Софья, где Софья?

— Да я ж тут, — сказала Нина и вошла в кружок света. На ней были взбитые булги и сильные румяна. — С чего начинать? С конца?

— Чацкий, Чацкий, ты теперь видишь, как надо свет держать? Перекур.

Женька врубил свет. Девчонки закурили.

— Дуры, — устало сказал Вадим Артурович, — голоса испортите, вас никто пикуда не примет.

— А у нас только Нина хочет поступать, — сказала вертлявая девчонка — Молчалин.

— А вот скажите, Вадим Артурович, что, разве только красных берут? — интересо-

валась Галка.— А ведь в кино всякие нужны. Правда?

— Правда, правда,— вяло говорил Вадим Артурович,— вы мне лучше скажите, отчего у вас мальчишки не хотят идти в кружок?

— А они дурные. Вот скажешь им: пойдете, ведь интересно, а они...— махнула рукой девушка — Фамусов.

— Ох, цо то бэнде, цо то бэнде? * — вздохнул Вадим Артурович.

— Да еще, Вадим Артурович,— сказала Нина,— скоро ж выпускные, надо ж готовиться.

— Ну ничего, недолго мне с вами маяться — уеду в Минск, и все. Только меня и видели.

— Вадим Артурович,— заканючили девчонки,— почему?

— А вам-то что? — удивился Вадим Артурович.— Вы ж кончаете, на будущий год все замуж повыскакиваете. Дети, пеленки, мужа обстирать, какая ж тут самостоятельность!

— А вот по мне,— я без самостоятельности жить не могу. Правда, правда,— сказала Галка.— Вот придешь домой... ну после кино... и так скучно станет, дома все одно и то же, мать ворчит, братья хнычут, и так захочется какой-то другой жизни. А вот скажите, правда, Гурченко жена Баталова или она жена Смоктуновского?

Нина и Женька шли к бабе Зинаиде. То есть Женька только сопровождал. Но за неимением иных собеседников Нина благосклонно беседовала с ним.

— Да ему уж на все наплевать, ты слышал, его в Минск зовут. Все-таки он... ну... какой-то отсталый. Везде, везде, я читала, занавес упразднили, не вешают, а у нас занавес, действия, картины. А вот я читала, в Москве вообще все в одно действие играют. И сцены нет, прямо посреди не зала. Например, вот актер выходит и прямо со зрителями разговаривает.

* — Что будет, что будет? (польск.)

— А они чего?

— Кто?

— Ну зрители. Они тоже разговаривают?

— С кем?

— С артистами.

— Дурак, это что тебе базар, что ли?

— Нет, почему, а я бы поговорил. Например, спросил бы сколько они получают. Тыщи, наверное.

— Ох, Друкер,— подозрительно сказала Нина,— а тебе-то что, и ты что ли интересуешься? Вот слушай, что я тебе скажу — там ниже метра восьмидесяти не берут. И вообще мы уже пришли. И ты тут не торчи, я, может, заночую.

И Нина вбежала по дощатым ступенькам в маленький домик под густой шапкой вьюнка и каприфоли.

По веранде хозяйски расхаживал какой-то мужчина. Высокий, с усам, длинноволосый, но не молодой, а лет этак за тридцать. Может, сорок? На столе стояла распитая четвертинка.

— Здравствуйте,— выжидательно сказала Нина.— А баба Зинаида где?

— Скоро придет. Да вы присаживайтесь. Она куда-то... кто ее знает... то ли на ферму, то ли в сельпо.

— В сельпо? — удивилась Нина.— Уж все заперто.

— Ну,— компанейски сказал мужчина, немного погуляв по веранде, сказал так, как будто они давно были знакомы,— как у вас тут в Оханске, весело?

— Ничего, не жалуемся.

— А рыба в Оханке водится?

— А я ее ловлю, что вы меня спрашиваете?

— Но воздух у вас, что ни говори, не московский. Есть чем легкие заполнить. Кислород. Как там у вас говорится? Фосфор в воздухе горит, выделяет ангидрит. Башмаки мои того, пропускают аш-два-о.

Нина смотрела на него с недоумением.

— А что интересного на культурной ниве? Театры, музеи, выставки.

— На культурной ниве? — оживилась Нина. — На культурной ниве у нас ничего нет. Театр у нас передвижной, во время посевной в поле, зимой разве что. Да они играют старые одно. Шекспир там, Чехов. А у нас в школе вот кружок, ну такой, самодеятельный... Мы, правда, сейчас «Горе от ума» ставим, для седьмого класса, им по программе надо, а вообще мы и «С любимыми не расставайтесь» ставили и «Валентин и Валентина». Я Валентину играла.

— А кто же был Валентин? — весело подхватил незнакомец.

— А одна девочка.

— Девочка?

— Ну, у нас ребята не идут в кружок...

Стукнула дверь. С бутылкой и свертками вошла бабушка Зинаида.

— Познакомились? — Весело захопотала она вокруг стола. — Ну и молодцы. А мы сейчас ужин сделаем, я — сельпо-то закрыто — прямо к Тоньке домой, вот она и продала. А то выпили по маленькой — не хватило.

— А мы еще не представились, — засмеялся незнакомец и широким жестом протянул руку, — говорим, говорим, а не познакомились.

Нина засмеялась.

— Соломатин Михаил Иосифович. А вас как звать-величать?

Нина тихо сказала: «Нина», с трудом и не веря постигая смысл имени незнакомца.

— Как? — совсем развеселился незнакомец. — Ничего не слышно. Как же вы в своей самодеятельности играете, нич-его не слышно. Ну посчитаем, что была репетиция. А теперь премьера. Разрешите представиться — Соломатин Михаил Иосифович. Художник, так сказать, оформитель.

— А вы меня не знаете? — спросила Нина. — Вам баба Зинаида не говорила?

Она оглянулась на бабу Зинаиду, но та куда-то вышла.

— Позвольте, позвольте, — продолжал веселиться незнакомец, — что-то приломи-

наю — Сарра Бернар или, кажется, Гликерия Федотова.

— Соломатина Нина Михайловна, — сухо сказала Нина и руки не подала.

Наступило молчание. Незнакомец опешил.

— Т-т-такая б-большая? — выдавил он и тоже оглянулся в поисках бабы Зинаиды, а та как раз входила на веранду с тарелками, вилками, сияющая, счастливая. Не каждый день гостит дома сынок. И не каждый год.

— Со свиданьем, — сказала баба Зинаида, то ли не замечая, то ли не желая замечать ни замешательства сына, ни холодности Нины. — Ну прямо не верится, Мишка дома, сыночек мой! Большой-то какой, усатый! А ты Нинку не обижай, она мне первая помощница, я старею, когда и шва не вижу, а она мне и наметку выдернет, и обметает, и петли заделает. Ну, со свиданьем, дети мои дорогие.

Нина и Михаил Иосифович чокнулись. Михаил Иосифович при этом морщился, вглядывался в Нину, пожимал плечами, поворачивал голову в три четверти, всем своим видом выражая нехитрую мысль: «Батюшки, выросла-то, как выросла...»

В школе предпраздничная суматоха. Вадим Артурович потерял голос и разговаривает жестами. Нина с трудом вслушивается и всматривается, ничего не может понять.

— Ничего ж не понимаю. Вадим Артурович, а? Что? Напишите на бумажке.

Вадим Артурович крупно написал: «Афиши нет. Кто нарисует?»

— Да ж у меня папа художник, вы что, не знали? Я сейчас.

Она побжала по вестибюлю разыскивать отца. Михаил Иосифович стоял, приткнувшись у раздевалки, и курил — ему было не по себе.

— Папа, — закричала Нина, — мы ж тебя все разыскиваем, там надо нарисовать. Идем! Плакат, понимаешь?

— Знаешь чего, старух,— сказал Михаил Иосифович,— я пойду, пожалуй. Нет, честно, вы какие-то все молодые, прелестные, а я старая развалина. Подумать только, я учился в этой школе!

— Да пошли скорей, там тебя все ждут.

И Нина потащила отца.

— Ой,— вскрикнул на площадке третьего этажа Михаил Иосифович,— это же кабинет ботаники! Господи, узнал...

...Афиша вышла очень красивая и смешная. Нина гордо вывесила ее в вестибюле и немного постояла, наслаждаясь впечатлением.

...Обратно шли поздним вечером берегом Оханки. Звезды немыслимой красоты светили над ними. Нина была счастлива.

— Сириус,— говорил Михаил Иосифович,— а это Вега, а это звезда влюбленных и сумасшедших — Арктур.

Глаза у Нины были переполнены счастьем и слезами, и звезды множились и роились в небесной тверди мириадами светляков.

— Запомни эту ночь,— сказал отец.— Когда-нибудь, может, даже скоро, ты вспомнишь ее как сказку, потому что это звезды твоей юности. Никогда ни в каком мире, ни в каком городе звезды не светят так пленительно, как в городе детства.

На вокзале Нина прощалась с отцом. Поезд стоял в Оханске недолго, три минуты, поэтому уже задолго до его появления попрощались, и теперь уже говорить было почти что и не о чем.

— А вам, правда, понравилось наше выступление? — прервала паузу Нина.— Девчата старались, Лизка аж плакала, все перетрухали — жуть. Скажите, вы еще к нам приедете?

— Ну конечно.

— А вот я скоро к вам приеду,— сообщила Нина.— Поеду поступать в театральное. Вы телефон не дадите?

— Пожалуйста, пожалуйста,— засуетился Михаил Иосифович, доставая шариковую ручку и нервно глядяваясь, идет ли поезд.

— А к маме вы все ж таки не зашли. Просто зашли бы, посмотрели, как мы живем. Это что, телефон? Домашний? Я приеду, позвоню, ладно?

— Что же ты мне опять «вы» говоришь? — усмехнулся Михаил Иосифович.

— Да я так, от глупости. Ой, поезд, поезд, портфель не забудьте. Послушайте, а написать вам можно? Я ж такая, что стесняюсь, ничего и не спросила, как там, что... Я напишу, ладно? Я ж не знала, что вы такие, я думала, вы совсем другие, я вас прямо презирала, вагон у вас какой? — кричала Нина суматошно, громко, почти не слыша себя за грохотом приближающегося состава. И от этого вдруг осмелела и завопила, размазывая слезы пополам с зеленой тушью: — Папка, роденький, приезжай, не забывай, я ж все ж таки дочка твоя! Папка, папка, ой, что ж я говорю-то, Михаил Осипович...

Поезд тронулся. А Нина вдруг вскочила на площадку и обняла отца. Все растерялись. Поезд мчал уже на всех парах. Проводница выпихивала Нину прямо на шпалы. Михаил Иосифович удерживал. Оба они кричали.

— Тетя Катя,— завизжала вдруг Нина и бросилась на шею проводнице,— это ж я, Нинка Соломатина, не узнали? А это мой папка, Михаил Осипович...

— Психичка,— разозлилась тетя Катя,— сейчас в милицию сдам. Что с того, что я тетя Катя. А как старший контролер придет?

— Я в Полехино выйду, а там автобусом. Это ж мой папа, тетя Катя.

— А ну ко мне! — Тетя Катя захихнула Нину к себе в служебное купе.— Сиди здесь как мышка. А вы, товарищ, свой билет предъявите. И к себе, быстренько.

И тетя Катя сердито заперла Нину на ключ. Михаил Иосифович, усмехаясь, пошел на свое место.

А Нина, зарывшись в тюки с бельем, рыдала горько, и странно было видеть ее, такую большую, с пышной парикмахерской прической, в слезах.

Чудовищная жара в Москве, асфальт плавится под ногами — разгар лета. Из стеклянного здания Курского вокзала пассажиры вываливают взмыленные, плохо соображающие, с помятыми букетами и деревянными ящиками фруктов, из которых всегда что-то вытекает. На самом солнцепеке километровая очередь на такси. Где-то близко к началу стоит, изнемогая на солнце, Нина с сумкой Аэрофлота через плечо и с авоськой абрикосов. Толпа взмыленных, уставших приезжих рассасывается медленно. Чуть в стороне от основной выстроилась вторая очередь — с детьми. Молодая цыганка с медалью «За материнство», корми сосунка и одновременно волоча за руку еще двух чумазеньких хитрых-прехитрых цыганят, подошла к распорядителю.

— Ужас какой! — сказала женщина в капроновой косынке своей соседке. — Мы-то стараемся, и гигиену соблюдаем, и все по часам, а им хоть бы хны, ни тебе мастита, ни грудницы.

Цыганка потеревила распорядителя. Тот тоже был человек и сильно одурел от жары. Он только взглянул на веселое и наглое лицо цыганки, опустил глаза на ее юбки и заорал не своим голосом:

— Уходи со своими Ромами в очередь. Нарожали тут... лишь бы без очереди... всем вам без очереди. Героини!

Хитрые цыганята опустили глазки и затянули что-то по-цыгански, один даже слезу выжал, хитрец.

— Так то ж дети, — не выдержала Нина. — Они ж не виноваты. Разве ж их рожают, чтоб в очередях не стоять.

— А вот ты такая добрая, — звилась женщина в капроновой косынке, — вот и бери их к себе в машину.

— Так пожалуйста, — сказала Нина.

В это время подошла машина, Нина села вперед, цыганка с цыганятами — на заднее сиденье.

— Куда? — коротко спросил водитель.

— Мне... — запнулась Нина, — в гостиницу.

— В какую?

— Да в любую.

— То есть как это в любую! — занервничал шофер. — Если место бронировано, так где, в какой? «Золотой колос» или «Турист», или там «Узбекистан»?

— Я не знаю. Я сниму, мне не на долго...

— Ну знаете, девушка, я с вами разъезжать по всей Москве не собираюсь, я через час кончаю.

— Ехай прямо, — сказала цыганка.

Шофер подчинился.

— Негде жить? — спросила она у Нины.

— Да в общем-то есть, у отца, да он...

— Ехай налево, — сказала цыганка. — Тогда можешь к нам.

— В табор? — удивилась Нина.

— Зачем в табор, на квартиру. Захочешь, погадаю, а не захочешь, я и так все знаю.

— Мне только на два дня... — начала Нина.

Шофер зарычал, вытирая пот:

— Теперь куда?

— Ехай за поворот. У нас люди хорошие, денег не возьмут, я скажу...

Сосунок дремал, намертво присосавшись к материнской груди.

— Какие хорошенькие! — умилилась Нина, встала коленями на сиденье и, протянув руку лодочкой, представилась: — Нина Соломатина. — Разворошила авоську, угостила всех абрикосами.

— Карма, — лениво сказала цыганка, сверкнув золотым зубом. — Через мост, мимо базара...

— Чертаново, что ли? — маялся шофер. — Новогиреево?

Цыганка загадочно молчала, только смотрела ему в спину черным непроницаемым взглядом. Цыганята уминали абрикосы. За окошками бежала Москва. Нина откинулась на мягкое сиденье и закрыла глаза. Что ее ждало в этом чужом городе и куда она ехала, было ей непонятно.

Современная трехкомнатная квартира в доме-башне. На полу разостланы какие-то тряпки, там вповалку спят дети. Нина и Карма на кухне, прислонившись к польской электрической плите, ужинают прямо на полу — сыром, хлебом, колбасой. Откуда-то, испонятно резонируя, доносится заунывное пение. Окна и двери балкона распахнуты настежь. Душно.

— А я ж ему говорю, если ж ты так меня любишь, отстань, понимаешь? А я тебя не люблю. Ты не герой моего романа.

Карма курит «Беломор», слушает.

— Да он маленький, ниже меня ростом, Женечка мы его звали... Так смешно... Я уезжала, так он заплакал, вот детский сад! Я ему говорю: как же я любить тебя могу, если ты такой рева, так он перестал, так все равно... А отец у меня шишка, мне просто сразу к нему неохота, мало ли, там жена, сын Димка, он рассказывал, десять лет парень. Вот переночую и завтра позвоню. Знаешь, куда я приехала поступать? Я тебе скажу — в театральное.

Карма усмехнулась.

— Ну не знаю, я конечно... посмотрю...

Помолчали. По-прежнему слышалось заунывное пение. Карма достала карты.

— Погадать?

— Да нет, я в это не верю. Ой, как у нас девчонки гадают! Вот хочешь покажу, на исполнение желания. Загадай, а я тебе скажу — сбудется или нет. Но это так, для смеха. Загадала?

Карма опять усмехнулась, глядя как Нина неумело раскладывает карты. Гадание не получилось, тузы не выпали. Но Нина, прикрывая карты ладошкой, быстро сказала:

— Ну там все хорошо. В общем, сбудется. А вот скажи, вы правда не работаете, воруете, а откуда у вас эта квартира? Я конечно, во все это не верю. Так говорят. А можете так нагадать, чтоб все вышло?

Но Карма уже давно не обращала на нее внимания. Она вслушивалась в шум

города. Вот затрещал мотоцикл и смолк. Карма метнулась к двери, потом к балкону.

Пение прекратилось, из туалета вышел средних лет цыган, загорелый, как дорожный рабочий, и цивилизованно потушил за собой свет. За его спиной мелькнул плакат: «Кафе-поплавок «Чайка». Цыганский ансамбль».

Он коротко сказал что-то Карме по-цыгански, та поспешно закивала:

— Сейчас, сейчас ложимся...

Потом принесла какую-то подстилку:

— Ложись, — сказала она Нине, хищно вслушиваясь в тишину.

— Я сейчас, только посуду помою...

— Ложись, — властно сказала Карма. И погасила свет.

И тут же рассвело. Или так показалось Нине, потому что она спала крепко, без сновидений, проснулась от голосов и стука двери. Открыла глаза. В квартире было тихо. Яркое летнее солнце шпарило уже всюю. Накаленный паркет потрескивал. Нина потянулась и вдруг испуганно вскочила. Вещи были на месте — сумка Аэрофлота и авоська с тремя абрикосами. Нина босиком прошла по квартире. Нигде никого не было. Она услышала голоса внизу, вышла на балкон. Цыгане с кем-то ругались. Кармы среди них не было. Нина подхватила вещи и помчалась вниз. Выскочила из подъезда.

— Вы что, уезжаете? А где Карма? — спросила она дочерна загорелого. Тот посмотрел на нее белым от ненависти взглядом, повернулся и быстро ушел.

— А где Карма, вы не видели Карму? — спрашивала Нина у других цыган и цыганок.

— Сбежала твоя Карма, — сказала одна, увешанная детьми, как спелая яблоня плодами. — С прежним мужем сбежала.

— Дак дети ж остались, — ахнула Нина, разглядев на руках одной из цыганок Карминоного сунка.

— А это не твоя печаль. Шла бы лучше, — посоветовала пожилая.

— Ох, нет на вас управы! — запричтала вышедшая из подъезда общественница. — Вот на нашу голову навязались. Как это ухитрились только — кооператив построить.

— Да у нас, бабушка, денег! — издевательски лениво отпарировал черноглазый мальчишка лет пятнадцати. — Ни в кино тебе этого не видеть, ни по телевизору. Мешком носим, на пуды продаем.

— Вот вот... — легко завелась общественница, очевидно, больше всего обидевшись на «бабушку». — Ни стыда, ни сраму...

Но Нина уже не слышала. Она шла по улице, внимательно проверяя сумку — не украли ли чего.

Что-то из реликвий прошлого — коммуналка. Смотрится как музей:

...множество звонков на дверях,

...множество корыт в подслеповой ванной,

...яичница и чайники на кухне.

Жозефина Викторовна молча и зло моет пол в кухне, остальные соседки обходят ее стороной. Участия в общем разговоре она не принимает, но фыркает вовремя.

— Марья Степановна, голубушка, я нашла место, недорого, уютно, место неплохое, недалеко от станции, минут десять...

— Зелень есть?

— Вы по поводу деревьев? Да, березы. Это, знаете, где... Это хорошее место, это филиал Новодевичьего в Ваганькове. Там есть такое отделение.

— Могилу что ль впрок запасаете?

— Нюра, вы как скажете, так мороз по коже... Не могилу, а место... место... да! Зинаида Артемьевна, а почва какая?

— Песочек, сама проверяла. Жозефина Викторовна, разрешите вылить.

— Ой, как можно об этом говорить... Да вы обе по двести лет проживете, ей-богу!

— Спасибо, Нюрочка, вы всегда желаете нам добра.

— А вот интересно, Жозефина Викторовна, не слышали, цоколь закончили?

— Я знаю, у них шагающий экскаватор ушел на другой объект...

— О господи, кажется, не дождемся... Одна наша квартира осталась. Ведь страшно сказать — аварийный дом.

В дверях позвонили.

— Жозефина Викторовна, к вам.

На пороге стояла Нина, сияющая несколько напряженно, но искренне. В руке огромный букет из разных цветов, такие обычно продают у вокзалов — плоский и с георгинами, по большей части почему-то без стеблей.

— Соломатины здесь живут?

— Здесь. А вам кого?

— А я к вам, я ж Нина. Здравствуй-те.

— Нина?

— Ну. А вы Жозефина Викторовна, мне отец про вас говорил.

— Отец? Какой отец?

— Да я ж его дочка, Нина. Ну из Оханска, он же весной был, ну в мае.

— В каком Оханске? Он же был... Ага, в Оханске...

— Так у него ж там же мать живет, баба Зинаида.

— Ну, ну, проходите, а что, он там один был?

— Как?

— Он один был в этом Оханске или с приятелем?

— Да нет, один. А я думала, он вам все рассказал. А я ж вам не писала специально, думала — сюрприз, а вы про меня аж ничего не знаете. Я Нина. А вы думали, кому он алименты платил? Так мне, а я ж его ненавидела, можете представить, ну думала, паразит...

— Так, так... — машинально говорила Жозефина Викторовна, ведя Нину по бесконечному, заваленному мебелью коридору к себе в комнату. — Так, так...

— Вы тут живете? А я думала, у вас квартира отдельная, ну или там две комнаты... А это кто на фотокарточке?

— Мы скоро получим квартиру, на фотокарточке мой папа, что вас еще интересуется?

— Вот сюда букет поставьте, будет красиво. А я тут у цыган ночевала, думала — обворуют, ничего... К вам сразу не решиться... Я в театральное приехала поступать... А как в ГУМ проехать, вы объясните? Мне вон список дали, всем платформы, подруге моей Галке — «дюймовочку».

— Какую «дюймовочку»?

— А юбку, ну знаете, такую с подолом вырезным.

— С подолом, — поправила Жозефина Викторовна ударение, довольно плохо соображая, как расценивать этот неожиданный визит.

— А у меня ж говор, как у нас говорят, так и я говорю. Хотите я вам помою? Вы меня эксплуатируйте, я все могу. Хотите, окна помою? Мел есть?

— Пойдите, стойте, вы, значит, у нас остановитесь...

— Да я ж на раскладушке, вот прямо у дверей... Я у цыган вообще на полу спала...

— Вы понимаете, Нина, Михаил Иосифович человек сдержанный, я бы даже сказала, скрытный. Он мне никогда не говорил, что у него есть дочка... Поэтому мне, сами понимаете... Я просто...

— Да я тоже считала, что он паразит, а как он приехал, ну мы подружались, я после него стала звездами интересоваться, он мне Сириус показал... Книжечку накупила... А вы, наверное, на работу спешите? Вы бежите уже?

— Бе... Да, я спешу... м-м-м...

— А мне надо в ГУМ. И еще скажите, где у вас в Москве какое-нибудь театральное... Ну как доехать?

Жозефина Викторовна горестно вздохнула и сказала довольно подавленно:

— Ну хорошо, я сейчас чай поставлю, а вы располагайтесь. Хотите умыться?

— А я лицо не умываю никогда, я чистала, от этого кожа стареет, я только лосьоном.

Жозефина Викторовна еще раз вздохнула и вышла с чайником из комнаты.

Нина и Михаил Иосифович гуляют по летней вечерней Москве. Душно, город отдает дневной жар в светлое ночное небо. Белые рубашки, белые брюки, нарядная праздничная толпа. Гитары, песни в скверах, парочки, небрежно накинувшие руки друг другу на шею...

— Пап, — спрашивает Нина, — а что это в Москве звезд не видать? Света много?

— Хочешь, пойдем? — вместо ответа говорит отец, показывая на вывеску ресторана.

— Ой, нет, — испугалась Нина, — я же не завитая и не в том платье. Если б ты сказал, я хоть термобигуди бы сделала...

— Хочешь, пойдем в кино?

— Не, давай лучше побродим. До чего ж у вас город красивый. Как заграничный. Смотри, какие брюки. А мне б пошли?

— По-моему, пошли бы, — задумался отец. — А знаешь что, вот ты поступишь в это свое театральное...

— А если нет?

— Вот ты поступишь, и я куплю тебе брюки, туфли... что там еще носят девочки?

— Ой, надо же, какая я счастливая! А ты у меня самый лучший папка на свете. Тебе кто-нибудь такое говорил? Нет, ты ответь. Димка тебе никогда в жизни такого не скажет — он парень, а я говорю... Ты такой, как в кинофильме... у тебя какой-то одеколон хороший, арабский?

Михаил Иосифович засмеялся, пожал плечами:

— Не знаю...

— А жена у тебя ничего, колючая только, не смотрит, а колется. Ой, смотри, ребята поют. Пойдем послушаем?

— Неудобно.

— Идем.

И Нина втащила отца в какой-то сквер. Там верхом на скамейке сидят ребята и девочки в обнимку. Поют дружно и лихо.

Нина и Михаил Иосифович остановились в кустах, стоят, слушают. Нина вдруг обняла отца:

— Ой, какая я счастливая, просто сон!

Красивая комната с дорогой мебелью. Книжки, две-три иконки, парочка лаптей, импортный магнитофон...

Бородатый и усатый хозяин лет сорока с лишним, которого все попросту зовут Аликом, угощает Нину кофе. Михаил Иосифович разглядывает иконку:

— Начало девятнадцатого.

— Конец семнадцатого.

— Начало.

— Конец.

— Да что ж я не вижу?

— Ты думаешь, я слепой?

— Ну ладно, не будем спорить. Как тебе моя дочка?

— Прекрасная девица. Скоро моя придет из стройотряда, будут дружить.

— Нет, Алик, это начало девятнадцатого, и это видно невооруженным глазом.

— Ну хрен с тобой, я-то знаю, что это конец семнадцатого, но не в этом дело. А хочешь, я твою дочку в мастерские устрою?

Нина удивилась:

— В какие?

— Реставрационные. Там сейчас молодые девицы нужны.

Нина поблагодарила:

— Нет, спасибо, я приехала в институт поступать.

— Как, Миш, твоя работа?

— С книгой? Наброски есть. В следующий раз покажу.

— Ты талант, Миш, ты талант, вы слышите, девица? Ваш отец талант, только ему надо об этом чаще говорить.

— Зазнаюсь, — предупредил Михаил Иосифович.

— Никогда! Вы меня поняли, девица? Почаще. Я вам поручаю вашего отца — он редкий человек, сейчас таких нет, большой дефицит. Только ему каждый день

и каждый вечер надо говорить: папа, ты у меня талант. Ясно, девица? Папа, ты у меня талант.

Нина кивнула. Алик завел магнитофон. И Нина подумала, как здорово придумана жизнь. И какой редкий человек ее папа, как его все любят и как она любит его.

Театральное училище. Идет предварительный отбор. В коридоре огромная толпа — по большей части девушки. У высоких дверей дежурит студент. К нему обращаются почтительно и даже чуть заискивающе.

— А как там лучше, сначала басню, а потом стихи? Или наоборот? — спрашивает очень маленькая девушка, похожая на высокого роста первоклассницу.

— Травести? Тогда лучше басню, — со знанием дела говорит студент.

— А этюды будут?

— Могут быть.

— А кто там такая седая?

— Это Душицкая, хорошая баба, своя.

— А какие будут этюды? — спрашивает юноша с квадратным волевым подбородком, вполне пригодный на амплу героев-производственников.

— Ребята, а как пишется: «автобиография» или «аф-ф...»? Ну через «фэ» биография?

— Дурачок, «авто»...

— Ну вот, а я думаю, на автомобиль похоже, странно.

— Ребята, там главное — не теряться. Скажут петь, пой...

— А слуха нет?

— Слуха нет, нечего сюда ходить.

— Скажут пляши — пляши, скажут ляг на пол — ляг на пол, только оправдай...

— Как? — онемели от ужаса девушки...

— Как будто вас ранили, убили или вы потеряли сознание... упали в обморок.

— А, так... Это понятно.

— Ой, господи, ой, господи, ой, господи...

— Девчонки, я элениума наелась, ничего не соображаю.

— Вот дурочка, ты же сейчас заснешь...

В дверях появилась взволнованная девушка, шла почти на ощупь... На нее сразу налетели:

— Ну как, что?!

Девушка растерянно огляделась...

— Здесь, здесь, — закричала травести и протянула ей очки. Та надела и сразу ожгла:

— Ой, девочки, я так перепугалась, вхожу и ничего не вижу. Встала и сразу читать начала, а потом оказалось — я спиной встала...

— Ну, дальше, дальше, — теребили ее товарки.

— Милая моя, — фамильярно сказал студент. — Куда же вы поступаете, если вы ничего не видите?

— Ну и что, а Остужев ведь был совсем слепым, и ничего — играл, — запальчиво возразила травести, обидевшись за подругу.

— Он был не слепым, а глухим, — авторитетно поправил студент.

— Соломатина, — выглянула из дверей красивая пожилая женщина, — приготовиться Сулькиной. Что, нет Соломатиной?

Женщина на секунду исчезла. В это время из туалета извлекли Нину, перекрестили и впихнули в дверь.

Когда она вошла в комнату, там царил неразбериха короткого перерыва: кто-то из приемной комиссии стоял, кто-то двигал стулья, седая женщина, очевидно Душицкая, курила в форточку...

— Садитесь, я вам рад, — просто и добродушно улыбнувшись, сказала Нина и, обратившись к Душицкой, приветливо посоветовала: — Откиньте всякий страх...

Душицкая растерянно села, стряхнув пепел за шиворот невысокому дяденьке.

— И можете держать себя свободно... — разрешила Нина невысокому. — Я разрешаю вам, — добавила она. Тот перестал выгребать пепел и успокоился.

Нина читала стихи тоном непринужденной дружеской беседы. Это да еще открытый южный ее говорок повергли комиссию в некоторую растерянность, никто даже не заметил этого «Я вам рад», что избобличало все же определенную отстраненность.

— Вы знаете, на днях я королем был избран всенародно, — заявила Нина, и только тут члены приемной комиссии стали приходить в себя.

— Минуточку, минуточку, — запротестовала Душицкая, — м-м-м, вы нас так ошеломили...

— Да, да, — закивали остальные...

— Ваша фамилия? — спросила красивая женщина. — И встаньте, пожалуйста, вон туда.

Нина оторвалась от невысокого дядечки, который показался ей более других симпатичным, и недоброжелательно посмотрев на Душицкую, пошла на указанное ей место.

— Стихотворение Апухтина «Сумасшедший», — сказала она скучно и стала читать:

— Садитесь, я вам рад...

С другой стороны к двери прильнули абитуриенты.

В коридоре все рыдали. Рыдала травести, горько плакала девушка в очках, стояла та, что наелась элениума. Нина стояла в стороне, стиснув зубы. К ней подошел студент — тот, что дежурил:

— Здорово вы их, мне рассказали. Душицкая испугалась, решила, что пожарник пришел. У нас в аудиториях курить не разрешается, а она всегда курит. Ну как, приняли?

— Да нет, — нехотя отозвалась Нина. — Сказали, темперамент есть, а говор ужасный, будто они ничего не разобрали. А я ж им говорю, так в жизни-то так говорят у нас в Оханске. А они: так то жизнь, а то искусство... Назвали кучу букв... я ж не запомнила. Пол-алфавита... кэ, вэ, лэ, я

знаю?.. Говорят: мы вас не сможем переучить, у вас слишком фрикативно.

— А маленькая такая старушка что говорила?

— А она больше всех ругалась, говорит: мы вас не перучим. А чего меня переучивать, я ж не девочка. Как говорю, так говорю.

— Вот дура! — возмутился студент. — Ты где-нибудь по телевизору или в кино слышала, чтоб люди так говорили?

— Так то телевизор, а то театр. И еще говорят: вы жужжите все время.

— Как?

— Ну жэ все время говорю, вы ж говорю, меня за это не ругайте, я ж могу не жужжать, просто у нас так говорят.

— Ты что, с ними еще спорила? — ужаснулся студент.

— Ну, — сказала Нина. — Я ж им доказывала, вот я кино видела из сельской жизни, так там тоже так говорят...

— Дважды дура, — сказал студент. — Что спорила, дура, и что ничего не понимаешь, дура. Лучше пойдй к той самой старушке, что больше всех ругалась, и... Она по технике речи, звать Евдоксия Ардалионовна. Запомнила? Только не Евдокия, а Евдоксия, а то говорить не будет... И спроси, какой тебе взять учебник, как позаниматься... Изобрази раскаяние, спроси совета, они это обожают, скажи, что тебе важно ее мнение, она растрогается и даст тебе толковый совет, поняла?

— Евдоксия Ардалионовна! — заголосила Нина, накидываясь на старушку, которая тихо высезжала на инвалидной коляске из аудитории. — Я ж вас доведу, куда вам, вы ж мне только скажите...

Нина, коляска и старушка скрылись в глубине коридора.

Семья Миханла Иосифовича — он сам, Жозефина Викторовна, десятилетний сын Димка и Нина — ужинает.

— Знаешь, пап, — говорит, очнувшись, Нина, — я тут с одной поговорила, ну она

это... учит, как говорить надо. Она мне учебники сказала, я буду заниматься. А что?

Жозефина Викторовна выразительно посмотрела на Миханла Иосифовича, тот продолжал есть суп. Помолчав, она сказала, осторожно подбирая слова:

— Видите ли, Нина, нам просто интересно знать, вы... вы как... Вам, очевидно, надо билет помочь достать... Сейчас на южное направление трудно...

Нина удивленно посмотрела на отца.

— Билет куда? Домой? А я не собираюсь домой.

— Но... вы же сами видите, у нас нет места... Просто нет нормальных условий, вам же, очевидно, надо будет заниматься.

— Да что вы, — развеселилась Нина, — мне ничего не надо. А потом мы уже все продумали, да, пап?

Жозефина Викторовна поджала губы и вдруг закричала на мирно ковырявшего котлету Димку:

— Ты как сидишь? Где твои локти? А вилку как держишь? Ты только посмотри на себя. А руки, боже! Нет, ты обрати внимание на свои руки, ты взгляни! Можно подумать, что ты не вылезал из помойки сутки... Сядь ровно! — взвизгнула она на тон выше и, не сдержав себя, двинула Димке по шее: — Тебя не в лагерь посылать, а в колонию... Господи, вот бы я вздохнула... Ну что ты слушаешь! Каждый нормальный человек бы понял, что надо встать и вымыть руки... Иди к черту из-за стола, тупица!

Димка медленно поднялся и, с ненавистью глядя на мать, вышел из комнаты. Жозефина закурила. Нина погладила отца по руке и для разрядки засмеялась немного искусственно:

— А я знаете, куда работать пойду, вот уж не угадаете. Жозефина Викторовна, угадайте... пап... В фирму «Заря».

— Там что, — напряженно соображая, спросил отец, — часы чинят?

— Не, это ж сфера обслуживания. Мне сегодня одна девчонка сказала, можно и в

уход за детьми, можно за больными...

— Нет, — твердо сказал, не глядя на жену, Михаил Иосифович, — нет, ты будешь заниматься и готовиться. Я... Ничего, нам хватит.

Нина торжествующе посмотрела на Жозефину Викторовну:

— Да не волнуйтесь, что я у вас жить буду, мне папа комнату снимет. Да, пап? На год. Больше ж не надо, я поступлю и смогу хоть у вас, хоть в общежитии...

— Да, — пристально изучая остывший суп, сказал Михаил Иосифович, — я так решил. Конечно, трудновато, но надо постараться.

Квартира была большая и светлая. Нина восторженно оглядывалась.

— Ну, папка, погоди... — Она кинулась отцу на шею. — Ты ж прелесть! Ты за сколько дал? До лета? Ну умник! А смотри, что у меня есть.

Она вдруг схватила горсть орехов и зачихала в рот:

— Ойи? — спросила она.

— Ты чего? — засмеялся отец.

— Учусь, — сказала Нина, выплюнув орехи. — Как в учебнике сказано.

Вечеринка. Комната прокурена, затемнена. Молодежь танцует. Нина танцует не очень хорошо, зажато, хотя и старается чувствовать себя свободной. Ее партнеру Никите это ничего не стоит, сразу видно — мальчик столичный.

— Неужели вы режиссер? — спрашивает Нина.

— Пока нет, но учусь. На втором курсе.

— Я в театральное поступала, а мне сказали, что я говорю неправильно. Я на будущий год буду поступать.

Танцуют. Музыка не кончается. Кажется, вот-вот конец, но кто-то, кто ближе к проигрывателю, подталкивает иглоку. и музыка звучит снова.

— Душно, — говорит Нина. — Надо ж, осень какая.

— Пошли на кухню, — предлагает Никита, — покурим.

— А я не курю. Мне сказали, связи испорчу.

— Ай, брось, старух, вот уж мура, у нас все актрисы как паровозы дымят.

Пробираются среди танцующих. В коридорчике, на коврик, спит цыганка.

— О, боже, — говорит Никита, — это еще что такое?

— А это Карма, — поясняет Нина, — ей жить негде.

— Хорошая квартира, — оглядывает кухню Никита. — Немного далековато и телефона нет, но ничего.

— Ага, — говорит Нина. — А как вас звать?

— Никита. А тебя?

— Нина. Хочешь кофе? Оно еще не остыло.

— Если не остыл, давай. А мне жить негде. С предками полаялся на всю жизнь. С женой разошелся.

— С женой? — поразилась Нина. — Ты был женат?

— Да, не сошлись характерами. Теперь она живет в моей комнате, а меня выперли.

— Кто выпер?

— Родители. Они ее так обожают, что, кажется, дочерят вот-вот.

— А где ж ты ночуешь?

— Нигде.

— Оставайся. У меня часто ночуют, поздно засидятся, метро закрыто, вот они и остаются.

— Кто ночует?

— А я знаю? Я только Толика знаю. Когда я провалилась, он меня утешал. А остальные, они каждый раз новые. Хочешь еще кофе?

— Кофе надо говорить, московский диалект.

— Ой, спасибо! Ты мне вообще делай замечания, а то я ж не знаю.

...Нина и Никита снова танцуют, обнявшись. Народ потихоньку расходится. Перешагивая через Карму, выбираются на лестницу.

Нина стелит постель. Никита чистит зубы.

— Никит,— тихо говорит Нина, подойдя к ванной,— как стелить, вместе?

— Угу,— кивает Никита. Пол-лица у него в пышной, пенистой пасте.

Нина звонит из автомата. Ее трудно узнать, на ней юбка-«дюймовочка», модная прическа, ноги в сапогах-бутылочках, хотя еще совсем тепло, сумка с бахромой на длинном ремне.

— Ну? — спрашивает Никита.

— Занято.

— Тогда пошли.

Знакомая квартира Михаила Иосифовича вся загромождена чемоданами, тюками. Хлопочут старушки, энергично таскают вещи дюжие грузчики. Внизу, возле подъезда, обезумевшая от спешки и суеты Жозефина Викторовна считает свертки.

— Скорей! — кричит она Димке, который не спеша приближается, размахивая ранцем,— вероятно, из школы.— Ну скорей же, нас срочно сносят.

— А где отец?

— Он сейчас придет. Ну что ты стоишь? Стой, дежурь, я сейчас. Я с ума сойду. Не предупредить, ничего... Анна Михайловна, там много еще осталось?

Старушка растерянно озирается:

— Там кот Пусик, я не могу его найти. Я дала ему снотворное.

Наготове стоят пожарники со шлангами, угрожающе раскачивается чугунная баба.

Машины загружаются кое-как. Кто тащит кастрюлю, кто будильник, кто два пальто на себя надел да еще в руках ворох одежды.

Нина и Никита среди всего этого совсем потерялись. Наконец Нина увидела Жозе-

фину Викторовну. бросилась к ней. Та сунула ей в руки зеркало и побежала вверх. Нина увидела Димку:

— Дим, что происходит?

— Квартиру дали.

— Где?

— Не знаем. Папа! Мам, папа идет.

— Миша,— кричит Жозефина из окна мужу,— скорее, тут еще одеяла и кровати.

— Пожар, что ли? — недоумевает Михаил Иосифович, натываясь на пожарника с брезентовым рукавом.

Никиту тоже приобщили, он тащит кресло, а на кресле блаженно спит кот — очевидно, тот самый потерянный Пусик.

Наконец одна за другой машины трогаются.

Чугунная чушка наносит первый удар. Летят стекла, откалывается верхний этаж.

— Пусик! — кричит в изнеможении Анна Михайловна, но ее бережно подхватывают люди в сером и подсаживают в машину.

— Ай,— кричит как ненормальная Жозефина.— у меня в сумке крыса.

— Это кошка,— кричит Никита,— я не знал, куда ее деть.

— Пусик,— взывает Анна Михайловна, но машина с Пусиком и семьей Соломатиных трогается. Дом медленно оседает, сильные струи воды сбивают пыль.

— Господи, куда ж мы едем? — спрашивает Жозефина у шофера, прижимая Пусика и авоську с яйцами к груди.

— Открытое шоссе, сорок второй квартал.

— Какое метро?

— Метро там нет.

— Ну автобус?

Шофер только пожимает плечами.

Новая квартира Соломатиных. Кое-как свалили вещи, на тахте спит Пусик. Все едят картошку в мундире. Жозефина Викторовна страдает возле плитки.

— Когда же газ будет? И воды еще нет. Ты подумай, шестнадцатый этаж, как мы все это внесли — непонятно.

Никита, еле ворочая языком, сообщает:
— Там, на тринадцатом этаже, тумбочка осталась, я забыл сказать.

— Где?! — взвилась Жозефина.

В это время в дверь всовывается тумбочка, чей-то голос говорит:

— Ваша, что ли? Я всех обошел.

Жозефина Викторовна подносит благодарно стакан чаю.

Тот пьет крупными глотками, одновременно интересуясь:

— А не знаете, газ скоро будет?

— А лифт? — вместо ответа спрашивает Жозефина.

— А то, знаете ли, чтоб не опоздать завтра на работу, похоже, что пора уже начать спуск, — говорит Михаил Иосифович.

Нина и Димка смеются. Прическа у Нины основательно сбилась, «дюймовочка» чем-то залита.

— Пап, можно тебя на минуточку, — говорит она, отводя отца в кухню. На кухне в пол-окна луна и ослепительные звезды.

— Папа, — ахает Нина, — звезды... Это Венеры, да?

— Нет, это Сириус, — говорит Михаил Иосифович, — а, какой вид? Ты посмотри, там лес...

— И озеро, — говорит замороженно Нина и сразу спускается на землю: — Ты мне не можешь до... до конца... Ну как получится...

Отец молчит. Видно, что ему это неприятно.

— Знаешь, мы с Никитой... Тебе понравился Никита? Мы... ну мы, наверно, поженемся, нам пока нужно... сто... — говорит она с замиранием, глядя мимо отца на Сириус.

Тягостное молчание. Михаил Иосифович вынимает деньги:

— Я снял с книжки, на переезд. Думал, будет дорого, а нас бесплатно перевезли... Только... Ты что, сейчас учишься?

— Да, все хорошо. Я же тебе говорила, есть такие курсы подготовительные, только там прием позже. Да я ж не пропаду. а тебе, правда, Никита понравился? Он режис-

сер. Ой, папа, луна какая! Это чудо... А ты самый лучший на свете, просто самый-самый... я ж прямо не знаю, как я тебя люблю. Я такая счастливая. А ты, папа, у меня талант. Помнишь, как тот усатый говорил?

Снова вечеринка. Много народу. Никита танцует с какой-то высокой и худенькой девушкой.

— Кто это? — страдает Нина.

— Динка, манекенщица с Кузнецкого, — объясняет ей Толик. — Моя бывшая жена.

— Твоя жена, — обалдела Нина, — так что ж ты ее привел?

— Ну, старуха, мы с ней люди интеллигентные, разошлись, так что ж морду бить друг другу? Мы дружим.

Никита и манекенщица пробираются к выходу. Нина торопится следом.

— Никит, ты куда? — весело спросила она, выходя за ними на лестничную площадку.

— Я только провожу, — так же весело ответил Никита. — Да, я забыл сказать, я сегодня у родителей ночью, ты не жди.

Вряд ли Никита ожидал, что его слова вызовут именно такую реакцию. Нина молча вцепилась Дине в волосы. Та взвыла. Никита бросился ее спасать. В квартире завизжали, из соседних дверей выскочили какие-то люди в пижамах и халатах. Нина мертвой хваткой держала соперницу за волосы. Ее оттащивали.

— В конце концов этому пора положить конец! — говорил пожилой мужчина в пижаме из квартиры напротив. — Каждый день шум, каждый день!

— Это не ее квартира, надо еще прописку проверить, — сказала женщина в халате и в бигуди.

— Милицию надо позвать, — зашумели другие.

Нину оттащили, она кинулась снова. Дина неожиданно кинулась на нее. Из квартиры выскочили ребята. Толик пытался удерживать Дину, Никита — Нину. Нина совершенно обезумела.

— Заткнись! — заорала она на тетку в бигуди.— Дура!

Дина ревела Толику в пиджак. Никита решительно втащил Нину в квартиру и хлопнул дверь. Нина не сопротивлялась. В квартире никого не было, все разошлись.

Никита ударил Нину по щеке, она бросилась на него. Он отпихивал ее ногами и кричал:

— Истеричка, пошла вон...

Потом схватил за руки и потащил в ванную. Нина упиралась и громко кричала что-то уже совсем бессмысленное.

— Ты... ты... а я... нет... нет... нет... ты ж... ты ж...

Никита сунул ее голову под холодную воду и держал, пока она не замолчала, потом сказал четко и внятно:

— Успокоилась? Успокоилась. Ну, а теперь сядь. Сядь.

Нина покорно села на край ванны.

— Я ухажу, вот ключи. Я ухажу совсем. Я свободный человек и не позволю, чтобы надо мной издевались. Ты поняла меня? Не позволю. Я тебя никогда не любил и, кстати, ни разу тебе ничего такого не говорил.

Нина безучастно смотрела на воду.

— Повстречались, хватит... Кстати, я действительно собирался вернуться к родителям. Деньги я тебе когда-нибудь верну. Я этот долг помню. И кстати,— он запнулся... Вот,— вынул из кармана рубль.— все что у меня есть... Еще пятак на метро... До свиданья.

Он взял с полочки зубную щетку и ушел. Нина сидела на краю ванны и смотрела, как течет из крана вода.

Московский ломбард. Три очереди к окошечкам. Народу много. Нина стоит безучастная ко всему. Ее даже сразу не узнаешь. В руках — часы.

Звонок.

— Что это такое? — встревожилась пышная дама.

— Перерыв,— объяснила старушка.— На пять минут. Большой перерыв в двенадцать.

— А успеем? — забеспокоилась дама.— Молодой человек, молодой человек! — закричала она, обернувшись к соседней очереди.— Вы за мной. Девушка, а вы впереди.

— Это я впереди, а вы за мной,— уточнил молодой человек.

— Девушка,— сказала старушка Нине,— вы что же, часы сдаете?

— Да,— сказала Нина,— а что, не возьмут?

— Возьмут, да дадут мало.

— А у меня еще колечко, золотое.— Нина показала колечко.

— Рублей девять,— сказала старушка.— А вы, я вижу, в первый раз. Ох, милая, не дай бог, вот зараза-то, как затынет!.. Я мужа схоронила, так до сих пор не могу выкупить. Три года без малого. Выкупаю, да опять сдаю. Вот,— она показала икону и крестик.— Двадцать пять рублей дают.

Звонок. Открылись окошки. И в то же мгновение очередь вдруг глухо застонала — в помещение ломбарда вошли цыгане.

— Ну все! — сказала пышная дама.— Теперь-то уж не успеем.

Цыгане звенели в мешках ложками, трясли монетами, сразу проходили во все очереди. Нину и старушку оттеснили к двери, а потом вынесли на лестницу. Окошечко оказалось недостижимым.

— Карма! — встрепенулась Нина, бросаясь к цыганке.— Ну где ж ты пропадала? Как ты мне нужна!

Дама и старушка смотрели на Нину с ужасом. Нина обнимала Карму и плакала.

Кухня Нининой квартиры. Карма и Нина ужинают.

— Погадай мне, Кармочка,— говорит Нина.

— Нет,— качает головой Карма,— я гадаю, ты поверишь, а как же жить дальше? Моя беда, что я знаю все про себя. Знаю, как умру и когда. Знаю про детей. Все бы отдала, чтоб не знать. Зачем?

— Ну, милая, ну, хорошая, а вдруг все хорошо будет, а вдруг... он просто рассер-

дился. Мало ли, все ссорятся. Он же мне адреса не оставил, ничегошеньки. Кармочка, погадай.

Звонок в дверь.

— Он!

Нина вскочила и побежала к двери, по дороге споткнулась, ударилась, засмеялась. Открыла дверь. На пороге стояла женщина в болонье.

— Здравствуйте,— сухо сказала она.— Мне нужен Михаил Иосифович Соломатин.

— А он здесь не проживает,— потускнела Нина.

— Интересно,— сказала женщина в болонье, проходя в квартиру и по-хозяйски оглядываясь.— А кто здесь проживает?

— Я,— сказала Нина.

Женщина в болонье заглянула в кухню, увидела цыганку.

— Ага. Ну так вот, дорогой товарищ, не знаю вашего имени...

— Я его дочь,— сказала Нина.— А он что... вам нужен?

— Я сдавала эту квартиру не для того, чтобы получать жалобы, а для того, чтобы получать деньги. Деньги я получила только за один месяц, а прошло уже четыре. Жалобы же я получаю вполне регулярно. Так вот... я пришла сказать, что мне нужны деньги за три месяца... И требую немедленно освободить квартиру.

Она поставила сумку, достала из нее будильник и поставила на тумбочку, потом открыла окно проветрить помещение, закрыла газ на ключ и ключ положила в карман.

Нина стояла ошеломленная и не знала, что сказать. Карма лениво подобрала свои юбки и сказала Нине:

— Идем.

— Нет,— сухо и официально сказала женщина в болонье.— Вы можете идти, а вы,— обратилась она к Нине,— будьте любезны остаться. Пока деньги не будут выплачены, вы отсюда не уйдете. Иначе я обращусь в милицию.

Карма, колыхнув юбками, ушла. Нина попыталась собраться с мыслями:

— Но ведь он мне говорил, что заплатил до лета...

— Если бы он заплатил до лета,— сказала женщина противным официальным тоном,— я бы вам вернула лишние деньги, потому что я разрываю контракт.

При слове «контракт» Нина болезненно поморщилась:

— Но ведь он...

— Но поскольку,— продолжала женщина,— он мне этих денег не давал, и он, очевидно, на суде это подтвердит...

— Мне надо ему позвонить,— сказала Нина,— как же так...

— Мне бы положено еще взять с вас деньги за ремонт, я не ожидала, что тут будут регулярно устраиваться дебоши... Но я вижу, что вам этого не осилить, хотя если дело дойдет до суда, я об этом непременно заявлю. Дорогая моя, вы не ребенок и должны знать, что за нарушение закона у нас судят.

— Но мне надо позвонить,— взмолилась Нина.— Ой... — испуганно вспомнила она,— у него же нет телефона...

— Я так и думала,— сказала женщина.— Выпутывайтесь сами. Прошу ключи.

Нина отдала связку ключей.

Женщина стала убираться в квартире, достала чистую простыню, постелила и легла. Нина осталась сидеть на кухне.

За окном было совсем темно и звезд не было видно.

Деньги принес красивый и нахальный цыганенок. Рано утром. Он отдал их женщине в болонье (она накинула ее вместо халата) и сразу исчез. Нина прошла мимо женщины с сумкой Аэрофлота через плечо. Хозяйка квартиры заперла за ней дверь.

Была такая рань, что дворники еще не начинали работу. Нина шла по городу, а вокруг то и дело попадались телефоны-автоматы, но Нина не обращала на них внимания. Моросил дождик. Стояли раскрытые сухие подъезды. Нина не входила в них. Она хотела умереть и совсем раствориться в этом мире. Чтобы и следа ее не осталось на земле.

И вот уже листья летят вместе с дождем. Промозгло. Серо. Из дверей школьного здания выходит Нина. Голова замотана платком. Ярко-оранжевая куртка и лыжные шаровары. В руках метла. Она метет улицу. Пусто. Никого. Нина громко приговаривает:

— Мама мыла Милу мылом, не любила Мила мыло... От топота копыт пыль по полю летит... Ест Федька водку с редькой, ест водка Федьку с редькой... На дворе трава, на траве дрова, вдоль двора дрова, за двором дрова, под двором дрова, раз — дрова, два — дрова, три — двора... Три — дрова.

Последняя скороговорка ей плохо дается, она ее повторяет еще и еще... Листья сметает в кучи, бумаги собирает в урны... Лужи гонит в сточные канавы...

— Раз — дрова, два — дрова, три — дрова...

Холодно.

Лестница незнакомого подъезда... Из лифта выходит Нина, держа за руку трехлетнего ребенка. Косоротая хитрая лифтерша спрашивает:

— Нянькой устроилась? К Ремезовым?

Нина молча поправляет ребенку шапочку.

— А сколько ж они платят?

— Как все, — говорит Нина. — Шестьдесят копеек в час.

— Это сколько ж в неделю? — не отстаёт лифтерша.

— Я не только у них, — говорит Нина, — я еще в три места хожу.

— От фирмы, что ли? — осеняет лифтершу.

— Ага. Идем, Коленка, хочешь, я тебе стишок скажу...

— Стой, — удерживает ее лифтерша. — А ты что, местная?

— Нет.

— А живешь-то где? Общежитие дают? Я чего спрашиваю, у меня племянница в деревне, я ей все говорю, иди в эту, в сферу, иди...

— Мне общежитие не дали, у меня отец есть. — Не зная как отвязаться от лифтер-

ши, Нина обращается к Коле: — Ну вот слушай, только внимательно. Ехал грека через реку. Видит грека в реке рак... Красный такой... страшный...

— Класный, класный, — говорит мальчик. — А почитай пло Алалат.

— На горе Арарат, — говорит Нина, — растет крупный виноград...

Двери в чью-то квартиру. Нина стоит с букетом цветов и тортом, заглядывает в бумажку, рядом с ней ее подружка по фирме Валя. Дверь открывает Алик, бородастый и усатый приятель Михаила Иосифовича. Едва он открыл дверь, Валя затарахтела:

— Уважаемый Александр Тимофеевич, наша фирма, по поручению Солдатенко В. И. и Нестеренко Г. П., поздравляет вас с Государственной премией и желает...

— Девица, — сказал Алик, — ну-ка, входите сюда... Вы знаете, что отец вас по всей Москве ищет?

Валя запнулась, оглянулась на Нину.

— А ну проходите в комнату. Это что, торт?

Валя опять затарахтела:

— Это по поручению Солдатенко В. И. и Нестеренко Г. П. Вот квитанция, распишитесь!

Вошли в комнату. Алик тут же направился к телефону.

Нина оглянулась. На стене висела та же спорная икона, те же лапти, было так же уютно. Красивая, одетая подчеркнуто современному девушка вошла в комнату:

— Здравствуйте. Пап, это ты звонишь? Только ты не долго.

— Машка, как телефон Мишки?

— Какого Мишки?

— Соломатина. Он где-то оставял.

— Не знаю. Пап, не висн на телефоне, мне надо позвонить.

— Ты давай пока чай поставь. Але, але... это секция графиков? Скажите, как позвонить Соломатину? Как? А-а-а... Нет у него телефона, — объяснил он Нине.

— Я знаю,— сказала Нина.— А если б и был, я не хочу ему звонить.

— Знаете,— сказала Валя,— нам у клиентов чай пить не разрешается. А потом у нас еще три поздравления в другом конце района.

— А где же вас можно найти?

— Не надо меня искать,— сказала Нина.— Я не пропадаю.

И гордо удалилась из квартиры, оставив Валю с квитанцией в полной растерянности.

Нагруженная сумками Нина поднимается по лестнице. Звонит. Ей открывает старушка, берет у нее из рук сумки.

— Умница. Хочешь чайку?

— Нет, спасибо. Можно позвонить? — говорит Нина.

— Можно, можно,— разрешает старушка.— Я тут список составила, завтра купить завтра, кладу вот сюда...

— Людмила Филипповна,— говорит Нина в трубку,— это Соломатина, есть заказ? Записываю. Какое метро? Есть. Уборка квартиры и что еще? Готовка... Ой, Людмила Филипповна, я ж не умею, вы знаете.

Но та уже положила трубку.

— Я ж не умею,— повторяет Нина старушке.

— У, милая, чему только в жизни не научишься. А я тебе книжку подарю, мне она ни к чему. Мне что надо? Овощи да творог. А тебе пригодится.

— Елена Молоховец,— читает Нина на обложке,— «Подарок молодым хозяйкам».

— Я как замуж вышла,— говорит старушка,— мне мамочка ее подарила. А у тебя мамочка есть?

Нина вздрогнула и закрыла глаза, ответила тихо:

— Есть.

Потом торопливо открыла книгу, чтобы перевести разговор, читает: «Вынтье хорошо отваренный кусок говядины. Бульон можете отдать людям». Кому это людям?

— Прислуге,— рассмеялась старушка.— Раньше такое было...

Нина усмехнулась и сказала:

— Спасибо за книжку. Скажите, а можно чаю, я просто сегодня не успела позавтракать.

Зима. Много снега. Коля гуляет в теплой шубке, Нина — в легком пальтишке. Прыгает на одном месте, то и дело смотрит на часы. Время остановилось. Наконец Нина не выдерживает, берет Колю на руки и бежит к автомату:

— Людмила Филипповна, я. Что, где? Не слышу... Большая Ордынка? Запоминай,— говорит она Коле,— Большая Ордынка, сорок три, квартира пять. Второй этаж. Хорошо, я сейчас зайду, договорюсь. Вы предупредите, пусть дома будут. Как ехать? Ясно. Я сейчас.

Воровато оглянувшись, берет Колю в охапку и бежит к метро.

...Нина и Коля в метро. Оба очень довольны. Нина просто согревается, Коля наслаждается новыми впечатлениями.

— Какая молодая мама! — восклицала какая-то женщина, уступая место,— а сыночек — ну просто вылитый!..

Оба весело фыркают, но тайны не выдают.

Дверь открыл Никита. Нина опешила. Коля топтал валенками, стравивая снег.

— Это кто? — Никита в ужасе показывал на Колю.

— Это ко мне, ко мне,— раздался женский голос.— Вы из «Зари»? Очень хорошо.

Пожилая женщина, страстно желающая выглядеть молодой, приветливо ввела Нину и Колю в квартиру.

— А что за мальчик? Мальчик, вытри ножки.

— Я только узнать...— голос у Нины падает, она откашливается.— Узнать, какая работа.

— Какая работа? Выйти с собакой... Никита, выпусти Лорда из ванны. Кое-что купить. И убрать квартиру.

Роскошный сенбернар надменно вошел в прихожую. Коля забился под Нинино пальто.

— Мне кажется,— деревянным голосом сказал Никита,— нам никто не нужен... Зачем? Я могу выходить с Лордом...

— У тебя начинается сессия,— возразила мать.

— И... готовить и покупать может тоже кто-то из нас.

— Ты хочешь сказать — Люда? Потому что, ты уж извини, но мы с голоду помрем, пока ты соберешься сходить в магазин.

— Ну пусть Люда... Мы потом поговорим...

— Никита, хватит валять дурака, иди к своей Люде и не лезь в хозяйство.

Женщина протянула Нине сетку и деньги:

— Здесь список, приходите завтра сразу с продуктами.

Нина медленно вышла из квартиры, за ней Коля. Дверь захлопнулась. Нина подхватила Колю.

— Какая собака! — шепчет Коля. — Как медведь. Это помесь, да, тетя Нина?

А снегу все больше и больше. Лорд наслаждается, он валяется в снегу, куврыкается, роет, ест, фыркает. Нина смеется, бросает в него снежки.

— Уй, какая собака! — сказал мальчишка лет десяти с мешочком в руках.

— Димка,— узнала его Нина,— откуда ты взялся? Ты меня не узнаешь? Я ж Нина Соломатина.

— Это твоя собака? Кавказская овчарка?

— Сенбернар, глупенький. Как учишься? Как мама? А как папа?

— Ничего. Я в бассейн иду. А папа сказал, что ты в другом городе, и я даже тебе к ноябрьским написал открытку... с танками. А нам телефон поставили сегодня.

— Знаешь, Дим, я скоро к вам зайду, у меня к папе есть дело... Скажи: насчет денег. Так и передай: насчет денег... Ну иди, Димк, а то опоздаешь.

— А как его зовут? Можно его погладить?

— Да можно! Его Лорд зовут. Он умный — ужас! Никогда ни на кого не лает, даже кошек презирает. Так ты запомнил, что папе сказать?

В квартире у Никиты какой-то праздник. Нина на кухне моет посуду. Люда, жена Никиты, носит из комнаты грязные тарелки, а Никита выпил и всем мешает.

— Уйди, Никит,— говорит Люда,— ты тарелки перебьешь.

Никита тут же поднимает над головой какую-то селедочницу. Нина говорит Люде:

— Пусть бьет, жалко, что ли.

Никита ставит селедочницу на стол.

— Нина, пойдемте танцевать?

Люда снимает с Нины фартук:

— Иди, иди, потанцуй, а то какое-то рабство получается. Эксплуатация человека человеком.

Никита и Нина танцуют. Чинно, на расстоянии.

— Скажи, пожалуйста,— говорит Никита довольно трезвым голосом,— тебе что, очень приятно видеть ежедневно мою рожу?

— Я на работе,— безмятежно говорит Нина.

— Или ты такую месть придумала, с утра до вечера здесь торчишь. Шантажируешь, что ли...

— Я на работе,— повторяет Нина,— у меня личная пятилетка.

— Ну так я тебя попрошу завтра не приходить. А с матерью я поговорю.

— По желанию клиента,— разыгрывая простушку, говорит Нина,— окончательный расчет производится через фирму.

— Артистка, насобачилась,— уже не скрываясь, шипит Никита,— насобачилась людям жизнь портить. Дрянь, голыми руками не возьмешь.

Нина усмехнулась.

— А я завтра заявлю в твоей фирме, что ты у нас деньги стащила. Интересно, как они поступят, эта твоя фирма.

Нина аккуратно отцепила Никитины руки от себя и вышла из комнаты. В кухне Никитина мать готовила чай.

— Аделаида Сергеевна,— сказала Нина,— завтра я последний день. Если хотите, платите в фирме, а можете отдать мне. Я сама внесу.

— Голубушка, завтра, сейчас не до этого. Люда... ты куда цейлонский чай убирала? На полку?

— Аделаида Сергеевна, мне деньги нужны сейчас,— твердо говорит Нина.

Мать Никиты вздохнула, но расплатилась.

Нина взяла свое пальто и незаметно вышла. На улице ее догнал Никита.

— Нин, Нин, стой... Нин... Ты не сердись, я по глупости... Ты думаешь, мне легко тебя все время видеть. Я, может, перестал спать по ночам. Все время вспоминаю. Как мы там жили, как вещи таскали. Цыганку... А где цыганка эта? У тебя живет? Нинок...

— Я не сержусь, Никита. Все перегорело. Я действительно по собственной воле не могу перестать к вам ходить. И потом — мне все равно. Честное слово. Прости, Никита, я очень спешу. Прости.

И Нина торопливо пошла к метро. Никита смотрел ей вслед, и ему было нехорошо.

Звонок мелодично пропел полонез Огинского. Жозефина Викторовна в мягких тапочках и стеганом халате открыла дверь.

В квартире всё дышало покоем и достатком. Приход Нины грозил все разрушить, и Жозефина Викторовна инстинктивно раскинула руки:

— Его нет дома. Он поздно будет.

В глубине квартиры прошагал Михаил Иосифович. Нина оттолкнула Жозефину Викторовну и вошла.

— Здравствуй, папа,— сказала она, задыхаясь.— Пойдем, мне надо тебе кое-что сказать.

Они вышли на кухню. В окне нестерпимо ярко сияла какая-то звезда.

— Венера? — спросила Нина.

— Сириус,— сказал отец и полез в карман брюк за кошельком.

Нина смотрела, как отец мучается, доставая деньги, и как он их отсчитывает, как протягивает ей.

— Я пришла отдать долг, а не взять,— все еще задыхаясь, сказала она и протянула отцу деньги.

— Нет,— сказал он,— не надо... Ты... оставь. Я же твой отец...

Нина положила деньги на холодильник. Подумала и переложила их в холодильник, прямо в морозилку.

— Все,— сказала она.— До свиданья.

— Нин,— проговорил отец тихо,— зачем?..

Нина тяжело выравнявала дыхание.

— Я их заработала,— сказала она наконец,— не волнуйся... Если хочешь, я тебе позвоню когда-нибудь. Ладно?

И не дожидаясь ответа, ушла.

Димка делал уроки, кося глазом в телевизор. Жозефина Викторовна накрывала на стол:

— Что ж она ушла,— сказала она недовольно.— Могла бы и чаю попить. Страшная какая девочка... Ох, уж эти провинциальные красотки. Сначала они завоевывают столицы, а потом оказывается, что это столицы завоевывают их.

— Помолчи,— сказал Михаил Иосифович.

— Это рок, Мишенька, как в древних трагедиях, и нам его нести. «Тема рока» называется. Или еще лучше: «Как мы платим за свои грехи».

Михаила Иосифовича передернуло, но он смолчал.

Рок и вправду витал над соломатинской квартирой. Потому что неожиданно что-то перегорело в телевизоре. Экран вспыхнул и погас. Они сидели перед слепым и безгласным ящиком и не могли оторваться от серого экрана, потому что смотреть друг другу в глаза не хотелось. Димка прилежно делал уроки.

Опять лифт и косоротая хитрая лифтерша. Опять дверь, опять сумка, опять зво-

нок. Нина делает все устало и механически. Дверь открыл Володя, на его плечах сидел Коля.

— Здравствуйте,— сказала Нина и подмигнула Коле, тот просиял.

У Володи был страдающий невыспавшийся вид.

— Я... у меня к вам... Даже не знаю, как сказать...— мялся Володя.— У меня... Хотите закурить?

— Я не курю.

— Мне нужно уйти... Мы разводимся с Катей... Вы не сможете побыть с Колей?

— Конечно, побуду. Господи, да что же вы так... Как же так... это ж. А Коля-то как?

— Современные дети,— Володя пожал плечами.— Пусть привыкают к трудностям. Колька будет у меня, мы так договорились.

— Но ведь мать...

— А отец? Отец что же — ничего?

— Хорошо, я побуду с Колей, мне только надо позвонить одной старушке, я ей творог должна купить. То есть я купила, надо занести.

— Я занесу,— сказал Володя.— А потом... вечером... пойдемте куда-нибудь. С Колькой моя мать побудет, вечером она может... В кино? Или в театр? Пойдем в какой-нибудь самый замшелый театр и купим лишние билеты. А? Вы свободны вечером? Пожалуйста, мне это очень нужно.

Нина улыбнулась:

— Свободна. Как раз сегодня я свободна.

Володя и Нина идут по Калининскому проспекту. Вечер. Снег. На столбы навешивают маленькие елочки, и они блестят — переливаются. Во все кафе и рестораны очереди. Но они не очень огорчаются, просто идут и разговаривают. Нина мерзнет, но терпит. То один, то другой прохожий пронесит мимо елку.

— Вы где Новый год встречаете? — спрашивает Володя.

— Я? Не знаю. Еще не думала.

— А у кого вы живете? У вас здесь родственники?

— Да, отец. Я живу не у него. Я в школе живу. Мне дворничиха школьная класс сдает.

— Класс?

— Ну да. Я ей помогаю на участке, зимой трудно, особенно когда мокро. Противно.

— Как же она вам класс сдает?

— Да так... Только приходиться надо после десяти, а то она боится. А вот недавно вечер был школьный, так я до двенадцати по улицам ходила.

— А где же там в классе спать?

— Я раскладушку беру, а утром прячу. Нет, ничего, тепло.

— Какой дурацкий город — никуда нельзя вечером попасть.

— Нет, город хороший, просто надо было заранее. Вы знаете, я уже близко. Жалко, конечно, что никуда не попали, но ничего. Который час?

Володя пожал плечами.

— Ну ладно,— вздохнула Нина.— Идите скорее к Коле. Я завтра буду как всегда к десяти. До свиданья.

И убежала.

Она вошла в школу, прошла на цыпочках в раздевалку, там из-под физкультурных матов вытащила раскладушку. И пошла по лестнице наверх, выбирая класс на ночь. Заглянула в один, другой. Понравилось в третьем. Класс был украшен елочными гирляндами и окна разрисованы цветными мелками. С улицы падали блики качающихся фонарей. Школьная доска казалась какой-то близкой, родной, до боли напоминала детство. Нина поставила раскладушку, постелила, потом погасила свет и походила по классу. Просто так — от доски до стенки по всем трем проходам между партами. Подошла к окну, но окно было зарисовано и залеплено снегом. Пушкин, Ленин и Лобачевский смотрели со стен. И было что-то такое возвышенно-прекрас-

ное в этой праздничной мишуре, в пробегующих бликах на потолке, что-то нежное и несбывшееся, что-то чистое и грядущее. Нина легла, не раздеваясь, и долго смотрела в потолок. Любви хотелось нестерпимо. Нежности, участия, доверия, поддержки, сочувствия...

Нина встала и не спеша, но и не задумываясь, убрала подушку и простыню, накинула пальто, сложила раскладушку.

В раздевалке она спрятала раскладушку под маты. Из-под вороха спортивного инвентаря вытащила свою сумку Аэрофлота, и негромко закрыв за собой дверь, вышла на улицу.

На полуночном вокзале кипела жизнь. В зале ожидания живописно расположились транзитники, на платформах встречающие нетерпеливо переминались на морозе возле громкоговорителей. Нина крутила головой, искала свой поезд.

Кто-то заступил ей путь. Нина попыталась обойти, подняла голову. Перед ней стояла Карма с очередным младенцем под шалью и с внушительным синяком под глазом. Но Карма была прежняя — ленивая, вольная, непонятная.

— Кармочка,— обрадовалась Нина,— ну надо же ж...— От волнения Нина заговорила тем забытым оханским говорком, от которого она так долго избавлялась.— Ой, надо же! Это кто, парень, девочка?

— Гитана.

— Так звать, да? Ой, ну надо же! А я аж прямо думала, что никогда не увижу... Ой, надо же ж... Кармочка!

— Уезжаешь?

— Ага... Что это у тебя, Кармочка? Ну надо же, как это ты?

— Упала, скользко,— усмехнулась Карма.— А Гитанка у меня вместо мальчишки. Умер мальчишка... от кори... Ну как, погадать?

— А можно? Ой, не успеем, поезд... Да, Карма, я же тебе должна... я тебе вышлю. Где тебя искать?

— Как-нибудь, когда-нибудь...— загадочно сказала Карма.

Заверещал репродуктор. Нина чмокнула Карму в щеку и бросилась к вагону.

...Стучали колеса, уплывала Москва. Но всем своим существом Нина была еще в Москве, в той жизни с ее радостями и разочарованиями, которой она жила эти полгода... Проплывали за черным окном резкие ночные огни, храпели командировочные, проводники неслышно сновали по сонному вагону, пересчитывая свободные места.

Поезд пришел рано-рано... Так рано, что стоило Нине на несколько шагов отойти от залитого светом вокзала, как она оказалась в зимней ночи. Звенела морозная провинциальная тишина и в небе великолепно и ослепительно сияли крупные оханские звезды. Нина задрала голову, и голова закружилась. Сугробы были пышные и легкие, будто взбитые миксером. Узенькие тропки были проложены к жизненно необходимым пунктам — магазинам, парикмахерским, школе...

Около своего палисадничка Нина остановилась. Помедлив, открыла мучительно скрипучую калитку и шагнула на перасчитанную, с большими продавленными следами, дорожку.

Ключ легко вошел в скважину и легко повернулся. Пахло теплом, уютom, детством. Нина сняла туфли и в чулках прошла в комнату.

Мама спала, около нее стоял столик, засыпанный лекарствами, и горела завешанная шерстяным платком забытая с вечера лампа — свет бил прямо ей в лицо. Нина погасила свет, мама проснулась. Испуганно спросила:

— Кто это?

— Я, мама.

Мать забилась под одеяло.

— Господи...

Нина встала перед кроватью на колени и ткнулась в одеяло лбом.

— А я свет не гашу,— всхлинула мать,— боюсь. Умереть боюсь без тебя. Мне худо, Нина, все болею и болею. Вон видишь, что

принимаю. За десять пятьдесят есть лекарство — вершпон, что ли...

— Вершпирон,— прочитала Нина.

Она погладила мамыны руки и увидела, какне они стали худые.

— Дорогое лекарство — это, мама, хорошо. Значит, поможет. А денег заработаем. Я сейчас все могу. Хоть поваром, хоть в детский садик, хоть медсестрой, хоть куда. Я тебя живо вылечу, мам, ты не бойся. У меня друзья в Москве, они лекарства пришлют, какие захочешь любые...

— Это все ничего, ничего, ты-то как? Ты не писала, я думала: значит, все хорошо, ты ведь хвастать не любишь... Деньги твои получала регулярно — два раза в месяц. Бабы все говорили: много получает — значит, живет хорошо.

— Правильно... Все очень-очень хорошо.

— Ты надолго или так, на праздники?

— Мам, я без тебя так соскучилась... Я больше никуда не уеду. Не плачь, мама, я же приехала, я же никуда не делась...

— Я чего реву,— объяснила мама,— я реву, что ты какая-то другая, не узнать.

— Да что ты, я такая же, ты забыла немножечко...

— Скажешь! Как же я забыть-то могу, ты у меня да бабка Зинаида... Тоже болеет... А как он?

— Кто?

— Он сильно постарел

— Мам!

— Время идет...

— Он тебе привет передавал, сказал: так уж жизнь сложилась,— придумывала Нина на ходу.— Не получилось у нас с твоей матерью... с тобой... Он жалеет, мам. Знаешь, как жалеет...

— Что уж тут жалеть... Поздно...— слабо улыбнулась мать.

— А ты чего, мама, на бюллетене?

— Я — нет,— испугалась мать.— Я сейчас встану. Еще чего, на бюллетене. Сейчас кофе сварю. Который там час?

— Шести еще нет, лежи... Я ничего не хочу... Ой, мам, как же я давно не была дома! А ты хорошо как выглядишь, совсем молодая!.. И морщинок совсем мало... Тебе когда на работу?..

— А я с комбината ушла... Устаю...

— Куда ушла?

— Да пока вроде на инвалидность... Вот поправлюсь, пойду... Мне бабка Зинаида предлагает... надомницей... Да что я лежу!..

— Лежи... так хорошо, лежи...

— Что ж ты делала там в Москве?

— Я, мама, все-все расскажу. Потом. Ну попозже, ладно?

— Большая ты совсем... артистка... Я тут по телевизору видела концерт, ну думаю, где там Нина моя? Вдруг, думаю, покажут?

— Я, мам, все расскажу, какие фильмы видела, каких людей встречала... Лежи только, не вставай...

— Твой-то девочки приходили, Галка, Лизка... ну эти с кружка этого... Вадим Артурович уехал в Минск, Галка замуж вышла...

— Галка? За кого?

— За Женю.

— Друкера? Да быть не может! Она ж... она ж над ним всегда смеялась... Ой, надо же... А он-то, только на меня всегда и смотрел. Что ж она мне не писала?..

— Писала и я писала — до востребования, на главпочтамт... Ты разве не получала?..

— Ой, смешные вы! Да откуда ж мне было знать, что до востребования? Галка, ну надо же...

— Свадьба, говорят, была хорошая, кафе сняли, оркестр. Другая ты какая-то, прическу сменила... Парик носишь?

— Нет.

— И глаза не красишь?

— Да я ж с поезда... Ой, ну надо же, Галка...

— А руки шершавые...

— С мороза.

— И волосы длинные.

— Отросли. Ой, мама, как же я долго не была!.. А знаешь, что мы с тобой сделаем... я из парка елку принесу.

— Из парка не разрешают.

— Да принесу... Не из парка, еще откуда-нибудь... Пирогов напечем... Мы с тобой Новый год встретим лучше всех...

— Бабу Зинаиду надо позвать.

— Позовем. Будем телевизор всю ночь смотреть, веселиться будем. И я все-все расскажу... а сейчас ты поспи, мам, поспи, не то мы к вечеру сонные будем, как медведи в берлоге, и Новый год проспим... а знаешь, как встретишь Новый год, так и пойдет... Поспи...

Нина накрыла маму одеялом.

— Ты артисткой-то будешь? — сонно спросила мать, поуютнее пристравываясь на подушке.

— Нет, мам,— Нина сказала это твердо и немного виновато,— У меня таланта нет. Не у всех же.

С мыслью этой мать согласилась, но внутренне озаботилась:

— А как же? Может, к нам на комбинат? Там люди нужны.

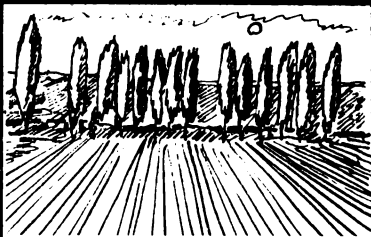
— Может, и на комбинат. Ты, мам, не волнуйся. Я не пропаду... мам. Я теперь нигде не пропаду, честно...

Нина гладила маму по одеялу и говорила тихо, как убаюкивала.

Нина гладила маму по руке, а сама так и стояла на коленях перед кроватью. Глаза у нее слипались и речь сбивалась:

— ...А в Москве дома огромные и елки за форточками висят и снег, снег, снег... его солью посыплешь, он и тает. Сыплешь, а он тает... тает... тает...

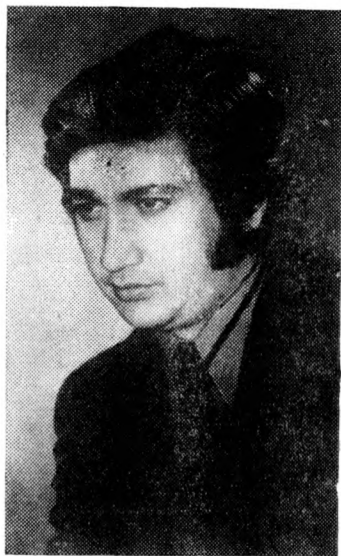
ДЖАСУР ИСХАКОВ

КТО КРАСИТ РЕДИСКУ?

ДЖАСУР ИЛЬХАМОВИЧ ИСХАКОВ (родился в 1947 году) учился на архитектурном факультете Ташкентского политехнического института, затем на режиссерском факультете Ташкентского театрально-художественного института и на Высших сценарных курсах Госкино СССР. По его сценариям поставлено несколько документальных фильмов.

Литературный сценарий «Кто красит редиску?» — дебют Джасура Исхакова в художественной кинематографии. Фильм по этому сценарию ставит режиссер Ахрор Акбарходжаев на киностудии «Узбекфильм».

Море без конца и без края, июньское море раскололо всящее над ним солнце на миллиарды осколков. словно живое, оно дышало, мерцая волнами, гудело несильным прибоем у берегов. Чайки с неутолимой радостью свободного полета носились над водой, белоснежные на фоне синего до черноты неба, темные — на фоне серебряного моря. Под стать самому морю — величественные и гордые, словно вышедшие из морской пучины великаны, громоздились черные скалы, великолепные в своей урюмости.

В глубоком заливе резвились дельфины. Они выпрыгивали из воды, взмывая свечой в воздух, ныряли и плескались, растягивая зубастые пасти в детской улыбке. А рядом с ними плавал ребенок — мальчик лет двенадцати. Он радовался не меньше дельфинов, а те кружили вокруг, подставляя свои спины, ласково тыкались в загорелое тело мальчика. Они увлекали его с собой в глубину, в свой мир, призрачный и таинственный...

А потом подплывал мужчина, очень похожий на мальчика, — его отец. Они плыли к берегу, сильные и веселые, бросались на песок и, запрокинув головы, следили за полетом птиц, слушали музыку природы: шум прибора, крики чаек, шелест песчинок, низкие голоса пароходов...

И вдруг в эту великолепную симфонию моря вмешался чужой, странный для этого мира звук. Механический, дребезжащий звонок... В прихожей обычной ташкентской квартиры звонил телефон. Один звонок, второй, третий...

В комнате, едва освещенной ночным уличным фонарем, спал мальчик по имени Ильхам. Он видел сон, в котором синело море и плескались дельфины. При третьем

звонке Ильхам заворочался, почмокал губами, улыбнулся, не открывая глаз, и снова ровно задышал.

Из спальни, натягивая на ходу халат, вышел отец — Карим Исмаилов. Полоска света из спальни осветила кусок типичной холостяцкой комнаты: без особого порядка стояли, лежали, висели вещи.

Карим поправил на сыне сбившееся одеяло, поднял упавшую с дивана книгу. Прошел в прихожую, плотно прикрыв за собой дверь. Зажег свет, поднял трубку.

— Алло... Да... Исмаилов...

Он взглянул на часы — половина третьего.

Карим слушал и изредка произносил: «Да», «Понятно», «Конечно». Постепенно сонное выражение на его лице сменялось озабоченностью и тревогой.

— Так... Понятно... Только вот... — Он замолчал, возникла короткая пауза. — Понимаете, у меня билеты на утренний рейс. На сегодня. До Симферополя...

На том конце провода что-то заговорили, быстро и энергично. Карим слушал, не пытаясь прервать собеседника. Улыбнулся невесело.

— Я не об отпуске беспокоюсь. Понимаете, я сыну обещал...

Собеседник снова произнес что-то громко и настойчиво.

— Когда машина будет? Хорошо... Жду.

Он положил трубку, посмотрел на книгу, которую все еще держал в руке — «Голубой мир океана». На обложке были нарисованы яхты с парусами и карта со стрелкой маршрута, очертаниями материков...

Карим прошел в комнату сына, взглянул на Ильхама. Наверное, мальчишка видел все тот же сон, он улыбался, и губы его без-

звучно шевелились. Карим присел на крайшек дивана, боясь разбудить сына. Долго и с любовью вглядывался в родные черты. Потом протянул было руку, чтобы разбудить Ильхама, но раздумал, осторожно поцеловал сына и вышел из комнаты.

Застегивая рубашку, он разглядывал вещи, собранные с вечера для далекого путешествия. Два повенких чемодана, один побольше, другой поменьше, рюкзак, из которого торчали подводное ружье и бамбуковые удочки; спортивная сумка с белой надписью «Динамо», в которую так и не смогли они закинуть до конца новенькие ласты типа «Барракуды»; водные лыжи в полурасстегнутом чехле, транзистор, фотоаппарат.

Карим переложил из большого чемодана в потрепанный баул белье, рубашки, бритву и задумчиво остановился посреди комнаты.

За окном коротко просигналил автомобиль. Карим в последний раз взглянул на сына и вышел.

Утреннее солнце заглядывало в окно.

— Папа! — раздался крик Ильхама.

В следующее мгновение он стоял на кухне, растерянно оглядываясь вокруг.

— Папа!!! — в отчаянии снова крикнул Ильхам. — Мы же опоздали!

В руках у него был будильник, он стучал и тряс его, надеясь, что ошибся.

— Пап! Ну где ты?

Ильхам пробежал по квартире, заглядывая во все углы.

— Папа!.. — растерянно крикнул он и остановился, увидев вдруг полупустой чемодан отца. Взглянул на стенные часы, сверяя с будильником. Ошибки не было — девять утра...

Ильхам начал что-то понимать. Присел на свой чемодан, в задумчивости поглаживая резиновые перепонки ласт. Взял с рюкзака сложенный лист бумаги с размашистой надписью фломастером: «Ильхаму Исмаилову», торопливо развернул его.

«Сын! — слышал Ильхам голос отца. — Ты уже достаточно взрослый человек, чтобы все понять и не обижаться на меня. Существуют вещи важнее наших личных забот и желаний. Ночью мне позвонили и вызвали по очень важному делу. Объяснять сейчас нет времени. Напишу подробно, как только прибуду на место. Наше морское путешествие не отменяется, а только откладывается. На неделю-другую, не больше...»

Продолжение письма Ильхам слышит в автобусе, который катит мимо полей и садов:

«До моего приезда ты побудешь у Ази-ма-ака в Тиник-булоке. Дорогу, надеюсь, ты не забыл. Только не вешай носа, море любит отважных! Мне самому очень жаль, что так получилось, но приказы, как тебе известно, не обсуждают! Слушай дядю и Шахиста-апу, побольше купайся, не скучай. В общем, держи паруса на «товсь». Передавай привет всем. Обнимаю тебя. Папа.»

Ильхам сидел, уставив локти в спинку переднего сиденья, подперев ладонями печальное лицо.

— Эй, мальчик, к твоей остановке подъезжаем! — отвлек его водитель от грустных мыслей.

— Знаю, — Ильхам тяжело вздохнул. Откинулся, взглянул в окно. Увидел вдруг собаку, семенящую рядом с дорогой.

— Коплон! — закричал Ильхам, высунувшись из окна.

Коплон наострил уши, обернулся и с громким лаем помчался за автобусом.

— Остановите! — крикнул Ильхам.

— Не доехали еще... — ответил шофер.

— Ну прошу вас! — взмолился Ильхам.

Автобус остановился, дверцы распахнулись. И тут же, перепугав пассажиров и шофера, в автобус ворвался огромный пес. Радостно повизгивая, он бросился к Ильхаму, вскинул лапы ему на плечи.

— Коплон... — гладил его мальчик. — Коплон... Ты еще меня помнишь!

— А ну-ка марш отсюда!..— грозно закричал водитель. В руках у него была монтировка, на всякий случай.— Через заднюю дверь!

...Вдоль дороги шел Ильхам. Вокруг него кружился Коплон.

— Ну как ты здесь? Хорошо тебе?

Собака взвизгнула, подпрыгнула и лизнула Ильхама в лицо.

— А вот мне, Коплон, плохо...— загрустил Ильхам.— На, держи. Я же учил тебя.

Коплон привычно взял в зубы сумку Ильхама, из которой высывались ласты типа «Барракуды», и пошел рядом.

— Споем, что ли?..— спросил Ильхам и затянул низким голосом:

На кораблях ходил, бывало,
   в плаванье,
 В чужих морях бродил я много дней,
 Но не оставил там души
   ни крошечки моей.
 Она для нас, она для Насти,
   Настеньки моей,
 Она для милой Настеньки моей!

Коплон внимательно слушал душещипательную песню и даже пытался подвывать.

Бананы ел, пил кофе на Мартинике,
 Курил в Стамбуле злые табаки,
 В Каире я жевал, братишки,
   финики с тоски,
 Они вдали от родины горьки,
 Они вдали...

Ильхам осекся на полуслове — перед ним вдруг возник белолобый бычок. Он стоял в самом узком месте тропы, с обеих сторон топорщились колючие кусты, и бычка никак нельзя было обойти. У Коплона с бычком были, видно, самые дружеские отношения, собака села в пыль, поглядывая то на Ильхама, то на бычка.

Бычок сделал шаг вперед и глухо замычал. Ильхам отступил, споткнулся и уселся в пыльную траву, укоризненно глядя на белолобого.

Неожиданно из-за кустов вышла девочка лет пяти. Волосы ее были заплетены в мелкие косички, а брови покрашены усьмой.

— Ассалом алейкум! — вежливо сказала она тоненьким голоском и легонько стукнула хворостинкой бычка. Бычок покорно побрел по тропинке, кося глаз на красную рубаху Ильхама.

— Алейкум ассалом...— запоздало ответил смутившийся Ильхам.

— Здравствуй, Ильхам-жон! Здравствуй, дорогой мой мальчик! — радостно говорила тетя Шахиста.— Заходи! Ой, и обнять-то толком не могу!

Открытое смеющееся ее лицо было перепачкано капельками побелки и руки до локтей были мокры. Ильхам смущенно уворачивался от поцелуев.

Коплон радостно носился по двору. Задел ведро с жидкой побелкой, и оно перевернулось. Шахиста только рукой махнула, засмеялась:

— Что это с ним сегодня? Давно он таким веселым не был! Подожди-ка...— И она торопливо прошла за пристройку.

Ильхам огляделся. Знакомый двор дяди преобразился... Чистота и порядок цветочных клумб, дорожек, ровных рядов деревьев соседствовали с беспорядком только что затеянного строительства. По разным углам лежали мешки с цементом, доски, кирпичи, торчали трубы, белели холмики свежей стружки.

В клетках над айваном, украшенным затейливыми столбиками, по-прежнему жили перепелки. А в самой большой, выкрашенной бронзой клетке сидел яркоперый попугай.

— Ар-р-а! — попытался вызвать его на разговор Ильхам, но попугай промолчал и равнодушно отвернулся.

Из-за пристройки вышла Шахиста. В руках у нее было полное ведро воды. Ильхам перехватил ведро, подтащил к рукомоинику, налил воды.

— Как ты вырос...— сказала Шахиста, глядя на Ильхама.

Тот что-то хмыкнул в ответ. Шахиста мыла руки, распрашивала Ильхама:

— Дома все в порядке?

— Да...

— Как учеба?

— Нормально...

Она вытерлась, поправила прическу.

— Ну дай же я тебя по-человечески поцелую! — Она обняла Ильхама, поцеловала в обе щеки и не удержалась от восклицания: — Как ты похож на мать!

— Да ладно вам, тетя! — уже с досадой сказал Ильхам.

А она все смотрела на него, качала головой:

— Вот радость! Азим-ака все говорил, приехал бы Ильхам к нам на лето...

— Да я не на лето. На неделю-другую, не больше.

— Ну вот и ладно!.. Вот и хорошо.

Шахиста побежала в дом. Второпях никак не могла открыть дверцу шкафа. Наконец открыла и стала извлекать из него бесчисленные тарелочки, вазочки, ппалушечки с конфетами, вареньем, наватом и всякой вкусной разностью. И все приговаривала сама себе:

— Ах ты, мой соколик, моя радость, птеник мой!.. — С огромным подносом вышла на террасу, сказала с улыбкой: — Иду, мое золотко, иду! Заждался!.. — И смолкла — Ильхама не было.

На тенистой лужайке, в высокой траве сидели несколько ребят. Майки оттопыривались от фруктовых трофеев, и мальчишки безмятежно хрустели яблоками, вытирая их предварительно о трусы.

Вдруг из-за кустов выползло страшенное чудовище. Неуклюже покачиваясь, оно размахивало длинными руками.

— Попались! — раздался голос.

Мальчишки резво вскочили на ноги и, теряя ни секунды, бросились врассыпную, роняя на ходу яблоки и урюк. А чудище повалилось наземь, обнаружив за собой

Ильхама, который растерянно крикнул вслед разбежавшимся.

— Эй, куда же вы?

Словно переспелое яблоко, с дерева шлепнулся мальчуган лет семи. Он оторопело посмотрел на Ильхама и тут же юркнул в кусты. Ильхам поднял с земли чучело и воткнул его в землю.

Несколько пар ребячьих глаз настороженно следили за действиями незнакомца. Тот приближался к ним, оглядываясь по сторонам, всматриваясь в кусты, словно охотник, выслеживающий добычу. Тень от пробкового шлема закрывала пол-лица.

— Я же говорил — это пацан!.. — шепнул свалившийся с дерева мальчуган самому старшему из ребят.

— Вижу, заткнись! — прошептал тот и зло добавил: — Ну, шляпа, держись!

Как только наш охотник вошел в кусты, тишина взорвалась яростными криками:

— Ага! Попался!

— Дай ему, Эргаш! Дай!

— Пусти! Моя нога-а-а!

— Кусаться! О-о-о!

— Давай-ка его в воду! В воду-у-у!

Раздался всплеск. В арыке, все еще продолжая бороться, барахтались Эргаш и Ильхам. Они брызгались водой, тянули друг друга за волосы и за уши, стараясь накрыть противника «с головой».

— Покажи ему, Эргаш! — неистовствовали болельщики, бегавшие вдоль берега.

— Всыпь ему хорошенько!

— У, шляпа!..

Выплюнув воду, Эргаш оттолкнул от себя противника и, протерев глаза, вдруг сказал, словно икнул:

— Ие! Ильхам?!

Ильхам и Эргаш сидели голышом на камнях, поджав под себя ноги. На кустиках сушилась их одежда. Рядом сгрудилась и вся компания.

— А я тебя не узнал вначале, — сказал Ильхаму Василь, длинный конопатый мальчишка. — Где это ты такой цилиндр раздобыл?

— Это не цилиндр, а тропический шлем. Папа из Афганистана привез.

— Классно...— Эргаш надел шлем на голову.

— Солнцезащитный! — не без гордости пояснил Ильхам.— В нем на солнце сколько хочешь можно ходить!

— Хоть год? — не поверил Василь.

— Да хоть десять лет!

Эргаш бережно снял шлем и потрогал голову — сначала у себя, потом у малыша.

— Да, у Али горячее...

— Конечно, твоя же мокрая! — резонно заметил семилетний Али.

— А ты надолго? — спросил Эргаш.

Ильхам принял равнодушный вид.

— Да нет... Что тут у вас делать? Мы с отцом на днях отправляемся в путешествие. В морской круиз.

— Это вы по морю поплывете? — с завистью спросил Василь.

— Не только по морю. И по океану, — небрежно ответил Ильхам.— Батуми, Севастополь, Одесса, а потом, может, — Босфор, Гибралтар, а там и Атлантический океан...

Слово «океан» произвело особенно сильное впечатление. Ребята замолчали, задумались.

— Жарко. Искупаться надо...

Василь скинул майку и нырнул в воду. Ребята последовали за ним.

Они плыли по течению, не загребая — поверх воды были видны мальчишечьи головы, словно арбузы.

— Смотри-ка! Что это он делает? — Ильхам указал на левый берег.

По колену в воде в арке стоял старик. Время от времени он опускал в воду таз, помешивал там рукой, сливал воду, а потом процедура повторялась. Заинтригованные ребята, ухватившись за ветки тала, наблюдали за странными действиями старика. А тот вышел из воды и опрокинул содержимое таза в арбу, запряженную маленьким белым ишаком.

— Это он золото моет! — догадался Василь.

— Какое золото! — не поверил Ильхам, но сам с интересом продолжал наблюдать за стариком.— Тоже мне Клондайк!

Старик тем временем насыпал в таз сухо-го песку и снова пошел в воду.

— А правда — песок...— недоуменно обронил Ильхам.

Василь отпустил ветку и молча поплыл, не глядя на старика. Эргаш и Ильхам двинулись за ним, подплыли к берегу, где их ожидал Али.

— Чего это вы? — спросил Ильхам.— Боньтесь его, что ли?

— Он волшебник, — серьезно сказал Али.

— Кто? — не понял Ильхам.

— Хамракул-бува.— Василь сощурил глаза.— Темная личность. Колдун. Видел, золото моет?

— Не бывает никаких волшебников и колдунов! — рассмеялся Ильхам и повернулся к Эгашу: — Скажи ты этим малым детям.

Эргаш задумался, почесал темя, нашел компромисс:

— Колдунов, конечно, не бывает. Но в нем что-то есть... такое... Колдуновское... Немного...

— И ты веришь? — изумился Ильхам.

— Знаешь, у него во дворе старая орешина, а в дупле змея живет! Он ее кормит и разговаривает с ней! — закричал Василь. — Ври больше! — возмутился Ильхам.

— Вб дает! Да честное пионерское!

— А ты ее видел? Змею?

— Нет, сам я не видел... — смутился Василь.— Но все так говорят.

— В общем, он колдун, — заключил Али.

— Да не бывает колдунов! Не бывает! — замахал руками Ильхам.— Могу хоть с кем поспорить! На что угодно!

— Спорим! На твой шлем? — распалился Василь.

— А ты мне свой велик отдашь, идет?

— По рукам! Эргаш, ты свидетель, заруби!

— А как мы это проверим? — спросил Эргаш, «разрубая» руки спорщиков.

— Очень просто. Залезем на орешину и посмотрим на вашу анаконду,— сказал Ильхам.

— Чего?!

— Ничего. Велик-то хоть цел?

Дядя Ильхама Азим Азизханов, человек лет пятидесяти, крепкий и солидный, был в прекрасном настроении. Что-то напевая, он наблюдал, как рабочий укладывает шифер на крышу маленькой пристройки.

— Козырек оставь побольше,— подняв капкир, как указку, проговорил он и направился к очагу, где кипел плов.

Шахиста нарезала ачикчучук — салат из помидоров и лука. Вытирая слезившиеся глаза, говорила:

— Эх, увидела бы Рапо сейчас Ильхама! Такой славный, красивый, высокий. Как тополек вытянулся, а всего-то семь лет прошло!

— Как сказал великий философ, все течет и все изменяется,— подхватил Азим.— Давно ли я тебя, шалопая, на руках носил! Сколько тебе сейчас?

— Двенадцать.

— О! Двенадцать лет! А я еще чувствую вкус плова, который ел на твоём бешиктуе... Да... Время бежит! А у Ильхам-жона сейчас возраст такой — что ни день, то изменение...

— А вы, Азим-ака, нисколько не изменились.

— Правда? Ну спасибо, друг, за приятные слова! — засмеялся Азим.— Скоро будет готов плов, давай-ка за стол. А вы, дорогой товарищ, мойте руки и милости просим... — позвал Азим рабочего, который уже закончил крышу.

Расселись за столом. Азим разлил вино.

— Ну, за тебя, Ильхам! Мой дом—твой дом! Жаль, что папа не смог с тобой приехать. К слову сказать, самоотверженный у тебя папа, геронческий человек! Тебе у нас будет хорошо, правда?

Ильхам неопределенно кивнул головой.

— А море твое никуда не убежит. Ну, будем! — Азим опрокинул стопку, крикнул от удовольствия и обратился к рабочему: — Вы не стесняйтесь, дорогой товарищ, пейте, ешьте... Как вас зовут, кстати?

— Азим... — произнес парень и кашлянул.

— Э-э! Значит, мы с вами тезки! И меня зовут Азим, Азим Азизович Азизханов! Будем знакомы. Ваше здоровье!

Ильхам незаметно брал со стола кусочки казы и скармливал их Коплону.

— Генетика! Сильная наука! — сказал Азим, с любовью глядя на Ильхама.— Вот, пожалуйста, Ильхам. Сып моей покойной сестры. Все черты Азизхановых! Похож, а? Взгляд, глаза, брови, уши...

Ильхам задвигал ушами.

— Азим-ака, а вы ушами шевелить можете?

— А? — не понял Азим и продолжил: — Ты должен гордиться тем, что в жилах твоих течет азизхановская кровь! Твой прадед когда-то получил парчовый халат с плеча самого эмира.

— А где этот халат? — с интересом спросил Ильхам.

— Халат? Да затерялся где-то... Я не об этом...

— Эх, жаль! Можно было в музей сдать,— пожалел Ильхам.

— Ну зачем уж в музей,— улыбнулся Азим.— Дело, дорогой мой мальчик, не в халате. Конечно, эмир был плохой человек. Да и время было плохое, так сказать, темные годы царизма. Но тот факт, что глава страны лично вручил подарок деду, о многом говорит. Это был прилежный и старательный человек... Ты что улыбаешься? Нехорошо. На чем я остановился? Ах, да! Вот так же и ты, в начале своего жизненного пути должен прилежно учиться, слушаться старших, хорошо себя вести...

— Ар-р-ра! Ар-р-ра! — раздался с айвана крик.

— Заговорил! — обрадованно закричал Азим, показывая пальцем на попугая.— Сто рублей стоит.

Ильхам натянул одеяло до носа.

— Не боишься во дворе спать? — спросила Шахиста.

— Не-е-е... — промычал Ильхам.

— Ну, спокойной ночи, мальчик.

Шахиста на секунду задержалась у изголовья, полюбовалась Ильхамом и пошла в дом. Щелкнула выключателем, и все погрузилось в темноту.

Коплон, позваивая цепью, тихо повизгивал и царапал землю. Ильхам встал, отцепил пса. Коплон благодарно завилел хвостом, заскулил в нетерпении и, когда Ильхам лег, прыгнул в постель к мальчику, зарывшись в одеяло у его ног.

Где-то вдали кричали почтовые птицы, полаивали собаки. Ильхам лежал с открытыми глазами и смотрел в черное небо, усыпанное далекими яркими звездами...

— Вот смотри, Коплон, Большая Медведица... — шептал Ильхам. — А во-он, выше, Полярная звезда. По ней все капитаны курс прокладывают...

Постепенно звезды становились все ярче и ярче, а мерцание их все загадочней...

Ильхам крепко спал.

С ног до головы перепачканный глиной Ильхам стоит на коленях у маленького арычка-ручейка и что-то сооружает. Али помогает ему, Эргаш и Василь с любопытством следят за их работой.

«Ильхам, сын, прости, что долго не писал, — снова звучит голос отца. — Времени в обрез. Дело, как я и предполагал, очень серьезное. В верхнем течении реки Оксу, в горах, месяц назад произошел обвал. Большие валуны, щебенка, глина, перегородили реку и образовали естественную плотину...»

Ильхам накладывает куски глины, принимает рукой.

«Довольно высокую плотину, но ненадежную. За месяц набравшаяся вода образовала целое озеро, скопилось 150 миллионов кубометров воды.»

Вода арычка скапливается перед устроенной Ильхамом плотинной. Эргаш и Василь следят за растущей на глазах лужей, вода в поисках выхода кружится, переливается через край, размывает глинистую перегородку. Ильхам кладет сверху новые и новые куски глины с травой.

«Это озеро, совсем недавно безобидное, теперь стало опасным. Из физики ты знаешь, что падающее тело с каждой секундой набирает скорость. Так же и здесь. Если вода прорвет плотину хоть в одном месте, напор будет расти и расти. Не успеешь оглянуться — катастрофа. Я тебе рассказывал о селях. Но это будет страшней. В случае прорыва вода затопит всю долину, сотни кишлаков и селений. Даже до Самарканды может дойти. Ты помнишь этот прекрасный город из нашей прошлой годней поездки...»

Ильхам неожиданно выдергивает из-под своей плотины пучок травы. Плотина обваливается. Вода потоком рвется на волю, затапливая прибрежную траву, на которой расположились Эргаш и Василь. Те вскакивают, словно им грозит настоящее наводнение. Только Али весело смеется.

«Мы срочно ищем выход из положения. Я говорю «мы», а это большая сила. Тысячи людей — ученые, трактористы, экскаваторщики, взрывники, шоферы, жители соседних кишлаков... Работы не останавливаются ни на минуту. Ты бы видел, сколько техники понаехало сюда!»

Ребята стоят увлеченные рассказом отца Ильхама.

— Как на войне... — произносит Василь.

— А может, насосами надо откачивать? — предлагает Эргаш.

— Какие там насосы! Это же миллионы тонн воды, — Ильхам задумчиво смотрит на результаты прорыва своей плотины.

— А где находятся они, спасатели?

Ильхам указывает место у самой плотины.

— Значит, они первые... — сказал Василь. — Как разведчики.

Ребята сидели на камнях и молчали. Василь обнял Ильхама за плечо.

— Как зовут твоего отца? — спросил он.

— Карим...

Знакомая девчушка гнала хворостиной своего белолобого бычка.

— Ассалом алейкум! — с той же вежливостью тонюсенским голосом пропела она.

По дороге, поскрипывая несмазанными большими колесами, катилась арба. Ослик поспешно перебирал копытцами. На арбе ничего не было.

— Видишь, осел у него волшебный! — прошептал Али Ильхаму. Вся компания мальчишек расположилась на ветвях чинары, прячась в листве.

— Просто условный рефлекс, — ответил Ильхам.

Вскоре на дороге появился старик Хамракул. Он шел не спеша, оглядывая верхушки деревьев, и улыбался. Остановился, заметив что-то в листве. И вдруг засвистел. Тонко, заливисто, как птица. К удивлению ребят, с высоты в ответ раздалась очень похожая трель. Старик засмеялся и пошел дальше. Ребята спрыгнули с ветки и, крадучись, двинулись следом.

Ослик каким-то образом сам открыл широкую калитку и остановился в глубине двора.

Ребята обогнули дувал и, оказавшись у пролома, перемахнули во двор старика, похожий скорей на большой густой сад. Среди буйной зелени резко выделялось одинокое дерево. Это была толстая, могучая, очень старая орешина с огромным дуплом. Одна сторона орешины высохла, другая еще была зеленой и давала густую, прохладную тень.

— Вот оно, это дерево, — прошептал Эргаш.

От дома, ведя под уздцы ослика, шел старик. Он остановился у самой орешины, расстелил брезент и стал сыпать на него из арбы мокрый песок.

— Опять песок мыл, — сказал Василь.

Старик высыпал весь песок, отвел ослика к сараю, распряг.

— Мне домой надо, — соврал Али дрожащим голосом.

— Пришел, так стой и смотри! — зашипел на него Эргаш.

Старик тем временем вернулся к орешине. В руках у него была банка. Он высыпал белый порошок в песок, размешал, рассыпал по всему брезенту. Поднял голову, оглядывая орешину. Губы его шевелились.

— Видишь, с деревом разговаривает, — шепнул Василь.

— Пойдем отсюда, — захныкал Али.

Хамракул подошел к дереву, постучал по стволу.

— Сейчас она вылезет! — забеспокоился и Василь.

Все напряженно следили за каждым движением старика.

Вдруг Ильхам почувствовал что-то у своих ног. Посмотрел вниз и увидел ползущую змею. Он вскрикнул и бросился назад, к дувалу. Это послужило сигналом для остальных. Ребята бежали, со страху не разбирая дороги, царапаясь о кусты, спотыкаясь о камни...

Остановились. Тяжело дыша от долгого бега, Василь сказал:

— Чего это ты?..

— Та-а-м змея! — ответил Ильхам.

— Где? — насторожился Эргаш.

— Гони шлем! — обрадовался Василь.

— Где змея? — переспросил Эргаш.

— Ну там, где мы стояли. Не в дупле. В траве, под ногами.

— Уф-ф! — выдохнул Эргаш. — Это же желтопузик, я его тоже видел.

— Желтопузика испугался! — засмеялся Василь. — Гони шлем! Герой! А еще на орешину лезть хотел!

Ильхам смущенно крутил в руках свой шлем и исподлобья смотрел на друзей.

— А кто ее знает... — сказал он в оправдание. — Мы же гордские.

Ребята рассмеялись.

— Шлем гони! — напомнил Василь.
 — Какой шлем? Змею-то мы не видели!
 — Ты же видел, как он по дереву стучал, — вмешался Эргаш. — Это он змею вызывал!
 — Хорошо, сам полез!
 — Желтопузика испугался, а еще хочет на ту змею посмотреть! Герой! Она, если увидит кого, так сразу и загипон... Загипотизирует! Понял? — кричал Василь.
 — За-гип-но-ти-зи-ру-ет, — поправил его Ильхам.
 — Ну, пусть так. А шлем давай!
 — Отдам, когда змею увижу!
 — Бó дает! Повторяю, она тебя загипн...
 Короче — раз! И все!
 — Что все? Съест?
 — Да нет, зачем? Ты сам кранты отдашь. От страха. У нее глаз такой..
 И Василь изобразил, какие у змей страшные глаза.

Складская контора производственно-технической комплектации занимала просторное помещение. Вдоль одной из стен высились стеллажи с кипами папок, конторских книг, бумаг. Свободные стены были увешаны диаграммами и плакатами. Было тихо и прохладно. Тихо оттого, что был обеденный перерыв, а прохладно от политого пола и гудящего вентилятора.

За столом сидел заведующий складом Азим Азизханов. Перед ним, заглядывая в бумаги, которые подписывал Азим, переминался с ноги на ногу Пулат Сапарбаев.

— Нет, Пулат-жон, так дело не пойдет... — разглядывая какую-то бумагу, сказал Азим. — Как же так? Две тонны, чувствуешь, две тонны кровельного железа ты с легкостью списываешь...

— Поржавело, — не мигнув глазом, сказал Пулат и улынулся.

— Как же это поржавело? — не поднимая головы, спросил Азим. — Завезли его нам в январе...

— Погодные условия и отсутствие необходимых помещений...

— Что ж ты законы нарушаешь? И меня под удар ставишь?

— Сохрани аллах! — засуетился Пулат. — Какие законы, какие нарушения?! — Товарищ Азизханов! Все по закону! Акты есть!

И он с удивительной для его крупного тела легкостью взобрался на стремянку, выискивая на верхних полках нужные бумаги.

— Вот, извольте, акт о нехватке помещений... Вот акт о приеме ржавого металлолома... Вот...

Вдруг из-за сейфа возле окна выскочил Ильхам.

— Руки вверх! — заорал он, наводя игрушечный пистолет на Азима.

Пулат вскрикнул, вскинул руки вверх, потерял равновесие и полетел вниз со стремянки. Азим повалился в кресло и захохотал. Пулат держался за сердце и зло глядел на мальчишку.

— Ну, Ильхам, ну хулиган! — сквозь смех выдал из себя Азим. — Иди сюда, дай поцелую!

Он обнял Ильхама, поцеловал его, все еще сотрясаясь от смеха.

— Мой племянник, Ильхам-жон! — сказал он Пулату. — Поздоровайся с дядей. Пулат медленно приходил в себя.

— Здравствуйте, — прятая пистолет в карман, сказал Ильхам.

— Здравствуй, шутник. — Пулат покачал головой. — Это тебя в школе так шутить научили?

— Нервы у тебя, Пулат, слабые! — смеялся Азим.

Он помнил Ильхама, и когда тот подошел, сделал обманное движение левой рукой и легонько шлепнул Ильхама правой. Ильхам тут же принял боксерскую стойку.

— Как дела? — Азим стукнул Ильхама второй раз.

— Средне! — Ильхам пригнулся и нанес ответный удар.

— Смотри-ка, не забыл! — Еще удар.
 — А как же! — Ильхам отвел боковой слева.

— А почему же дела средне? — Прямой правый.

— Да так,— удар по корпусу.— Есть проблемы.

— Неразрешимых проблем не бывает.

Последовала серия ударов, после которой «боксеры» сошлись в клинче. Азим расцеловал племянника и, покружив его, поставил на пол. Раунд, за которым с неодобрением наблюдал Пулат, закончился.

Азим отошел в сторону, полюбовался племянником:

— Орел! Давай, выкладывай свои проблемы.

— Азим-ака, — оглядывая полки, сказал Ильхам, — у вас нет бинокля?

— Бинокля? Зачем тебе? — удивился Азим.

— Ну... Или подзорной трубы. Мне надо кое за кем понаблюдать, — таинственно произнес Ильхам.

— За кем? — изумился Азим.

— Да так... за одним человеком. Азим-ака, а правда, что бывают змеи, которые разговаривают с людьми?

— С чего ты взял?

— Да вот ребята говорят, что у одного старика есть такая змея...

— Домашние змеи бывают. И у нас когда-то были. Но теперь это редкое явление.

— И вообще про этого старика говорят, что он колдун...

— Что за чепуха в твоей голове? — засмеялся Азим. — Про какого старика тебе такое наболтали?

— Он живет здесь. Через две улицы. Как же его?... Хамракул-бува...

Азим нахмурился.

— Хамракул? Колдун?

— Ну да, я с ребятами поспорил...

— Да никакой он не колдун, — вмешался Пулат. — Просто сумасшедший старик. Из ума на старости лет выжил. Его бы в психолечебницу надо, да некому этим заняться...

— Не знаю, насколько он того, — Азим повертел пальцем у виска, — но ты больше

к нему не ходи. Не связывайся с ним. Змея не змея, но что-нибудь поганое у него может быть. Договорились? Не связывайся с ним.

Ильхам молча отвел взгляд.

Пронзительная переливчатая трель щегла расколола тишину. Самой птицы не было видно. Широкие листья лопуха, словно зеленые занавеси, прятали певунью от любопытных глаз. Подул ветер и занавеси лопухи распахнулись. Щегол был подсадным и сидел в маленькой клеточке, устроенной внутри большой клетки, дверца которой была гостеприимно распахнута.

Призыв подсадного щегла был услышан, и вот на ближайшем кустике появился другой щегол. Он подлетел к садку, осторожно засунул головку в дверцу и, убедившись, что ему не грозит опасность, вошел. Лапкой слегка задел тонкий безобидный пруттик, и дверца с лязгом захлопнулась. Пленник заметался в клетке, ударяясь о жесткую проволоку. Тщетно!

Весь этот спектакль от начала до рокового конца наблюдал, спрятавшись за лопухами, Ильхам. В следующее мгновение он раздвинул кусты и подошел к клетке. Узник метался в узком пространстве, теребя перья.

Ильхам открыл дверцу, и птица, словно ракета, вылетела на волю и моментально скрылась из виду. Ильхам открыл другую дверцу. Подсадной щегол спокойно сидел, не собираясь никуда выходить. Он только замолк. Удивленный Ильхам просунул руку в клетку и легонько подтолкнул птицу. Она наконец вылетела и закружилась над головой.

Выскочивший из-за кустов Василь ошарашенно смотрел на Ильхама и на щегла, который сел на ближайший куст, непонимающе чиркал, оглядываясь по сторонам.

— Ты чего? — опомнившись, завопил Василь. — Спятил?!

Ильхам оглянулся, махнул рукой и продолжал наблюдать за птицей.

— Цып-цып-цып... — Василь оттолкнул Ильяма и стал осторожно подходить к щеглу. — Иди сюда, Щёга. Иди ко мне. Цып-цып-цып...

Ильхам хлопнул в ладоши Щегол вспорхнул и полетел. Ребята провожали его взглядом, а он перелетал с дерева на дерево как-то неуверенно и удивленно — какой, оказывается, огромный мир! Сколько деревьев, сколько неба, в котором можно летать, взмывать вверх и падать камнем вниз!

Василь, открыв рот и хлопая глазами, зачарованно смотрел на улетавшего щегла. Раздвинулись лопухи, и показалась рожца Али. Первым делом Али посмотрел на клетку. Удивился:

— Вась, а где Щёга?

Это вывело Василя из оцепенения.

— Ты что наделал? — закричал он и дернул Ильяма так, что тот едва сохранил равновесие.

— Эй, полегче... Полегче. Что случилось? — спросил подошедший Эргаш.

— Да этот вот... Самого лучшего моего щегла выпустил! — пожаловался Василь. — Щёгу! Ну, что ты смеешься? Дам разок по сопатке, сразу замолчишь!

— Попробуй, — смеялся Ильхам.

— Да ладно вам, пацаны! — попытался примирить друзей Эргаш. — Прилетит твой Щёга, вот увидишь.

— Ладно клетку открыл, так нет, еще и толкает! — крикнул Василь. — В ладоши хлопает! Приехал и хозяйничает здесь! Желтопузик!

— Просто ему стало жалко щегла. Мне, например, тоже жалко, — сказал вдруг Али. — Зачем ты птиц в клетках держишь? Зоопарк, что ли?

— А ты не вмешивайся! Лучше сопли вытри. — Василь снял клетку, разглядывая ее. — Жалостливые нашлись...

— Нет, а правда, зачем тебе эти щеглы? — спросил Ильхам.

— Затем! — ответил Василь. — Я их, может, дрессирую...

— Рассказывай! — не поверил Ильхам.

— Да нет, — сказал Али. — они их продают. Ружье хотят купить.

— Для чего?

— В горы пойдем. Говорят, там снежный барс есть, — объяснил Эргаш. — Знаешь, какая у него шкура красивая!

Ильхам нахмурился.

— Не думал я, что вы такие живодеды.

— Чего?! — протянул Василь. — Тоже мне... Маменькин сынок!

— Повтори! — побледнел Ильхам.

— Маменькин сынок и желтопузик!

Ильхам подскочил к Василю и ударил его в лицо. Василь, споткнувшись, повалился наземь, клетка отлетела в сторону. Ильхам бросился сверху, и если бы не вмешавшийся Эргаш, Василю не поздоровилось бы.

— Перестаньте! — крикнул Эргаш, растаскивая Василя и Ильяма. — Вы что!

Ильхам поднялся на ноги и напролом, через кусты, побежал прочь от злополучной полянки.

Вытирая рассеченную губу, поднялся и Василь, злой и растерянный.

— Он заплакал, — сообщил ему Али. — Побежал и заплакал.

— Интересно... — отплевывая кровь, ухмыльнулся Василь. — Сам начал и сам плачет... Чего ты меня держал? — набросился он на Эргаша. — Так нечестно!

Эргаш отряхнулся от пыли, сказал тихо:

— Зря ты про мать сказал...

— А что, маменькин сынок!

— Нет у него матери. Он с отцом живет...

— Ну и что? Я тоже с отцом живу. Если она его бросила, так сразу надо драться?

— Она погибла... — Эргаш помолчал. — Она работала врачом в детской больнице. Когда в Ташкенте было землетрясение, она как раз дежурила. Вывела всех детей и пошла снова. Проверить, не осталось ли кого... А тут балка ее и придавила...

— Когда это было? — спросил Василь.

— В шестьдесят шестом году.

— А меня тогда еще не было... — сказал задумчиво Али.

Ильхам сидел за столом во дворе в тени дерева. Перед ним лежала раскрытая книга и наполовину исписанный лист. Он покусывал ручку и смотрел куда-то вверх. Шахиста возилась в цветнике.

Ильхам продолжал писать письмо отцу:

«...И еще я придумал, папа, такую штуку. Во время нашего путешествия мы будем вести дневник — «Судовой журнал». Если хочешь, записывать будешь ты. Или лучше вдвоем. Вчера по радио передавали про вас. Ты за меня не волнуйся, заканчивай свою работу. Я живу здесь нормально.купаю каждый день. Только ласты мне не понадобились. Арык стал какой-то мелкий».

— Ильхам-жан! — окликнула его Шахиста. — Что это ты все дома сидишь? Уже два дня на улицу не выходишь.

— Да так... — пробубнил Ильхам. — Неохота.

«...Есть здесь один «волшебный» старик. Зовут его Хамракул-бува. Ребята говорят, что он колдун. Вот смех! Я-то знаю, что никаких колдунов на свете не бывает. Так вот, я хочу доказать ребятам, что он никакой не колдун, а просто...»

В это время раздался свист. На заборе сидели Эргаш и Василь.

— Выходи, — громким шепотом позвал его Эргаш.

Коплон зазвенел цепью, залаял, заскреб землю, с надеждой глядя на Ильхама. Ему тоже очень хотелось погулять. Но Ильхам замотал головой:

— Нет! Не пойду.

— Ты чего? — прошептал Эргаш. — Да брось ты, не обижайся... Он же не знал.

— Я не знал, — подал голос Василь.

— Я же сказал, не пойду. — Ильхам еще ниже наклонился над столом.

Эргаш и Василь молча взглянули друг на друга, смолкли. И когда Ильхам поднял голову, их уже не было. Он помедлил, подошел к забору, выглянул. Друзей не было видно.

— Так, — сказал сам себе Ильхам и быстро отвязал Коплона. — За мной, Коплон! На разведку!

Ильхам медленно шел вдоль дувала Хамракул-бувы, поглядывая на видневшуюся верхушку старой орешины. Обгоняя и возвращаясь, крутился Коплон. Неожиданно пес скрылся в проломе дувала.

— Коплон! Коплон! — закричал мальчик. — Назад!

Но пес не появился. Ильхам в растерянности присел рядом с дувалом. Затем подошел к пролому, осторожно заглянул. Коплона не было видно. Ильхам постоял, потом все же решился и, озираясь по сторонам, вошел в сад.

— Коплон! — звал он собаку, пробираясь вперед.

Так он дошел до цветника, разбитого среди кустов. Хотел было двинуться дальше, но внимание его привлекли цветы. Здесь их было много, совершенно необычных, странных, не виданных Ильхамом до сих пор. Он засмотрелся на них, забыв о страхе, и вздрогнул, когда услышал совсем рядом:

— Нравятся?

В двух шагах от него стоял старик. Ильхам дернулся было бежать и увидел Коплона, который стоял за стариком и вилял хвостом. Пес жался к Хамракулу, словно тот был его хозяином, и Ильхам вдруг успокоился.

— Я за собакой зашел... — сказал он.

— Зачем был ты ни зашел, будь гостем, — ответил старик. — Проходи.

— Да нет... Спасибо. Коплон, пошли...

Коплон подошел к Ильхаму, стал тереться о колени.

— Видишь, он не хочет уходить, — усмехнулся старик.

Он взял Ильхама за руку и повел за собой. Ильхам завороченно шел за стариком, удивляясь своей безропотности. Он провел Ильхама к айвану, усадил на курпачи.

— Посиди-ка, я сейчас!

Ильхам оглядывал двор старика. Перед самым айваном был большой цветник, много больше, чем тот, в кустах. Здесь росли

преимущественно розы. Один куст был огражден веревкой.

У сарая жевал сено белый ослик. Там же стояла арба. Под потолком террасы лепилось ласточкино гнездо. Кипел старый медный самовар. Дальше, за сараем, во круг трех ульев гудели пчелы.

Возвратился Хамракул-бува с пиалой в руках.

— Вот, попробуй — нишалда собственно приготовления. Сейчас и чай будет.— Старик поставил перед Ильхамом пиалу с нежной ароматной массой.

Ильхам попробовал нишалду. Она была такой вкусной, что скоро пиала, вычищенная до блеска кусочками лепешки, была пуста. Старик принес чай, улыбнулся, глядя на пиалу, снова пошел в дом.

...После чая Ильхам бродил по саду, разглядывая диковинные цветы, которые показывал ему старик.

— А вот это «Девятое мая». Черенок мне из Смоленска прислали. А этот сорт называется «Первая любовь». Никак не хотел приживаться. Очень нежный сорт. Два года с ним промучился...

— И как вы один с таким хозяйством справляетесь?— спросил Ильхам.

— Так, потихоньку...— ответил старик.

— Дедушка, а хотите, мы с ребятами вам помогать будем?— неожиданно предложил Ильхам.

— Если есть такое желание, то пожалуйста,— улыбнулся старик.— Мой дом всегда открыт!

Ильхам искоса посмотрел на орешину.

Али играл в камешки. На тыльной стороне ладони лежало несколько маленьких камешков. Он подкидывал их, стараясь одновременно схватить с земли еще один.

Эргаш стоял с Василем по колено в воде. Эргаш набрал в легкие воздуха и опустил лицо в воду.

— Раз, два, три...— считал громко Василь,— четыре, пять...

Али оторвался от игры и считал вместе с Василем.

— Двадцать девять, тридцать...

— Ильхам пришел!— закричал Али, увидев подходившего к ним Ильхама.

— Привет, Ильхам!— обрадовался Василь.

Ильхам не ответил, спросил у Али:

— Что вы делаете?

— Дыхание тренируем,— ответил Василь за Али.— Хочешь попробовать?

Ильхам, словно не замечая Василя, сказал шумно отдувавшемуся Эргашу:

— А в Красном море ловцы жемчуга могут задерживать дыхание на пять минут.

— Дают!— присвистнул Василь и полез в воду.— Считайте!— Он опустил лицо в воду.

— Раз...— начал было Ильхам, но замолчал, вспомнив, что не желает принимать участие в соревновании.

— Сколько?— выдохнул Василь, подняв голову.

— Много...— сказал Али серьезно.— Полчаса, наверно...

Василь посмотрел на Ильхама. Тот лежал на спине, прикрыв глаза. Василь вопросительно посмотрел на Эргаша. Тот пожал плечами...

...Василь торопливо качал камеру велосипеда. Подвинутил гайки, проверил звонок и покатил по тропинке.

— Вот, возьми...— пряча глаза, сказал он Ильхаму.— Я же проиграл.

Ильхам удивленно смотрел на Василя и молчал. Али во всю мочь звенел звонком. Эргаш исподлобья наблюдал за этой немой сценой, сценой примирения.

— Ничего ты не проиграл,— проговорил наконец Ильхам.— Слазем на орешину, тогда и решим, кто проиграл...

— Я первый полезу!— заявил Василь.

По улице катил велосипед. В седле сидел Эргаш, Ильхам примостился на раме, Василь — на багажнике, а Али умудрился влезть на руль. Живописную группу, про-

вожаемую удивленными взглядами прохожих, дополнял Коплон, лаявший вперемежку с велосипедным звонком. Ребята во весь голос распевали:

На кораблях ходил, бывало,
в плаванье,
В чужих морях бродил я много дней...

Вскоре велосипед не выдержал нагрузки — с шипением лопнула шина заднего колеса. Велосипед качнулся и упал. Больше всех смеялся сам хозяин, Василь.

Ребята подошли к калитке, остановились в нерешительности.

— Слушайте, а может, завтра зайдем? — сказал Василь.

— Да что вы, пацаны, я же все продумал. Ну, поможем старику, а главное — на орешину слазаем, — настаивал Ильхам.

— Может, я здесь постою... — спросил Али.

— Зачем? — удивился Ильхам.

— Да так... На всякий случай...

— Струсил, да? Ну-ка пошли! Не съест он тебя.

Ребята вошли во двор. Первым делом посмотрели на орешину. Там никого не было, хотя лестница стояла у дерева.

— Хамракул-бува! — окликнул старика Ильхам. Тишина. Заглянул в комнату. Старика не было. — Хамракул-бува!..

— Спрятался? — всерьез спросил Василь, оглядывая двор.

— Чего ему от нас прятаться? — Ильхам посмотрел на орешину. — Ну что, полезем?

— Ильхам... Отдам я тебе велик... Ну её в баню, эту змею... — скривился Василь.

— Да дело не в велике! Просто надо разобрататься... Кто первый? — Ильхам оглядел друзей. Василь молчал.

— Я... — К орешине направился Эргаш. Ильхам двинулся за ним, по дороге прихватил длинную палку. У самой лестницы он обогнал Эргаша и полез наверх.

Василь и Али остались внизу.

У дупла Ильхам остановился. Переглянулся с Эргашем. Сунул палку в дупло. Ничего страшного не последовало. Он бро-

сил палку в дупло и облегченно вздохнул.
— Нет там никого....

Эргаш заглянул в черную дыру, крикнул. Отозвалось тупое эхо.

— Пусто. — Эргаш полез выше, на помост, позвал друзей: — Лезьте сюда. Не бойтесь... Здесь что-то есть!..

Ребята поднялись на сколоченный из досок помост в первой развилке дерева. Снизу он был почти незаметен, а с него открывался отличный вид. Ребята с интересом оглядывались.

Помост был старый — некоторые доски словно вросли в кору орешины, вернее — кора оплыла вокруг досок. В углу чернело что-то круглое, напоминающее штурвал корабля. Ильхам подошел, раздвинул ветки, тронул колесо. Оно протяжно скрипнуло.

— От арбы, что ли? — спросил Василь. — Зачем оно здесь? Какие-то проволочки...

— Смотрите, что я нашел! — воскликнул Али.

Он вертел в руках самодельный проржавленный бинокль, изготовленный из жести. Приложил его к глазам.

— Классная работа!

Ильхам больше всего интересовало колесо. Он крутил его вправо и влево, пытаясь понять его назначение.

Эргаш протер одну из досок и обнаружил надпись, вырезанную ножом: «Пиримкул и Азим. 1940 год».

В поле зрения бинокля, который уже держал Василь, попала улица, и Василь увидел старика, направляющегося к своей калитке.

— Попались! Хамракул идет! — испугался Василь. — Тихо!

Ребята съезжались. Сверху хорошо было видно, как старик вошел во двор, направился к сараю и через секунду вышел с ведром. Оно было тяжелое, и старик останавливался через каждые пять шагов. Поставил ведро у лестницы, погладил ствол, сел у подножия и затих.

— Молится, — шепнул Ильхам.

— Нет, так не молятся... — ответил шепотом Эргаш.

Хамракул встал и, подняв ведро, полез вверх. Он переводил дыхание на каждой ступеньке лестницы, и ребята, стараясь не шуметь, успели влезть еще выше и спрятались в листве.

Старик добрался до дупла и высыпал содержимое ведра. Это был песок. Обыкновенный желтый сухой песок. Старик тяжело дышал, опершись о доски помоста.

Али еле сдерживался, чтобы не чихнуть. А Василь на всякий случай зажимал ему рот ладонью, так что у того глаза вылезли из орбит. И все-таки Али не выдержал и чихнул. Старик удивленно поднял голову, увидел сандалию Али. Василь, Эргаш и Эльхам торопливо влезли еще выше, в листву.

— Ие! — заморгал Хамракул. — Ты чего здесь?... — И старик подергал Али за ногу.

Али, брошенный друзьями на произвол судьбы да еще оставшись с глазу на глаз со стариком, вдруг разревелся.

— Что с тобой, малыш? — ничего не понимая, успокаивал его Хамракул. — Ты что плачешь?

Он поднялся к Али и присел рядом. Погладил по голове, что вызвало новую волну рева.

— Что случилось? — допытывался Хамракул.

— Они... Там... Змея... — бессвязно говорил Али сквозь всхлипы.

— Ничего не пойму... Ну-ка успокойся и объясни.

— Я домой хочу-у-у, — взывал Али в ответ.

...Ребята сидели вокруг старика, а тот все никак не мог унять смех.

— Со змеей разговариваю? — переспрашивал он и вытирал слезящиеся от смеха глаза. — Кормлю её? Кто же это вам такое наболтал? Ой, уморили старика!..

— А зачем вы песок туда? — спросил Ильхам.

— Песок? — Так это, чтобы орешина не умерла раньше времени... Сухой промытый песок плюс всякие лекарства... Засыплю, а сверху пробкой заткну. И простоит она еще сто лет.

Ребята переглянулись.

— А это... колесо?... Там, наверху? — спросил Ильхам.

Хамракул как-то сразу сник, перестал смеяться. Опустил голову. Потом обнял Али и тихо проговорил:

— Это сына моего штаб...

— Штаб?! — удивились ребята.

— Ну да. Он там все играл... Пиримкулом его звали...

Хамракул-бува вынес из дома дряхлый потрепанный портфель, сшитый из грубой ткани. Вытащил из него какие-то старые тетради, книги.

Ильхам взял одну из книг. Аркадий Гайдар. «Тимур и его команда». Стал перелистывать. На одном рисунке был изображен штаб Тимура. С сигнальным колесом-штурвалом, тонкими проводами и звонками. За штурвалом стоял сам гайдаровский герой Тимур. Ильхам оглянулся на орешину. И почудилось ему, что где-то вдали пропела звонкая труба.

...Али, уже окончательно освоившийся, потянулся к вазе с конфетами. Эргаш стукнул его по руке.

— Это что же за порядки такие? — засмеялся старик. — Бери, малыш, не стесняйся.

Хамракул разломил лепешки, налил чай.

— А ну-ка решите загадку... — Он дал каждому по плоду, напоминавшему по форме яблоко. — Что это?

Ребята осторожно надкусили.

— Груша, что ли? — засомневался Эргаш.

— Яблоко! — заявил Василь.

— А пахнет ананасом... — недоумевал Ильхам.

Старик хитро улыбнулся. Али съел странный плод вместе с косточками, облизнулся и уверенно сказал:

— Это простая яблוגруша!

— Молодец, малыш! Ставлю тебе пятерку! Но кроме яблока «Сары-синап» и груши «Любимица Клаппа», в этом плоде есть немного и айвы. Это называется — межвидовая гибридизация!

Работа подходила к концу. Ильхам складывал нарезанные ветви-подпорки. Али подметал остатки удобрений. Василь мыл кетмень, а Эргаш и Хамракул-бува кончали окапывать кусты.

— Ну молодцы! — улыбался старик. — Ну спасибо! Не знаю, как вас отблагодарить...

— Давайте, мы вам дувал подремонтируем. А то совсем развалился. До вечера запросто сделаем! — предложил Эргаш, вдохновленный работой.

— Нет, на сегодня хватит, наработались. У меня даже спина болит, — сказал старик.

Али задумчиво рассматривал необычный цветок в клумбе, потом вдруг сказал:

— Когда мама спорит с бабушкой, есть ли бог на небе, бабушка всегда говорит: «А кто красит редиску в красный цвет?» А правда, кто красит?..

Ильхам помогал Шахисте нарезать яблоки для сушки.

— Тетья, почему вы такая молодая, а Азим-ака... ну, пожилой.

Шахиста вздохнула, помолчала, разрежала яблоко пополам и с отвращением выбросила его в мусор. Яблоко было червивое.

— Так получилось, — улыбнулась она. — А Азим-ака не такой уж и пожилой...

Во двор вошел Азим, в руках — полные сетки.

— Привет молодому строителю коммунизма! — весело сказал он.

— Здравствуйте, Азим-ака.

— Трудисься? Молодец! Труд облагораживает человека, — похлопал Ильхама по плечу Азим. — Что-то я вам принес!

Он вручил по свертку Шахисте и Ильхаму, прошел в дом.

Ильхам развернул сверток и ахнул. В аккуратной коробочке лежал маленький транзистор. Ильхам включил его. Раздался бравурный марш.

Шахиста примеривала новый платок — по голубому полю были рассыпаны белые ослепительные ромашки. Он был ей к лицу.

Вышел улыбающийся Азим. Ильхам подбежал к нему, поцеловал.

— Спасибо, дядя!..

— Спасибо, Азим-ака, — улыбнулась Шахиста. — Только по какому случаю?

— По случаю хорошего настроения, — рассмеялся Азим. — Неужели нельзя делать подарки просто так? Ну что, побоксируем?

Ильхам принял стойку. Гремела музыка. Шахиста накрывала на стол и наблюдала за мужем и племянником.

— Ты что ж, мардикером стал? — Азим шлепнул Ильхама по носу.

— А? — не понял Ильхам и провел удар по корпусу.

— Да вот, говорят, в чужих огородах копаешься... — Еще удар.

— У старика, что ли? — Ответный удар.

— У него, у него. — Серия ударов.

— Так я же тимуровец.

— Да? А я и не знал. — Азим поймал руку Ильхама. — Ну хватит... По-моему, я тебе говорил, чтобы ты не связывался с этим ненормальным. И ты обещал мне. Обещал?

— Обещал...

— А обещания надо выполнять. — Азим улыбнулся. — Закон для мужчины — держать слово. Вот отец обещал тебе писать — и пожалуйста!..

С этими словами он вытащил из кармана конверт. Ильхам потянулся к нему, но Азим ловко спрятал его за спину.

— Потанцуй! — смеялся он. — Попляши...

Ильхам убрал руку.

— Ну, давай, тра-ля-ля... Танцуй!..

— Не хочу. — Ильхам отвернулся.

Азим пожал плечами и положил письмо на стол. А когда Ильхам взял письмо и убежал, он закурил, повертел в руках новый транзистор. Подошел к клетке с попугаем. Птица глупо смотрела на Азима.

— Опять замолчал, скотина заморская! — неожиданно злым голосом обругал её Азим.

Сегодня Ильхам был главным инженером. Он давал указания своим подчиненным и сам участвовал в работе. А работа кипела вовсю. Эргаш дробил карбид на мелкие кусочки, Василь мастерил из материи узкий мешочек, Али помогал Ильхаму строить дамбу.

Ильхам изредка вытаскивал из кармана помятый конверт, вынимал письмо и в который раз вчитывался в строки:

«...Коротко о событиях последней недели. Я уже писал, что попытка увести реку в другое русло не увенчалась успехом. Хотя одновременно строились в самом спешном порядке два отводных канала, вода по-прежнему прибывает. Но эти усилия все-таки не были напрасными. Подъем воды немного уменьшился...»

— Вот так сойдет? — спросил Василь.

— Нормально, — оглядев мешочек, ответил Ильхам.

«...На экстренном совещании приняли наш проект. Он заключается в следующем: мощным, точно направленным взрывом прорвать скалу левее от плотины и направить воду в безопасное русло. Его сейчас днем и ночью готовят механизаторы. В нашем проекте есть доля риска. Взрыв должен быть точным до метра. Иначе от сотрясения может обвалиться сама плотина. Сейчас пробиваем шурфы. Грунт очень тяжелый. Используем алмазные буры. Предстоит заложить почти тонну взрывчатки. Вся работа на высоте. Нам помогают альпинисты. Я и сам немного освоил этот вид спорта...»

— Готово! — сказал Эргаш, засыпав карбид в мешочек.

Ильхам готовил «шурф» для взрывчатки — пробивал в глинистом берегу наклонную щель.

— Налей в бутылку воды, только немного, — скомандовал он, и Али поспешно выполнил приказ.

Ильхам просунул мешочек в бутылку изпод шампанского, привязал его к горлышку, заткнул пробку и замотал ее крепко проволокой.

— Смотрите, — разъяснил он ребятам. — Когда я переверну бутылку и вставлю ее в шурф, вода намочит карбит. Будет реакция, газа выделится — ого-го! Бутылку враз разорвет, и... — Ильхам показал руками, какой взрыв сейчас произойдет.

Ребята с нетерпением следили за тем, как Ильхам перевернул бутылку и вставил ее в «шурф».

— Ложись! — крикнул Ильхам и сам упал за камни.

Томительно тянулось ожидание. Али в испуге зажмурил глаза и заткнул пальцами уши. Василь незаметно надел на голову пробковый шлем Ильхама, валявшийся поблизости.

— ...четыре, три, два, один! — прошептал Ильхам.

Тишина и молчание...

И наконец тихое, но внятное — «Пук!».

Первым рассмеялся Василь. Прямо-таки расхохотался. Поднялся, хватаясь за живот, бросил шлем.

— Ой, рассмешил! Взрывник! Направленный взрыв! Пук, и больше ничего! Ха-ха-ха!

Эргаш и Али тоже веселились. Только Ильхам молчал и хмуро смотрел на друзей. Вытащил расколотую бутылку, оглядел ее. Зло распотрошил мешочек.

— У меня младший братишка каждый день так взрывается — пук! — смеялся Василь.

— Да хотите, я вам такой взрыв замакарю, ахнете!

— Уже замакарил! Направленный!

— Ищите банку! — зло сказал Ильхам. — Железную.

Али притащил пустую консервную банку.

Ильхам с остервенением разгреб землю, накидал в яму оставшийся карбид, накрыл сверху банкой. Василь и Эргаш равнодушно смотрели за ним.

— Газету! Сухую!

Али раздобыл рваную газету. Ильхам обложил банку камнями, сверху навалил большой булыжник.

— Воду!

Али принес воды в доньшке расколотой бутылки.

Ильхам присыпал все это землей и налил воду в отверстие банки. Заложил глиной.

— Ложиться будем? — усмехнувшись, спросил Василь.

Дрожащими руками Ильхам поджег газетный шнур. И тут на тропе показалась знакомая девочка с белолобым бычком.

— Ассалом алейкум! — пискнула она.

— А ну-ка марш отсюда! — закричал Ильхам и, схватив одной рукой ухо бычка, а другой — руку девочки, торопливо отвел их подалее в сторону, добавив бычку на прощание пинок. Сделал он это так серьезно, что ребята поспешили укрыться за камнями.

Газета горела быстро, но жгут был длинный.

— Сейчас, сейчас... — приговаривал Ильхам, облизывая пересохшие губы.

Вдруг ребята услышали пение. Кто-то еще невидимый шел в их сторону и напевал.

— Пулат-ака... — простонал Ильхам.

И в самом деле через секунду из-за куста вышел Пулат. Тропинка, по которой он шел, вела прямо к месту взрыва. Он шел медленно, останавливаясь на каждом шагу и пересчитывая денежные купюры в толстенькой пачке. Увлеченный своим занятием, он не замечал горящего жгута.

Ильхам рванулся было навстречу, но Василь удержал его:

— Пройдет, — шепнул он. — Успеет...

Пулат остановился у самого жгута и, видимо, почувствовал у своих ног жар. Смешно отдернул ногу.

— Что это? — сказал он вслух.

В ответ раздался оглушительный взрыв. Устройство сработало. Комья глины, камни, злосчастная банка — все взлетело в воздух!

Пулат закричал страшным голосом и, споткнувшись о камень, растянулся на земле. Деньги выпали из рук, и, подхваченные ветром, стали разлетаться. Пулат хватал их, ползая по земле, как ящерица. Прыгал, накрывая их своим круглым животом. Поиманные бумажки он запихивал за пазуху, в карманы...

Ребята бежали без оглядки, через кусты, чужие огороды, с невероятной легкостью перепрыгивали через дувалы.

— А ты ничего... — хвалил на ходу Ильхама Василь. — Классенький взрыв получился! Направленный!

Он прыснул со смеху.

— Да ну вас! — отмахнулся Ильхам. — У меня там целый пакет этого карбида! Спрятать надо!...

...Ильхам вбежал во двор.

— Ты чего так запыхался? — спросила его Шахиста.

— Да так... Купались... — уклончиво ответил Ильхам, глядя краем глаза на пакет, стоявший под айваном.

Шахиста зашла в кладовку. Ильхам бросился к пакету с карбидом. Сунул его за пазуху.

— Ты что это за живот держишься? — услышал он за спиной. — Что, живот болит?

— Ага, так болит, прямо крутит! — обрадовался Ильхам такому выходу из положения.

И он побежал в сторону туалета. Оглянулся. Шахиста улыбнулась и прошла в дом. Ильхам забежал в кабинку и сунул пакет на полку. Облегченно вздохнул. Одернул рубашку и степенно вышел.

— Так быстро? — спросила Шахиста.

Ильхам стоял на помосте в развилке орешины и ремонтировал штурвал. Что-то подбивал молотком, что-то подкручивал, протер тряпкой, залил ось керосином. Попробовал покрутить. Нормально. Отошел от колеса, огляделся.

Под ним белели крыши кишлачных домов с выючимися на ветру дымками, стояли близкие горы. Ильхам придумывал письмо отцу:

«...Помнишь, я писал тебе об одном старике, которого ребята считали колдуном? Конечно, он никакой не колдун. Он очень хороший. Только у него никого нет. Совсем никого. Вот у меня есть ты, папа. А он совсем один. У него был сын. Его убили на войне. Село, где его похоронили, называется Ясные Ключи. Мы решили написать письмо в Ясные Ключи, в школу. Попросим ребят разузнать все о Пиримкуле Сааткулове, сыне старика.

Хамракулу-буве кажется, что сын его жив и что он все-таки вернется. При нас он такой веселый, смеется. А один раз я его видел, он плакал и что-то бормотал, будто с сыном разговаривал. Я испугался тогда здорово, а потом понял, почему некоторые считают его сумасшедшим. Но он не сумасшедший...».

— Ильхам, слезай! — крикнул снизу Василь. — Смотри, что мы нашли!

Али перелистывал старый, потрепанный альбом, на обложке была наклейка: «Ученика школы № 5 имени Коминтерна Сааткулова П. Х.». На одном из пожелтевших листов была нарисована смешная детская рожица с торчащими ушами, а внизу большими буквами было написано: «Мой друг Азим Азизханов». Маленький Азим улыбался и показывал язык, а за спиной росло большое дерево, очень похожее на старую орешину.

Али открыл следующую страницу. На ней были нарисованы голубые розы. К ребятам подошел Хамракул-бува.

— Что это, дедушка? — спросил Али.

— Это Пиримкул нарисовал, когда ему было лет десять.

— А почему они голубые? — спросил Али.

— В том-то и дело... — оживился старик. — Когда я у него спросил, почему розы голубые, он мне сказал: так красиво. Но таких роз не бывает, говорю я ему. А он мне: не бывает, так будет! Сам, говорит, выращу. Вот так... Не успел он... А у меня, старика, времени во-о-он сколько! Уже лет восемь бьюсь над этим сортом. Что-то вроде получается, скоро должен раскрыться первый бутон... Первая голубая роза...

— Мне папа рассказывал — в Японии есть обычай, — сказал Ильхам, — там устраивают дни любования. Например, день любования веткой сакуры или день любования цветущим персиком.

— В Японии? А разве ты не любишь цветы? — улыбнулся Хамракул. — Я не знаю человека, который мог бы равнодушно пройти мимо цветущей яблони или урюка. Человек всегда тянется к красоте, будь то в Японии или в нашем Узбекистане. Человек не может жить без красоты! Кстати, голубую розу я вырашиваю из черенка, присланного мне из Болгарии, славные там розы.

— Да, но у японцев это праздник...

— И мы устроим праздник, — сказал Али. — День любования Голубой розой Хамракула-бувы!

— Тогда уж — день любования Голубой розой Пиримкула! Ведь это он придумал ее... — сказал Эргаш.

Когда Ильхам открыл калитку, Азим, пожевывая, готовился ко сну, Шахиста гладила бельё.

— Что ж так поздно? Мы волнуемся, — с упреком сказала она.

— Не ругай его, — потянулся Азим. — Пусть гуляет на здоровье. Знаешь, как у мальчишек, — самое интересное начинается, когда уже надо лежать в постели. По себе знаю. В кино, наверное, ходили или через забор лазили, а? — улыбался Азим.—

А может, в войну играли? Пах, пах, пах, ты убит!... А?

— Я был у старика Хамракула, — сказал Ильхам.

— Что? — Азим остановился в дверях. Обернулся.

— У Хамракула-бувы, — повторил Ильхам.

Повисла долгая пауза. Азим подошел к столу, закурил. Поднял глаза. Тяжелый взгляд. Ильхам выдержал его с трудом.

— Ты что, специально? — выпустив струю дыма, спросил Азим. — Мог ведь и не говорить... Соврать...

— Зачем? — Ильхам стоял неподвижно.

— Ильхам... — начала было Шахиста.

— Не вмешивайся, — перебил Азим. — Зачем, говоришь? Затем, что я запретил тебе якшаться с этим сумасшедшим стариком!

— Я буду ходить к нему, — твердо сказал Ильхам.

— Не будешь!

— Буду!

— Ты в чьем доме находишься, сопляк?! — грохнул Азим кулаком по столу. — Ты с кем разговариваешь?!

Шахиста обняла Ильхама за плечи и повела в дом.

— Не отвечай ему... — шептала она Ильхаму. — Прошу тебя, Ильхам-жон...

— Завтра будешь сидеть дома! — кричал вслед Азим. — Ишь ты, герой!

— Молчи... — шептала Шахиста.

— Вот плоды того, что ребенок растет без матери! Грубиян! Неблагодарный мальчишка!

— Ар-р-ра! — закричал попугай, заглушив крик Азима.

Василь вовсю крутил педали. Велосипед мчался вдоль берега, догоняя ребят, плывших по арыку. Не сходя с велосипеда, Василь крикнул:

— Э-э-эй! Ильхам! Скорее!

Ребята оглянулись.

— Там про этот обвал показывают! Про Оксай! — кричал Василь.

...Мокрые ребята влетели в чайхану. За-всегдашней чайханы с удивлением уставились на шумную компанию, укоризненно качая головами. Чайханщик преградил им путь.

— Что здесь? пляж?

— Там про его отца показывают! — крикнул Эргаш.

— Пустите! — потребовал Али.

Чайханщик уступил.

Натягивая на ходу брюки и рубашки, ребята бегут к телевизору, стоящему в углу. На экране мелькают кадры захватывающей погони: мчатся лошади, гремят выстрелы... Василь решительно щелкает переключателем.

На экране возникает лицо седого солидного человека. Он стоит с микрофоном в руке. Позади него, на узкой площадке над водой — весь штаб аварийно-спасательных работ. Здесь несколько палаток, передвижная радиостанция, машины и трактора. За широким дощатым столом склонились над картой несколько человек.

— Как председатель правительственной комиссии, — говорит седой, — могу сказать: была проведена действительно большая работа. Все мы чувствовали, какая ответственность лежит на наших плечах и делали все возможное. В результате подготовлен проект, который можно считать уникальным... От имени правительства, от себя лично хочу сказать спасибо всем, кто принимал участие в этой работе, — строителям, механикам, шоферам, инженерам.

Корреспондент берет микрофон:

— Антон Сергеевич, несколько слов по поводу предстоящего взрыва.

— Уверен, на сто процентов. А впрочем, спросите об этом товарища Исмаилова. Он, можно сказать, автор будущего взрыва и лучше все объяснит.

— Слово вам, Карим Исмаилович, — корреспондент протянул микрофон плотному человеку в кожанке. Тот поднял голову.

— Папка! — не сдержался Ильхам.

Посетители чайханы сгрудились у телевизора.

— Что я могу сказать? — неловко улыбнулся Исмаилов. — Мы думаем, что все будет нормально. Хотя не скрою, риск есть... Коротко о взрыве. Вы видите перед собой, — он обернулся к скалистой гряде, — тот участок, который больше всего подходит для осуществления проекта. Направленным взрывом будет уничтожена эта скала, и вода пойдет в безопасное русло. Причем сток воды можно будет регулировать, и таким образом отпадет угроза внезапных наводнений.

Лицо Исмаилова заметно осунулось. Ильхам смотрел на отца и беззвучно повторял за ним каждое слово.

— Подготовительные работы закончены. — Карим взглянул на часы. — Через две минуты взрыв. Так что затыкайте уши ватой... — Он улыбнулся.

Теперь камера показывала широкую панораму. Хорошо было видно огромное мутное глинистое озеро и плотина из нагроможденных друг на друга бесформенных скал.

— Внимание! — раздался голос председателя правительственной комиссии, и над горами взлетела первая ракета.

— Приготовиться!

В небе рассыпалась вторая ракета.

— Давай!

Мощный взрыв потряс землю. Пламя рванулось из скал, словно из пасти сказочного чудовища. Полетели вверх каменные обломки, ключья земли, клубы пыли. С опозданием донесся гром взрыва.

По узкому, быстро наполнявшемуся каналу вода вырвалась из озера. Вот она с разбегу ударилась о скалы, свернула и крепнущим водопадом обрушилась в старое русло. Мутная, злая, уже бессильная струя.

Взлетели вверх шапки. Люди кричали что-то, обнимались, палили из ракетниц. Вот среди других лиц мелькнуло лицо Карима. Он успел где-то перепачкаться, но был счастлив. Он тоже что-то кричал, размахивал руками...

— Ура! — неистовствовали мальчишки в чайхане.

Старики и чайханщик оживленно переговаривались, кивали и улыбались.

— Качать Ильхама! — крикнул Василь.

По улице, весь набычившись, шел Азим. Шел какой-то неестественно-быстрой, злой походкой, не отвечая на приветствия встречаемых.

— Что это с ним? — удивился чайханщик, протиравший пиалы. — Эй, Азим-ака!...

Азим словно и не слышал.

— Сняли его... — прихлебывая чай, сказал молодой парень — шофер. — Допрыгался!

— Легко ты о людях судишь. «Допрыгался», — вмешался почтальон. — Там этот Пулат шустрил.

— Говорите уж прямо: воровал.

— Ну да... Воровал. А при чем тут Азим?

— А при том, что пока Пулат делишки свои обделывал, ваш уважаемый Азизханов ушами хлопал. Вот и прохлопал должность.

— Должность ладно... — покачал головой чайханщик. — Другую дадут. А вот людям в глаза смотреть ему теперь и правда трудно будет...

...Возле дома Азизхановых чей-то черный баран мирно пощипывал придорожную травку. Завидев Азима, баран без видимых причин испуганно шархнулся в сторону. Азим рванул на себя калитку.

— Что с вами? — с тревогой спросила Шахиста.

Муж не удостоил ее ответом, прошел на террасу и вдруг с размаху бросил портфель в угол.

— Азим-ака...

— Что Азим-ака? Что?! Нету больше Азим-аки! Понятно?!

Азим кричал так, что певшие перепелки разом смолкли, а попугай, наоборот, невнятно закудахтав, запрыгал по клетке. Азим стоял на террасе, как на сцене. Раз-

махивая руками и насильно улыбаясь, куражился:

— Был и нету! Фють, и пропал! Сняли, сняли Азизханова! Смешно? Я теперь свободный человек! Как птичка!...

— Объясните...

— Чего тут объяснять — сняли!

Азим выдохся и присел на тахту.

— Этот Пулат. Ну подлец!... Как можно в людях ошибиться! — Азим говорил уже тихо, почти шепотом. — По четырем статьям под суд пойдет, воруа!...

— Говорили вам...

— Что говорили? У меня все нормально! — Он махнул рукой.

В калитке показались Коплон и Ильхам. Азим хмуρο взглянул на племянника, промолчал в ответ на его «Здравствуйте».

— Коплон! — крикнул он. — К ноге!

Коплон с опаской подошел к хозяину. Опустив голову, словно подставив шею для удара.

— Ты где ходишь, сукин сын? — Азим наклонился за плетью.

Коплон, почувствовав в голосе Азима не добрые нотки, заскулил тихонько.

— По дворам чужим шляешься? — И Азим замахнулся плетью.

— Не трогайте его! Он со мной был! — закричал Ильхам.

Азим словно ждал этой просьбы. Плеть со свистом опустилась на спину безвинного пса, он взвизгнул и прыгнул в сторону. Ильхам бросился к дяде.

— Не бейте!

— К ноге! — приказал Азим, словно не замечая Ильхама.

— Вы... вы... — Ильхам задохнулся от гнева.

А Азим, уже поглаживая подошедшую собаку, приговаривал, улыбаясь:

— Вот так, слушаться надо... Хорошо, Коплон. Хорошо. Голос!

Коплон жалко гавкнул и замолчал, заглядывая в глаза Азима.

— Не вмешивайся, когда с собакой разговариваю, — сказал Азим холодно Ильхаму. — В Ташкенте будешь кричать... Рас-

пустили вас всех! — Он взял со стола кусок сахара и бросил Коплону, пес отвернулся. — Взять!

Коплон повиновался.

Азим переоделся и направился в сторону туалета. Шахиста подошла к Ильхаму, хотела приласкать, но Ильхам отвернулся и склонился над Коплоном.

Дверь кабинки с треском захлопнулась и тут же снова распахнулась, появился Азим.

— Что это? — спросил он, потрясая пакетом, который Ильхам спрятал несколько дней назад. — Откуда здесь эта гадость?

— Это не гадость, это карбид, — не поднимая головы ответил Ильхам.

— Безобразие! — скривился Азим. — Нашел, чем играть! Сегодня же напишу отцу, чем ты тут занимаешься!

Он демонстративно швырнул пакет в дыру в полу и захлопнул дверь.

Шахиста вдруг выронила из рук поднятый только что портфель, а Ильхам слетел со стула — раздался взрыв. Крышу и дверь кабинки сорвало и оттуда повалил дым.

Вылетел Азим с искаженным от ужаса лицом.

— Ложись! — заорал он и, увлекая за собой Шахисту и Ильхама, повалился на мягкие кустики райхона.

— Твоих рук дело! Твоих! — пытаюсь схватить Ильхама за ухо, твердил Азим.

— Да вы же сами! — Ильхам вскочил с земли чуть не плача. — Сами бросили его...

Коплон истерично лаял, а попугай с криком заметался в своей клетке, так что она сорвалась с крючка.

Во двор потянулись встревоженные взрывом соседи.

— Что случилось? — перебивая друг друга, спрашивали они. — Странно...

— Милицию бы надо вызвать, пусть выяснит, что к чему...

— Не надо беспокоить органы... — холодно отрезал Азим.

— Что с миром творится! — всплескивала руками самая бойкая соседка. — Сегодня собственные уборные взлетают на воз-

дух, а завтра, смотришь, и земля разверзнется...

— Да, да... — зацокали языками соседки.

Коплон скулил, а попугай все кричал. Азим подбежал к нему и, схватив клетку, направился к кладовке. Бросил в темноту очумевшую птицу и захлопнул дверь.

— Арра, арра!... — донесся из кладовки приглушенный крик.

Коплон тоскливо взвыл. Азим в отчаянии заткнул ладонями уши, но и это не помогло. Он услышал, как та же соседка сочувственно сказала:

— Надо же так человека довести, а?

— Заткнитесь! — закричал Азим и побежал в дом.

Ночью Ильхама разбудил голос дяди.

Он ходил по айвану, как тигр в клетке, и жадно курил.

— Я же мог умереть! — шептал он так громко, что было слышно каждое слово.— Я же мог умереть!..

Шахиста сидела на краю кровати, на плечи был накинут платок. Видно, не спали уже давно.

— Все же обошлось... — сказала Шахиста.

— Обошлось? — закричал Азим. — А я тебя об этом разве спрашиваю?!

— Зачем же вы меня разбудили?..

— А-а-а! И разбудить вас нельзя?! О, шахиня! Я ее разбудил, потревожил! Муж чуть не отправился на тот свет, а ее и разбудить нельзя!

— Ложитесь-ка, Азим-ака... Вам надо успокоиться...

— Не успокаивай меня! — размахивал руками Азим. — Не надо мне твоего сочувствия!.. Я знаю! Я стар стал для тебя! Я не слепой, вижу, как ты в последнее время на меня смотришь. Я все замечаю! А ты на себя посмотри, кто ты такая! Кто из тебя человека сделал? Кто тебя одел, обул, накормил! Вспомни, с чем ты пришла в мой дом — два одеяла да полтора пла-

тья. А теперь нос от меня воротить? Нет теперь Азима? Пропал?

Азим замолчал вдруг, сел на приступочку, закрыл лицо руками и замотал головой, словно пьяный. Шахиста подошла, присела рядом.

— Ну что ж, если ты заговорил о долге, дай сказать и мне... — начала она негромко. — Мы давно разучились разговаривать, чаще молчали. Но рано или поздно все-таки надо говорить... Ты в своих бедах готов весь мир винить, себя почему-то жертвой считаешь. А ведь об этом проходимце Пуллате тебя предупреждали. И я, и другие... Ты слушал, соглашался, а делать ничего не делал. Почему? Да потому, что привык... по течению плыть. Как получится, так и получится. Авось пронесет. Извини, Азим, но уж очень ты трудностей и неприятностей избегаешь, легко хочешь прожить. А результат? Мягкость твоя оборачивается бессердечием, а доброта — злом.

Азим смотрел на жену широко открытыми глазами, таких слов он от нее не ждал.

— Вспомни историю с Хамракулом, — продолжала Шахиста.— Знаю, неприятно это вспоминать, но сегодня надо. Ведь именно Хамракула называл ты своим отцом...

Азим медленно поднимался со ступеньки лестницы, глаза сузила ненависть, скулы заострились.

— Замолчи!.. Убью!.. — выдохнул он зло.

Шахиста отмахнулась:

— Прекрати истерику...

— И-и-и!.. — взвизгнул Азим.

И Ильхам увидел, как рука Азима схватила плетку, ту самую, которой недавно он бил Коплона. Одним прыжком мальчик очутился на айване. Вцепился в руку Азима с такой силой, что тот взревел от боли и выпустил плеть.

— Щенок! — вскрикнул Азим и откинул Ильхама, тот отлетел к стойке крыльца и больно ударился.

— Азим! — закричала Шахиста. — Не тронь!

Она подскочила к Ильхаму:

— Ильхам! Ильхам-жон... Азим, ну помоги же!..

Ильхам вырвался из ее рук. Он был сейчас похож на злого зверька.

— Гад! — закричал он.

— Ильхам!!!

Ильхам бросился в темноту ночи, к калитке. Коплон побежал за ним.

...Ильхам бежал по темной улице, размазывая по лицу слезы, что-то шептал, всхлипывая. Ветви деревьев, как лапы страшных зверей, тянулись со всех сторон.

Он выбежал на площадь. Она была пуста. Только бродячие псы залаяли на Коплона и скрылись.

У автобусной остановки долго изучал расписание. Взгляд упал на афишу, болтающуюся на ветру, — «День дельфина». Ильхам горько усмехнулся.

Уже светало, когда Шахиста наконец нашла племянника. Он спал на скамейке у автобусной остановки, подобрал под себя ноги, обняв Коплона. Утренний холодок заставлял мальчика и собаку жаться друг к другу.

Шахиста, еле переводя дыхание, тихо позвала:

— Ильхам...

Коплон повизгивал, но со скамейки не соскакивал. Шахиста присела рядом, накинула на голые плечи Ильхама куртку, позвала громче:

— Ильхам...

Ильхам открыл глаза и тут же отвернулся..

— Ильхам-жон, мальчик... — гладила его Шахиста. — Пойдем домой, холодно...

Ильхам молчал и убирал голову от ее ласк.

— Азим-ака очень жалеет, что так получилось. — Идем, Ильхам... Я прошу тебя.

— Никуда я не пойду, — сказал Ильхам.

— Ты что же, здесь жить собираешься?

— Уеду я... Первым автобусом! — Он

вскочил. — И вы уезжайте! Как вы можете жить с ним?

— Ильхам... — Шахиста взяла его за руку. — Ильхам, пойми. Именно сейчас я не могу этого сделать. Бросить человека в такую минуту нельзя... Ты должен это понять... — Она улыбнулась сквозь слезы. — Знаешь, я надеюсь, что у нас все изменится... Я так надеюсь!

Шахиста задумалась, глядя на освещенные утренним солнцем верхушки деревьев.

— Он ведь был совсем другой... — продолжала она тихо. — Я еще девочкой была, когда он с фронта вернулся в Тиникбулок. Веселый, красивый... Поселился у Хамракула-бувы. Они с его сыном Пиримкулом большими друзьями были. И он стал старику как сын...

— А потом? — нетерпеливо спросил Ильхам.

— Что потом? Ты о Хамракуле? — Она вздохнула, зябко повела плечами. — Скверная история вышла тогда. Я-то знаю, Азим до сих пор простить этого себе не может, а вслух признаться боится. Был у него дружок, вылитый Пулат, только он начальником Азима был. Дрянной человек. Уговорил он Азима к Хамракулу пойти подписать какую-то бумагу. В то время Хамракул был членом поселкового совета. Поплелся Азим-ака к старику. Так, мол, и так, подпишите, просит... Только Хамракул-бува из другого теста леплен. Отказал наотрез да обругал Азима как следует. А Азиму нет, чтобы уйти, прощение у старика попросить... Он, чтобы начальнику угодить, возьми да и ляпни: «Именем вашего сына, друга моего, памятью его прошу...». И как язык повернулся! Ударил его тогда Хамракул... Со двора выгнал... А сам слег. Всю зиму хворал, думали, что помрет. С тех пор и заговариваться стал...

— Поэтому Азим так не любит Хамракула-буву?

— Не то, что не любит, — вздохнула Шахиста. — Понимаешь, для Азима Хамракул-бува — как совесть. А от совести куда уйдешь?..

Подкатил первый утренний автобус.

— До Ташкента? — спросил Ильхам.

— До него... — ответил, зевая, водитель. — Только туда тебя не пустят...

— Почему? — растерялся Ильхам.

— А потому что в Ташкенте босых не принимают! — хохотнул водитель, довольный своей шуткой.

Ильхам оглядел себя — трусы, майка и больше ничего.

Понуро пошел он рядом с Шахистой.

— До свидания, — сказал он к удивлению Шахисты, когда они поровнялись с калиткой старика. — Я здесь останусь.

— Ильхам!

— До свидания, Шахиста-апа. Всего вам доброго...

И Ильхам скрылся за старой резной калиткой.

Эргаш, Василь и Али стояли у крыльца почты и щелкали семечки. У каждого в руках было по кругляшу подсолнуха. Ловчее всех выходило у Василя — он закидывал семечки в рот особым способом, как-то сбоку. Шелуха гирляндой свисала с губ. Али пытался подражать ему, но не получалось.

На площадь выехал грузовик. Он слегка притормозил, и с подножки прыгнул Карим Исмаилов. Был он в темных очках, в рабочей куртке, через плечо перекинут баул. Оглядел площадь. Подошел к старушке, продававшей кумыс. Та налила ему полную пиалу, и он с наслаждением стал пить.

— Смотри! — сказал Эргаш. — Это же отец Ильхама...

Василь пригляделся, прищурил глаза.

— Да нет...

— Да это он! Протри глаза! — настаивал Эргаш.

— А правда, похож... — сказал Али.

— Да не он! — Василь стряхнул шелуху. — Чего он, на какой-то там попутке приедет?..

— Спорим?

— Спорим! Пошли спросим.

Ребята подошли к Кариму, который допивал вторую пиалу.

— Дядя, вы Карим Исмаилов? — спросил Василь.

Карим удивленно посмотрел на мальчишек. Снял темные очки.

— Точно... — сказал он и, догадавшись, кто перед ним стоит, улыбнулся: — А тебя зовут Василь.

Василь заморгал глазами, удивившись в свою очередь.

— А вот тебя зовут Али, а тебя... Забыл.

— Эргаш, — подсказал Али.

— Точно, Эргаш! — улыбнулся Карим. — Будем знакомы.

— Как это вы? — спросил недоумевая Али.

— А вот так! — Карим надел очки. — У меня очки волшебные. Через них все видно. Могу даже сказать, что ты в сентябре в первый класс пойдешь, правильно?

Али кивнул.

— Вы Ильхама ищете? — спросил Эргаш.

— Его... У вас, я вижу, тоже есть волшебные очки?

— Он здесь... — Эргаш кивнул в сторону почты. — Вам звонит, в Ташкент...

Все вошли в помещение почты. В кабинке спиной к залу стоял Ильхам. Даже через стекло было слышно, как он кричал:

— Алло, алло, тетенька, ну еще немного... Может, возьмут трубку...

Карим подошел к телефонистке, попросил шепотом:

— Девушка, дайте на минутку трубку.

— Взрослый человек, а какис-то шутки... — недовольно пробурчала телефонистка, но трубку все же дала.

Карим, прикрывшись ладонью, сказал:

— Алло! Исмаилов слушает.

— Папа! — завопил Ильхам в будке. — Алло, папа, ты что же так долго не подходил?

— Да я на кухне был... Не слышал. — сдерживая улыбку, сказал Карим. — Как дела, Ильхам?

— Нормально, пап! Когда ты приехал?
 — Вчера вечером.
 — Папа, а я... мы с ребятами тебя по телевизору видели! И взрывы, и все, все... — тараторил Ильхам.

— Ильхам, — остановил его Қарим, — а про наше путешествие ты не забыл?

— Нет, конечно...

— Так вот, на субботу я взял билеты на самолет. Так что выезжай.

— На субботу? — Ильхам замешкался. — Папа, я в субботу не могу...

— Как так?

— У нас в субботу — день любования голубой розой. Помнишь, я писал тебе про Хамракула-буву? Вот у него...

— Постой, постой... — удивился Қарим. — Ты что, совсем отказываешься ехать?

— Да нет, что ты! — закричал Ильхам. — Просто в субботу такой день, понимаешь? А потом... Мы с ребятами обязательно должны дождаться ответа из Ясных Ключей. Давай отложим, а, пап?

Қарим помолчал, посмотрел на ребят, лица у них были серьезные.

— Что же ты молчишь, папа?

— Ну, ладно... Столько ждали и еще подождем. Правда?

— Конечно, пап! — обрадовался Ильхам. — Ты приезжай сюда... У нас будет интересно!

— Хорошо, приеду. Хоть сейчас.

— Когда — сейчас? — удивился Ильхам.

— Ну прямо сию минуту! Хочешь?

— Да ну тебя, шутишь... — обиделся Ильхам.

— Почему шучу? Считаю — раз...

— Ну, раз...

— Два!

— Ну, два...

— Три!

Қарим подошел к кабинке и постучал в стекло.

Ильхам обернулся

Ильхам сидел с отцом у костра. Небо еще краснело на западе, кричали вечерние

птицы, в траве звенели цикады. Коплон лежал, неотрывно глядя на пламя.

Молчали. Қарим набил трубку, прикурил от тлеющей ветки.

— Ну что мне сказать... Я считаю, ты прав, Ильхам. Ты становишься мужчиной. И я рад... — Он обнял сына.

Коплон наострил уши, зарычал, но тут же смолк, вильнув хвостом. Из темноты вышли ребята. В руках у Эргаша была охапка хвороста, а Василь придерживал что-то за пазухой.

— Всю ночь собираетесь здесь сидеть? — засмеялся Қарим.

— А что? — Василь стал закапывать в горячий пепел картошку. — И поужинаем здесь же... Что человеку надо? Еда есть, вода — рядом... — Он махнул в сторону родника, поблескивающего в темноте.

— А знаете, откуда этот родник взялся? — спросил Али, загадочно поглядывая на друзей.

— Из-под земли, наверное...

— Не, я не об этом... — замялся Али.

— Ну, ну, расскажи, — заинтересовался Қарим.

— Только пусть они не перебивают... Ну вот... Давным-давно... — начал Али.

— Когда тебя еще не было... — продолжал Василь.

— Сказали, не перебивай! — Эргаш хмуро посмотрел на Василия.

— Тогда даже Хамракула-бувы не было... — Али вздохнул. — Очень давно. Была война. Долгая-предолгая... Такая долгая, что люди забыли, почему они воюют. Воюют и воюют... Ну в общем, привыкли к войне... А вода в реках от крови стала прямо красной. И никто этому даже не удивлялся... Вот... Сошлись как-то на этом самом поле два войска. Одно — вот здесь, а другое, во-о-он там, где трактор стоит. Готовятся к битве, сабли точат... И вдруг прямо посередке вода из-под земли потекла! Такая чистая! Ну, они ее попили — жарко, наверное, было — и вспомнили, что вода должна быть прозрачной, чистой, если не воевать... Спрятали они свои луки и

сабли и пошли домой. Ну, а родник с тех пор так и течет... Тиник-булок...

— Вот не ожидал от тебя, что ты так заливать умеешь! — восхищенно воскликнул Василь.

— А что, интересно! — сказал Эргаш. — Сам придумал?

— Нет, это мне Хамракул-бува рассказывал... Что ты смеешься? Он в миллион раз больше тебя знает!

Во двор старика Хамракула входили гости.

Карим помогал ребятам расставлять стулья у огороженного веревкой куста роз, стелить дастархан, раздувать старенький медный самовар.

Хамракул в новом чапане и тубетейке, помолодевший, встречал гостей у калитки.

— Добро пожаловать, гости дорогие! — говорил он с улыбкой. — О, даже наш уважаемый Касым пришел! Проходи, проходи...

— Вот, посылка тебе... — почтальон Касым держал в руках небольшой фанерный ящичек.

Взять посылку Хамракул не успел — подняв голову, он столкнулся взглядом с вошедшим во двор Азимом Азизхановым. Тот стоял у калитки, не решаясь идти дальше. Только руки выдавали его волнение, они бесцельно одергивали рубаху, не находя покоя.

Веки Хамракула дрогнули, и он не обращаясь ни к кому сказал:

— Ну что же вы, проходите... Проходите все... А посылку, Касым, положи туда, потом разберемся.

Ильхам взял в руки ящичек, оставленный почтальоном, прочитал обратный адрес: «Ясные Ключи».

— Эргаш, Василь! Смотрите, из Ясных Ключей!

— Хамракул-бува! — позвал Эргаш старика. — Давайте, сейчас откроем.

Хамракул пожал плечами, махнул рукой: «Открывайте»...

Ильхам аккуратно вскрыл ящик, откинул крышку.

— Земля... — недоуменно сказал Али. — Какая черная!..

...У куста с нераскрывшимися еще бутонами сидел Хамракул. Сидел, опустив голову, перебирая старыми узловатыми руками черную, какую-то нездешнюю землю. Эргаш читал:

«Он погиб героической смертью, освобождая наше родное село Ясные Ключи. Первого мая тысяча девятьсот сорок четвертого года подразделение, которым командовал Пиримкул Хамракулович Сааткулов, первым ворвалось на улицы нашего села. В бою старший сержант Сааткулов был смертельно ранен. Похоронен 3 мая 1944 года в братской могиле. Дорогой Хамракул Сааткулов, дорогие ребята, мы с удивлением узнали, что название вашего кишлака — Тиник-булок означает то же самое, что и Ясные Ключи. Мы с гордостью считаем Пиримкула Сааткулова нашим земляком, уроженцем нашего села. Клянемся, что имя его навсегда сохранится в наших сердцах. Посылаем вам фотографию и землю с могилы вашего сына и нашего земляка — Пиримкула Сааткулова. С пионерским приветом. Ваши односельчане — ясноключанцы».

Ильхам взял из рук Василя фотографию. На скромной, маленькой плите была выбита звезда и среди десятка других имен было написано: «Пиримкул Сааткулов. 1926.26.III — 1944.3.V.».

Хамракул тяжело встал. Провел рукой по глазам. Подошел к кусту роз. Зачерпнул горсть черной земли из ящика и рассыпал ее под кустом. Посмотрел на старую орешину. Ветер прошелся по листе, закачал ветви...

Тишину нарушил тонюсенький голосок девочки:

— Ассалом алейкум! А где здесь голубая роза?

Она стояла у калитки рядом со своим неразлучным другом — белолобым бычком

и удивленно смотрела на грустных, молчаливых людей.

Первым улыбнулся Хамракул. Потом все задвигались, заулыбались, пропуская девочку вперед. Она остановилась у куста.

— Смотрите, смотрите! Распускается! — закричала она. — Голубая роза!

Медленно распускались лепестки голубой розы. Люди с изумлением смотрели на совершающееся на глазах чудо. Вот она раскрылась полностью. Утренняя роса покрывала лепестки невиданного цветка — Голубой розы Пиримкула.

Ильхам тронул отца за руку.

— Папа, — тихо сказал, — только ты не смейся, я понимаю, что задам тебе сейчас глупый вопрос... Но скажи, кто красит редиску в красный цвет?

Карим улыбнулся и, наклонившись к самому уху Ильхама, прошептал:

— Земля!...

— Земля, — повторил Ильхам.

— И вода, — добавил отец.

— Из Тиник-булока, — догадался Ильхам.

— Да. Из Ясного Ключа. Из всех на свете ясных ключей.

Главный редактор В. СЫТИН

Редакционная коллегия:

*О. АГИШЕВ, С. АНТОНОВ, Е. ГАБРИЛОВИЧ, С. ЖГЕНТИ,
В. СОЛОВЬЕВ, В. ТРУНИН, С. ЮТКЕВИЧ*

АЛЬМАНАХ «КИНОСЦЕНАРИИ»

ГОСКИНО СССР, МОСКВА, 1977 г.

Редакторы Е. Клейнер, О. Горбачева

Художник В. Медведев

Техн. редактор Н. Рюрикова

Корректор Т. Покровская

Мл. редактор М. Сергиенко

Подписано к печати 18/IV-77 г.	А10482	Формат 70 × 90 ^{1/16} .	
Печ. л. 18,0.	Усл. печ. л. 21,06.	Уч.-изд. л. 24,42	Тираж 50000 экз.
Заказ № 71. Цена 1 р. 30 к. Всесоюзное объединение «Союзинформкино» Госкино СССР.			

Набрано в Московской типографии № 13 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
107005, Москва, В-5, Денисовский пер., д. 30.

Отпечатано на Чеховском полиграфкомбинате г. Чехов Московской обл. Зак. 356

ПОПРАВКА

По вине полиграфического комбината на стр. 125 ошибочно поставлена та же фотография, что и на стр. 153. Приносим свои извинения читателям.

КИНОСЦЕНАРИИ

АЛЬМАНАХ

